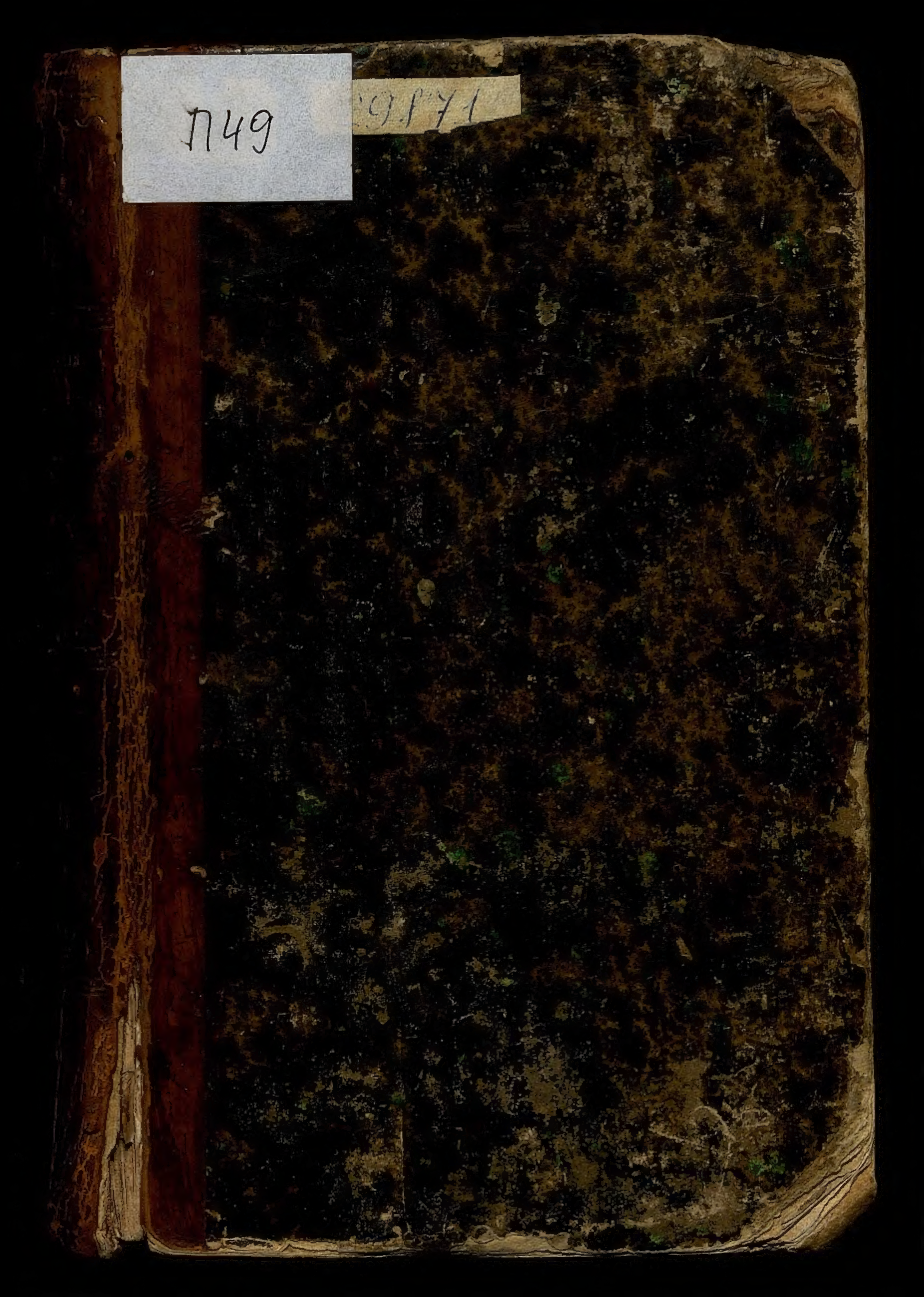
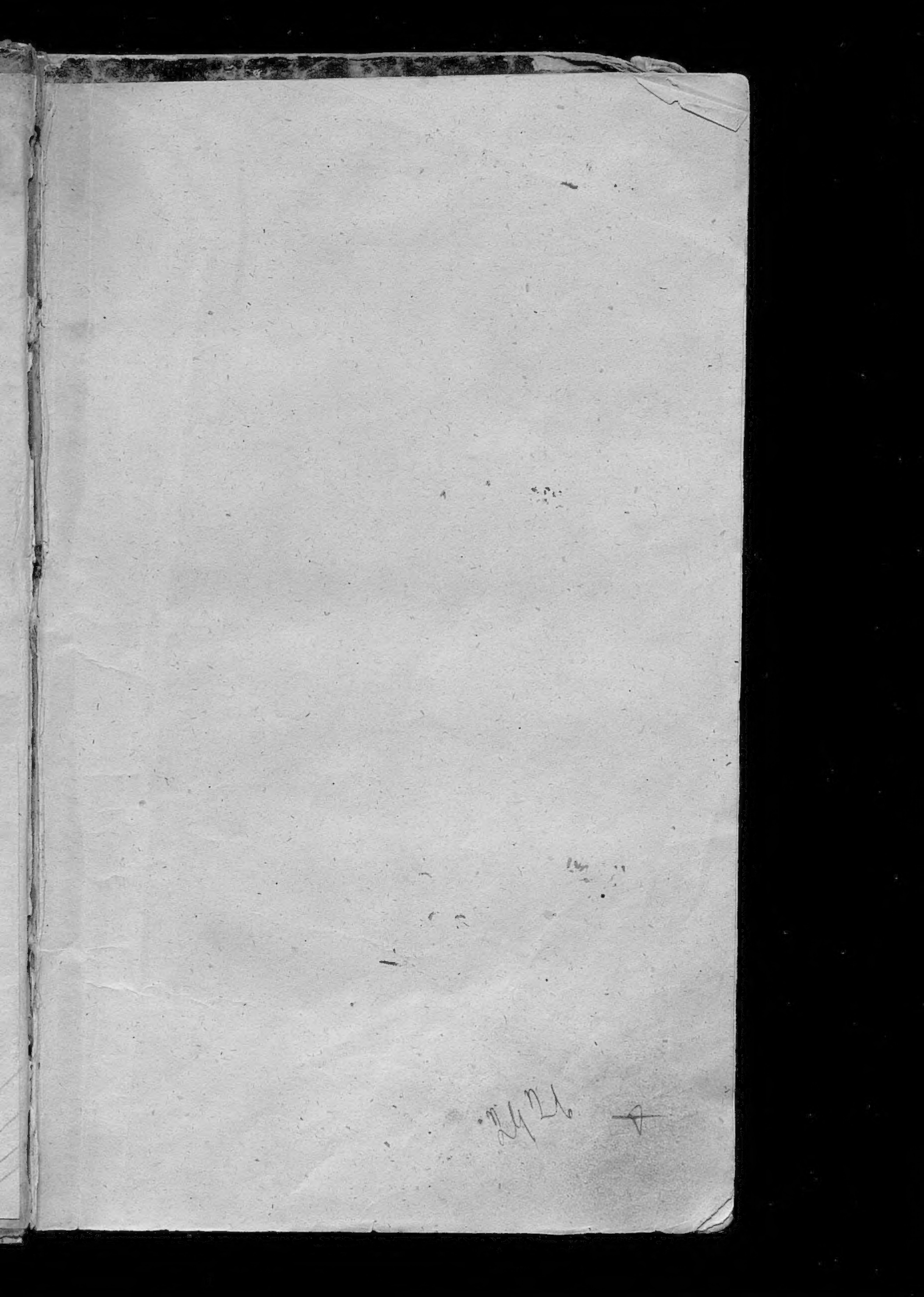
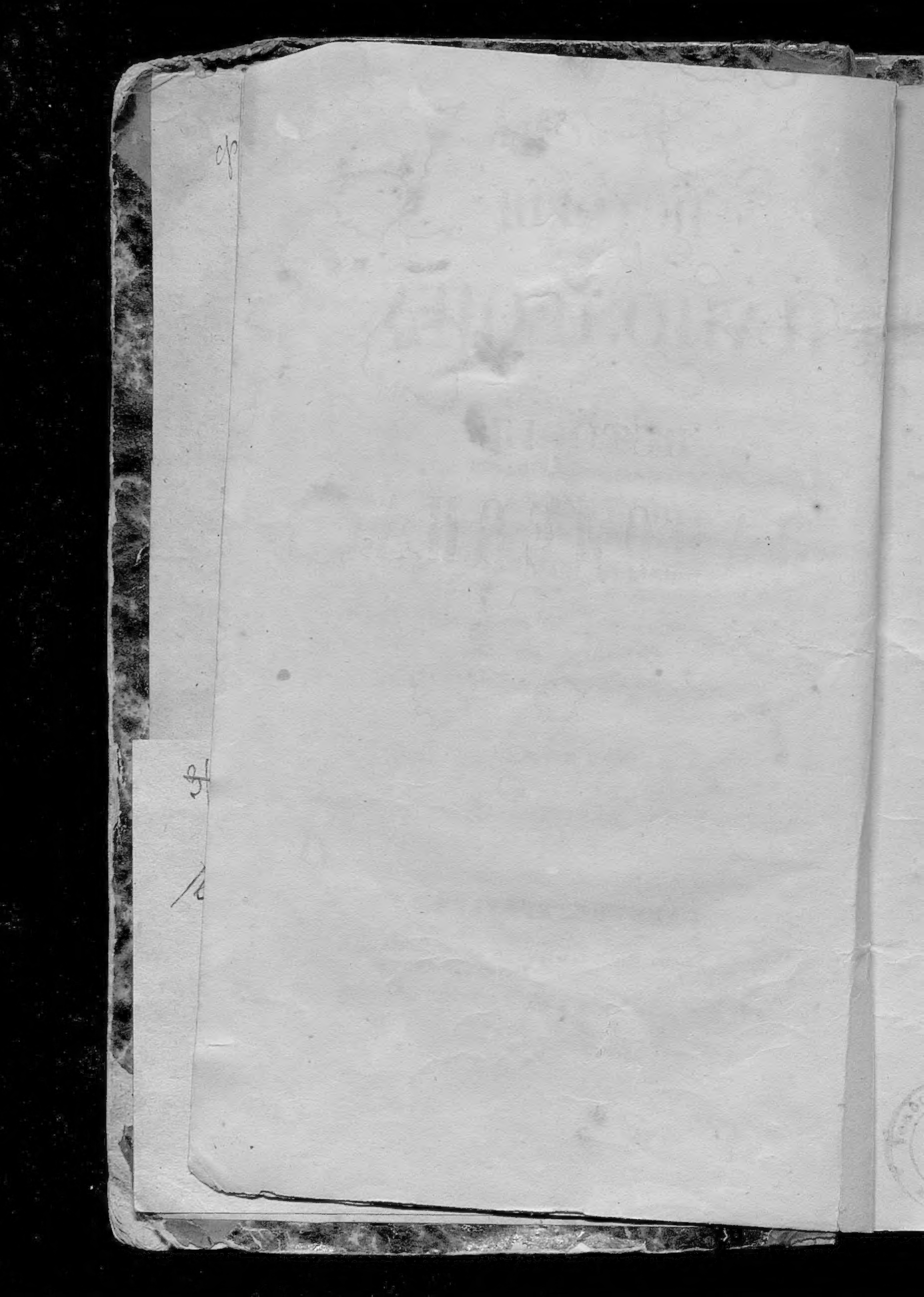

П49
29871



ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА.

I.



ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 Іюля 1844.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

Никогда Исторія не представляла событій по объему, сущности и послѣдствіямъ достопамятныхъ болѣе тѣхъ, какія представила она въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка. Всѣ сіи событія заключаются въ двухъ словахъ: *Революція, Наполеонъ,* словахъ величины безмѣрной.

Франція, одно изъ великихъ государствъ Европейскихъ, древнее, могущественное, просвѣщенное, явило позорище неслыханнаго переворота. Пламя пожара, обхватившее его въ концѣ XVIII-го вѣка, хлынуло на другія государства Европы. Потрясенныя въ основаніи, они думали угасить пожаръ, и уступили изступленному порыву преобразованій, возставшему противъ общественнаго порядка, законовъ, преданій, вѣрованій Европы. Среди кровавыхъ битвъ, политическихъ волненій и гражданскаго смятенія явился человѣкъ, дотолѣ безвѣстный. Мощною рукою смирилъ онъ

силу преобразователей, и подчинилъ ихъ своей неукротимой волѣ. Европа видѣла въ немъ примирителя, но онъ простеръ скипетръ самовластія на Европу, низпровергалъ и воздвигалъ троны—мечталъ о всесвѣтномъ обладаніи. Тогда послѣднимъ, крѣпкимъ союзомъ возстали противъ него цари и народы. Послѣ борьбы, поколебавшей всѣ предѣлы міра, стихла Франція, и — исполинъ палъ. Новый порядокъ обществъ, новая исторія Европейская начались съ паденіемъ «человѣка судебъ». Дивный жребій сужденъ былъ ему: рожденный на скалахъ полудикой Корсики, онъ умеръ на знойныхъ утесахъ острова св. Елены — бѣдный сирота въ дѣтствѣ, счастливый солдатъ, великій полководецъ въ юности, гордый самовластитель, мудрый законодатель въ лѣтахъ опыта, и изгнанникъ Европы — человѣкъ заживо видѣвшій потомство, еще не достигнувъ старости. Повѣсть объ немъ при жизни его перешла въ преданіе. На гробѣ его смолкли всѣ страсти, забыта ненависть— осталось одно: память генія. И все совершилось въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. И свидѣтели неслыханныхъ дотолѣ рѣшеній судьбы, мы едва вѣримъ нынѣ тому, что совершалось въ глазахъ нашихъ!

Таковы были событія, названныя *Французскою революціею,* приготовившія величіе и паденіе Наполеона. Таковы были *жизнь и дѣла Наполеона.*

Жизнь Наполеона должно писать, «или въ ста томахъ, или въ одномъ томѣ,» какъ говорилъ онъ объ исторіи Франціи. Надобно разсказывать подробно все, что приготовило Наполеона, что совершилъ онъ, что слѣдовало изъ дѣлъ его, или немногими рѣзкими линіями очертить исполинскій образъ его, и въ нихъ разгадать посланника провидѣнія, государя, полководца и человѣка. Не имѣя ни силъ, ни средствъ на исторію въ первомъ, обширномъ объемѣ, беремъ ее во второмъ, ограниченномъ размѣрѣ.

Не здѣсь рѣшать вопросъ о томъ, настало ли время писать исторію Наполеона. Настало, думаемъ мы, и болѣе нежели для кого либо другаго. Наполеонъ, его жизнь, его побѣды, его орлы, его потомство, кончили разсчетъ съ современниками. Все исполнено, все сказано, все открыто, все рѣшено на судилищѣ потомства. Если Исторія еще не говоритъ чего либо, самое молчаніе ея лучше словъ. Наполеонъ, его товарищи, враги, друзья — всѣ отдали намъ свой отчетъ. Народы Европы

сказали свою мысль. Среди ихъ мнѣній не слышно только голоса Рускихъ. Осмѣлимся подать его, и если онъ не будетъ краснорѣчивъ, какъ другіе, смѣемъ думать, что онъ будетъ безпристрастнѣе всѣхъ другихъ. Мы сражались съ Наполеономъ, были имъ побѣждаемы, и честнымъ боемъ побѣдили его. Наше самобытное, отдѣльное отъ всѣхъ другихъ Европейцовъ образованіе освобождаетъ насъ отъ страстей и крамолъ старой Европы. Смѣло скажемъ мы, что принадлежало въ Наполеонѣ генію безсмертному, и что было въ немъ удѣломъ человѣка временнаго: «мертвіи срама не имутъ.» Позоръ тому, кто прахъ человѣка великаго подвергаетъ своекорыстному порицанію, или безславитъ его пристрастною похвалою!

Исторія, предлагаемая читателямъ, была плодомъ чтенія долговременнаго и размышленія многихъ лѣтъ. Мы пользовались при составленіи ея Французскими, Англійскими, Нѣмецкими и отечественными источниками, столь многочисленными, что насъ болѣе затрудняло обиліе ихъ, нежели недостатокъ. Необходимымъ почли мы предварительное историческое обозрѣніе, гдѣ изложена исторія Европы, приготовившая событія во Франціи

съ 1789 года, и исторія событій во Франціи съ сего времени. Онѣ введеніе въ исторію Наполеона. Сужденіе о трудѣ нашемъ принадлежитъ не намъ. Наше дѣло кончено.

Н. П.

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ СОБЫТІЙ
ВЪ
ЕВРОПѢ И ФРАНЦІИ
съ 1789 до 1793 г.

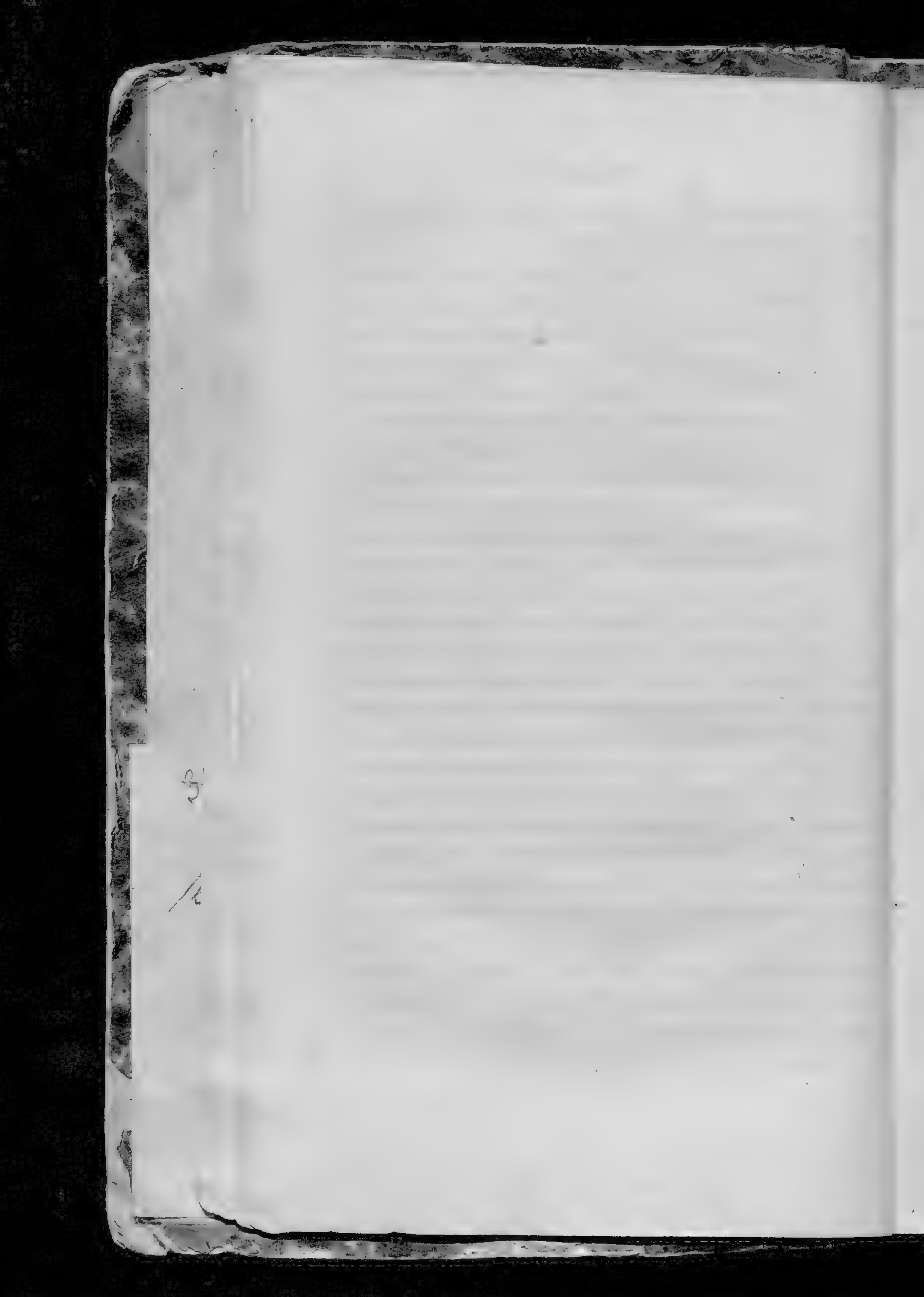
Тамъ, въ предвѣщающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обветшалы.
Въ дремотѣ, преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сонъ считали за покой,
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Къ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,
Лишь къ наслажденіямъ одной минуты жадны,
Подъ наклоненную престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами,
И первый лилій тронъ у Галловъ надъ главами,
Разгрянулся въ куски, и — вспыхнулъ какъ волканъ! . .

Жуковскій

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Историческое обозрѣніе событій въ Европѣ и Франціи съ 1789-го до 1793 года.

Исторія Наполеона.



Глубоко въ вѣкахъ сокрыты были причины переворота, начавшагося во Франціи съ 1789 года. Онѣ готовились столѣтіями и обнимали весь міръ.

Полтора вѣка, протекшіе со временъ Тридцатилѣтней войны и Вестфальскаго мира до 1789 года, были временемъ уравненія политическихъ могуществъ Европы. Они измѣнили все, созданное событіями, имъ предшествовавшими, низвели съ высоты величія однихъ дѣятелей, возвели на нее другихъ, вывели на дѣло Европейской жизни новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ. Слыша прежнія имена, близорукая политика мечтала о несбыточномъ равновѣсіи Европы, и не понимала, что отъ прежняго оставались только имена и идеи

безъ жизни. Человѣчество прожило все бытіе, какое дали ему въ теченіе двухъ предшествовавшихъ вѣковъ (съ половины XV-го до половины XVII-го) борьба ѳеократіи, монархіи, феодализма, время явленія людей великихъ, дѣлъ міровыхъ, бурь живительныхъ, ибо только въ буряхъ обновляется человѣкъ, и заимствованною изъ нихъ жизнью живетъ до новыхъ бурь.

Что видимъ, если разсматривать политическое состояніе Европы въ 1789 году, соображая только внѣшнюю сторону Европейской общественности?

Первымъ среди Европейскихъ царствъ являлась *Австрійская* монархія. Вѣнчая главу короною Карла Великаго, съ титуломъ императора «священной Римской и Германской имперіи,» повелитель Австріи казался властителемъ Германіи и первымъ среди другихъ монарховъ Европы. Ему повиновались государи, составлявшіе «Германскій союзъ,» смиренно преклоняя колѣно при его коронованіи, волею его призываемые къ суду имперскому, обязанные вооружаться по его повелѣнію.

Другимъ изъ великихъ Европейскихъ государствъ была *Франція,* сильная нравственнымъ вліяніемъ на Европейскую общественность, отличенная мужествомъ обитателей, преданностью ихъ къ своему государю, чувствомъ народнаго честолюбія, просвѣщеніемъ и образованностью.

Третье великое царство была *Великобританія,* безопасная отъ вторженія непріятелей своимъ счастливымъ географическимъ положеніемъ на двухъ

островахъ, огражденная многочисленнымъ флотомъ, обогащенная всесвѣтною торговлею, обширною промышленностью, крѣпкая самобытностью, дѣятельностью народа, и самымъ образомъ правленія.

Иберійскій полуостровъ занимали: *Португалія*, еще не забывшая времени, когда владѣла она морями и Индіею, и *Испанія*, столь недавно рѣшитель судебъ Европы, властитель Германской имперіи, Нидерландовъ, Португаліи и Италіи. Она лишилась своего владычества надъ Европою, но казалась тѣмъ прочнѣе укрѣпленною въ своихъ предѣлахъ, владѣя безмѣрными землями и богатствами Америки.

Часть *Италіи*, отчизны властителей древняго міра, была подчинена владычеству Германскаго императора. Въ остальной части ея вмѣщались обломки Европы Среднихъ временъ — ѳеократическое государство *Папы*, съ угасшими громами Ватикана, двѣ республики, *Генуя* и *Венеція*, нѣсколько монархическихъ владѣній, изъ коихъ главными были *Савоія* (Сардинское) и *Неаполь* (Обѣихъ Сицилій королевство).

Юго-востокомъ Европы владѣло царство *Оттомановъ*, государство Азійскихъ ордъ, вторгнувшихся въ Европу, и саблею поработившихъ себѣ развалины древней Греціи и столицу Константина Великаго. Европа уступила имъ мѣсто послѣ тщетной борьбы съ изувѣрствомъ исламизма.

Сѣверо-востокъ Европы облегала обширная имперія *Россійская*, придвинутая къ Европѣ геніемъ одного изъ царей ея, но еще не вполнѣ принадле-

*

жавшая Европѣ. Распростертая въ лѣса Сибири и льды сѣвера, она отдѣлялась отъ Европы *Польшею*, страною рыцарей Европейскихъ, но еще болѣе своимъ особеннымъ образованіемъ, смѣсью Европы и Востока, языкомъ, вѣрою, правами, обычаями.

Два сѣверные полуострова Европы, Ютландскій и Скандинавскій, занимали два одноплеменныя, хотя и враждебныя между собою царства, *Данія*, обладавшая Норвегіею, и *Швеція*, нѣкогда сильная своимъ мечемъ, но тогда замкнутая въ скалы Финляндскія и Скандинавскія.

Между Даніею, Франціею и Германіею находилась республика *Нидерландская*, мужественно отстоявшая свою свободу отъ превозмогавшей силы Испаніи, и образовавшая государство, сильное флотомъ и торговлею, но подавляемое могуществомъ Великобританіи. Другую республику, между Франціею, Италіею и Германіею, составляла *Швейцарія*, горная страна, обитаемая добродушными пастухами, и суровыми воителями, свергнувшими иго Германское въ XVI-мъ вѣкѣ.

Такъ въ концѣ XVIII вѣка распредѣлялись Европейскія народности, составившія государства; другіе народы Европейскіе были поглощены ими. Австрія, представитель католической Германіи, заключила въ себѣ Венгрію, Славянскія земли и Фландрію. Великобританія обладала Шотландіею и Ирландіею. Рѣзкими чертами дѣлилось религіозное и общественное образованіе Латинское, Германское и Британское.

Къ первому принадлежали Португалія, Испанія, Италія, Франція, къ второму Германія, Нидерланды, Данія и Швеція. Католичество было отличіемъ однихъ, Реформація другихъ. Но если всего ярче отличались отъ Европы образованія Россіи и Турціи — одной, какъ свѣтлаго утра Сѣвера, другой, какъ темнаго вечера Востока, множество разнообразныхъ отношеній скрывалось также подъ однообразною, по видимому, общественностью другихъ Европейскихъ государствъ, и глубоко подрыты и потрясены были основанія каждаго изъ нихъ. Едва наружно держались ветхія зданія, созданныя политикою и войнами Европейцовъ въ теченіе трехъ предшествовавшихъ вѣковъ, съ половины XV-го столѣтія.

Не только система мнимаго равновѣсія Европы безпрестанно была нарушаема междоусобіями Европейскихъ государствъ, но нѣсколько всеобщихъ событій разрушили всю прежнюю политическую іерархію Европы.

Такими событіями были войны Людовика XIV, спачала передавшія ему преобладаніе въ Европейской политикѣ, потомъ унизившія Францію. При его преемникѣ ничтожный предлогъ выбора королей въ Польшѣ всколебалъ Европу новыми бурями. Завѣщаніе императора Карла VI-го, утвердившаго императорскую корону дочери своей, было сопровождаемо кровопролитіемъ нѣсколькихъ лѣтъ. Едва прошло послѣ того десять лѣтъ, и союзъ государей противъ Фридриха, короля Прусскаго, началъ гибельную Семи-

лѣтнюю войну. Въ послѣдніе годы жизни Фридриха едва не возмутила всей Европы война за Баварское наслѣдство.

Исчисляемъ дѣла, имѣвшія важныя, всеобщія послѣдствія. Если за ними не слѣдовали значительныя измѣненія предѣловъ разныхъ государствъ, тѣмъ не менѣе они измѣняли всѣ политическія отношенія. Слѣдствіемъ ихъ были дѣятельное участіе Англіи въ дѣлахъ Европейскаго материка, разрушеніе Германскаго союза при вліяніи Людовика XIV, и потомъ Пруссіи, ослабленіе силъ Императора, истощеніе силъ Франціи, политическое ничтожество Испаніи и Португаліи, явленіе Пруссіи, какъ государства самобытнаго — странное явленіе: курфирстъ Германіи, призываемый къ суду Имперскому, когда, съ двумя стами тысячь войска, онъ, какъ король Пруссіи, рѣшалъ великіе вопросы Европейской политики.

Не менѣе значительны были частныя событія въ разныхъ государствахъ. Главнымъ былъ переворотъ въ Англіи, возведшій на престолъ Великобританскій династію Голландскую, потомъ Ганноверскую, чѣмъ тѣсно соединились дѣла Европейскаго материка съ Англіею, ибо король Англійскій оставался притомъ курфирстомъ Германскимъ, какъ властитель Ганновера, подобно королю Прусскому, бывшему курфирстомъ Бранденбургскимъ. Другое событіе было постепенное сближеніе Россіи съ Европою. Слѣдствіемъ двадцатилѣтней сѣверной войны явилось преобладаніе Россіи надъ судьбою Швеціи и Польши. Россія от-

няла у Оттомановъ берега Чернаго моря, участіемъ своимъ рѣшила войну за наслѣдство Германскою имперіею, едва не погубила Пруссіи, и потомъ спасла ее отъ гибели участіемъ въ Семилѣтней войнѣ, и безъ войны совершила первый раздѣлъ Польскаго королевства съ Австріею и Пруссіею. Обладаніе Индіею и Америкою было рѣшаемо войнами въ Европѣ. Допустивши усиленіе Англичанъ въ Индіи, Франція поддерживала возстаніе сѣверной Англійской Америки и утвердила образованіе независимой республики Американскихъ Штатовъ, когда событія Европейскія лишали Нидерланды власти надъ морями.

Разсматривая Европу послѣ исчисленія всѣхъ сихъ событій въ теченіе полутора вѣка, что видимъ въ ней?

Австрійская имперія, при великолѣпномъ титулѣ, была сильнымъ отдѣльнымъ государствомъ, у котораго первенство въ Германіи уже оспоривало Прусское королевство. Германскій союзъ и власть императорская существовали только по имени. Франція, послѣ честолюбивыхъ мечтаній Людовика XIV, и безразсуднаго правленія Людовика XV, не имѣла ни цѣли въ политикѣ, вовлеченная въ союзъ съ Австріею, ни средствъ поддержать свое вліяніе на Европу, обремененная долгами, лишенная флотовъ, даже утратившая воинскую честь свою въ Семилѣтнюю войну. Не менѣе Франціи была ослаблена Великобританія, если и казалась посредницею Европы и обладательницею морей. Неестественными усиліями куплено

было ея внѣшнее величіе. Португалія, Испанія, Турція, Швеція и Польша были полуразрушенныя зданія, игралище чуждой политики. Пруссія, послѣ смерти Фридриха Великаго, являлась грозною только по славѣ его и памяти его непобѣдимыхъ полковъ, но едва удерживалась на той степени, гдѣ поставилъ ее геній Фридриха. Швейцарію, Нидерланды, Итальянскія государства поддерживала робкая уклончивость въ чуждыхъ распряхъ, но воля другихъ была ихъ всегдашнею судьбою.

Важное обстоятельство заключалось въ томъ, что, со времени Вестфальскаго мира, всѣ войны были слѣдствіемъ не защиты государственной независимости той или другой земли, или религіозной свободы, но разсчетомъ эгоизма, даже личной непріязни властителей, либо министровъ ихъ. Чего хотѣлъ Людовикъ XIV, воевавшій за Испанское наслѣдство, безполезно для Франціи возведя на Испанскій престолъ внука своего? Излишнее чадолюбіе императора Карла VI, добродѣтель частнаго семьянина, было причиною войны за Прагматическую Санкцію, и какими жертвами не было искуплено утвержденіе на престолѣ Маріи Терезіи? Потомъ личная ненависть Маріи Терезіи противъ Фридриха рѣшила Семилѣтнюю войну; колкія насмѣшки его заставили принять въ ней участіе Людовика XV и Елисавету; желаніе сберечь свое родовое наслѣдіе въ Германіи, Ганноверъ, принудило воевать Георга II-го. Оскорбленная гордость Франціи вовлекла ее въ безполезную Сѣверо-

Американскую войну, вопреки всѣмъ разсчетамъ государственной мудрости.

Между тѣмъ всѣ сіи дѣла заставляли государей Европейскихъ умножать военныя силы, забывая о тягостныхъ средствахъ, коихъ они стоили. Сотни тысячь воиновъ выходили въ походъ и погибали въ битвахъ. Опустошительными поборами съ непріятельскихъ земель питались воинскія полчища. Раззореніе лежало на мѣстахъ безпрерывной войны. Сѣмяна раздора таились въ мирѣ, заключаемомъ только для собранія средствъ на новую войну, гдѣ надѣялись вознаградить потери, ибо при усовершенствованіи военнаго искуства одна битва могла рѣшать споръ, а хитрая дипломатика окончить остальное. Примѣры неожиданнаго возвышенія государствъ Европа видѣла въ Россіи и Пруссіи. Примѣры, какъ разрушаются царства, являли Турція и Польша.

Благодѣтельное усиленіе самодержавія, освободившее Европу отъ суевѣрной ѳеократіи и многоначалія Среднихъ временъ, повлекло свои необходимыя злоупотребленія. Оно возвышало духъ и силу каждаго государства, но уничтожая феодализмъ, рождало привиллегированныя званія, которымъ отдавали преимущества предъ другими званіями, требуя за то покорности ихъ. Блестящимъ великолѣпіемъ и раззорительною роскошью сіи званія образовали Дворы окрестъ каждаго монарха. Увлекаемые внѣшними событіями, властители Европейскіе не думали о благоразумномъ уравненіи правъ между сословіями, внутреннемъ усп-

ленія государствъ благоразумнымъ хозяйствомъ, укрѣпленіи законами, обогащеніи промышленностью и трудомъ народнымъ. Видя, какъ безмолвно становятся въ воинскіе ряды подданные, слыша лесть придворныхъ, и торжествуя побѣды, или мстя за пораженія, они почитали безмолвіе духа общественнаго за прочную тишину. Правило: «быть по прежнему» (statu quo), считалось государственною мудростью министра, какъ будто соблюденіе внѣшнихъ формъ могло замѣнить потерю внутренней сущности.

Духъ общественный, огражденный благами вещественной жизни, и охраненіемъ собственности каждаго гражданина властью монарха, совершалъ междутѣмъ свои переходы и претерпѣвалъ измѣненія, незамѣтныя политикамъ Европы.

Важные вопросы Реформаціи, и другихъ, слѣдовавшихъ за нею переворотовъ, отвлекли общественность отъ нѣги искуствъ, лелѣявшей ее нѣкогда. Разсѣявшійся мракъ суевѣрія и изувѣрства далъ возможность обратить вниманіе на умственное бытіе человѣка. Удаленіе отъ дѣятельности общественной жизни обратило на усиленіе частнаго благосостоянія торговлею и промышленностью. Бездѣйствіе политической мысли увлекло на науку, размышленіе, изслѣдованіе.

Что было слѣдствіемъ такого направленія духа общественнаго?

Пока поэзія, словесность, изящныя искуства оставались потѣхою государей и знатныхъ людей, укра-

шали чертоги ихъ, и унижались въ переднихъ вельможъ, созерцаніе устремилось на борьбу съ остатками ѳеократическихъ правъ, и уничтоженіе власти ихъ, затаившейся въ обществѣ. Суду совѣсти, который предъявляла ѳеократія, общество противопоставило судъ разума. Торговля и промышленность соединили въ частныя руки капиталы, и породили кредитъ—новую силу, дотолѣ не существовавшую, не уничтожаемую ни войнами, ни переворотами. Наука повела къ изысканіямъ, и открыла новыя силы въ мысли человѣческой, не покоряемой ни мечемъ, ни пушкою.

Взирая на всѣ сіи движенія общественнаго духа, какъ на занятія безвредныя, довольные тѣмъ, что они отвлекли общество отъ политики, правительства старались даже ободрять ихъ, надѣясь извлечь изъ нихъ свои выгоды, и сдѣлать ихъ орудіемъ своихъ замысловъ и предпріятій.

Такимъ образомъ общественность явилась дѣятелемъ, но только въ совершенно новыхъ отношеніяхъ. Усилія мыслителей явились орудіемъ, но что дѣлала его общественность? Куда устремились мыслители? Покровительствуемые закономъ, они ниспровергли послѣднія опоры ѳеократіи. Противопоставляя преграды изувѣрному Германскому католицизму, Фридрихъ Прусскій призывалъ ихъ къ своему Двору. Богатства частныхъ людей явили ихъ участниками въ финансовыхъ дѣлахъ государствъ и посредниками между государей. Торговые разсчеты купцовъ сдѣлались причинами политическихъ рѣшеній. Наука пріобрѣла

себѣ голосъ и права, повела Европейцовъ за моря для своихъ открытій, обратилась къ многообразнымъ приложеніямъ, совершенствуя военное искуство, наблюдая работы фабриканта и руководя дѣйствія заводчика.

Отселѣ былъ новый шагъ далѣе. Изслѣдованіе устремилось на всѣ предметы общественной жизни, все подвергло своему суду и испытанію, и наконецъ явилось желаніе во всемъ той реформы, какую общество совершило, сражаясь противъ власти и догмата ѳеократіи, и противъ правъ феодализма. Философія потребовала у человѣка отчета въ его религіи. Пока умозрѣніе Нѣмцовъ подвергало важнѣйшіе вопросы бытія отвлеченному разбору Германскаго ума, вольный умъ Англичанъ и Голландцовъ отвергъ всѣ вѣрованія по преданіямъ. Разрушая догматы религіозные, дѣятельность умственная не остановилась, и подвергла изслѣдованію основанія политическихъ началъ. Сужденію и изслѣдованію подвергнуты были различныя формы правительствъ, происхожденіе законовъ, права различныхъ званій, и въ явную противоположность поставлены были духъ и вещественственныя формы, право и фактъ. Противъ вѣры возстало безвѣріе, противъ устава власти идея независимости ума. Духъ реформы простерся даже на изящныя искуства: разрушали старое, не потому что убѣждались въ недостаткѣ его, но потому что искали новизны — хотѣли перемѣнъ.

Общество было сдвинуто съ основанія и бро-

шено въ бездну сомнѣній, требованій и мечтаній. Съ одной стороны движеніе умственное являлось тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать его. Смѣлый нововводитель, маркизъ Помбаль не побоялся духа реформы въ дряхлой, фанатической Португаліи. Философъ Вико, юристъ Беккаріа, поэтъ Альфіери, осмѣлились возвысить голосъ въ Италіи. Шиллеръ возмущалъ своими твореніями добродушное общество Германцовъ. Все умножало порывъ новаго направленія умовъ. Глубокомысленная философія Канта служила орудіемъ для враговъ религіи. Изслѣдованія Адама Смита о народномъ богатствѣ были средствами возставать противъ существующаго порядка общественнаго. Съ другой стороны умъ человѣческій, ища истины, сброшенный съ буквы и догмата, впадалъ въ тму мистицизма, несбыточныя Утопіи небывалыхъ временъ блаженства человѣческаго. Шарлатанство Вейсгауптовъ, Месмеровъ, Каліостро, мечты Шведенборговъ и Сенъ-Мартеновъ увлекали общество, когда оно отказывалось отъ самыхъ простыхъ понятій здраваго смысла.

Есть какое-то сочувствіе въ человѣкѣ при видѣ борьбы слабаго съ сильнымъ: слабому хотятъ побѣды. Есть какое-то наслажденіе въ безотчетномъ стремленіи ума человѣческаго къ неопредѣленному, готовое промѣнять на несбыточную мечту вѣрную существенность. Когда Фридрихъ Прусскій боролся съ превозмогающею силою другихъ государей, ему желали побѣды въ Парижѣ, и за успѣхи его пили

въ непріятельскихъ лагеряхъ. Когда Франклинъ явился представителемъ вольной Америки среди придворныхъ Людовика XVI, онъ казался представителемъ человѣческой свободы, и приводилъ въ восторгъ своимъ мѣщанскимъ нарядомъ старинныхъ маркизовъ.

Провидѣнію угодно было, при такомъ расположеніи дѣлъ и такомъ направленіи умовъ, поставить правителями Европы государей, или неспособныхъ постигнуть настоящее положеніе современности, или увлеченныхъ несбыточными предпріятіями и духомъ реформы, подобно Европейскому обществу.

Людовикъ XV умеръ въ 1774 году, и на тронъ Франціи вступилъ добродѣтельный, но слабый характеромъ король Людовикъ XVI. Фридрихъ, король Прусскій, скончался въ 1786 году, и наслѣдникомъ его былъ нерѣшительный король Фридрихъ Вильгельмъ. Марія Терезія скончалась въ 1780 году, и наслѣдникомъ ея былъ Іосифъ II, слишкомъ рѣшительный на начало всего, и не умѣвшій ничего кончить, «хотѣвшій учиться, и не имѣвшій терпѣнія научиться,» какъ говорилъ объ немъ Фридрихъ Великій. Таковъ былъ и Шведскій король, Густавъ III, безразсудный, подобно предку его Карлу XII, при недостаткѣ воинскаго генія своего предка. На тронѣ Англіи съ 1760 года былъ король Георгъ III, своенравный, но между тѣмъ подчиненный любимцамъ и министрамъ, и съ 1787 г. подверженный рѣшительному умственному разстройству. Короли, Испанскій Карлъ III, и Датскій Христіанъ VII, были поражены

слабоуміемъ. Только въ Россіи царствовала мудрая императрица Екатерина, занятая окончаніемъ войны съ Оттоманами, уничтоженіемъ Польши, и битвами съ Густавомъ III, мечтавшимъ возвратить Швеціи потерянныя ею земли. Такъ, завидуя воинской славѣ Фридриха Прусскаго, Іосифъ хотѣлъ сражаться съ нимъ и измѣнить образованіе Германской имперіи. Остановленный Фридрихомъ и Екатериною, онъ началъ реформы въ своемъ государствѣ, уничтожалъ монастыри и монашескіе ордена, отбирая въ государственную казну церковныя имѣнія. Строже другихъ областей исполнялась сія мѣра во Фландріи, или Австрійскихъ Нидерландахъ, соединенная съ уничтоженіемъ другихъ тамошнихъ правъ. Слѣдствіемъ было возмущеніе Фландріи. Уступивъ притворно бунтовщикамъ, Іосифъ двинулъ войско и бунтъ превратился въ народное возстаніе. Фландрія потребовала политической независимости.

Возстаніе Голландцовъ противъ своего штатгальтера, начатое въ то же время, было также признакомъ всеобщаго волненія умовъ въ Европѣ. Наслѣдникъ Фридриха вмѣшался въ раздоры двухъ партій. Прусское войско обезоружило бунтовщиковъ. Но рядъ волненій уже начинался въ другихъ мѣстахъ: жители Литтиха и Ахена возстали противъ своихъ властителей. Швейцарія возмутилась междоусобіемъ. Духъ реформы оказывался въ мятежахъ Англіи и Ирландіи. На другомъ краю Европы, волненія Польши и стараніе Поляковъ преобразовать прежнія постановленія

своего государства, слѣдовали одно за другимъ, и были тѣмъ замѣчательны, что всѣ происходили отъ требованій реформы, вездѣ проявлявшихся. Они проникали даже въ недвижную, заснувшую на развалинахъ Турцію, гдѣ юный султанъ Селимъ хотѣлъ преобразованій. И все было встрѣчаемо безотчетнымъ восторгомъ вѣка. Радовались, слыша, что Густавъ уничтожилъ власть Шведскихъ олигарховъ, и замѣнилъ ее самодержавіемъ; равно превозносили Вашингтона, освободителя Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ власти Англичанъ; видѣли въ Косцюшкѣ, предводителѣ Польскихъ конфедератовъ, героя новыхъ мнѣній, и не думали замѣчать разницы между Густавомъ, Вашингтономъ и Косцюшкою, цѣня только новость мысли, отважность преобразованія.

Возстаніе Фландріи легко прекратилъ превозмогающею силою оружія императоръ Леопольдъ, наслѣдникъ Іосифа (умершаго въ 1790 г.). Возмущеніе Нидерландовъ было утишено Прусскимъ Королемъ. Волненія Германскихъ городовъ прерваны Имперскими войсками. Замыслы Польши смирены оружіемъ Екатерины. Но *мысль* вѣка уже перешла въ *дѣло*. Могли остановить ее на время, но не уничтожить. И всѣ сіи замыслы общественныхъ измѣненій не были ль подобны слабымъ ударамъ землетрясенія, показывавшимъ, что въ подземныхъ безднахъ таятся страшные разрушительные огни, и могутъ исторгнуться изъ нѣдръ ея губительнымъ взрывомъ, который разольетъ гибель на все его окружающее? Въ безпечной

слѣпотѣ политики Европы жили своею одподневною жизнью мѣлкихъ разсчетовъ и своекорыстной дипломатики, и даже мечтали извлечь свои выгоды, слыша колебаніе волкана, и видя огни, излетающіе изъ жерла его. Сей волканъ была Франція, и взрывъ его начался въ 1789 году, памятномъ въ лѣтописяхъ Европы, какъ начало возмущенія Франціи, столь обширнаго, что для означенія его всѣ народы приняли неизвѣстное дотолѣ названіе—*революція.*

Причины внѣшнія и внутреннія, пораждавшія мысль о реформахъ и нововведеніяхъ въ другихъ государствахъ, съ безмѣрно большею силою соединялись во Франціи, усиленныя событіями въ теченіе полутора и болѣе столѣтія, и характеромъ Французовъ, легкимъ, движимымъ, тщеславнымъ, неукротимымъ, если дано ему сильное направленіе, когда притомъ общественная жизнь нигдѣ не представляла столь живаго обмѣна различныхъ идей и впечатлѣній.

Королевство Французское основано было нашествіемъ Франковъ, Германскихъ народовъ, принявшихъ языкъ, нравы и обычаи первобытныхъ жителей Франціи, при смѣшеніи правъ ѳеократіи, учрежденіи феодализма, древней системы областей и городовъ, и привиллегій городскихъ общинъ. Слагаясь въ одно цѣлое, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій области, города, феодальные властители удерживали мѣстный образъ правленія, законы, даже обычаи и языкъ. Отсюда, какъ въ другихъ мѣстахъ, происходила борьба ихъ съ королевскою властью. Первою

жертвою сей междоусобной борьбы былъ феодализмъ, въ царствованіе Людовика XIII. Кардиналъ Ришелье нанесъ ему послѣдній ударъ. Уничтожая его, подкрѣпляли силу другихъ званій, областные парламенты, народное представительство. Но когда самовластіе Людовика XIV-го довершило дѣло Ришелье, презирая всякое сопротивленіе, не думая о формахъ, все подчиняли власти короля, безъ различія правъ и отношеній. Прежніе феодалы составили блестящую толпу придворныхъ королевскихъ. Парламенты сдѣлались судебными приказами, послушными волѣ властителя. Вездѣ требовали только повиновенія, и средствъ подкрѣпить могущество Франціи, сосредоточенное въ королѣ. Дворскій блескъ и великолѣпіе Людовика XIV, покровительство наукамъ и искуствамъ, славившимъ его, уничтоженіе правъ аристократіи, громкія побѣды, смѣлыя завоеванія, вліяніе Французской политики на дѣла Европы, и Французской роскоши, вкуса, литтературы на общественность Европейскую, ослѣпляли Французовъ, когда столица Франціи сдѣлалась мѣстомъ соединенія всѣхъ государственныхъ силъ и богатствъ, Дворъ королевскій двигателемъ ихъ, Король душею.

Уже въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV увидѣли бѣдственныя слѣдствія его своевластнаго пятидесятилѣтняго владычества. Побѣда измѣнила престарѣлому монарху. Онъ подчинился власти женщинъ и духовенства. Тревожимый суевѣрнымъ страхомъ, онъ изгналъ даже изъ Франціи тысячи

полезныхъ гражданъ уничтоженіемъ свободы протестантскаго исповѣданія, когда государство было истощено безполезными войнами. Знатное дворянство погубило свои богатства, отдѣляясь горделивымъ презрѣніемъ отъ провинціяльнаго дворянства, и стараясь дополнить недостатокъ средствъ роскоши жалованьемъ, наградами, пенсіями, привилегіями. Оно заняло высшія духовныя мѣста, и такъ же презрительно смотрѣло на бѣдное, провинціяльное и нисшее духовенство, какъ на остальныхъ дворянъ и народъ.

Людовику XIV-му наслѣдовалъ малолѣтный правнукъ его, Людовикъ XV. Темная интрига передала опеку надъ нимъ Герцогу Орлеанскому. Новый правитель Франціи былъ образецъ безпутства и малоумія. Позорный развратъ, соблазнительная роскошь, безчинное пьянство, безумное мотовство безславили при немъ Дворъ и знатное дворянство. Развратный негодяй, любимецъ Герцога, Дюбуа былъ кардиналомъ и первымъ министромъ. Несчастная финансовая система мечтателя и искателя приключеній, Шотландца Лава, обольстила Французовъ мнимыми богатствами, и довела государство до гибельнаго банкрутства. Съ надеждами встрѣтили Французы на тронѣ Людовика XV, и вскорѣ увидѣли въ немъ честолюбіе прадѣда, при ничтожности характера, и развратъ его опекуна, при страшномъ суевѣріи, паденіи дворскаго блеска, упадкѣ литтературы и искуствъ. Людовикъ XV хотѣлъ поддержать вліяніе Франціи на дѣла Европы, и увлекался

въ безполезныя дипломатическія интриги, вмѣшивался въ кровопролитныя войны, и видѣлъ пораженіе своихъ войскъ; хотѣлъ быть самовластителемъ, встрѣчалъ сопротивленіе, уступалъ, и передавалъ власть своимъ развратнымъ любимцамъ и раболѣпнымъ угодникамъ ихъ. Все сдѣлалось продажнымъ— чины, мѣста, правосудіе, привиллегіи; народное благосостояніе было отдано съ молотка жаднымъ откупщикамъ, и все пожирала ненаполняемая бездна роскоши и тщеславія, когда нравы упали до послѣдней степени соблазна, первый примѣръ коего подавали Дворъ и столица, щеголявшіе образцами безпутной жизни.

Не только не помышляя объ уравненіи правъ и преимуществъ благоразумными измѣненіями, благоустройствѣ государства строгимъ правосудіемъ, усиленіи народнаго богатства трудомъ и покровительствомъ его, безразсудною прихотью и мѣлкою интригою увеличивали существовавшій безпорядокъ государственныхъ законовъ и общественныхъ отношеній, усиливали взаимную ненависть различныхъ званій, и подрывали коренныя основанія благоденствія государствъ — благоговѣніе къ религіи, любовь къ государю, уваженіе къ высшимъ сословіямъ. Слыша однажды радостныя восклицанія народа при встрѣчѣ его, Людовикъ XV, съ горькою усмѣшкою, сказалъ окружавшимъ его: «За что еще они меня любятъ?» Здѣсь высказана была тайна его времени.

Между тѣмъ нигдѣ не дѣйствовалъ обществен-

ный духъ такъ дѣятельно, какъ дѣйствовалъ онъ во Франціи. Лишенные жизни гражданской, заграждаемые на пути къ возвышенію привиллегированными званіями, обираемые откупщиками, стѣсненные различными уставами и смѣсью правъ, обремененные налогами, не видя огражденія своему труду и собственности, низшія званія, провинціяльное дворянство, мѣлкое духовенство, жители городовъ и деревень соединялись въ общей ненависти къ правительству, высшему дворянству, знатному духовенству, и богатѣвшимъ кровью и слезами народа, грабителямъ Франціи—откупщикамъ.

Съ другой стороны духъ изслѣдованія, мысль измѣненія существующаго порядка, идеи безвѣрія и мнимой свободы человѣка безпрерывно возрастали въ ужасающей степени. Тѣмъ страшнѣе были они, что сосредоточивались въ центрѣ общественной и умственной дѣятельности, столицѣ государства, взаимно подкрѣпляли себя, и отсюда разливали гибельныя начала по всей Франціи, льстили всѣмъ страстямъ, являлись въ самыхъ обольстительныхъ образахъ. Кромѣ того, что живой, воспріимчивый умъ Французовъ безъ различія поглощалъ всѣ впечатлѣнія извнѣ, рукоплескалъ всѣмъ порывамъ къ реформѣ, онъ пересоздавалъ новыя идеи въ понятную, легкую для всѣхъ форму, и хотѣлъ осуществленія ихъ, ибо характеръ Француза не умѣетъ оцѣнить идеи, если она не перешла въ общественную жизнь его. Распространеніе литтературы во всѣхъ званіяхъ общества передало

страшное орудіе тревожному духу времени. Явились дѣятели изъ народа, и по странному, но всегда бывающему при смѣшеніи мнѣній и отношеній столкновенію идей, дѣйствуя совершенно въ различныхъ побужденіяхъ, они всѣ шли къ одной цѣли. Равно воспламеняли и тревожили умы добрый мизантропъ Руссо, желавшій возвратить человѣка къ небывалому блаженству первобытной жизни человѣчества, насмѣшникъ Вольтеръ, поражавшій всѣ преданія старины колкою эпиграммою, Монтескьё, объяснявшій идеалы лучшаго образа правленія въ ученомъ сочиненіи о сущности законовъ, послѣдователи Адама Смита, спорившіе о сущности народнаго богатства, Бомарше, выставившій на сцену шалости знатныхъ людей въ своей комедіи, и Бюффонъ, странными идеями опровергавшій библейскія преданія.

Все ярко отражалось въ умахъ Французовъ, и наконецъ составило отдѣльную отъ правительства силу, столь грозную, и общественное мнѣніе, столь могущее, что не умѣя противиться, принуждены были, если не покоряться имъ, то, по крайней мѣрѣ, уступать, торговаться съ ними, и не только знатное дворянство и духовенство, трепетавшее эпиграммы мнѣнія болѣе приказаній Короля, но даже и Дворъ. Насмѣшка надъ духовенствомъ, презрѣніе ко всѣмъ отличіямъ и преданіямъ, страсть къ нововведеніямъ и реформѣ, нравственный развратъ, сдѣлались модою. Ободренный сильнымъ покровительствомъ, духъ времени снялъ маску, которою былъ еще до-

толѣ прикрытъ: его философія отняла вѣру и достоинство человѣка въ сочиненіяхъ Вольтера, Гельвеція, Ольбаха, Ламетри; его поэзія славила развратъ и чувственность, язвила насмѣшкою все, что облекалось уваженіемъ; его искуство сдѣлалось гостемъ будуаровъ знатнаго негодяя, утѣхою его любовницъ....

Въ такомъ состояніи общественномъ, и въ такомъ направленіи умовъ находилась Франція, когда сопровождая грязью и насмѣшками гробъ Людовика XV, встрѣтила она радостнымъ привѣтомъ юнаго монарха, восшедшаго на престолъ дѣда въ 1774 году.

Умъ государственный, твердая воля, сила характера короля, искреннее желаніе добра, и благоразумныя взаимныя уступки его подданныхъ, могли еще отвратить бѣдствіе, и обратить самое зло ко благой цѣли. Но не таковъ былъ Людовикъ XVI, и не такъ думали окружавшіе его. Въ одномъ только были убѣждены всѣ, и король, и подданные его — невозможности обратиться къ прежнему порядку. Но кромѣ Людовика XVI, каждый разсчитывалъ при перемѣнѣ не на общее благо, но на собственныя выгоды.

Образецъ добродѣтелей семьянина, искренно желавшій добра, готовый на всякія пожертвованія, Людовикъ XVI не былъ одаренъ умомъ государственнымъ, и еще менѣе обладалъ твердою волею и силою характера. Увлекаемый волею Королевы, супруги своей, дочери Императора Австрійскаго, вліяніемъ

вельможъ, дворскою интригою, онъ былъ медленъ, нерѣшителенъ, робокъ. Сила общественнаго мнѣнія страшила его, когда вліяніе новыхъ идей простиралось даже на его личное убѣжденіе. И царствованіе Людовика XVI-го представило рядъ бѣдственныхъ ошибокъ и противорѣчій, доведшихъ до гибели его, предавшихъ ужасамъ неслыханнаго безначалія государство его, поколебавшихъ въ основаніи Европу. Людовикъ XVI навсегда останется страшнымъ урокомъ сильныхъ и великихъ земли.

Желая прежде всего собственнымъ примѣромъ показать образецъ нравственности и умѣренности, онъ не смѣлъ остановить безразсудной роскоши Королевы, братьевъ своихъ, Двора, и знатнаго духовенства и дворянства, не умѣлъ предать позору общаго разврата, пожиравшаго высшія состоянія Франціи. Думая о благѣ подданныхъ, онъ не смѣлъ приняться за злоупотребленія, ибо ихъ защищали предѣнія, знатность, богатство. Желая упрочить власть королевскую, Людовикъ XVI допускалъ однакожь новыя идеи, и передъ нимъ смѣло являлись приверженцы формъ Англійскаго правленія, такъ, что наконецъ знатнѣйшее юношество ввело въ моду подражаніе Англичанамъ во всемъ. Бросивъ парики, одѣваясь въ Англійскій фракъ, и подражая скачкамъ и тостамъ Англичанъ, думали, что тѣмъ вводятъ во Франціи Британскую свободу. Раздавая пособія бѣднымъ изъ собственной казны во время бѣдствій народныхъ, Людовикъ XVI не умѣлъ, ни остановить

хищенія откупщиковъ, ни прекратить продажи чиновъ, ни истребить торговли правосудіемъ. Видя зло, причиняемое книгопечатаніемъ, онъ не осмѣливался воспретить дерзости писателей. Вольтеръ явился въ Парижъ, былъ встрѣченъ торжественно, и провождаемъ по улицамъ съ восклицаніями — Король молчалъ. Прочитавши рукопись комедіи Бомарше, убѣжденный во вредѣ ея, онъ позволилъ представленіе комедіи, и равнодушно слышалъ объ ея успѣхѣ. Бомарше заставлялъ весь Парижъ смѣяться надъ соблазнительнымъ процессомъ съ судьями Парижскаго Парламента, и — являлся при Дворѣ королевскомъ. Наконецъ, способствуя укрощенію возстаній въ Нидерландахъ и Швейцаріи, когда началась война за независимость Америки, Король не смѣлъ противорѣчить духу времени, принялъ на себя защиту Американскихъ возмутителей, и дозволилъ дворянству сражаться за свободу Американцовъ. Толпы знатнѣйшихъ юношей стали въ ряды Вашингтоновыхъ дружинъ, и возвращеніе Французскихъ войскъ и дворянъ, бывшихъ въ Америкѣ, принесло во Францію новое подкрѣпленіе мечтательнымъ идеямъ гражданской свободы. Такъ при самомъ вступленіи на престолъ, Людовикъ XVI избралъ, угождая Двору стараго интриганта, графа Морепа въ званіе перваго министра, и угождая общему мнѣнію, придалъ ему товарищами Тюрго и Мальзерба, людей, одушевленныхъ новыми идеями, безотчетныхъ мечтателей о всеобщемъ благѣ, не понимавшихъ своей обязанно-

сти, и не имѣвшихъ никакой опытности и системы въ государственныхъ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ.

Около пятнадцати лѣтъ протекло въ такомъ странномъ, безотчетномъ состояніи, и въ сіи годы распались послѣднія связи, скрѣплявшія ветхое зданіе Французской монархіи и общественнаго устройства. Разрушеніе всѣхъ прежнихъ идей, раззореніе знатныхъ, взаимная ненависть званій, бѣдствія народныя, всеобщій развратъ не могли идти далѣе. Надобенъ былъ только предлогъ откликнуться всему на призывъ, котораго никто не смѣлъ провозгласить, надобенъ былъ только рѣшительный ударъ, дабы все разлетѣлось развалинами. И сей призывъ, сей ударъ не замедлили: предлогомъ былъ простой финансовый вопросъ, ударомъ — рѣшеніе его.

Не смотря на обиліе средствъ Франціи, при стѣсненіи привиллегіями промышленности народной, ограниченіи правъ трудящихся званій, губительныхъ финансовыхъ мѣрахъ, упадкѣ кредита, и расточеніи богатствъ честолюбіемъ Людовика XIV, развратомъ времени Регента, безразсудствомъ Людовика XV, и нерѣшительностью исправленій при Людовикѣ XVI, финансы Франціи достигли до послѣдней крайности. Только три средства знали Французскіе министры финансовъ для дополненія государственныхъ доходовъ, которыхъ недоставало на расходы: *налоги, заемъ, откупа.* Но тягость налога довела платящихъ до невозможности платить; заемъ не могъ осуще-

ствиться безъ кредита; отдавать на откупъ уже было нечего.

Вопросъ о финансахъ былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ попеченій Людовика XVI при самомъ началѣ царствованія его. Физіократъ и мечтатель Тюрго не придумалъ никакихъ средствъ, кромѣ отмѣненія стѣснительныхъ мѣръ, затруднявшихъ внутреннее обращеніе капиталовъ. Не смѣя открыть вполнѣ мысли преобразованія, онъ предложилъ уничтожить рабочіе дни крестьянъ помѣщикамъ (corvée), привилегіи цеховъ (jurande), областныя заставы и внутреннія таможни, и требовалъ раскладки податей на духовенство и дворянство наравнѣ съ другими званіями, учредивъ для того областные совѣты. Предложенія Тюрго возстановили противъ него Дворъ, Парламентъ, дворянство и духовенство. Не смотря на то, что всѣ говорили объ общемъ благѣ, всѣ требовали перемѣнъ, гоненіе на Тюрго явилось всеобщее. Успѣли запутать его въ несбыточныхъ проэктахъ, сдѣлали смѣшнымъ, когда онъ хотѣлъ употребить строгость, возмутили народъ, и принудили Людовика XVI уволить Тюрго, хотя съ невольною грустью онъ сказалъ при его увольненіи: «Только я и Тюрго истинные друзья народа!» Тюрго смѣнилъ, въ 1776 году, Клюни, счетчикъ и казначей. Неспособность новаго министра принудила черезъ полгода замѣнить его человѣкомъ, на котораго указывало общественное мнѣніе — то былъ Неккеръ, гражданинъ Женевскій, богатый банкиръ и негоціянтъ, извѣстный сво-

ными сочиненіями о финансахъ. Человѣкъ благонамѣренный, хотя республиканецъ въ душѣ и послѣдователь новыхъ мнѣній, строгимъ порядкомъ, экономіею, искусными займами, Неккеръ успѣлъ поддержать финансы, введеніемъ начала раскладки податей областными совѣтами удовлетворяя требованія народа, но съ тѣмъ вмѣстѣ откровенно говорилъ онъ Людовику XVI, что такихъ временныхъ средствъ станетъ не надолго, и состояніе Франціи требуетъ коренныхъ измѣненій, при взаимныхъ пожертвованіяхъ со стороны правительства и подданныхъ. Людовикъ XVI соглашался съ нимъ. Тогда, подобно тому, какъ постигло Тюрго, гоненіе пало на Неккера. Дворъ и чиновники жаловались на его скупость; Парламенты спорили противъ его областныхъ совѣтовъ; хитрый Морепа боялся довѣренности къ нему Короля и управлялъ тайною интригою. Увѣренный, что искренность, при желаніи добра, есть первое условіе успѣха, Неккеръ убѣдилъ Людовика XVI издать отчетъ о финансахъ, гдѣ показаны были за нѣсколько лѣтъ приходы и расходы государственные, и объявленъ недостатокъ десяти милльоновъ доходовъ противъ расходовъ. Обнародованіе отчета произвело дѣйствіе противное ожиданному Неккеромъ. Послѣдователи новыхъ идей видѣли въ немъ уступку правительства, отдававшаго отчетъ народу, и думали, что тѣмъ дано право требовать отчета въ самомъ опредѣленіи приходовъ и расходовъ. Злонамѣренные люди кричали о банкрутствѣ государства, забывая, что при вступ-

леніи Неккера въ министерство недочетъ доходовъ простирался до 34 милльоновъ, и уже 24 милльона были имъ дополнены, не смотря на безразсудную Американскую войну. Испуганный поступкомъ Неккера, хотя самъ позволилъ его, опасаясь смѣлыхъ идей министра, Людовикъ XVI согласился съ его врагами, и началъ оказывать холодность къ его совѣтамъ. Неккеръ оскорбился, потребовалъ отставки, и былъ уволенъ въ 1781 году. Смерть Морепа, вскорѣ послѣ отставки Неккера, возвела въ званіе перваго министра графа Вержана. Послѣ неудачнаго выбора двухъ преемниковъ Неккеру, въ 1783 году, Вержанъ передалъ министерство финансовъ Калоню. Совершенная противоположность угрюмому Неккеру, Калонь соглашался со всѣми, думалъ только объ угожденіи Двору, Королевѣ, знатнымъ людямъ, расточалъ награды, ослѣплялъ блескомъ пировъ, успѣлъ пріобрѣсть довѣренность капиталистовъ, и подкрѣпляясь тайными займами на самыхъ раззорительныхъ условіяхъ, изумлялъ Дворъ и Францію, не постигавшихъ, откуда брались у него деньги. Тѣмъ страшнѣе было пробужденіе, когда черезъ три года управленія Калонь принужденъ былъ объявить, что не находитъ болѣе средствъ удовлетворять потребностямъ государства: недостатокъ доходовъ противъ расходовъ составлялъ 140 милльоновъ; государственный долгъ, простиравшійся въ 1783 году до 700 милльоновъ, возросъ до 1700 милльоновъ. Не зная что предпринять, рѣшились на дѣло самое безполез-

ное — собраніе депутатовъ отъ высшаго дворянства и духовенства (Assemblée des notables). Засѣданія ихъ начались въ Февралѣ 1787 года, и повели къ совершенному разстройству. Тайна финансоваго безпорядка была всѣмъ открыта. Заговорили о пожертвованіяхъ, но депутаты ни на что не согласились, и отвергли всѣ планы улучшеній. Вержанъ умеръ во время споровъ собранія. Дворъ выдалъ Калоня врагамъ его, и страшась гибели, Калонь бѣжалъ изъ Франціи. Королева вмѣшалась въ дѣло, и выбрала на его мѣсто Бріенна, епископа Тулузскаго, бывшаго потомъ архіепископомъ Санскимъ, кардиналомъ и первымъ министромъ. Собраніе депутатовъ распустили безъ всякаго рѣшенія. Ихъ разсказы умножили общее неудовольствіе и безпокойство.

Смѣлый, безразсудный, не знавшій, ни дѣла, ему отданнаго, ни состоянія Франціи, Бріеннъ думалъ, что все можно исполнить именемъ и властью Короля, принудя замолчать недовольныхъ, льстя Двору и знатнымъ людямъ согласіемъ на ихъ требованія, хитрымъ обманомъ приводя всѣхъ къ тайной цѣли. Онъ не сообразилъ, что вооружитъ такимъ образомъ противъ себя всѣхъ, и что обманъ есть уже доказательство слабости. Сила не знаетъ притворства.

Отмѣняя займы, не говоря объ улучшеніяхъ, Бріеннъ прежде всего придумалъ новые налоги. Парижскій Парламентъ отказался утвердить ихъ. Бріеннъ убѣдилъ Короля открыть торжественное за-

сѣданіе Парламента (lit de justice), въ которомъ приказано было утвердить предложеніе министра. Парламентъ повиновался, но немедленно объявилъ утвержденіе налоговъ насильственнымъ, даже осмѣлился сказать, что Король не имѣетъ права налагать новыя подати безъ согласія Генеральныхъ Штатовъ (États Généraux), или общаго собранія депутатовъ всей Франціи. Дерзость спорщиковъ рѣшились наказать. Члены Парижскаго Парламента были арестованы и сосланы въ Труа. Что считали самымъ обыкновеннымъ дѣломъ при Людовикѣ XIV, то показалось неслыханнымъ насиліемъ при Людовикѣ XVI. Областные парламенты и всѣ судебныя мѣста Франціи протестовали. Въ Бретани и Греноблѣ начались даже возмущенія народныя.

Надлежало продолжить систему строгости, или подумать наконецъ объ улучшеніяхъ. Бріеннъ не оставлялъ своей невѣрной политики, уступилъ по наружности общему мнѣнію, и хотѣлъ прикрыть обманъ, предоставляя окончательное рѣшеніе времени. Людовикъ XVI возвратилъ Парламентъ въ Парижъ, объявилъ королевское засѣданіе (séance royale), Ноября 19, 1787 года, и первымъ словомъ его было отмѣненіе предположенныхъ податей и обѣщаніе созвать Генеральные Штаты. За тѣмъ потребовали у Парламента утвержденія займа въ 500 милльоновъ. Бріеннъ перемѣнилъ только слово задачи. Такая недостойная правительства хитрость оскорбила всѣхъ. Споръ возобновился, къ прискорбію Короля, со всѣ-

ми признаками неприязни противъ правительства. Его присутствіе не уменьшало ни дерзости рѣчей, ни упорства споривших. Девять часовъ продолжалось засѣданіе. Король кончилъ его приказомъ утвердить заемъ. «Зачѣмъ же мы здѣсь?» спросилъ тогда Герцогъ Орлеанскій, вставая съ своего мѣста — «разсуждать и совѣтовать, или слушать приказанія (si le parlement etait réuni en lit de justice ou en séance royale)?» Послѣ утвердительнаго отвѣта, что требуется совѣтъ, Герцогъ отвергъ заемъ. Его подкрѣпили всѣ другіе. Вопреки отрицанію, заемъ былъ утвержденъ Королемъ. Сильный протестъ былъ на то отвѣтомъ. Отважились на мѣру рѣшительную — королевскимъ повелѣніемъ парламенты уничтожены. Два члена Парижскаго Парламента заключены въ крѣпость. Герцогу Орлеанскому велѣно удалиться изъ Парижа въ его помѣстья. Предположено составить особенный Совѣтъ для обсуживанія и рѣшенія государственныхъ дѣлъ (cour plénière), предоставляя парламентамъ только судебную часть. Но всѣ сіи распоряженія ни къ чему не повели. Заемъ не состоялся. Отвсюду присылались протесты и просьбы Королю. Дофине, Провансъ, Лангедокъ, Беарнъ волновались. Бретань отправила даже депутатовъ, съ смѣлыми предложеніями Королю. Депутатовъ заключили въ Бастилію. Вмѣсто денегъ пустили въ ходъ билеты, но никто не принималъ ихъ. Бріеннъ созвалъ духовенство, думая, что его скорѣе можно будетъ на что нибудь уговорить. Духовенство потребовало от-

чета въ финансахъ, уничтоженія новаго Совѣта, возвращенія власти парламентамъ. Къ довершенію бѣдствія неслыханныя бури и грозы истребили жатву во всей Франціи. Видя, что никакія усилія не помогаютъ, Августа 8, 1788 года, объявили о собраніи Генеральныхъ Штатовъ, назначая открытіе ихъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1789 года. Бріеннъ звалъ къ себѣ Неккера, но не дождался его отвѣта, послалъ къ Королю просьбу объ увольненіи, и не дожидаясь рѣшенія, бѣжалъ тайно изъ Франціи, предоставляя отечество и государя возстававшей бурѣ.

«Для чего не позвали меня пятнадцатью мѣсяцами прежде — теперь уже поздно!» горестно сказалъ Неккеръ, получивъ приглашеніе, и слыша о рѣшеніи Короля созвать Штаты. Онъ не отказался однакожь отъ занятія вновь должности министра финансовъ, но рѣшительно ошибался, если думалъ поправить дѣла, не только въ то время, но и за пятнадцать мѣсяцовъ прежде. Надежда оживила всѣхъ съ возвращеніемъ Неккера. Волненія областей утихли. Отвсюду получали благодарные адресы Королю за согласіе его собрать Генеральные Штаты. Парламентамъ возвратили ихъ прежнія права. Депутаты Бретанскіе выпущены изъ Бастиліи. Герцогъ Орлеанскій явился при Дворѣ. Неккеръ уничтожилъ билеты. Государственныя облигаціи поднялись на 30 процентовъ. Въ казначействѣ Неккеръ нашелъ только 400,000 наличными деньгами при своемъ вступленіи, но оно вскорѣ наполнилось деньгами. Подавая другимъ при-

мѣръ безкорыстія и довѣренности къ правительству, Неккеръ отказался отъ жалованья, и внесъ въ казначейство два милльона своего капитала. Немедленно учинены распоряженія предупредить бѣдствія голода, которыми угрожалъ неурожай. Вездѣ слышны были изъявленія радости и усердія Королю, благодарности и удивленія Неккеру; всѣ заговорили о предстоящемъ собраніи Штатовъ, какъ о несомнѣнномъ средствѣ спасенія. Если одни добродушно ошибались, другіе притворялись, что раздѣляютъ ихъ ошибку. Такъ мгновенное облегченіе больнаго бываетъ признакомъ близкой кончины. Многіе открыто говорили, что если хотятъ созвать на консультацію къ государству такую толпу лекарей, доказательство вѣрное, что Франція больна безнадежно.

Всего гибельнѣе государству, если люди государственные не понимаютъ настоящаго положенія своего времени. Неккеръ не понималъ его. Правда, иногда недовѣрчиво спрашивалъ Неккеръ: «Волна приближается — не ужели она поглотитъ насъ?» Но онъ не терялъ надежды. «Господа! сохраните хоть небольшую довѣренность на умъ и сердце человѣка!» отвѣчалъ онъ, когда изъявляли ему опасеніе о предстоящемъ открытіи Штатовъ. Слова, доказывающія доброту сердца, но не дальновидность министра. Неккеръ видѣлъ въ собраніи Штатовъ рѣшеніе финансоваго вопроса — ошибка непростительная!

«Я занималъ значительное мѣсто въ правительствѣ, и былъ близъ особы Короля,» говоритъ Нек-

керъ, «слѣдственно, находился въ такомъ положеніи, что могъ бы видѣть признаки переворота, еслибы они дѣйствительно тогда существовали. Но вотъ что я видѣлъ: прежде всего огромную силу общественнаго мнѣнія, и она изумляла меня. Людовикъ XIV не боялся придавать ему цѣны, ибо оно льстило ему, и къ славѣ его царствованія прибавляло торжественность, когда притомъ онъ былъ увѣренъ, что правительство всегда можетъ управлять имъ по произволу. Слѣдствія показали ошибку. Движеніе умовъ, соревнованіе дарованій, страсть къ похваламъ, тревожное движеніе мыслей, все, чему Людовикъ XIV былъ живительнымъ свѣтиломъ, нечувствительно пріобрѣло самобытную силу, и когда сей великій монархъ скончался, идеи и чувства, имъ оживляемыя, имъ рожденныя, сдѣлались независимы, и развились въ различныхъ формахъ. Привыкли быть замѣченными, быть понимаемыми, и въ обществѣ искали ободренія и наградъ, которыхъ уже не находили при Дворѣ. Владычество мнѣнія перешло въ общество, вскорѣ начало тамъ свою оцѣнку, и раздавало свои награды, въ противоположность оцѣнкѣ правительства, и наградамъ, которыя раздавалъ Дворъ. Регентъ, Людовикъ XV, и внукъ его, каждый по складу своего ума и сущности характера, нерѣдко были затрудняемы безпрерывно возраставшимъ могуществомъ общественнаго мнѣнія, и не безъ негодованія принуждали себя и министровъ своихъ, по необходимости, договариваться съ нимъ. Охотно предоставили

бы ему судъ и рѣшеніе о вкусѣ, умѣ, дарованіяхъ, по мнѣніе уже давно перешло далѣе. Смѣло говорило оно о правительствѣ и его распоряженіяхъ. Важныя сочиненія размножались. Авторы, обезпеченные духомъ времени, вдавались въ изслѣдованія о правахъ народовъ и обязанностяхъ правительствъ. За нѣсколько аллегорическихъ уроковъ, прикрытыхъ лестью придворнаго и поэтическими вымыслами, пострадалъ нѣкогда Фенелонъ при Людовикѣ XIV. Теперь толпа писателей безопасно, нерѣдко говоря варварскимъ языкомъ, углублялась въ важнѣйшіе вопросы политической экономіи, и разбирала ошибки министровъ, и заблужденія, или беззаботность правительства. Ихъ читали, и вездѣ находили они себѣ приверженцовъ и учениковъ. Еще болѣе—особенная странность: люди, пользовавшіеся милостями Короля, бѣжали отъ него въ общество за похвалами независимости и смѣлости мыслей. Славили Американцовъ, толковали объ Англіи, и видя, что изъ королевской казны не чѣмъ поживиться, думали, что настало время приниматься за ролю политиковъ, а приготовляя себя къ ней, всѣ кричали о правахъ народа и его бѣдствіяхъ. Слова были прекрасны, но трудно было примирить ихъ съ безграничною роскошью и тщеславіемъ тѣхъ, кто говорилъ. Совершенное разногласіе было между правилами, которыми щеголяли, и правами, которые хотѣли утверждать. Всѣ связи были разорваны. Всякая власть казалась тягостною, и даже самое иго приличій ослабѣло. Молодые люди

сдѣлались властителями мнѣній. Брошенные въ свѣтъ, еще не успѣвши ничего обдумать, они считали себя мыслителями, владѣя небольшимъ количествомъ общихъ идей, которыми все можно рѣшить и ничего нельзя сдѣлать. Каждый хотѣлъ славы умника, или человѣка съ характеромъ, хотѣлъ быть чѣмъ-то, изъ тщеславія, отъ нечего дѣлать, ради скуки. Духу времени слѣдовала вся парламентская молодежь. Скучая приказными бумагами, она искала политическаго шума и общественной извѣстности. Стремясь выступить изъ своихъ приказовъ на поприще болѣе обширное, она первая подавала примѣръ мнимаго пожертвованія, осуждая свои собственныя права.

«Съ разныхъ сторонъ всѣ шли къ цѣли темной и неопредѣленной, но каждое движеніе означалось недовольствомъ настоящаго и страстью нововведеній. Пока народъ, сжатый въ тѣсномъ кругу понятій, не переступалъ за предѣлы ихъ, правительству легко было управляться съ безпокойными говорунами общества, и не допускать ихъ переходить отъ разсужденій къ дѣлу. Но тягость налоговъ и неравенство ихъ, безпорядокъ управленія финансами, и признаки гибели, безпрестанно изъясняемые народу, нетерпѣливо желавшему облегченія, при опасеніи государственныхъ кредиторовъ, размножали число недовольныхъ и доставили множество друзей проповѣдникамъ перемѣнъ. Люди, платившіе около 500 милльоновъ налога, образовали тайный союзъ, и сами не замѣчая того, жадные царедворцы и утѣснители-мини-

стры были посредниками его. Наконецъ, важное участіе должно приписать тѣмъ людямъ, чей смѣлый геній и увлекающее красноречіе поколебали всѣ прежнія мнѣнія, и открыли пути всѣмъ мечтамъ воображенія и злоупотребленія свободы. По ихъ голосу, подъ ихъ знаменами, духъ философствованія распространялъ свои завоеванія, покровительствовалъ всѣмъ возстаніямъ противъ общихъ идей и утвержденныхъ истинъ. Рожденный въ наше время, сей духъ разрушенія подрывалъ основанія обязанностей, игралъ религіозными мнѣніями и политическими правилами, и первый разрушалъ всѣ заставы, замѣняя преувеличеніемъ мечтательной свободы мудрую уступку, и смѣшеніемъ мнимаго равенства благоразумную постепенность исправленій. Приготовляя всеобщее разрѣшеніе государства, онъ убѣждалъ всѣхъ, будто нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, что долженъ почтить довѣренностью человѣкъ, ни на землѣ, ни въ небѣ. И сопротивляться духу системъ, удалять опасность, бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, или договариваться съ нимъ, долженъ былъ Король, совершенный, какъ честный человѣкъ, какъ другъ добра, какъ семьянинъ, какъ благоразумный мыслитель, умъ коего въ юности пріобрѣлъ спокойствіе и умѣренность зрѣлыхъ лѣтъ, но воля его требовала подпоръ, и рѣдко оказывалъ онъ въ дѣлахъ упорство мнѣній, или самобытную твердость. Характеръ его вовсе не былъ пригоденъ при разрушительныхъ событіяхъ его времени. Всего болѣе отважи-

ваетъ противниковъ, когда они не видятъ передъ собою соперника непоколебимаго въ однажды принятомъ убѣжденіи. Опасность еще болѣе умножало то, что Король легко могъ запутаться во вредныхъ совѣтахъ. По природѣ скрытный, болѣе опасаясь людей, нежели дѣлъ, онъ не хотѣлъ требовать совѣта, и подчинялся господству тѣхъ, которые тайно руководствовали имъ, умѣя увѣрять его, будто онъ дѣйствуетъ самобытно.»

Вѣримъ искренности словъ Неккера, и легко можемъ указать, какъ замѣчая одну сторону тогдашняго положенія дѣлъ во Франціи, Неккеръ не замѣтилъ другихъ. Но развѣ не грозило гибелью даже и то, о чемъ говоритъ онъ, если и не указывать на темныя стороны, о которыхъ онъ не упоминаетъ: разрушеніе всѣхъ связей, жадность нововведеній, тягость налоговъ, превышавшая средства и терпѣніе платящихъ, противорѣчіе общественнаго мнѣнія волѣ правительства, сила сего мнѣнія, и добрый, но слабый король среди столь грозныхъ предвѣстій политической бури? А то, что призывъ Штатовъ, уже показывалъ уступку и слабость правительства? А то, что въ послѣднее время правительство испытало уже всѣ средства равно безъ успѣха, видѣло презрѣніе, эгоизмъ подчиненныхъ, и неудачу реформъ, ибо никто не хотѣлъ ни чемъ жертвовать, безполезность кротости, ибо никто не былъ ею тронутъ, строгости, ибо она никого не устрашала? Оставалось испытать еще одно — вещественную силу. Но что си-

ла, если потеряны вѣра и убѣжденіе въ ней? И развѣ духъ времени, и власть мнѣнія, разума и слова не были также силы?

Гораздо справедливѣе говоритъ Неккеръ, излагая послѣдовавшія за тѣмъ событія: «Ставлю себѣ въ упрекъ надежду, которую раздѣлялъ я со всею Франціею при открытіи Генеральныхъ Штатовъ, и прискорбно соображая все время, протекшее съ тѣхъ поръ донынѣ, я готовъ требовать у себѣ отчета во всемъ, чего я тогда не могъ думать, во всѣхъ предвѣстіяхъ, которыхъ не понималъ. Бѣдный человѣкъ, ничтожный въ своихъ предпріятіяхъ, и еще болѣе ничтожный въ своихъ требованіяхъ! Онъ видитъ одно мгновеніе, и думаетъ, что всѣ времена принадлежатъ ему; онъ преходитъ по землѣ съ быстротою молніи, не зная достовѣрно откуда и куда идетъ, и воображаетъ, что всѣ разсчеты, всѣ уравненія подвластны его уму! Среди увѣренности, среди гордости, какую она внушаетъ намъ, одно препятствіе неожиданно останавливаетъ насъ и разрушаетъ всѣ наши хвастливыя надежды. Увѣримся, что голосъ безвѣстной судьбы гремитъ въ великихъ событіяхъ, пролетающихъ надъ нашими головами. Судьба даетъ намъ въ нихъ участокъ, сколько ей угодно, и шагая исполинскими шагами, разрываетъ легкія сѣти, коими хотимъ мы удержать жребій царствъ и нашъ собственный. Будемъ снисходительны къ людямъ. Таковъ нашъ долгъ — онъ наша мудрость. Одинъ путь назначенъ намъ ясно, и небесный свѣтъ озаряетъ

его — путь добра и святые уроки его. Послѣдуемъ имъ, не оставимъ ихъ никогда, возлюбимъ товарищей нашего пути, и не подчинимъ движеній сердца тревогамъ ума. Если люди ненавидятъ, если они должны ненавидѣть другъ друга за различіе мнѣній, какое чувство останется людямъ добровольно несправедливымъ, притѣснителямъ, тиранамъ, мужамъ крови, которые называютъ себя людьми?»

Собранія Генеральныхъ Штатовъ нетерпѣливо и равно желали всѣ—Король, Дворъ, дворянство, духовенство и народъ, ибо въ ихъ собраніи должна была открыться рѣшительная битва состояній, отношеній и мнѣній.

Такія собранія могутъ быть только совѣщательныя, или совѣщательныя и исполнительныя вмѣстѣ. Въ первомъ случаѣ имъ предоставляютъ трудъ пріискать средства исполнить волю правительства, требуя подтвержденія ея покорностью, удостоиваютъ выслушать возраженіе, но оставляютъ волѣ правительства согласіе на него. Въ другомъ случаѣ такія собранія суть высшія апелляціи общественныхъ рѣшеній, власть, которой должно подчиниться правительство. Генеральные Штаты были безполезны, если ихъ предполагали собраніемъ перваго рода. Они были страшны, если имъ позволяли быть собраніемъ втораго рода, ибо тогда облекали ихъ властью выше правительства. Дѣйствуя неискренно, никто не опредѣлялъ предварительно сихъ условій. Всѣ хотѣли всего. Уступать не хотѣлъ никто и ничего. Кому

принадлежало преимущество? Каждый хотѣлъ и надѣялся пріобрѣсть его себѣ.

Безкорыстнѣе другихъ были намѣренія Короля, желавшаго общаго блага, готоваго на уступки. Его мнѣніе раздѣляли Неккеръ и нѣсколько благонамѣренныхъ людей, но не Дворъ, и не большинство царедворцовъ, а тѣмъ менѣе высшее дворянство и высшее духовенство.

Королева, дочь и сестра императора, юная, неопытная, своенравная женщина, оглушенная лестью придворныхъ, оскорбляемая сопротивленіемъ другихъ состояній, скучавшая безконечными толками о политикѣ, требовала одного — власти и средствъ поддержать величіе и роскошь дворскую. Она не хотѣла слышать ни о какихъ уступкахъ и условіяхъ. Одно условіе знала она — безотчетное повиновеніе. Мнѣніе Королевы раздѣляли оба брата Короля, и если старшій изъ нихъ соглашался еще употребить убѣжденіе, прежде нежели употребятъ силу, младшій—примѣръ щеголей своего времени, оскорблялся самою мыслью, что потомокъ Генриха IV и Людовика XIV не смѣетъ приказывать безусловно. Его мнѣніе раздѣляли знатное дворянство и высшее духовенство. Тѣ и другіе были увѣрены, что ихъ, за небольшія уступки, подкрѣпятъ провинціяльные дворяне и низшее духовенство. Надѣялись, что громкіе титулы, слава родовъ, блескъ богатства и почестей заставятъ трепетать низшія званія; хотѣли предписать имъ условія, не требовать условій отъ нихъ, и тѣмъ менѣе думали

унижаться совѣтомъ съ ними, надѣясь утвердить, что еще оставалось не утвержденнымъ, или ослабѣло отъ времени.

Въ свою очередь провинціяльное дворянство и низшее духовенство желало возвышенія, рѣшалось разрушить преграды къ почестямъ, богатству и Двору, хотѣло уравнять себя съ счастливцами, которымъ «стоило только принять трудъ родиться для полученія отличій,» по выраженію Бомарше. Впрочемъ, провинціяльные дворяне и низшее духовенство раздѣляли мнѣнія высшаго дворянства и духовенства, касательно другихъ, среднихъ, или низшихъ званій.

Но что такое были сіи низшія, или Среднія званія (tiers-état), какъ тогда называли ихъ? «Весь народъ,» отвѣчалъ аббатъ Сіейсъ, въ брошюркѣ, имъ изданной. «Что такое были они донынѣ?» спрашивалъ онъ далѣе, и отвѣчалъ: «Ничто.»—«Что они будутъ?» —«Нѣчто» (quelque chose). Здѣсь заключались двѣ важнѣйшія истины, которыхъ не замѣчали другіе. Далекія отъ какихъ либо уступокъ, гордыя тѣмъ, что ихъ призываютъ на совѣтъ, убѣжденныя, что къ тому принудила только крайняя необходимость, среднія званія не только не хотѣли ничего уступать, но положили всего потребовать отъ другихъ званій, утвердить права свои, и открыть себѣ путь ко всему, что было воспрещено имъ дотолѣ. Умъ, дарованіе, наука, богатство, многочисленность были на ихъ сторонѣ.

Здѣсь видимъ только борьбу званій, и споръ за

права, за раздѣлъ выгодъ. Не упоминаемъ о частныхъ дѣленіяхъ партіи парламентской и военной, искавшихъ своихъ пользъ. Но для всѣхъ были здѣсь неприкосновенными особа и власть короля. За сими общими дѣленіями скрывались враги короля, правительства, и существующаго порядка, враги болѣе опасные.

Такимъ врагомъ былъ близкій родственникъ Людовика XVI, Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, достойный правнукъ Регента. Пресыщенный жизнью, одинъ изъ богатѣйшихъ людей во Франціи, жадно хотѣлъ онъ власти, и не щадилъ совѣсти, не зналъ разбора въ средствахъ достигнуть цѣли. Буйная молодежъ, философы, мечтатели — всѣ были его друзьями, и все готовъ былъ онъ уступить, если только тѣмъ могъ купить престолъ королевскій. Льстя страстямъ, онъ притворялся другомъ народа и унижался передъ Королемъ и Королевою, скрывая свои гибельные замыслы.

Не менѣе его опасны были другіе мечтатели — приверженцы Англійскаго образа правленія, идеалисты, создавшіе себѣ планы несбыточныхъ Утопій и республикъ, и думавшіе осуществить свои мечты. Должно ли говорить о людяхъ, искавшихъ развлеченія въ предстоящемъ дѣлѣ отъ скуки жизни, желавшихъ хоть чемъ нибудь развлечь себя, и о людяхъ, старавшихся отличиться даромъ слова, блескомъ ума?

Наконецъ, въ глубинѣ скрывались люди, искавшіе только смятеній, готовые на все, ибо имъ не-

чего было терять, и все могли они выиграть — безумцы, жаждавшіе славы, чего бы она ни стоила, богатствъ, чѣмъ ни должно бъ было купить ихъ, почестей, какъ ни дорого достались бы онѣ. Сюда принадлежали изступленные фанатики свободы, оскорбленные честолюбцы, раззорившіеся знатные, опозоренные развратомъ люди высшихъ семействъ, готовые продать себя всѣмъ партіямъ, всѣмъ мнѣніямъ.

Таково было безобразное смѣшеніе мнѣній, цѣлей, страстей, разсчетовъ, которому передавали судьбу Франціи, называя его *Генеральными Штатами.*

Изъ всѣхъ древнихъ постановленій Франціи Генеральные Штаты болѣе всѣхъ были забыты, ибо съ 1614 года уже не было примѣра ихъ созванія. Такъ называли до XVI вѣка собраніе депутатовъ отъ дворянства, духовенства и народа, которыми утверждались всѣ новые законы, новые налоги, объявленіе войны и заключеніе мира. Ришельё уничтожилъ ихъ. Надобно было отыскивать древнія постановленія для назначенія порядка выбора депутатовъ, опредѣленія образа совѣщаній ихъ, и другихъ подробностей. Начались споры, и рѣшено было утвердить все предварительнымъ Собраніемъ высшаго дворянства и духовенства (Assemblée des notables). Оно открылось въ Ноябрѣ 1788 года. Главнѣйшій вопросъ состоялъ въ числѣ депутатовъ Среднихъ званій, какъ болѣе другихъ многочисленнаго сословія: должно ли было уравнять его противъ двухъ другихъ

сословій, или удвоить, ибо равное число не могло быть полнымъ представителемъ народнаго мнѣнія? Второй вопросъ: всѣ три званія должны разсуждать о дѣлахъ вмѣстѣ, или порознь? Оба вопроса произвели большія пренія. Никто не хотѣлъ допустить общихъ засѣданій, ибо согласиться на нихъ значило признать Среднія званія равными двумъ другимъ, когда согласіе сихъ двухъ званій уничтожало мнѣнія Среднихъ при засѣданіяхъ отдѣльныхъ, и доставляло имъ вѣрную побѣду. При такомъ условіи совѣщаній многіе считали позволительнымъ двойное число депутатовъ Среднихъ званій, и по несогласію другихъ рѣшеніе было предоставлено Королю. Онъ утвердилъ *раздѣльность совѣщаній*, и *двойное число депутатовъ Среднихъ званій*—ошибка бѣдственная, показывающая до какой степени не понимали состоянія дѣлъ и общества! Здѣсь невольно вспоминаемъ слова мудраго проповѣдника: «Богъ держитъ въ рукѣ Своей судьбы царствъ и сердца людей. То попуская страстямъ, то удерживая ихъ, Онъ движетъ жребіи рода человѣческаго. Являетъ ли Онъ побѣдителей? Ужасъ предходитъ предъ ними, и въ сердца воиновъ ихъ вселяется мужество непобѣдимое. Посылаетъ ли законодателей? Онъ даетъ имъ духъ мудрости и предвѣдѣнія, коими отвращаются бѣдствія, грозившія царствамъ, и полагается основаніе благоденствію народовъ. Ему вѣдома мудрость человѣческая, всегда суетная и ограниченная, но Онъ просвѣщаетъ ее, творитъ дальновидною, и едва оставитъ ее собствен-

ному невѣдѣнію ея, она ослѣпляется, падаетъ, низлагаетъ сама себя, запутывается въ своихъ собственныхъ ухищреніяхъ, и самыя предосторожности только губятъ ее. Такъ творитъ Онъ судъ неумытный по уставамъ своей мудрости, никогда не погрѣшающимъ. Отдаленныя причины готовитъ Онъ дѣяніямъ, и созидаетъ удары, коихъ дѣйствіе является разрушеніемъ. И когда попускаетъ его воля — падаютъ царства, и все становится бѣдно и обманчиво въ совѣтахъ царей!»

Во все время засѣданій Собранія дворянства и духовенства, тысячи брошюръ, волненія, споры, ожиданія волновали Францію. Въ концѣ 1788 года засѣданія кончились. Обнародованнымъ отъ Короля заключеніемъ Совѣта (Résultat du Conseil) велѣно начать выборы, и сильнѣе взволновалось все государство. Народные ораторы гремѣли въ избирательныхъ собраніяхъ. Столица, гдѣ и тогда считали уже болѣе полумилльона жителей, кипѣла дѣятельностью умовъ и горѣла пожаромъ страстей. Въ началѣ 1789 года собрались въ Версали всѣ депутаты Генеральныхъ Штатовъ, числомъ 1139. Отъ духовенства было 291 (48 архіепископовъ и епископовъ, 35 аббатовъ и настоятелей, 208 священниковъ), отъ дворянства 270 (242 дворянъ и 28 членовъ парламента), отъ среднихъ званій 578 (2 духовные особы, 12 дворянъ, 18 судей городовыхъ, 102 окружныхъ, 212 адвокатовъ, 16 медиковъ, 216 купцовъ и поселянъ).

«Такъ доведена была Франція до революціи.

Тщетно думало правительство предупредить ее, какъ потомъ тщетно хотѣло уничтожить. Выбирали министровъ послѣдователей новыхъ мнѣній и испытывали нововведенія, избирали министровъ противниковъ новыхъ мнѣній и употребляли власть — не помогало ни то, ни другое. Безполезно взывая къ царедворцамъ о бережливости, къ парламентамъ о налогахъ, къ капиталистамъ о займахъ, изыскивая новыя средства податей, обращаясь къ собранію дворянства и духовенства, и требуя участія ихъ въ общей тягости, всюду встрѣчали отказъ. Рѣшились призвать на совѣтъ всю Францію — и созвали Генеральные Штаты. Съ каждымъ званіемъ были переговоры прежде начала общихъ переговоровъ, и только необходимость заставила вызвать на дѣло тѣхъ, чьего посредничества и помощи равно опасались. Хотѣли ограничиться областными совѣтами, ибо, раздѣленные, они были безсильны, когда общее собраніе депутатовъ соединяло въ себѣ всю силу государства. Но сей рѣшительной мѣры требовала необходимость, ибо ежегодно умножались нужды правительства, и съ ними возрастало противоборство подвластныхъ. Отъ парламентовъ сопротивленіе перешло къ дворянству, отъ дворянства къ духовенству, отъ духовенства къ народу. По мѣрѣ того, какъ допускали каждому участокъ власти, каждый начиналъ сопротивленіе, пока всѣ оппозиціи слились наконецъ въ одну. Генеральные Штаты только утвердили переворотъ: онъ былъ уже начатъ гораздо прежде.»

Да, онъ былъ уже начатъ, сей страшный переворотъ, и ему оставалось только перейти по всѣмъ измѣненіямъ гибельной драмы страстей. Въ день открытія Штатовъ увидѣли, чего должно ожидать отъ пагубной мысли соединить въ собраніе Штатовъ все, что сколько лѣтъ тревожило и возмущало Францію. Мая 4-го 1789 года было торжественное шествіе Штатовъ въ Версальскую церковь св. Людовика. Его открывало духовенство, въ богатыхъ облаченіяхъ; за тѣмъ слѣдовало дворянство, облитое золотомъ, въ шляпахъ съ плюмажами; послѣ всѣхъ смиренно шли Среднія званія, въ черныхъ кафтанахъ, въ шляпахъ безъ перьевъ. Послѣднее мѣсто отвели представителямъ Среднихъ званій въ самомъ храмѣ Божіемъ. Духовенство и дворянство стали впереди. На другой день, въ одной изъ обширныхъ дворцовыхъ залъ (salle de Menus), ложи, устроенныя амфитеатромъ, наполнились зрителями. Первое введено духовенство, и заняло мѣста по правую сторону королевскаго трона. Затѣмъ ввели дворянство, занявшее лѣвую сторону. Среднія званія введены послѣднія, и заняли мѣста противъ трона. Громкія рукоплесканія зрителей привѣтствовали ихъ безмолвные ряды, сохранявшіе видъ глубокаго смиренія, но среди коихъ таились Мирабо, Сіейсъ, Робеспьеръ, Бальи. Изъявленія усердія встрѣтили Короля, окруженнаго принцами и Дворомъ. Когда онъ сѣлъ на тронѣ своемъ и надѣлъ шляпу, духовенство и дворянство послѣдовали его примѣру. Къ изумленію ихъ, къ

негодованію дворянства и духовенства, гордо надѣли шляпы свои депутаты Среднихъ званій. Здѣсь все было сказано безъ словъ. Они были равно представители народа, и въ ихъ лицѣ уничтожались всѣ прежнія общественныя неравенства.

Тогда началась борьба, и вскорѣ узнали на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Не изъявляя никакихъ требованій, Среднія званія прежде всего хотѣли равенства депутатовъ, и совокупныхъ засѣданій всѣхъ трехъ званій, слѣдственно, рѣшенія дѣлъ большинствомъ голосовъ. Но послѣ сего, при двойномъ числѣ депутатовъ Среднихъ званій, большинство голосовъ всегда долженствовало оставаться на ихъ сторонѣ. Предложеніе оскорбило депутатовъ дворянства и духовенства, и показало имъ опасность положенія дѣлъ. Они хотѣли сопротивляться, но сопротивленіе уже было безполезно. Среднія званія дѣйствовали постепенно, твердо, хладнокровно, съ вѣрною цѣлью. Умъ Сіейса, красноречіе Мирабо, твердость Бальи руководствовали каждымъ шагомъ ихъ. Дворянство и духовенство были раздѣлены, не готовы на борьбу, увлекались разсчетами, не имѣли ни какой опредѣленной цѣли. За Среднія званія стояли толпы жителей Парижа. Ихъ защищали страсти и ожиданія, возбужденныя во всей Франціи. Парижъ глухо ревѣлъ, какъ буря, таящаяся въ нѣдрахъ океана. Тысячи негодяевъ, отребіе общества во всѣхъ столицахъ, готовы были явиться по первому слову. Бѣдствія голода, при стѣсненныхъ средствахъ прави-

тельства, возбуждали ропотъ бѣдныхъ и нищихъ. Остановка капиталовъ, прекращеніе занятій при робости людей богатыхъ, фабрикантовъ и промышленниковъ, умножали всеобщее замѣшательство. Начались народныя сборища въ Пале-Роялѣ, средоточіи дѣятельности и разврата, учредились *клубы*, или собранія, гдѣ сходились, кричали и спорили энтузіасты и горячія головы, и разжигали страсти люди буйные, искавшіе своихъ пользъ и выгодъ. Не только изъ всей Франціи, но даже изъ другихъ государствъ съѣзжались въ Парижъ приверженцы новыхъ мнѣній. Кромѣ умножившагося числа мѣлкихъ сочиненій, брошюръ, стиховъ, и тысячи средствъ передавать народу свое мнѣніе, изъ собранія Штатовъ, какъ будто электрическимъ ударомъ, разлетались каждая мысль, каждое слово во всѣ концы Франціи, и всюду начались народныя сборища и клубы. Бѣдствія умножили нерѣшительность и перемѣнчивость мнѣній и поступковъ Людовика XVI, и людей его окружавшихъ, и рядъ плачевныхъ событій, составилъ кровавую исторію Французской революціи.

На другой день послѣ открытія, явясь въ залу собранія, депутаты Среднихъ званій изъявили притворное изумленіе, что ихъ товарищи начали засѣданія отдѣльныя. Имъ отвѣчали, что таковы были прежній обычай и воля Короля. Они возразили, что избранные голосомъ отечества, всѣ члены Штатовъ равны передъ лицомъ его, и тогда только Король узнаетъ истинныя потребности и нужды народа,

*

когда при совершенной независимости мнѣній, дружескій союзъ соединитъ всѣ званія.

Дворъ и депутаты высшаго дворянства и духовенства поняли грозившую имъ опасность, и думали, что споръ о засѣданіяхъ послужитъ предлогомъ уничтожить Штаты. Опасность болѣе страшная заставляла забывать о причинѣ созванія Штатовъ. Такому рѣшенію воспротивились провинціяльные дворяне и мѣлкое духовенство. Раздоръ между ними умножалъ смѣлость Среднихъ званій. Напрасно уговаривали ихъ, грозили имъ. Іюня 3-го торжественно пригласили они служителей Церкви соединиться «во имя Бога мира и общаго блага», и 17-го Іюня объявили себя *единственными представителями государства*, съ тѣмъ, что если другіе депутаты не соединятся съ ними, ихъ должно будетъ почесть согласными на все, что опредѣлило *Государственное Собраніе* (Assemblée national), какъ назвали себя депутаты Среднихъ званій, отмѣнивъ наименованіе Генеральныхъ Штатовъ. За четыре дня до сего опредѣленія, три священника присоединились къ нимъ.

Медлить было нельзя. Во все время, пока продолжались излагаемыя нами, неожиданныя событія, при Дворѣ происходили совѣщанія между Королемъ и его министрами. У Королевы и любимицы ея, герцогини Полиньякъ, собиралось знатнѣйшее дворянство. Спорили и ничего не рѣшали. Неккеръ совершенно потерялъ голову, и предлагалъ послѣднее средство — отдать добровольно *что нибудь*, пока не

принудили уступить *всего*, и тѣмъ сохранить власть королевскую. Другіе хотѣли двинуть войска, и силою разогнать возмутителей. Король согласился на оба предложенія. Войску велѣно сближаться къ Парижу и Версали, и 23-го Іюня назначено засѣданіе королевское. Залу, гдѣ собирались депутаты Среднихъ званій, закрыли, подъ предлогомъ, что ее должно приготовить для засѣданія. Соединясь толпою у дверей сей залы, депутаты объявили права свои нарушенными, и сопровождаемые буйнымъ скопищемъ народа, перешли въ одну изъ залъ дворца, гдѣ придворные игрывали въ жёдепомъ (jeu de paume). Здѣсь простой столъ былъ трибуною президента и мѣстомъ его канцеляріи, и всѣ депутаты поклялись, не страшась смерти, продолжать засѣданія до тѣхъ поръ, пока составятъ прочныя государственныя постановленія (ne se séparer qu' après avoir donné une constitution à la France). На другой день засѣданія депутатовъ Среднихъ званій открылись въ церкви св. Людовика, и 145 депутатовъ духовенства, при громкихъ изъявленіяхъ радости, присоединились къ Среднимъ званіямъ. Іюня 23 открыто королевское соединенное засѣданіе всѣхъ трехъ званій. Король въ рѣчи своей строго упрекалъ Генеральные Штаты за ихъ раздоръ, подтвердилъ раздѣльность ихъ совѣщаній, сказалъ имъ о чемъ должно было разсуждать, и на что онъ согласенъ: установленіе новыхъ податей и новыхъ займовъ съ согласія Штатовъ; уничтоженіе налоговъ на соль; смягченіе повелѣній о личномъ

арестѣ (lettres de cachet); свобода книгопечатанія; равенство всѣхъ Французовъ передъ закономъ. Всѣ дальнѣйшія требованія строго запрещались. Король оставилъ засѣданіе, и за нимъ торжественно вышли дворянство и духовенство. Депутаты Среднихъ званій остались. «Что значатъ угрозы ихъ?» вскричалъ Мирабо. «Намъ хотятъ предписывать законы, когда насъ призвали спасти отечество, когда мы избраны двадцатью милльонами согражданъ? Гдѣ свобода совѣщаній? Для чего окружаютъ насъ войска? Какой Катилина угрожаетъ отечеству опасностью? Мы клялись, и не нарушимъ клятвы!» Общія восклицанія покрыли его слова. Церемоніймейстеръ придворный явился извѣстить, что засѣданіе кончилось. «Идите къ тому, кто послалъ васъ,» отвѣчалъ Мирабо, «и скажите ему, что мы собраны здѣсь волею государства, и насъ выгонятъ только штыками!» Клятва союза была возобновлена. На другой день 47 депутатовъ дворянства, предводимыхъ Герцогомъ Орлеанскимъ, соединились съ Средними званіями. Все духовенство требовало также соединенія. Предсѣдатель его, архіепископъ Парижскій, не соглашался. Народъ встрѣтилъ карету архіепископа каменьями, и едва могли спасти его отъ ярости народной. На другой день послѣдовало повелѣніе Короля — соединиться всѣмъ депутатамъ для совѣщаній. Дворянство вознегодовало, просило, умоляло отмѣнить повелѣніе — Король подтвердилъ его. Надлежало повиноваться, и

первая побѣда осталась за Средними званіями, послѣ двухъ-мѣсячной борьбы.

Съ ужасающею быстротою слѣдовали дальнѣйшіе успѣхи революціи. Робкое, противорѣчившее прежнимъ повелѣніе Короля о соединеніи депутатовъ, было слѣдствіемъ извѣстій о возмущеніи Парижанъ. Едва услышали о засѣданіи 23 Іюня, чернь, поджигаемая возмутителями, сбѣжалась толпами, и къ ней пристала королевская гвардія, оскорбленная тѣмъ, что подозрѣвая вѣрность ея, у нѣкоторыхъ гвардейцовъ отобрали оружіе и предали ихъ военному суду. Народъ освободилъ виновныхъ, и послалъ просить Штаты о защитѣ ихъ предъ Королемъ. Между тѣмъ успѣли опять уговорить Короля принять строгія мѣры. Войска придвинуты были къ Парижу. Часть ихъ введена въ столицу. Версаль наполнилась войскомъ. Маршалу Броліо велѣно принять начальство надъ нимъ. Неккеръ, идолъ народа, былъ уволенъ отъ министерства, и ему приказано тайно удалиться изъ Франціи. Онъ повиновался. Всѣ сіи распоряженія учинены по совѣту немногихъ приближенныхъ Людовика XVI, и оскорбили дворянство и духовенство. Рѣшились противиться любимцамъ королевскимъ, начали кротостью, и отправили депутацію къ Королю, умоляя его, прежде всего, удалить войско. Король отвѣчалъ отказомъ, и на другой день (Іюля 12) на мѣсто Неккера и другихъ министровъ назначены были ненавистные народу Галезьеръ, Фулонъ и Лапортъ. Общее негодованіе соединило всѣхъ депута-

товъ. Кто еще колебался, тотъ рѣшился. «Если мы собраны утвердить постановленія государства,» вскричалъ графъ Вирьё—«мы утвердимъ ихъ. Соединимся, обновимъ, укрѣпимъ, освятимъ клятвами союзъ нашъ!» —«Постановленія будутъ, или насъ не будетъ!» говорилъ герцогъ Ларошфуко. Восемдесятъ членовъ, предводимыхъ архіепископомъ Віеннскимъ, отправлены къ Королю, умолять его удалить войска и прекратить смятенія и раздоры. Король отказалъ еще разъ. Тогда единогласно положено утвердить собранію Генеральныхъ Штатовъ имя Государственнаго Собранія, считать его независимымъ отъ всякой другой власти, заняться преобразованіями, даже не выходить изъ засѣданій день и ночь, пока не кончатъ ихъ. Архіепископъ Віеннскій избранъ президентомъ Собранія. Генералъ Лафайэтъ вице-президентомъ. Бой сдѣлался открытый, и вскорѣ добровольно уступили Собранію, о чемъ оно умоляло смиренно.

Съ начала Іюля волненія въ Парижѣ не переставали, не смотря на присутствіе войскъ. Іюля 12, при извѣстіи объ отставкѣ Неккера, тысячи народа сбѣжались въ Пале-Рояль, и торжественно понесли по улицамъ бюсты Неккера и Герцога Орлеанскаго. Войска были выведены подъ ружье. Имъ велѣно разогнать бунтовщиковъ, но ихъ встрѣтили каменьями. Солдаты разсѣяли мятежную толпу выстрѣлами. Гвардейцы заступились за народъ, и на приказъ драться съ гвардейцами войско отвѣчало отказомъ. Испуганные неповиновеніемъ, спѣшили вывесть его

изъ столицы. Бунтовщики предались неистовой радости. Ночью они сожгли городскія заставы. По утру ударили набатъ, и толпы черни окружили ратушу (Hôtel de Ville), требуя оружія, учрежденія стражи изъ жителей, удаленія войскъ. Флессель, голова купеческій, думалъ обмануть мятежниковъ обѣщаніями. Составили комитеты для выбора городской стражи и начальниковъ ея, но проводили время, не рѣшаясь что дѣлать. Едва замѣтили обманъ Флесселя, ярость бунтовщиковъ сдѣлалась неукротимою. Толпы ихъ захватили ружья, сабли и пушки въ Инвалидномъ Домѣ, всюду разставили караулы, и 14 Іюля, угрожаемые пальбою изъ пушекъ Бастиліи, бывшей главною государственною тюрьмою, составлявшею родъ крѣпости въ Парижѣ, устремились къ ней. Коммендантъ Бастиліи защищался. Измѣна и ярость народная рѣшили бой. Бастилія была взята, разграблена, сожжена; коммендантъ и защитники ея погибли; смерть Флесселя заключила торжество бунтовщиковъ.

Въ Версали слышали о возмущеніи Парижа, но надѣялись, что войско укротитъ его. Положили послѣ того оружіемъ разогнать Собраніе, не щадя никого. Королева, братья Короля, придворныя дамы угощали войско, уговаривали его быть вѣрнымъ, хотя робѣли, и на случай опасности, приготовили экипажи. Собраніе продолжало свои засѣданія, безпрестанно посылало депутатовъ къ Королю, но ихъ не слушали, даже не допускали во дворецъ. Придворные стара-

лись скрыть отъ Короля опасность волненій Парижа. Спокойно легъ онъ спать. Ночью, вѣрный слуга его, герцогъ Ліанкуръ рѣшился открыть ему истину, вошелъ въ его спальню, упалъ на колѣни, и разсказалъ всѣ событія. Король слушалъ изумляясь. «Это бунтъ?» сказалъ онъ. «Нѣтъ, государь, не бунтъ — это переворотъ!» отвѣчалъ со слезами герцогъ Ліанкуръ (C'est une révolte?—Non, sire, c'est une révolution!).

Ужасъ объялъ Короля, Дворъ, и всѣхъ, кто еще думалъ противиться перевороту. Онъ умножился извѣстіемъ, что смятеніе, поджигаемое злоумышленными людьми, возмутило всю Францію, и что жители всюду вооружаются, и уничтожаютъ власть судей и воинскую стражу. Толпы бунтовщиковъ вездѣ сражались съ войсками королевскими, когда хотѣли ихъ укротить оружіемъ, и раздражаемыя сопротивленіемъ, грабили и жгли замки и помѣстья дворянъ. Разсѣянныя въ одномъ мѣстѣ, онѣ собирались въ десяти другихъ.

Первымъ дѣломъ Короля было рѣшеніе предупредить бѣдствіе согласіемъ на всѣ мѣры, какія Собраніе признаетъ за лучшія для общаго спокойствія и благоденствія. Іюля 17-го Людовикъ XVI явился въ собраніе: *Я и государство одно и тоже*, сказалъ онъ — *я ввѣряюсь вамъ*! Слова его встрѣчены восторгомъ. Велѣно немедленно удалить войска изъ Парижа и Версали. Послали звать обратно Неккера. Онъ возвратился торжественно. Для управленія Парижемъ утвержденъ новый порядокъ, и изъ жителей

его учреждена стража, въ которую должны были записываться всѣ безъ исключенія. Она названа гвардіею. Бальи, предсѣдатель собранія, назначенъ былъ меромъ Парижа, Лафайэтъ начальникомъ національной гвардіи. Сопровождаемый членами Собранія, Іюля 17-го Король пріѣхалъ въ Парижъ, простилъ всѣ неистовства Парижанъ, велѣлъ срыть Бастилію, и возвратился въ Версаль при радостныхъ кликахъ народа. Накапунѣ тайно удалились изъ Франціи, братъ Короля, графъ д'Артуа, съ женою и дѣтьми, герцогами Ангулемскимъ и Беррійскимъ, принцы Конде и Конти, герцогъ Полиньякъ, маршалъ Броліо, князь Ламбекъ, увозя съ собою свои сокровища и большіе капиталы. Ихъ примѣру слѣдовало множество знатнаго дворянства и высшаго духовенства. Бѣглецы сіи вообще назывались *эмигрантами*. Тысячи ихъ разсѣялись по Италіи и Германіи.

Кратко исчислимъ мы остальныя событія переворота, перешедшія всякое ожиданіе, въ теченіе четырехъ лѣтъ распространившія его дѣйствіе на всю Европу, и достигнувшія гибельной степени ужаса, пока не явился человѣкъ, предназначенный провидѣніемъ заключить переворотъ. Если мы успѣли изъяснить состояніе тогдашней Европы, и причины и объемъ событій во Франціи, намъ легко будетъ понять, какъ то, что слѣдовало потомъ съ половины 1789 до конца 1793 года, такъ и неожиданный переходъ дѣлъ переворота съ сего времени до 1800 года, когда Франція, обезумѣвшая на нѣсколько лѣтъ отъ меч-

тательной свободы, подчинилась деспотизму, какого дотолѣ не было примѣра въ ея исторіи. Здѣсь оправдалось извѣстное правило, что крайности сходятся.

Соображая событія до конца 1793 года, мы найдемъ, что причины дѣлъ, казавшихся современникамъ непостижимыми, были прежнія.

Съ одной стороны мысль о независимости, усиливавшаяся при каждомъ шагѣ впередъ, ибо каждый шагъ былъ успѣхомъ. Нерѣшительность и перемѣнчивость дѣйствій Людовика XVI, и сопротивленіе защитниковъ прежнихъ мнѣній, когда извнѣ началъ угрожать союзъ Европы, раздражили нововводителей, возбудили ярость и мщеніе, перешедшія въ непримиримую ненависть. Ими пользовались возмутители. Голоса добрыхъ, хотя и безразсудныхъ мечтателей заглушены были ревомъ кровожадныхъ чудовищъ. Жертвою злобы ихъ пали король и семейство его, пало все, что дерзнуло сопротивляться, пали первые зачинщики переворота, ибо съ отвращеніемъ и раскаяніемъ увидѣли они бѣдствія, до конхъ довели отечество. Мечта свободы, туманившая головы, опасность союзовъ Европы, непримиримость войны, когда, начавшись по личнымъ разсчетамъ, она сдѣлалась наконецъ борьбою за прежній и новый порядокъ дѣлъ, прежнія и новыя мнѣнія, и ужасъ, правившій Франціею въ то время, довели Французовъ до отчаянной рѣшимости побѣдить или умереть. При такой рѣшимости человѣкъ непобѣдимъ. Не щадили жизни,

безпрерывно угрожаемой плахою, и что еще могли щадить, о чемъ могли пожалѣть, чѣмъ не могли жертвовать?

Согласіе Короля на полномочіе Собранія, бѣгство эмигрантовъ, и опасность, временно грозившая представителямъ народа, произвели какое-то странное головокруженіе. Тѣ, кто были жаркими защитниками прежняго порядка дѣлъ, сдѣлались первыми ревнителями нововведеній. Августа 4-го, въ засѣданіи Собранія начались добровольныя отреченія отъ всѣхъ привиллегій и преимуществъ. Каждый наперерывъ спѣшилъ отъ чего нибудь отречься. Духовенство и дворянство отказались отъ всѣхъ феодальныхъ правъ, личной подчиненности поселянъ, суда помѣщичьяго, заказныхъ лѣсовъ и полей охоты, сбора десятинъ, родовыхъ правъ на мѣста и должности; уничтожили первенство по службѣ и чинамъ, права цеховъ, неравенство въ налогахъ и исключенія изъ нихъ, соединеніе нѣсколькихъ должностей въ одномъ лицѣ, пенсіи не по личной заслугѣ. Депутаты областей и городовъ отреклись отъ привиллегій, какія имѣли области и города. Утверждена свобода торговли, промысловъ, службы, суда, книгопечатанія. Все старое было разрушено. Затѣмъ приступили къ составленію новыхъ государственныхъ постановленій, и начали объявленіемъ *правъ человѣка и гражданина* (droit de l'homme et du citoyen). Начались споры, и Собраніе раздѣлилось на партіи. Одни, раскаиваясь въ безразсудномъ порывѣ пожертвованій, хотѣ-

ли удержать остатокъ прежняго порядка; другіе требовали введенія Англійской конституціи, съ двумя палатами; третьи считали необходимостью одну палату депутатовъ, избираемыхъ безъ разбора званій. Долго спорили о томъ: должно ли предоставить Королю власть только утверждать и отсрочивать утвержденіе проэктовъ закона, или уничтожать ихъ при несогласіи? Составленіе государственнаго уложенія (constitution) возложено было на комитетъ, членами коего избраны: Талейранъ, Сіейсъ, Ламетъ, Петіонъ, Блозо, Тарге, Бометцъ, Туре, Дюпоръ, Барнавъ, Шапелье и Демёнье, но каждый вопросъ, каждый пунктъ были рѣшаемы большинствомъ голосовъ. Занятіе продолжилось до Сентября 1791 года. Между тѣмъ безпрерывно издавались новыя постановленія. Постепенно уничтожили прежніе суды и парламенты, монашескіе ордена, различіе и наслѣдство званій, арестъ королевскимъ указомъ, откупа, внутреннія заставы, и наконецъ знаки отличій. Всѣ Французы объявлены равными, съ одинакимъ названіемъ каждому — *гражданинъ* (citoyen). Франція раздѣлена на равные департаменты, вмѣсто прежнихъ областей, съ назначеніемъ въ каждый епископа, избираемаго жителями. Всѣ духовныя имѣнія отобраны въ пользу государства. Духовенство удалено отъ гражданскихъ должностей, и обязывалось гражданскою клятвою въ независимости отъ Папы. Наконецъ у короля отнята власть объявлять войну и заключать миръ.

Защитники прежняго порядка согласились испы-

тать послѣднее средство — снова двинуть войска къ Версали. Слѣдствіемъ было возмущеніе Парижа, и 6-го Октября толпы пьянаго, буйнаго народа явились въ Версаль, требуя переселенія Короля въ Парижъ. Лафайэтъ спѣшилъ за ними съ народною гвардіею, укротилъ волненія, но Собраніе потребовало, чтобы для доказательства искренности своей, Король переселился въ Парижъ. Безобразныя толпы народа, Лафайэтъ, гвардія, и члены Собранія, проводили въ столицу Людовика XVI и семейство его. Засѣданія Собранія были переведены въ Парижъ. Положено укрощать силою народныя возмущенія, объявляя всякое покушеніе противъ короля беззаконнымъ. Между тѣмъ, невольникъ буйныхъ членовъ Собранія, Король принужденъ былъ присутствовать на годовомъ торжествѣ дня, въ который началась революція, 14 Іюля. Въ Сентябрѣ Неккеръ отказался отъ своей должности, и оставилъ Францію: онъ уже не годился для буйнаго сборища правителей, смѣявшагося надъ его умѣренными проэктами. Даже Мирабо содрогнулся при видѣ изрытой имъ самимъ бездны, гдѣ все могло погибнуть, и онъ первый. Сіейсъ, Лафайэтъ, Ларошфуко рѣшились составить новый клубъ, отдѣльный отъ Якобинскаго, гдѣ члены предавались всѣмъ неистовствамъ страсти къ нововведеніямъ. Защитники прежняго порядка дѣлъ не покидали своего намѣренія дѣйствовать оружіемъ. Надлежало исторгнуть изъ рукъ бунтовщиковъ и Собранія Короля и его семейство, ибо безъ того жизнь

нхъ была подвержена опасности. Здѣсь препятствіемъ былъ Лафайэтъ, все еще мечтавшій о мнимомъ благоденствіи, не зная, что Мирабо уже велъ тайные переговоры съ Королевою; цѣлью ихъ было спасеніе Короля и возстановленіе прежняго порядка. Мирабо обѣщали почести. Смерть прекратила новые замыслы его (Марта 2, 1791 г.), и не зная тайныхъ козней, его похоронили торжественно въ церкви св. Женевьевы, которую наименовали тогда *Пантеономъ*, и назначили мѣстомъ погребенія великихъ людей. Гробы Вольтера и Руссо были перенесены и поставлены подлѣ гроба Мирабо въ Пантеонѣ. Смерть Мирабо отняла послѣднія надежды Короля. Опасность умножалась. Онъ рѣшился бѣжать. Положено было, что Король и семейство его, переодѣтые, уѣдутъ въ Мецъ, гдѣ находился съ войскомъ преданный ему генералъ Буйлье. Здѣсь, надѣясь на вѣрность ввѣренныхъ ему войскъ, Буйлье хотѣлъ объявить манифестъ противъ мятежниковъ, идти на Парижъ, и уничтожить ихъ. Какъ ни трудно было исполнить предположеніе, Король согласился, успѣлъ укрыться отъ неусыпной стражи, и уѣхалъ изъ Парижа, ночью Іюня 20, съ супругою, сыномъ и немногими спутниками. Почти въ одно время съ нимъ бѣжалъ изъ Франціи братъ его, Графъ Прованскій. Онъ достигъ Брюсселя, но Короля узнали и остановили въ Вареннѣ. Поздно прискакалъ на освобожденіе его Буйлье съ отрядомъ солдатъ. Мятежники успѣли принять мѣры, и неудачный побѣгъ только разрушилъ по-

слѣднія связи народа съ его монархомъ. Всѣ, кто вѣрилъ, что Король искренно согласился на новый порядокъ дѣлъ, разувѣрились въ томъ. Тишина не была нарушена, но въ первый разъ явилась здѣсь мысль объ уничтоженіи королевскаго достоинства. Въ мрачномъ безмолвіи встрѣтили Людовика XVI жители столицы. Іюля 17 толпы народа собрались на Марсовомъ полѣ, и нѣсколько Якобинцовъ читали имъ прошеніе, которымъ требовали низверженія Людовика XVI. Лафайэтъ и Бальи явились съ народною гвардіею, разогнали скопище силою оружія, но не пособили Королю, возбудивъ только противъ себя общую ненависть. Подозрѣніе въ заговорѣ пало даже на Собраніе, и не могло утишиться, когда Король утвердилъ новыя постановленія Франціи, и присягнулъ въ исполненіи ихъ, Сентября 3, 1791 года. Новыя постановленія утвердили кореннымъ закономъ все, что было учинено Собраніемъ, послѣ чего, Сентября 29, торжественно закрыло свои засѣданія Собраніе, и Октября 1-го мѣсто его заступили вновь избранные депутаты, составившіе постоянное высшее правительство, подъ названіемъ *Государственнаго Законодательнаго Собранія* (Assemblée nationale législative). Король открылъ его, сидя на тронѣ, но уже всѣ видѣли, что тронъ монарха, лишеннаго всякой власти, былъ поставленъ надъ бездною, грозный ревъ коей страшно слышанъ былъ подъ землею. Оставалось сыскать случай къ развязкѣ, и новыя, внѣшнія причины ускорили развязку.

Европейскіе монархи и министры ихъ, большею частью, не постигали сущности дѣлъ во Франціи. Они не замѣчали ея издавна гибельнаго состоянія, видя Францію по прежнему дѣятельною участницею всѣхъ дипломатическихъ интригъ, и даже принявшею участіе въ войнѣ Американской, въ вооруженномъ неутралитетѣ сѣверныхъ державъ, и въ дѣлахъ Нидерландовъ и Швейцаріи. Слыша потомъ о финансовыхъ затрудненіяхъ, спорахъ, волненіяхъ, собраніи Штатовъ, думали, что видятъ прежнія междоусобія Фронды, и прежнія ссоры короля съ парламентомъ. Когда волненія усилились, Пруссія и Австрія были заняты смятеніями Нидерландовъ и Брабанта; Россія увлечена была войною съ Оттоманами и Швеціею, кончившеюся только въ 1790 и 1791 годахъ; Англія, истощенная Американскою войною, управляемая юнымъ министромъ Вилліамомъ Питтомъ (съ 1783 года), съ тайною радостью смотрѣла на дѣла Франціи, и видѣла въ нихъ свою безопасность. Когда зашумѣли событія 1789 года, и совершилось уничтоженіе всѣхъ прежнихъ правъ и привилегій, Августа 4-го, государи Европейскіе потому только обратили вниманіе на неожиданную новость, что при семъ случаѣ понесли убытки Германскіе князья, владѣвшіе разными помѣстьями въ Эльзасѣ и Лотарингіи. По жалобѣ ихъ Имперскому сейму, императоръ Іосифъ началъ переговоры. Людовикъ XVI обѣщалъ вознагражденіе, и ни бунты 1790 года, ни появленіе эмигрантовъ въ Германіи и Италіи, не производили никакихъ даль-

нѣйшихъ слѣдствій. Императоръ Леопольдъ старался мириться съ Султаномъ, велъ переговоры съ Пруссіею объ ограниченіи предпріятій императрицы Екатерины противъ Польши и Турціи, и усмирялъ Фландрію. И когда наконецъ разсказы эмигрантовъ, представлявшихъ Францію бѣдствующею, безъ денегъ, безъ войска, безъ власти и закона, возбудили участіе, не защищать права монарха Франціи, не утвердить снова тронъ его на вѣковыхъ основаніяхъ рѣшилась Европейская политика. Издавна своекорыстная и запутанная въ мѣлкой интригѣ, она увидѣла средство устроить свои дѣла на счетъ Франціи. Старый дипломатъ Австріи, нѣкогда боровшійся съ Фридрихомъ, Кауницъ расположилъ обширный планъ: соединенныя съ эмигрантами, Прусскія и Австрійскія войска должны были идти во Францію, уничтожить всѣ нововведенія, и возвратить Людовику XVI самодержавіе. Въ Павіи, лѣтомъ 1791 года, вели о томъ переговоры съ графомъ д'Артуа и Сардиніею, но сіи переговоры прикрывали только главную мысль Европейскихъ дипломатовъ, и тайнымъ договоромъ положено было слѣдующее: Императоръ возметъ Баварію, и отдастъ Фландрію Австрійскую и Французскую курфирсту, съ именемъ королевства Австразійскаго; Лотарингію получитъ одинъ изъ Австрійскихъ эрцъ-герцоговъ; Эльзасъ присоединится къ Германской имперіи, какъ было до Вестфальскаго мира; если Сардинія и Швейцарія приступятъ къ союзу, имъ назначатся участки изъ

областей Французскихъ, а Испаніи за союзъ ея отдадутъ Руссильонъ, Беарнъ, Корсику и Французскую часть Сенъ-Доминго. За неутралитетъ Екатерины ей отдавали изъ Польши Каменецъ и Подолію, Пруссіи Торунъ и Данцигъ отъ Польши, и Лузацію отъ Саксоніи; Императоръ бралъ Хотинъ и Сербію у Турковъ.

Договоръ Павійскій подтвержденъ при личномъ свиданіи императора Леопольда съ Прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ въ Пильницѣ, близъ Дрездена, 27 Августа 1791 года. Глубоко скрывая тайное предположеніе объ измѣненіяхъ въ Европѣ, и особливо о томъ, что избавители Людовика XVI, считая Францію легкою добычею, радовались случаю отторгнуть у нея обширныя области, и навсегда уничтожить силу ея, императоръ и король объявили, что находя смятенія Франціи дѣломъ общимъ для всѣхъ государей Европы, они употребятъ самыя дѣйствительныя средства (les moyens les plus efficaces), дабы поставить Французскаго короля въ положеніе, при совершенной свободѣ воли его, утвердить монархическое правленіе, *равно приличное правамъ государя и благоденствію государства.*

Графъ д'Артуа присутствовалъ при переговорахъ въ Пильницѣ; бѣглецъ Калонь былъ министромъ; Буилье, бѣжавшій послѣ неудачи Варенской, также присутствовалъ здѣсь, называясь министромъ Людовика XVI. Опасенія Германскихъ владѣтелей, несогласіе Екатерины, сомнѣніе другихъ державъ,

остановили исполненіе договора, и еще болѣе затруднило его отрицаніе Людовика XVI, проникавшаго коварную политику Кауница, и боявшагося вмѣшательства Европейскихъ государей и усиленія власти графа д'Артуа. Добровольное принятіе новыхъ постановленій Франціи Людовикомъ XVI, въ Сентябрѣ 1791 года, отнимало всякій предлогъ къ защитѣ его, хотя Швеція и Испанія не подтвердили новой Французской конституціи. Густавъ III мечталъ, что ему назначено быть спасителемъ Французскаго короля. Онъ соединился съ Екатериною (въ Октябрѣ 1791 года), требовалъ пособія другихъ, хотѣлъ самъ предводительствовать союзною арміею, ибо слава Карла XII была любимою мечтою его. Императоръ и Пруссія медлили.

Но для Франціи уже миновалось время прежней политики Европейской. Правители ея понимали, что рано или поздно имъ надобно будетъ защищать новый порядокъ дѣлъ отъ вмѣшательства Европейскихъ государей, и отражать хищенія политики, готовой воспользоваться смятеннымъ состояніемъ Франціи. Не скрывая своего опаснаго положенія, и видя нерѣшительность Европейскихъ дипломатовъ, они вѣрили въ успѣхъ, и готовились на борьбу, не только не страшась, но даже вызывая ее.

Мира ожидать было нельзя и медлить было невозможно. Объявленіе Пруссіи и Австріи, непріязнь Испаніи и Швеціи, и союзъ съ ними Россіи, убѣжище, данное въ Германіи эмигрантамъ, все показы-

вало отношенія другихъ державъ. Тысячи эмигрантовъ собрались въ Коблендѣ, гдѣ графъ д'Артуа протестовалъ противъ новыхъ постановленій Франціи, объявилъ себя «Намѣстникомъ Франціи,» и принялъ въ семъ званіи посланниковъ Россійскаго и Шведскаго, графа Румянцова и графа Оксенштирна. Другое собраніе эмигрантовъ было въ Вормсѣ. Третье, подъ начальствомъ Графа Прованскаго, именуясь «внѣшнею Франціею,» находилось въ Брюсселѣ. Эмиграція усиливалась, и объявленія эмигрантовъ, порицавшихъ правителей Франціи, и возбуждавшихъ противъ нихъ народъ, возмущали Францію, когда насмѣшки и похвальба бѣглецовъ не менѣе раздражали честолюбіе нововводителей. Они видѣли, что Людовикъ XVI безпрерывно ищетъ средствъ возвратить себѣ потерянную власть. Министры, избранные имъ, затрудняли всѣ дѣла, а между тѣмъ новымъ сильнымъ орудіемъ его сдѣлалось духовенство. Лишенное власти и имѣній, оно отказалось отъ присяги новымъ постановленіямъ, проклинало тѣхъ изъ своихъ собратій, кто соглашался на присягу, и призывало народъ къ возстанію за церковь. Области Кальвадосская, Жеводанская и Вандейская приняли сторону духовенства. Партіи уже терзали Францію — недоставало междоусобной войны, и она началась. Но ничто не спасало Людовика XVI, и только ускоряло гибель. Сопротивленіе короля и духовенства, и угрозы эмигрантовъ довели до послѣдней степени ожесточеніе противниковъ. Все еще сохраняя наружное почтеніе

къ особѣ короля, Законодательное Собраніе уже далеко перешло за предѣлы, которыхъ достигло Государственное собраніе. Слабую партію составляли въ немъ конституціонные члены, и ихъ пересиливала партія Жирондистовъ, необузданныхъ приверженцовъ неограниченной свободы, гдѣ отличались дарованіями Верньо, Гаде, Жансоние, Иснаръ, Кондорсетъ, Петіонъ, Бриссотъ. Съ ними соединялась третья партія, тогда еще не вполнѣ означившая свои намѣренія, партія отчаянныхъ демагоговъ, обладавшая республиканскими клубами и мнѣніемъ буйной черни. Здѣсь скрывались Робеспьеръ, Дантонъ, Демуленъ, Фабръ д'Еглантенъ, Сантерръ.

Желая положить предѣлъ волненіямъ, Собраніе утвердило, что всѣ эмигранты, и братья королевскіе, должны возвратиться во Францію въ назначенный для того срокъ, послѣ коего они объявлялись врагами отечества, и имѣнія ихъ отбирались въ пользу народа. Опредѣлили рѣшительную присягу духовенству. Всѣ неприсягнувшіе духовные подвергались суду и наказанію. Какъ мѣры необходимыя, Людовику XVI предложили смѣну министровъ, защищеніе границъ Франціи войскомъ, немедленное требованіе отвѣта отъ Императора и другихъ государей о дружбѣ или враждѣ, и объявленіе войны, если отвѣты ихъ будутъ неудовлетворительны. Король не смѣлъ противиться. Эмигранты и неприсягнувшее духовенство, послѣ тщетнаго призыва къ покорности, подверглись осужденію. Министровъ смѣнили. Мѣста ихъ

заняли Жиронднсты, Лакостъ, Клавьеръ, Дюрантонъ, Серванъ, Дюмурье, и республиканецъ Роландъ. Войска двинулись къ границамъ. Генералъ Рошамбо, съ 40.000 войска, сталъ у Дюнкирхена, Лафайэтъ съ 45.000 далѣе на югъ до Вейссенбурга, Люкнеръ съ 35.000 по берегамъ Рейна, Монтескьу прикрылъ границы Испаніи и Италіи. Видя вооруженіе Французовъ, Австрія и Пруссія также сдвинули войска къ границамъ. Послѣ нерѣшительныхъ отвѣтовъ Императора въ началѣ 1792 года, Апрѣля 20 Людовикъ XVI въ засѣданіи Законодательнаго Собранія объявилъ войну Австріи. Еще прежде Авиньонъ, область въ южной Франціи, принадлежавшая Папѣ, отнята у него (въ Сентябрѣ 1791 года), и правители папскіе высланы.

Казавшаяся жертвою безначалія, позорищемъ буптовъ, легкою добычею непріятелей, Франція вызывала на бой Европу «Европу,» повторяемъ, ибо смѣлость ея правителей оскорбила государей Европейскихъ и укрѣпила союзы ихъ. Положили дѣлиться послѣ, но воевать немедленно. Франція не довольствовалась объявленіемъ войны. Она подкрѣпила слова дѣломъ, и войска ея перешли за границы Фландріи и Италіи. Объявленіе войны воспламенило всѣхъ Французовъ и было встрѣчено народнымъ восторгомъ. Но если занятіе беззащитнаго Базеля обрадовало Французовъ, дѣла во Фландріи, казалось, осуществляли надежды на легкость успѣха непріятелей. Четырнадцать тысячь войска, предводимаго Дильономъ

и Бирономъ пошли на Турне и Монсъ, и 28 Апрѣля бѣжали при первыхъ выстрѣлахъ непріятельскихъ. Солдаты убили Дильона, хотѣвшаго остановить ихъ. Биронъ отступилъ въ безпорядкѣ. Рошамбо испугался, просилъ отставки. Лафайэтъ едва успѣлъ соединить бѣглецовъ. Радость распространилась между союзниками и эмигрантами. Слѣдствіемъ неудачи Французовъ былъ союзъ Короля Прусскаго и Императора Франца (вступившаго на престолъ по кончинѣ Леопольда, въ 1792 году). Іюня 26-го они объявили войну Франціи. Кромѣ Австрійской арміи во Фландріи, предводимой генераломъ Клерфетомъ, другой арміи на верхнемъ Рейнѣ, подъ начальствомъ князя Гогенлоге, 4000 Пруссаковъ и 12.000 Гессенцовъ, предводимыхъ ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ — 50.000 Пруссаковъ, 20.000 Австрійцовъ, и 10.000 эмигрантовъ, составили армію, подъ предводительствомъ стараго Прусскаго генерала, Герцога Брауншвейгскаго. Сей арміи предположено вступить во Францію и идти прямо на Парижъ. Іюля 25, въ Кобленцѣ, Герцогъ Брауншвейгскій обнародовалъ манифестъ. Онъ объявлялъ, что идетъ уничтожить безначаліе и возвратить права и власть королю Французскому. Требуя немедленной покорности, онъ называлъ бунтовщиками всѣхъ правителей Франціи, угрожалъ истребить огнемъ и мечемъ города и селенія, которые будутъ защищаться, и объявлялъ, что за всякое покушеніе противъ спокойствія и особы Короля Парижъ преданъ будетъ грабежу и раз-

здѣсь Греческихъ купцовъ, отнялъ у нихъ всѣ товары; но отъ Греческой торговли зависѣло богатство и значеніе Кіева, слѣдовательно богатство казны великокняжеской, и вотъ Всеволодъ принужденъ былъ прекратить грабежи Давида обѣщаніемъ дать волость, и точно назначилъ ему Дорогобужъ[79] на Волыни. Но этимъ распоряженіемъ Всеволодъ не прекратилъ, а еще болѣе усилилъ княжескія распри: Ярополкъ Изяславичь, Князь Волынскій, въ отдачѣ Дорогобужа Давиду видѣлъ обиду себѣ, намѣреніе Всеволода уменьшить его волость, и потому началъ злобиться на Всеволода[80], собирать войско, по наущенью злыхъ совѣтниковъ, прибавляетъ лѣтописецъ[81]. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ послалъ противъ него сына своего Владиміра, и Ярополкъ, оставя мать въ Луцкѣ, бѣжалъ въ Польшу. Луцкъ сдался Мономаху, который захватилъ здѣсь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имѣнье, а во Владимирѣ посадилъ Давида Игоревича. Вѣроятно въ это время Червенскіе города, область послѣдующаго Галицкаго княжества, были утверждены за Ростиславичами, потому что послѣ мы видимъ старшаго изъ нихъ Рюрика Княземъ въ Перемышлѣ; очень вѣроятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у Поляковъ, союзниковъ Ярополковыхъ[83], не безъ согласія Всеволода. Но въ слѣдующемъ году Ярополкъ пришелъ изъ Польши, заключилъ миръ съ Мономахомъ и сѣлъ опять въ Владимирѣ; вѣроятно такому обороту дѣлъ много содѣйствовала прежняя дружба Мономахова къ Ярополку, благодарность стараго Всеволода къ отцу его Изяславу, и нежеланіе ссориться съ сыновьями послѣдняго, изъ которыхъ старшій долженъ былъ получить старшинство по смерти Всеволодовой. Ярополкъ однако не долго пользовался возвращенною волостію: посидѣвъ нѣсколько дней во Владимирѣ, онъ поѣхалъ въ Звенигородъ[84], одинъ изъ городовъ Галицкихъ; когда Князь дорогою лежалъ на возу, то какой-то Нерадецъ, какъ видно находившійся въ дружинѣ и ѣхавшій подлѣ на лошади, ударилъ его саблею; Ярополкъ приподнялся, вынулъ изъ себя саблю, и громко закричалъ: «охъ, этотъ врагъ меня покончилъ!» Нерадецъ бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, а Ярополкъ умеръ отъ раны; отроки взяли его тѣло, и повезли сперва во Владимиръ, а потомъ въ

избранный тогда въ Парижскіе меры, едва уговорилъ народъ успокоиться. Конституціонисты возопили противъ безчинствъ народныхъ. Республиканцы не скрывали своихъ мнѣній, и грозили новымъ возстаніемъ черни. Лафайэтъ прискакалъ изъ арміи въ Парижъ, и со стыдомъ возвратился въ армію, видя голосъ свой безсильнымъ. Манифестъ Герцога Брауншвейгскаго довершилъ волненіе умовъ. Собраніе объявило «отечество въ опасности,» узнавъ о движеніи союзниковъ съ Рейна. Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ, Демуленъ возмутили народъ, и укротить его уже не было возможности. Прибытіе Марсельскихъ отрядовъ войска усилило число мятежниковъ. Августа 3-го подали Собранію просьбу о низложеніи короля; оно отвергло ее. Въ ночь на 10 Августа Парижъ ужаснуло страшное возмущеніе черни. Толпы собрались въ ратушу, составили временное правленіе, и бросились въ Тюльери. Тамъ собраны были полки народной гвардіи, сбѣжались немногіе приверженцы короля, и до 900 Швейцарцовъ защищали дворецъ. Нѣсколько десятковъ тысячь народа, съ пушками и оружіемъ, окружили отвсюду Тюльери. Видя малочисленность защитниковъ, сомнительную вѣрность народной гвардіи, Людовикъ XVI съ семействомъ едва могъ пробраться въ Собраніе. Услышавъ, что король спасся, бунтовщики яростно бросились во дворецъ. Дворяне и Швейцарцы погибли въ битвѣ. Дворецъ былъ опустошенъ. Съ яростными кликами окружили бунтовщики Собраніе, требуя низложенія короля. Лю-

довикъ XVI-й слышалъ споры о судьбѣ его между членами Собранія. Они заключились временнымъ устраненіемъ королевской власти. Людовикъ XVI и семейство его были отведены подъ стражею въ Люксанбургъ. Торжество побѣды, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о вступленіи союзныхъ войскъ во Францію, усиливало всюду смятеніе народное. Бѣгство Лафайэта еще болѣе увеличило его. Лафайэтъ хотѣлъ убѣдить войско на защиту короля, увидѣлъ себя всѣми оставленнымъ, и бѣжалъ за границу. Измѣна не спасла жалкаго народнаго героя. Пруссаки арестовали его, и заперли въ Магдебургскую крѣпость, а потомъ передали Австрійцамъ, которые заставили его въ Ольмюцкой тюрьмѣ размышлять о бѣдствіяхъ, какія навлекло его безразсудное желаніе перемѣнъ. Крикъ объ измѣнѣ Лафайэта соединился съ воплями противъ короля. Требовали ареста всѣхъ враговъ отечества. Поручивши войско Дюмурье, Собраніе медлило исполненіемъ другихъ требованій, ожидая голосовъ изъ армій и областей, гдѣ производились выборы въ члены новаго Собранія, долженствовавшаго рѣшить участь Франціи. Безпорядки въ Парижѣ дошли до послѣдней степени. Дантонъ самовольно захватилъ множество людей, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ; безъ разбора званія, пола и возраста, бросили ихъ въ тюрьмы, и безъ суда велѣли рѣзать: три дня продолжались убійства. Сентября 20 открыли новое собраніе, подъ именемъ Государственнаго Конвента (Convention nationale), и въ первомъ засѣданіи его опредѣ-

лили низверженіе короля и учрежденіе Французской республики. Еще прежде народъ разбилъ статуи короля, и уничтожилъ всѣ знаки королевскаго достоинства. Король и семейство его были переведены въ Тампльскую тюрьму.

Можно было почесть дѣйствіемъ отчаянія поступки Французовъ, если вспомнимъ, что исчисленные нами ужасы, съ 10-го Августа, производились въ то время, когда сто двадцать тысячь союзниковъ, тремя путями, шли къ Парижу. Походъ былъ смѣлый и быстрый. Не встрѣчая сопротивленія, союзники заняли Августа 24-го Лонгви, послѣ легкаго бомбардированія, и 30-го обложили и взяли Вердюнъ: половина пути до Парижа была пройдена. Слабыя, разбросанныя войска Французскія всюду отступали. Ужасъ овладѣлъ Парижемъ. Конвентъ собирался бѣжать. Дантонъ остановилъ его. Дюмурье успѣлъ собрать бѣдныя толпы бѣглецовъ, и укрѣпиться лагеремъ въ Аргонскомъ лѣсу. У него не было и 25,000 войска. Бернонвиль спѣшилъ къ нему на помощь отъ границъ Фландріи съ 9000, Келлерманъ изъ Меца съ 22,000. Послѣ взятія Вердюна, союзники хотѣли обойдти лагерь Дюмурье, и принудить его сдаться военноплѣннымъ. Ночью, 14 Сентября, онъ успѣлъ отступить, перешелъ рѣку Энъ, и укрѣпился при Сенъ-Менегулѣ; Сентября 17 соединились съ нимъ Келлерманъ и Бернонвиль. Число войска у Дюмурье возрасло до 70,000 человѣкъ. Тогда совершилось событіе непостижимое: грозная, сто двад-

цати тысячная армія, предводимая старымъ вождемъ, при которомъ находились король Фридрихъ-Вильгельмъ и графъ д'Артуа, остановлена была, какъ будто какою нибудь волшебною силою. Сентября 20 союзники напали на Келлермана при Вальми; началась канонада, смолкла къ вечеру, союзники отступили и начали переговоры; имъ гордо отвѣчали, что «Французская республика не будетъ слушать никакихъ предложеній, пока непріятель не очиститъ областей ея.» Сентября 30, послѣ десятидневнаго бездѣйствія, началось поспѣшное отступленіе союзной арміи, походившее на бѣгство. Множество больныхъ было брошено; оставлены обозы и снаряды. Дюмурье спѣшилъ въ Парижъ торжествовать побѣду, предоставляя Келлерману преслѣдовать непріятеля. Въ концѣ Октября вся армія союзная, безъ обозовъ, совершенно разстроенная, перешла за Рейнъ, и въ одно время начались повсюду наступательныя дѣйствія Французовъ. Кюстинъ овладѣлъ Майнцомъ и Франкфуртомъ, въ Октябрѣ. Дюмурье, Ноября 6-го, далъ битву Жемаппскую, гдѣ въ первый разъ, при кликахъ: Vive la nation! республиканцы, въ упорномъ бою, разбили войска союзниковъ, бывшія подъ начальствомъ Герцога Саксенъ-Тешенскаго и генерала Клерфета. Побѣжденный непріятель отступилъ въ безпорядкѣ. Вся Бельгія занята была Французами. Турне, Гандъ, Валансъ, Шарльруа, Намуръ, Антверпенъ сдались. Ноября 14-го Дюмурье занялъ Брюссель, Декабря 16-го Ахенъ. Монтескью, въ Сентябрѣ,

вошелъ въ Савоію, и черезъ два дня вступилъ въ Шамбери. Женева спѣшила заключить съ нимъ договоръ о неутралитетѣ. Генералъ Ансельмъ занялъ Ниццу. Въ Ноябрѣ Французская эскадра была передъ Неаполемъ, и потомокъ Бурбоновъ, Король обѣихъ Сицилій, первый изъ Европейскихъ государей призналъ Французскую республику.

Обширныя слѣдствія повела за собою война 1792 года. Она утвердила торжество переворота, усилила ненависть преобразователей ко всему, что еще оставалось отъ прежняго порядка дѣлъ — имя короля и аристократа сдѣлалось ненавистнымъ. Мечты о свободѣ, мысль избавить весь міръ отъ всѣхъ условій, отъ всего, что стѣсняло первобытное равенство людей, обуяли умы. Не только утвердить новыя идеи, новый порядокъ дѣлъ во Франціи, но своимъ примѣромъ и силою оружія распространить ихъ во всей Европѣ — таково было общее стремленіе Франціи, восторженной успѣхомъ. Главною мѣрою для исполненія предпріятій принято Конвентомъ уничтоженіе всѣхъ враговъ новаго порядка и противниковъ ему, если нельзя было принудить ихъ къ согласію и покорности. Объявлена смерть всѣмъ эмигрантамъ и неприсягнувшему духовенству. Еще болѣе страшная жертва готовилась, какъ залогъ того, что никакое достоинство, никакое званіе не защита противъ свирѣпой мести республиканцовъ. Въ ихъ рукахъ былъ низверженный съ престола властитель Франціи, и въ Ноябрѣ опредѣлено *Людови-*

ка Капета — такъ называли тогда короля Людовика XVI — судить, какъ государственнаго преступника. Поводомъ къ обвиненію были бумаги, найденныя въ Тюльери, переписка его съ иностранными государями, гдѣ изъявлялъ онъ свое согласіе на союзъ ихъ, и освобожденіе его оружіемъ союзниковъ. Здѣсь нашли также сношенія Двора съ Мирабо. Мстя отступнику даже и послѣ смерти, велѣли выкинуть прахъ Мирабо изъ Пантеона, и предать кости его поруганію рукою палача. Ноября 6-го опредѣленъ судъ надъ Королемъ. Приведенный передъ собраніе Конвента, Людовикъ XVI былъ величественъ смиреніемъ христіанина. Ему позволили оправдываться. Мальзербъ, нѣкогда министръ вмѣстѣ съ Тюрго, просилъ позволенія быть адвокатомъ Короля. Изложивъ оправданіе монарха, онъ заключилъ словами: «Хотите ли слышать голосъ Исторіи? Она скажетъ: Людовикъ двадцати лѣтъ вступилъ на престолъ, и былъ образцомъ нравственности, правосудія и бережливости; безъ слабостей являлся онъ; ни одна страсть не преобладала имъ, и всегда былъ онъ вѣрнымъ другомъ народа. Народъ хотѣлъ освобожденія отъ бремени податей—Людовикъ освободилъ его. Народъ хотѣлъ личной независимости — Людовикъ исполнилъ его желаніе. Народъ требовалъ перемѣнъ — сдѣланы; измѣненія законовъ — измѣнены; возвращенія правъ — возвращены; свободы — дана! Кто оспоритъ у Людовика славу быть первымъ изъ всѣхъ насъ на всѣ пожертвованія? Умолкаю, и ука-

зываю вамъ на Исторію. Вспомните, что она будетъ повѣрять вашъ судъ, и приговоръ ея повторятъ вѣка!»

Слабый голосъ старца заглушенъ былъ воплями кровожадныхъ судей. Смерть изречена царственному мученику. Со слезами принесъ ему Мальзербъ вѣсть о приговорѣ. Людовикъ XVI выслушалъ ее безъ страха. «Два часа сижу я и думаю,» сказалъ онъ спокойно, «чѣмъ могъ я заслужить упреки моихъ подданныхъ? Клянусь, какъ человѣкъ, которому суждено скоро предстать предъ судъ Божій, клянусь, что всегда желалъ я благоденствія подданныхъ, и ни одною мыслью противною не посягнулъ противъ нихъ!» Съ кротостью христіанина предсталъ онъ передъ безмолвною толпою народа на эшафотѣ, и сказалъ: «Умираю невиннымъ, прощаю врагамъ, а ты, несчастный народъ....» Барабанный бой заглушилъ его слова. Духовникъ, бывшій при немъ возгласилъ, когда царственная глава его легла подъ гильотину: «Fils de saint Louis, montez au ciel (Иди на небо, сынъ святаго Людовика)!» и кровь мученика обагрила эшафотъ, Января 21, 1793 года.

Тогда учредили временное управленіе Франціи съ неограниченною властью, подъ названіемъ *Комитета общественнаго спасенія*. Въ Іюнѣ 1793 года утверждены новыя постановленія государства. Гоненіе обратилось на Жирондистовъ. Какъ прежде они обвиняли въ недостаткѣ ревности къ преобразованіямъ конституціонистовъ, такъ обвиняли теперь ихъ анар-

хисты, вообще составлявшіе отдѣленіе Конвента, извѣстное подъ именемъ *Горы*, предводимое Робеспьеромъ и его товарищами. Окруженный толпами вооруженнаго народа и пушками, Конвентъ опредѣлилъ осужденіе Жирондистовъ; 22 человѣка изъ нихъ были брошены въ тюрьму, другіе бѣжали. Казнь безъ суда грозила всѣмъ по первому подозрѣнію. Еще въ Ноябрѣ 1792 года Конвентъ объявилъ, что хочетъ освободить всѣ народы, призываетъ ихъ на союзъ, и во всякой странѣ, покоряемой Французскимъ оружіемъ, велѣно немедленно объявлять вольность, свободу и равенство, уничтожать всякую существовавшую прежде власть, передавать ее народу, учреждать республики, преслѣдовать и не щадить противниковъ. Приказъ Конвента не только исполненъ былъ во всѣхъ занятыхъ Французами областяхъ, но Фландрія, Савоія, Ницца присоединены къ Французской республикѣ, и объявлены Французскими областями.

Если страхъ и изумленіе, произведенные успѣхами Французскаго оружія, остановили и разстроили союзы Европейскихъ государей, всѣ разсчеты прежней политики уничтожились передъ ужасами переворота, дѣлами правителей Франціи, и кровь Людовика XVI раздѣлила Европу на двѣ непримиримыя половины кровавою полосою. Франція угрожала всѣмъ основаніямъ общественнаго порядка Европы. Не довольствуясь открытою и явною борьбою и битвами, она разжигала страсти, призывала на помощь всѣ пороки, не страшилась злодѣяній. Толпы тайныхъ

агентовъ ея разсыпаны были по всей Европѣ; тысячи безбожныхъ книгъ, безнравственныхъ пѣсенъ, возмутительныхъ гравюръ разсѣявались повсюду. Подозрѣвали участіе революціонеровъ въ смерти Густава III и Іосифа II, и если подозрѣніе было несправедливо, тѣмъ не менѣе ему вѣрили. Надлежало положить предѣлъ, и все соединилось на борьбу противъ враговъ власти, порядка, религіи, всего, что дотолѣ было священно человѣку. Европа возставала всеобщимъ ополченіемъ.

Начало новаго союза положено договоромъ Императора, Пруссіи и Германской имперіи. Здѣсь увидѣли однакожь всю обветшалость состава Европейской іерархіи, и несообразность прежняго порядка съ измѣнившимися общественными отношеніями. Ни опасность, ни убѣжденіе не могли побѣдить хитростей политики, столько вѣковъ бывшей наукою лжи и обмана. Не могли истребить мѣлкаго своекорыстія страстей, не могли устранить вещественныхъ формъ, затруднявшихъ быстроту дѣлъ; и непреодолимое препятствіе составилъ наконецъ недостатокъ средствъ для всеобщаго вооруженія. Не было денегъ, при истощеніи финансовъ во всѣхъ государствахъ Европы. Въ одинъ походъ уничтожились всѣ запасы Пруссіи; надлежало прибѣгать къ займамъ и налогамъ.

Къ счастію, Франція рѣшала всѣ недоумѣнія своею безумною смѣлостью: отказъ Англіи и Голландіи признать Французскую республику былъ причиною объявленія войны республики обоимъ го-

сударствамъ (Февраля 1, 1793 года). Заступленіе Испаніи за Людовика XVI было послѣдуемо также объявленіемъ войны Испаніи (Марта 7). Съ другой стороны, на поприщѣ Европейской политики явился геній человѣка необыкновеннаго, *Вилліама Питта*. Уже нѣсколько лѣтъ правилъ онъ кормиломъ Британскаго государства, успѣлъ уврачевать раны, нанесенныя безразсуднымъ управленіемъ его предшественниковъ, взвѣсилъ силы и средства Англіи, и постигъ тайну богатствъ и могущества ея. Съ ненавистью къ революціоннымъ началамъ, угрожавшимъ Европѣ, Питтъ умѣлъ соединить мысль о средствахъ возвеличить Англію. Онъ сдѣлался душею и двигателемъ союза Европейскихъ государей. Система государственнаго кредита, имъ изобрѣтенная, война, какъ средство распространить флотъ и владычество Англіи, сдѣлались неистощимыми источниками въ рукахъ его. Геній Питта умѣлъ примирить всѣ страсти и разсчеты, показывая себя выше ограниченной политики дряхлаго Кауница. Негодованіе, изъявляемое Екатериною противъ Франціи, было поводомъ къ первому союзу Англіи съ Россіею (Марта 4, 1793 г.). За тѣмъ слѣдовали союзы Англіи съ Сардиніею, Испаніею, Неаполемъ, Португаліею, Пруссіею, Императоромъ, Германскими Князьями (Гессенскимъ и Баденскимъ). Даже властитель Марокскій объявилъ войну Французской республикѣ, и только близость опасности, ибо онѣ сдѣлались бы первыми жертвами войны, не имѣя возможности защищаться,

заставила сохранить неутралитетъ Швейцарію, Тоскану, Геную, Венецію. Отказъ отъ союза Даніи навлекъ на нее упреки всѣхъ государствъ. Смерть Густава III-го удалила отъ союза Швецію. Тѣмъ ревностнѣе было усердіе другихъ. Казалось, Европа поднялась въ новый крестовый походъ противъ западныхъ варваровъ, страшныхъ болѣе варваровъ востока. Папа гремѣлъ противъ нихъ анаоемами. Государи взывали къ подданнымъ во имя Бога и чести государственной. Питтъ не щадилъ пособій деньгами. Положено вторгнуться во Францію изъ Голландіи, Германіи, Италіи, Испаніи. Соединенные флоты Британіи, Испаніи и Неаполя должны были очистить отъ Французовъ Средиземное море. Войска Англійскія соединялись съ Австрійскими, Прусскими и Нидерландскими. Флотъ Англійскій готовился дѣйствовать на берега Франціи и занять колоніи республики.

Въ то время, когда вся Европа возставала противъ Франціи, бѣдствія междоусобной войны угрожали ей новою гибелью. Жирондисты, бѣжавшіе изъ Парижа, возбудили мятежи въ Кальвадосѣ и Бретани. Вандея, гдѣ жители преданы были королю, дворянству и духовенству, соединилась противъ тирановъ Франціи. Полчища Вандейцовъ составили болѣе 40,000 войска, подъ предводительствомъ Бошана, Эльбе и Шаретта. Югъ Франціи, приверженный къ католицизму, поднялъ знамена возстанія. Марсель, Тулонъ, Бордо сдѣлались мѣстами соединенія защитниковъ вѣры и прежняго порядка дѣлъ. Наконецъ волненіе

подвигло Ліонъ, второй городъ послѣ Парижа по богатству, промышленности и народонаселенію. Близость Италіи сдѣлала его мѣстомъ скопища эмигрантовъ. Если изувѣрство республиканцовъ могло изумлять своимъ бѣшенствомъ, не менѣе изумительна была ненависть противъ ихъ противниковъ. Юная дѣвушка, Шарлотта Корде явилась въ Парижъ изъ Бретани, поразила кинжаломъ Марата, лютаго сообщника Робеспьерова, и привлеченная передъ судилище, смѣло отвѣчала: «Я зарѣзала его, ограждая жизнь другихъ, убила злодѣя, спасая невинныя жертвы, умертвила дикаго звѣря, безопася отечество!»

Не взирая на опасности, грозившія извнѣ и внутри, правители Франціи сами начали военныя дѣйствія въ 1793 году. *Семь армій*, подъ отдѣльными начальствами Дюмурье, Валанса, Бернонвилля, Кюстина, Келлермана, Бирона и Сервана, выставлены на Мозелѣ, на Рейнѣ, во Фландріи, Италіи и Пиренеяхъ; восьмая армія, Бурдоние, охраняла морскіе берега Франціи; девятая, Берюйе, составляла резервъ.

Вопреки предписаніямъ, Дюмурье, съ 20,000 войска, вошелъ въ Голландію, и занялъ Бреду и Гертруденбергъ. Походъ его далъ средства удачно начать дѣйствія союзникамъ. Марта 1-го, главнокомандующій союзными войсками, Принцъ Саксенъ-Кобургскій, товарищъ Суворова въ Рымникской битвѣ, стремительно ударилъ на Ахенъ, принудилъ Французовъ снять осаду Мастрихта, и разбилъ ихъ подъ

Литтихомъ. Принужденный обратиться вспять, Дюмурье отважился на битву, былъ разбитъ подъ Нервинодомъ и Лувеномъ, очистилъ всю Бельгію, и союзники заняли Брюссель, Марта 25-го.

Неудачи были здѣсь еще не столь опасны, сколь страшны были другія дѣйствія Дюмурье. Честолюбивый и коварный, бывши нѣкогда клевретомъ Шуазеля, потомъ приверженцомъ переворота, товарищъ Жирондистовъ, сообщникъ Якобинцовъ, онъ искалъ только власти и почестей. Ослѣпленный успѣхами 1792 года, оскорбляясь упреками за необдуманный походъ въ Голландію и удачи Австрійцовъ, онъ вздумалъ уничтожить правителей республики, быть Монкомъ Франціи, началъ переговоры съ Австрійцами, старался увлечь своихъ подчиненныхъ, слышалъ отказъ ихъ, и угрожаемый страшною местью, перешелъ къ непріятелю съ сыномъ Герцога Орлеанскаго, находившимся въ арміи, и небольшимъ числомъ приверженцовъ. Дампіеръ, принявшій начальство послѣ Дюмурье надъ войсками, не могъ противиться превосходству непріятельскихъ силъ. Кромѣ Австрійской арміи, предводимой Герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ, и соединенной Австрійско-Прусской арміи Клерфета, 20,000 Англичанъ, съ 20,000 имперскихъ войскъ и 17,000 Голландцовъ, предводимыхъ Принцомъ Оранскимъ, составляли третью армію. Дампіеръ былъ убитъ въ Сентъ-Амандской битвѣ. Кюстинъ не могъ воспрепятствовать взятію Конде и Валансьена, въ Іюлѣ 1793 года. Англичане

осадили Дюнкирхенъ, Австрійцы обложили Мобежъ.

Не менѣе несчастливы были дѣла республиканцовъ на Рейнѣ. Князь Гогенлоге и Вурмзеръ разбили корпусъ Богарне. Майнцъ сдался. Наслѣдный Принцъ Прусскій осадилъ Ландау. Послѣ битвъ при Пигеймѣ и Лаутербургѣ, Французы повсюду отступили въ безпорядкѣ. Союзники вошли въ Эльзасъ. Въ Италіи происходили нерѣшительныя битвы. Экспедиція противъ Сардиніи была уничтожена появленіемъ Англійскаго флота. Испанскія войска двинулись въ Руссильонъ, и заняли Колліуръ, Бельгардъ и Вилльфраншъ. Опаснѣе всего было занятіе союзниками Тулона. Страшась кроваваго возмездія правителей Франціи, жители Тулона сдали городъ и портъ Англійскому адмиралу Гуду, Августа 28, и провозгласили королемъ сына Людовика XVI-го, подъ именемъ Людовика XVII-го. Въ концѣ лѣта 1793 г. непріятели занимали Фландрію, Эльзасъ, Руссильонъ, Тулонъ, и половина областей Французскихъ возстала противъ владычества республиканцовъ. Питтъ торжествовалъ. Уже снова возраждалась надежда предписать законы мятежной Франціи въ стѣнахъ Парижа.

Тогда увидѣли, что могутъ изувѣрство и отчаяніе. Увѣренные, что возвращеніе къ прежнему невозможно, миръ непроченъ безъ побѣды, а нерѣшительность повлечетъ къ погибели, правители Франціи разорвали послѣднія связи съ Европою. *Франціи*

ніи *Европѣ* надлежало пасть въ борьбѣ. *Ужасъ, терроръ* (la terreur), какъ говорили тогда, долженъ владычествовать всюду. Казнь наложена была на цѣлые города и области за сопротивленіе правительству. Палачамъ безъ суда обречены были головы всѣхъ виновныхъ, всѣхъ подозрѣваемыхъ. Октября 16-го, супруга Людовика, королева Марія Антуанетта, подвергнутая позору суда, осыпаемая клеветами, какія только безумная ярость могла изобрѣсть, кончила на эшафотѣ страдальческую жизнь. Сестрѣ, сыну, дочери Короля готовилась одинакая съ нимъ участь. Черезъ двѣ недѣли послѣ казни Королевы возвели на эшафотъ Жирондистовъ: двадцать человѣкъ, въ числѣ коихъ были Бриссотъ, Верньё, Жансоне, ѣхали на казнь и пѣли пѣсню республиканцовъ: *Идите, дѣти отечества — насталъ день славы!* За ними везли на эшафотъ трупъ ихъ товарища, Валазе, смертью предупредившаго казнь. «Мы умираемъ, когда народъ обезумѣлъ — вы умрете, когда онъ опомнится!» говорилъ судьямъ своимъ Жирондистъ Лазурсъ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ Петіонъ, Кондорсетъ и Роландъ, спаслись отъ казни самоубійствомъ. Жену Роланда, отчаянную республиканку, казнили Ноября 9-го. «Свобода! сколько преступленій совершаютъ во имя твое!» воскликнула она, указывая на истуканъ вольности, поставленный противъ эшафота. Ноября 11-го казнили Бальи, бывшаго первымъ президентомъ Среднихъ званій въ собраніи Генеральныхъ Штатовъ. Ноября 6-го, при ру-

гательствахъ и проклятіяхъ черни, казненъ Герцогъ Орлеанскій.

Между тѣмъ, продолжая нововведенія, правители Франціи уничтожали все прежнее, что только могли отыскать. Они отмѣнили образъ лѣтосчисленія, введя новый календарь. Время велѣно считать съ 22 Сентября 1792 года, какъ дня основанія республики. Новый годъ начинался съ одиннадцатаго Сентября, и раздѣлялся на 12 мѣсяцовъ, каждый по 30 дней, съ пятью дополнительными днями. Далѣе слѣдовало измѣненіе мѣръ, вѣсовъ, монетъ. Истребляя всѣ памятники, разбивая гробницы, статуи, зданія, уничтожая архивы, безумцы торжественно уничтожили христіанскую вѣру, какъ суевѣріе и предразсудокъ. Одни предложили замѣнить ее вѣрою въ Высшее Существо (le culte de l'Être Suprême), другіе вѣрою въ Разумъ и Природу (le culte de la Raison et de la Nature). Каждая партія установила свои праздники, свои дни торжествъ. Словами: *гражданинъ* и *гражданка*, замѣнили прежнія условныя названія: monsieur, madame. Подражая Римлянамъ, перемѣняли имена, и назывались Брутами и Сципіонами. Человѣкъ, одѣтый благопристойно, считался аристократомъ и былъ осуждаемъ на казнь. Безобразіе, неопрятность, странность одежды, длинные, склоченные волосы, безстыдство и наглость въ разговорѣ считались отличіемъ *патріота*. Названіе: *безштанный* (sans-culotte) было почетнымъ титуломъ... Печальная картина заблужденій человѣчества...

И когда вся Франція представляла позорище страны, отказавшейся отъ всего, чѣмъ отличается человѣкъ, какъ существо разумное, собранію палачей ея, подъ именами *Комитета общественнаго спасенія* и *Комитета общей безопасности* (de sûreté générale) предано было управленіе. Здѣсь засѣдали: *Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Бильйо-Варенъ, Карно, Камбонъ, Барреръ.* Утвержденъ былъ страшный законъ, по которому при *одномъ подозрѣніи* Комитеты осуждали на казнь безъ суда. «Не щадите, главное—не щадите!» говорилъ Сенъ-Жюстъ. «Намъ должно побѣдить и погубить, или быть побѣжденнымъ и погибнуть. Мечъ правосудія быстро долженъ обращаться всюду»! На защиту отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ опредѣлено употребить все, идти въ битвы всѣмъ поголовно. «Пушечными выстрѣлами утвердимъ мы нашу республику» — говорилъ Дантонъ—«смерть намъ, или смерть тиранамъ»! — «Свобода», восклицалъ Барреръ — «кредиторъ всѣхъ: одни должны отдать ей свой умъ, другіе богатство, третьи опытъ, четвертые кровь! Всѣ Французы на защиту ея! Всѣ способности тѣлесныя и душевныя, желѣзо, золото, вода, огонь, воздухъ, земля — все за нее! Одни должны сражаться, другіе готовить оружіе, женщины шить одежду, дѣти щипать корпію, старики воспламенять мужество рѣчами! Превратитесь домы въ казармы, площади въ оружейные заводы, земля въ селитру! Республику нашу должно считать за осажденный непріятелями лагерь»! Поло-

жено, что всѣ Французы отъ 18 до 25 лѣтъ поступаютъ въ солдаты. Учрежденъ насильственный денежный поборъ 2000 милльоновъ. Вновь выпущены ассигнаціи, и подъ смертною казнью запрещено понижать ихъ курсъ.

Миллъонъ двѣсти тысячъ человѣкъ поголовнаго ополченія, снабженныхъ оружіемъ, какое могли найдти и приготовить, осужденныхъ *побѣдить* или *умереть*, составили защиту Франціи. Босые, полунагіе, вооруженные чѣмъ попало, съ отчаяніемъ въ душѣ, съ пѣснью: «Идите, дѣти отечества!» устремились нестройныя толпы республики на непріятелей. Каждый генералъ, каждый офицеръ отвѣчалъ головою за побѣду. Кюстинъ былъ казненъ за отдачу Конде и Валансьена, преемникъ его, Гушаръ за отдачу Кенуа, Богарне за отдачу Майнца, Монтескьу едва спасся бѣгствомъ, обвиняемый въ медленности дѣйствій.

Отчаяніе непобѣдимо. Оно создало полководцовъ, офицеровъ и солдатъ. Старые, стройные полки союзниковъ въ страхѣ отступили передъ неистовою яростью республиканскихъ полчищъ, движимыхъ искуствомъ Карно, свирѣпаго сообщника Робеспьерова, и творца новаго рода войны, передъ которымъ уничтожались прежняя тактика и стратегія. Скоро Европа услышала имена Пишегрю, Журдана, Моро, Гоша, новыхъ полководцовъ республики.

Прежде казни Гушаръ, Сентября 8, успѣлъ освободить Дюнкирхенъ битвою при Гондтшотѣ. Журданъ разбилъ союзниковъ при Ваттиньи, Октября 16,

и принудилъ въ безпорядкѣ удалиться Англичанъ, Голландцовъ и Принца Саксенъ-Кобургскаго. Пишегрю и Гошъ торжествовали на Рейнѣ, и заставили Вурмзера, Герцога Брауншвейгскаго и фельдмаршала Меллендорфа очистить Эльзасъ. Келлерманнъ отстоялъ Италію. Дюгомье остановилъ Испанцовъ. Въ концѣ 1793 г. милльонъ Французовъ готовъ былъ вторгнуться въ Нидерланды, Германію, Италію и Испанію.

Не менѣе успѣшны были дѣла противъ внутреннихъ враговъ. Прежде всего укрощены Калвадосъ и Бретань; потомъ усмирены Марсель и Бордо. Труднѣе было покореніе Вандеи. Отбитые отъ Нанта, разбитые въ четырехъ упорныхъ сраженіяхъ, преслѣдуемые республиканцами, когда хотѣли удалиться изъ Вандеи, потерявши своихъ вождей, Вандейцы принуждены были уступить, но начали неукротимую мѣлкую войну. Вандею окружили войскомъ, и двѣнадцать военныхъ колоннъ республиканцовъ, подъ названіемъ *адскихъ* (colonnes infernales), прошли по Вандейской области во всѣхъ направленіяхъ, истребляя селенія, жилища, людей. Посланники Комитета, Линде въ Канѣ, Тальенъ въ Бордо, Баррасъ и Фреронъ въ Марсели, также *очищали* слѣды бунта, смывая ихъ кровью бунтовщиковъ.

Не менѣе страшно было возмездіе Ліону. Его окружили сильною арміею. Зная жребій свой, Ліонцы защищались отчаянно. Оставленные Сардинскимъ Королемъ, лишенные помощи другихъ городовъ, доведенные до крайности голодомъ, когда люди, возбу-

дившіе ихъ къ возстанію, тайно бѣжали, спасая жизнь, Ліонцы сдали городъ. «Что дѣлать съ Ліономъ»? спрашивали въ Комитетѣ. «Уничтожить его,» отвѣчалъ Барреръ, «и на мѣстѣ его поставить памятникъ съ надписью: *Ліонъ воевалъ противъ свободы, Ліона нѣтъ*». Колло д'Эрбуа, Кутонъ и Фуше были отряжены въ Ліонъ. Пушками разбивали тамъ домы и зданія. Жителей собирали толпами, и разстрѣливали толпы ихъ картечью, безъ разбора пола и возраста.

Важнѣйшимъ изъ всѣхъ событій было обратное завоеваніе Тулона, занятаго Англичанами и Испанцами, и оно осталось особенно достопамятно, ибо здѣсь въ первый разъ узнали имя человѣка необыкновеннаго, коему суждено было черезъ шесть лѣтъ кончить лѣтопись переворота: узнали имя *Наполеона Бонапарте*.

Переворотъ былъ еще въ страшномъ разгарѣ, но жребіи уже созрѣли. Мстящая Немезида подымала мечъ свой надъ головами чудовищъ, правившихъ Франціею — дни ихъ были изочтены. Новая исторія Европы должна была вскорѣ начаться. Здѣсь закрываемъ мы кровавую лѣтопись Французской революціи. Окончаніе ея сливается съ исторіею Наполеона. Мы понимаемъ теперь время, когда онъ явился — время страшное . . .

ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РОЖДЕНІЕ И ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА ДО 1796 ГОДА.

Les révolutions qui arrivent dans les grands États ne sont point un effet du hasard, ni du caprice des peuples

Сюлли, Mém. I, 133.

Il appartenait trop à l' histoire pour qu' il lui fût permis de faire du roman....

Слова сына Наполеонова.

Среди волнъ Средиземнаго моря, между Италіею и Франціею, въ двадцати льё отъ Тосканскаго, въ сорока льё отъ Прованскаго берега, находится островъ *Корсика,* древній Кирносъ, груда скалъ, около пяти сотъ льё квадратныхъ въ объемѣ, какъ будто громадный обломокъ утесовъ, брошенный въ море. Цѣпь горъ, съ снѣжными вершинами, обросшая соснами, пихтами, дубами, протягивается по острову; пологія пригорья и утесистыя приморья составляютъ роскошныя долины, гдѣ растутъ каштановые лѣса, зеленѣютъ масличныя, шелковичныя, померанцовыя рощи, и стелются виноградники. Мрачную прелесть Корсики умножаетъ полудикое народонаселеніе горныхъ

пастуховъ; стада черныхъ барановъ ихъ пасутся зимою въ долинахъ, лѣтомъ, и когда наступаютъ палящіе жары, уходятъ въ горы. Живописно разбросаны селенія и хижины по горамъ и въ долинахъ; развалины рыцарскихъ замковъ напоминаютъ о Среднихъ временахъ, имена городовъ по приморьямъ о древней власти Римлянъ, а народонаселеніе городовъ, смѣшанное изъ туземцовъ, чужеземныхъ населенцовъ, и бѣглецовъ изъ Греціи и Италіи, о перемѣнахъ, какія испытывала Корсика. Покоренные Римлянами, Корсиканцы безпрерывно сражались съ ними, предпочитая смерть рабству, свергли иго Римское и были покорены Аравитянами. Они призвали на помощь Италійскихъ властителей, изгнали Аравитянъ, и подпали господству феодальныхъ бароновъ, изъ коихъ одинъ назывался королемъ Корсиканскимъ. Въ новой борьбѣ, они искали союза республики Пизанской, покорились ей, и съ ея паденіемъ подпали власти Генуезцовъ. Четыре вѣка продолжались владычество Генуи и борьба Корсики съ ея властителями. Испанія, Франція, Императоръ, Папа, то помогали Корсиканцамъ, то присылали войска Генуезцамъ покорять Корсику. Изгнанники Итальянскіе укрывались сюда, какъ въ убѣжищѣ неукротимой свободы, и упорно сражались за свое новое отечество. Колонія Грековъ приплыла въ Корсику въ 1676 году, предводимая потомками Комненовъ.

Такъ составилось народонаселеніе Корсики, полудикое, сильное, пламенѣвшее страстями, переда-

вавшее изъ рода въ родъ *мщеніе кровью за кровь* (vendetta), народонаселеніе съ выразительнымъ, смуглымъ лицомъ, кипящею кровью, поэтическою рѣчью и неумирающею любовью свободы. Среди такого народа надлежало родиться *Наполеону*, во время кровавыхъ смятеній, взволновавшихъ Корсику въ XVIII вѣкѣ.

Въ 1729 году, доведенные до отчаянія властью Генуезцовъ, въ послѣдній разъ возмутились Корсиканцы, снова рѣшась сражаться, побѣдить или погибнуть. Звуки пастушескихъ роговъ и огни на горахъ были знакомъ возстанія ихъ. Генуезцовъ повсюду перерѣзали. Успѣвшіе спастись бѣжали. Мстители за нихъ явились съ войсками Императора, разбили и разогнали толпы Корсиканцовъ, покорили Корсику, но едва войска Императора удалились, бунтъ вспыхнулъ сильнѣе прежняго, былъ укрощенъ войсками Французскими, и опять загорѣлся, едва удалились новые союзники Генуи. Такъ сорокъ лѣтъ продолжалась отчаянная борьба, въ коей Паоли, Джіафферн, Поццо ди-Борги, потомки коренныхъ туземцовъ острова, умирали за отчизну, подкрѣпляемые Голландцами и Англичанами. Въ 1755 году Корсика торжествовала побѣду, подъ начальствомъ Паскаля Паоли, и Генуя, отчаявшись покорить Корсику, рѣшилась продать ее Франціи, въ уплату издержекъ, коихъ стоила Генуѣ помощь Людовика XV-го. Паоли отвергъ предложеніе покориться Франціи, разбилъ корпусъ Французскій, и

ждалъ помощи Англичанъ. Ожиданія его были тщетны. Тридцать тысячь Французовъ вышли на берегъ Корсиканскій Отчаянная храбрость Корсиканцовъ не помогла. Паоли и сообщники его бѣжали въ Англію, и съ 1768 года Корсика составила Французскую область.

Въ числѣ почетныхъ семействъ Корсики находились *Буонапарте*, или *Бонапарте*, хотя они не были коренными Корсиканцами. Бонапарте принадлежали къ Итальянскимъ дворянамъ, были издревле записаны въ золотую книгу города Тревизы, всегда отличались, какъ жаркіе приверженцы Гибеллиновъ, и родъ ихъ извѣстенъ былъ въ Италіи съ XII вѣка. Было преданіе, что первоначальный предокъ ихъ вышелъ изъ Греціи, былъ потомокъ знаменитаго рода *Каломеросовъ*, и названіе *Буонапарте* было переводомъ Греческаго имени его. Въ 1662 году бѣжалъ въ Корсику и поселился въ Аяччіо Людовикъ Марія Фортунатъ Бонапарте. Потомки его, подобно потомкамъ Салнчетти, и другихъ Итальянскихъ выходцовъ, были городскими жителями, чиновниками и помѣщиками. Жаркіе защитники свободы, они не раздѣляли однакожь изувѣрнаго обожанія вольности, коимъ одушевлялись туземцы Корсиканскіе, и думали, что можно уступить независимость, если только чуждая власть утвердитъ благоденствіе отчизны. Въ числѣ дворянъ, подчинившихся такимъ образомъ Франціи и принявшихъ должности чиновниковъ, находился *Карлъ Бонапарте*, хотя онъ былъ другъ

Паоли, и участвовалъ въ первыхъ битвахъ его съ Французами. Отправленный въ числѣ депутатовъ въ Парижъ, въ 1776 году, Карлъ Бонапарте получилъ мѣсто совѣтника въ судѣ города Аяччіо, гдѣ находились у него домъ въ городѣ и небольшая дача за городомъ. Онъ женился на Летиціи Рамолино, славившейся красотою, и жилъ небольшимъ жалованьемъ и маленькимъ доходомъ съ имѣнія. Въ 1768 году родился у него старшій сынъ, *Іосифъ*, а въ 1769 году, Августа 15-го, въ день Успенія, второй сынъ— *Наполеонъ*.

Люди привыкли облекать рожденіе и колыбель мужей достопамятныхъ необыкновенными случаями и предвѣщаніями чудесной судьбы ихъ. Говорили, что Летиція находилась въ церкви, когда почувствовала приближеніе родовъ, едва успѣла возвратиться домой, и разостлать на полу коверъ, на которомъ выткана была осада Трои — среди героевъ Омира раздался первый крикъ новорожденнаго. Имя дали ему по какому-то семейному обѣту, въ память Наполеона, монаха Урсинскаго, не признаннаго святымъ отъ Папы, хотя его и считали за святаго въ Корсикѣ.

Семейство Бонапарте умножилось послѣ того рожденіемъ сыновей: *Люціана* (въ 1775-мъ), *Людовика* (въ 1778-мъ), *Іеронима* (въ 1784 году), и дочерей: Маріи Анны Элизы (въ 1773-мъ), Маріи Паулины (въ 1781-мъ), и Маріи Аннонціады Каролины (въ 1782 году). Туземныя имена дѣтей Карла Бонапарте, по Корсиканскому произношенію, были:

Джузеппе, Наполіоне, Лучіано, Луиджи, Джероламо, Маріэтта, Карлета, Аннончіата.

Путешественникамъ показываютъ въ Аяччіо домъ, гдѣ *родился Наполеонъ,* дворъ, обсаженный деревьями, гдѣ игралъ онъ, желѣзную пушечку, любимую игрушку его, а въ загородной дачѣ, на морскомъ берегу, противъ островка Сангвиньера, кактусовую аллею, и гротъ, обросшій миндальными и масличными деревьями, гдѣ Наполеонъ училъ свои уроки. Казалось, Наполеонъ не былъ ребенкомъ, всегда суровый, мрачный, угрюмый. Онъ удалялся отъ братьевъ и сестеръ, и съ младенчества былъ гордъ и упрямъ. Однажды сестра его тихонько съѣла вишни; вину сложили на Наполеона; онъ не сознавался, говорилъ, что онъ вишенъ не ѣлъ, но не хотѣлъ обвинить сестры и хладнокровно вытерпѣлъ наказаніе. Когда дѣло открылось, и его спрашивали почему не обвинялъ онъ сестры, угрюмо отвѣчалъ Наполеонъ, что никогда не будетъ доносщикомъ на другихъ.

Рано разстался Наполеонъ съ родительскимъ домомъ. Королевскимъ указомъ позволено было помѣстить нѣсколько дѣтей Корсиканскихъ дворянъ во Французскія училища на казенный счетъ. Маркизъ Марбёфъ, почтенный старикъ, губернаторъ Корсики, жившій въ домѣ Карла Бонапарте въ Аяччіо, уважавшій честность и дарованія его, и видѣвшій недостатки хозяина при многочисленномъ семействѣ, включилъ въ число Сенъ-Сирскихъ воспитанницъ старшую дочь Бонапарте, и въ число кадетовъ На-

полеона. По пріѣздѣ въ Парижъ Наполеонъ, въ 1779 году, помѣщенъ былъ въ военное училище, находившееся въ Бріеннѣ, городкѣ недалеко отъ Французской столицы, гдѣ воспитывались дѣти дворянъ. Іосифъ, назначавшій себя въ адвокаты, учился тогда въ Пизанскомъ университетѣ.

Десять лѣтъ было Наполеону, когда поступилъ онъ въ Бріеннское училище. Мрачный характеръ его не укротился въ училищѣ, и съ лѣтами развивалась въ немъ сила воли, покорявшая ему все окружавшее его. Встрѣченный насмѣшками товарищей, молчаливый, невысокаго роста, худощавый, бѣднякъ, Корсиканецъ, худо говорившій по Французски, онъ вскорѣ отучилъ насмѣшниковъ доказательствами своей тѣлесной силы, ловкости, ума, прилежанія. Его не смѣли трогать въ его уединенныхъ занятіяхъ, но онъ являлся посредникомъ и рѣшителемъ споровъ, предводителемъ товарищей, и увлекалъ краснорѣчіемъ, когда требовали его помощи, или затѣвали важное предпріятіе. Въ одну изъ жестокихъ зимъ онъ уговорилъ другихъ учениковъ построить крѣпость изъ снѣга, раздѣлилъ ихъ на двѣ части, и за жестокую битву, какая началась подъ его предводительствомъ, расплатился нѣсколькими днями ареста. Въ другой разъ, когда кадетамъ не позволили идти на ярмарку въ ближнюю деревню, Наполеонъ уговорилъ ихъ подрыть стѣну и убѣжать черезъ подкопъ. Характеромъ своимъ заставлялъ онъ уважать себя даже своихъ учителей. Въ отмѣткѣ профессора Легиля объ уче-

никахъ Бріенскаго училища сказано было: *Корсиканецъ по рожденію и характеру, пойдетъ далеко, если обстоятельства ему поблагопріятствуютъ.* Пишегрю, бывшій репетиторомъ въ Бріенскомъ училищѣ, говорилъ въ послѣдствіи, когда предложили ему однажды уговорить Наполеона: «Я его хорошо знаю—трудъ безполезный! Когда онъ былъ еще ученикомъ моимъ, ничто не могло поколебать его, если онъ на что нибудь уже рѣшился.» Одинъ изъ надзирателей несправедливо обвинилъ Наполеона, велѣлъ ему надѣть штрафный колпакъ и обѣдать отдѣльно. Напрасно старался оправдаться Наполеонъ. Видя, что словъ его не слушаютъ, онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, и готовъ былъ броситься изъ окна, но не хотѣлъ покориться несправедливому осужденію. Заступленію учителя математики, Патро, обязаны были, можетъ быть, спасеніемъ жизни Наполеона.

Въ 1783 году потребовали отличныхъ учениковъ изъ Бріенна въ Парижское военное училище, и 14-ти лѣтній Наполеонъ былъ переведенъ въ Парижъ, по ободренію инспектора Кераліо и по аттестату учителей. Отмѣтка объ немъ, представленная военному министру, была слѣдующая: *Наполеоне ди-Буонапарте*, род. 15-го Августа, 1769 года. Ростъ 4 ф. 10 д. 10 л.; кончилъ 4-й классъ; хорошее сложеніе и крѣпкое здоровье; характеръ послушный, честный, признательный; поведеніе весьма правильное; отличается прилежаніемъ къ математикѣ; географію и исторію знаетъ весьма посредственно; слабъ въ

Латинскомъ языкѣ и пріятныхъ искуствахъ. Будетъ превосходный морякъ (sera un exellent marin); достоинъ перевода въ Парижское училище.»

«Дѣтство Наполеона прошло безъ игръ и юношество безъ наслажденій.» Передъ самымъ пріѣздомъ въ Парижъ онъ опечаленъ былъ извѣстіемъ о смерти отца, и безпомощномъ состояніи матери и семейства. Издавна страдая неизлечимою внутреннею болѣзнью, Карлъ Бонапарте, по совѣту медиковъ, переѣхалъ въ Монпелье, и скончался тамъ въ началѣ 1784 года, въ домѣ Пермона, который былъ женатъ на Корсиканкѣ, подругѣ жены его. Умирая, онъ умолялъ добрую землячку не оставить сиротъ его, и особенно Наполеона и Элизу. Сынъ Іосифъ, и сводный братъ жены, Фешъ, находились при Карлѣ Бонапарте и закрыли глаза его. «Напрасно хотѣлъ бы я выразить вамъ, какъ горестна мнѣ потеря отца, и какого отца!» писалъ Наполеонъ къ двоюродному дѣду своему, Люціану Бонапарте, архидіакону соборному въ Аяччіо. «Онъ былъ опорою нашей юности. Вы знали его лучше меня. Общество лишилось въ немъ просвѣщеннаго, безкорыстнаго гражданина. Званія его доказывали довѣренность къ нему сограждан. Богу угодно было привести его умереть на чужбинѣ, среди безчувственныхъ людей, далеко отъ всего ему милаго. Правда, одинъ изъ сыновей находился при немъ, но могъ ли онъ замѣнить ему утѣшеніе кончины дома, среди всѣхъ добрыхъ дѣтей его! Воля провидѣнія такъ опредѣлила. Благоговѣю передъ его

промысломъ, и умоляю васъ, дѣдушка, заступить мѣсто отца мнѣ, и сиротамъ братьямъ и сестрамъ моимъ.»

Жизнь въ Парижѣ, среди блеска и роскоши, гдѣ у товарищей его были богатые родители и родственники, усиливала грустное расположеніе души Наполеона. Въ праздничные дни, и во время вакацій, являясь къ Пермону, переѣхавшему тогда съ семействомъ въ Парижъ, онъ не скрывалъ своего негодованія противъ неравенства, какое допускали въ военномъ училищѣ Парижскомъ, ибо дѣтямъ знатныхъ и богачей позволяли имѣть слугъ, особый столъ, и исполнять разныя прихоти. Пермонъ хотѣлъ помочь Наполеону. Онъ принялъ небольшую сумму денегъ тогда только, когда его увѣрили, что деньги оставилъ ему при кончинѣ отецъ. Поѣхавши однажды съ семействомъ Пермона въ Сенъ-Сиръ, онъ засталъ сестру въ большемъ горѣ: у нея не было *десяти* франковъ на подарокъ, приготовляемый складчиною учениц надзирательницѣ. Дорогою, возвращаясь въ Парижъ, Наполеонъ началъ говорить о несправедливости такихъ подарковъ, и бранилъ порядокъ управленія Французскихъ училищъ. «Молчи—сказалъ ему старикъ, родственникъ Пермона — тебѣ ли осуждать, когда тебя воспитываютъ здѣсь изъ милости!» — Наполеонъ вспыхнулъ. «Правда,» отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, *а можно бы устроить все это лучше, еслибы была моя воля!*»

Все утѣшеніе Наполеона составляло ученье. Успѣ-

хи и поведеніе его заслужили полное одобреніе учи-
телей, такъ, что на семнадцатомъ году (Сентября 1-го,
1785 года) получилъ онъ чинъ подпоручика, былъ
выпущенъ въ артиллерію, и поступилъ въ полкъ Ла-
фера (la Fère), чему весьма удивился Нѣмецъ Бауеръ,
учитель Нѣмецкаго языка. «Да, не ужели этотъ Кор-
сиканецъ что нибудь знаетъ?» говорилъ Бауеръ. «Я
бился съ нимъ и не могъ ничего добиться!» Ему за-
мѣтили, что по классу математики Наполеонъ первый
ученикъ. «Стало, въ математикѣ можетъ успѣть са-
мый глупый мальчикъ!» замѣтилъ угрюмый Нѣмецъ,
считавшій свои склоненія и спряженія верхомъ пре-
мудрости. Наполеонъ казался неловкимъ въ плохомъ
офицерскомъ мундирѣ и огромныхъ сапогахъ. Доче-
ри Пермона, увидавши его, расхохотались. «Тотчасъ
видно, сударыня, что вы пансіонскія дурочки!» ска-
залъ онъ, съ усмѣшкою, старшей. «А вы *котъ въ
сапогахъ*!» отвѣчала она, разсердившись. Наполеонъ
засмѣялся, но долго не могъ забыть ловкой насмѣшки.

Переходя съ полкомъ своимъ въ Валансъ, Ок-
сонъ, Гренобль, Наполеонъ велъ жизнь уединенную,
одинокую, удалялся отъ общества товарищей, и рѣд-
ко заводилъ знакомства. Женщинъ пугалъ его угрю-
мый видъ. Онъ вспоминалъ, что въ Валансѣ былъ онъ
влюбленъ въ дочь г-жи Коломбье, но робѣлъ, не
смѣлъ ничего сказать, и только помогалъ своей кра-
савицѣ собирать въ саду вишни. Вскорѣ они раз-
стались, и свиданіе ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ бы-
ло въ такихъ обстоятельствахъ, что о старой при-

вязанности уже не было помина. Наполеонъ былъ императоръ. Коломбье, вышедшая замужъ за Брессьё, коммиссаріатскаго чиновника, явилась просить о милости своему мужу. Не такая любовь могла увлечь пламенную голову Наполеона, ибо, какъ ни странны могутъ показаться сіи слова, въ юности Наполеонъ былъ мечтатель, плакалъ за романами, и любимымъ чтеніемъ его были Павелъ и Виргинія, и Летурнеровъ переводъ Оссіана Макферсонова. Онъ самъ занимался литтературою, бывши въ Парижскомъ училищѣ познакомился съ Райналемъ, бывалъ у него въ обществѣ литтераторовъ, и среди досуговъ отъ ученья, находясь на службѣ, началъ писать путешествіе на гору Ценисъ, въ родѣ Стернова. Академія Ліонская объявила тогда вопросъ: «Какія правила и учрежденія могутъ сдѣлать людей сколько возможно счастливыми? «Наполеонъ послалъ рѣшеніе, и Академія присудила ему награду. Онъ занимался въ то же время исторіею Корсики, и осмѣлился препроводить рукопись свою Райналю, который показалъ ее Мирабо, восхищался присылкою, и просилъ автора продолжать. Чрезвычайно довольный такимъ ободреніемъ, гораздо болѣе занимался однакожь Наполеонъ практикою военной службы и теоріею военнаго искуства. Въ тишинѣ уединенія зрѣли практическія познанія и геніальныя идеи его. Замѣтимъ, что однажды купаясь въ Ронѣ, онъ едва не утонулъ, и былъ спасенъ товарищами. Отъ какихъ случайностей зависитъ жребій человѣка . . .

Современное состояніе Франціи и разнообразные вопросы, тревожившіе все общество, могли ль не волновать души Наполеона? Жадно читалъ и слушалъ онъ все, что было писано и говорено. Корсиканецъ по рожденію, онъ пламенно увлекался новыми идеями, хотя не участвовалъ въ спорахъ товарищей, изъ коихъ одни были приверженцы, другіе противники прежнихъ установленій. Кромѣ мечтаній о свободѣ, Наполеонъ видѣлъ въ предстоящемъ переворотѣ блестящій путь, могущій открыться людямъ, ему подобнымъ, измѣненіями прежняго порядка. «Господа,» сказалъ онъ однажды своимъ товарищамъ, «будь я генералъ, я защищалъ бы старое, но поручику дозволено защищать новое.» Вольномысліе его замѣчали еще въ училищѣ, и строгій выговоръ былъ учиненъ Наполеону за проэктъ перемѣнъ въ порядкѣ классовъ и житьѣ учениковъ, поданный имъ инспектору.

Онъ хотѣлъ видѣть родину, мать, семейство свое, хотѣлъ познакомиться съ Паоли, въ которомъ воображалъ себѣ какого-то героя. Паоли былъ тогда на верху почестей. Его вызвали изъ Лондона послѣ открытія Законодательнаго Собранія. Какъ представителя свободы, Лафайэтъ ввелъ его въ Собраніе, и въ 1790 году Паоли возведенъ былъ въ правители Корсики, съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Земляки встрѣтили его восторгомъ. Паоли вводилъ въ Корсику всѣ новыя измѣненія, утверждаемыя Собраніемъ. Іосифъ и Люціанъ заняли должности въ правленіи острова. Наполеонъ прибылъ въ Корсику въ

началѣ 1792 года, привезъ сестру свою Элизу къ матери, и своимъ умомъ, своею восторженною рѣчью, восхитилъ пылкаго Паоли. Обнимая молодаго поручика, старикъ воскликнулъ: «Наполеонъ! въ тебѣ ничего нѣтъ новаго — ты цѣликомъ изъ Плутарха! Смѣлѣе! Ты пойдешь далеко!»

Быстро летѣли событія. Ужасы революціи смѣшивались съ нововведеніями, и скоро сдѣлались причиною разномыслія Паоли и Наполеона. Одинъ старикъ, весь въ прошедшемъ, весь Корсиканецъ, съ негодованіемъ говорилъ о злодѣяніяхъ правителей Франціи. Не одобряя ихъ, но юноша, весь будущее, смотря на событія Франціи, какъ на дѣло всего человѣчества, Наполеонъ утверждалъ, что безъ жертвъ ничто не покупается, и что при великомъ переворотѣ не должно смотрѣть на сильныя средства. Такъ разсуждая однажды о Тюреннѣ, когда одна изъ собесѣдницъ съ ужасомъ говорила объ опустошеніи имъ Палатината—«Эхъ! сударыня,» съ досадою сказалъ Наполеонъ — «велико дѣло ваше опустошеніе, если оно было необходимо для побѣды!»

Что еще таилъ Паоли, того не скрывали другіе. Отнятіе духовныхъ имѣній, гоненіе духовенства, введеніе ассигнацій взволновали Корсику. Толпы народа возстали и взялись за оружіе. По странной судьбѣ, Наполеону пришлось испытать битвы въ первый разъ на родинѣ, съ своими земляками. Преданный правительству, онъ утверждалъ, что надобно разогнать бунтовщиковъ оружіемъ. Паоли спорилъ, и на-

конецъ поручилъ укрощеніе бунта Наполеону. Возмущеніе открылось въ Аяччіо. Наполеонъ окружилъ бунтовщиковъ солдатами и легко разогналъ ихъ. Но поступокъ его возбудилъ всеобщее негодованіе земляковъ. Перольди, одинъ изъ главныхъ возмутителей, и родовой врагъ Бонапартовъ, утверждалъ, что бунтъ былъ выдуманъ Наполеономъ, желавшимъ выслужиться. Жалоба послана въ Парижъ Наполеона потребовали къ отвѣту. Холодно разстался онъ съ Паоли.

Пріѣхавши въ Парижъ, Наполеонъ былъ свидѣтелемъ уничтоженія королевской власти, Августа 10-го, 1792 года. Побѣда наглой черни оскорбляла его, и досадуя на трусость защитниковъ короля, онъ говорилъ, что «нѣсколько порядочныхъ выстрѣловъ достаточно было усмирить эту сволочь.» Ему легко было оправдаться въ обвиненіи, ибо послѣ отъѣзда его изъ Аяччіо бунтъ вспыхнулъ въ Корсикѣ сильнѣе, и явное подозрѣніе въ участіи падало на Паоли. Личный врагъ Паоли, депутатъ Корсиканскій въ Конвентѣ, Саличетти обвинялъ его, и по ходатайству Саличетти Наполеону позволено было возвратиться въ Корсику, и участвовать въ экспедиціи противъ Сардиніи, куда отправлялась эскадра адмирала Трюге. Желаніе отличиться, но еще болѣе опасеніе за участь матери и семейства, влекли опять Наполеона на родину.

Опасенія его вполнѣ подтвердились. Едва не поссорился онъ при первой встрѣчѣ съ Паоли. «Вотъ они, ваши Французы!» кричалъ Паоли. «Осмѣлитесь

ли еще защищать ихъ? Выбирайте: или Корсика, или Франція! Корсика не Франція болѣе — погибни кровавая вольность ваша! Лучше отдадимся Генуѣ — горе союзникамъ злодѣевъ!» Наполеонъ спорилъ. Экспедиція противъ Сардиніи была неудачна. При высадкѣ въ проливѣ св. Бонифація Наполеонъ захватилъ береговую баттарею, но плохія распоряженія Трюге и волненія въ Корсикѣ остановили дѣло. По возвращеніи въ Бастію, Наполеонъ узналъ, что Паоли требуютъ къ отвѣту въ Парижъ, что Салинчетти и Лакомбъ Сенъ-Мишель плывутъ въ Корсику съ войскомъ и полномочіемъ, и что не дожидаясь прибытія ихъ, Паоли объявилъ Корсику отдѣльною отъ Франціи республикою. Жители острова возстали по его голосу. Составлена была консульта, президентомъ коей объявленъ Паоли, а секретаремъ, человѣкъ въ послѣдствіи столь замѣчательный, молодой Корсиканецъ Поццо ди-Борго. Наполеонъ трепеталъ за мать и семейство свое. Онъ узналъ, что Аяччіо заняли возмутители, и родовой домъ Бонапартовъ былъ сожженъ. Начальникомъ Аяччіо объявленъ былъ врагъ Бонапартовъ, хотя и родственникъ, Массеріо. Увлекаясь первымъ движеніемъ, Наполеонъ выпросилъ у Трюге фрегатъ, обѣщая разогнать бунтовщиковъ. Смѣло приближась къ берегу, съ пятьюдесятью солдатами, Наполеонъ овладѣлъ старинною башнею противъ города, torre di Capitello. Противный вѣтеръ пресѣкъ ему сообщеніе съ фрегатомъ. Бунтовщики окружили башню, и Наполеонъ подвер-

гался гибели. Храбро защищался онъ противъ нестройной толпы, пока успѣли освободить его подкрѣпленіемъ съ фрегата. Онъ спѣшилъ въ Кальви, гдѣ пристали Саличетти и Лакомбъ съ отрядами войскъ. Здѣсь нашелъ онъ мать и сестеръ, спасенныхъ вѣрностью Косты Бастелико, горнаго пастуха. Онъ успѣлъ прибѣжать въ Аяччіо ночью, вывести семейство Бонапартовъ изъ города и укрыть въ горахъ. Изъ своего скрытнаго убѣжища видѣли они, какъ зажгли домъ ихъ. «Пусть горитъ! Мы выстроимъ себѣ лучше!» вокричала мать Наполеона. Двое сутокъ скиталась она съ дѣтьми по прибрежью, идя ночью, укрываясь днемъ, пока завидѣли трехъ-цвѣтный флагъ Французскихъ кораблей близъ Кальви.

Наполеонъ узналъ, что Паоли объявилъ его и братьевъ его изгнанными изъ Корсики, и даже положилъ награду за ихъ головы. Отвращеніе сражаться съ земляками, безполезность борьбы, ибо Паоли призывалъ Англичанъ, и опасность, какой подвергались Наполеонъ и семейство его отъ кинжала убійцъ, заставили его просить у Саличетти отпуска во Францію. Наполеонъ отправилъ въ Тулонъ мать свою, сестеръ, и братьевъ Іеронима и Іосифа. По прибытіи туда, вскорѣ принуждены были они бѣжать въ Марсель, гдѣ крайность заставила мать Наполеона просить пособія у правительства. Ей съ дочерьми велѣно выдавать на содержаніе хлѣбъ и на одежду немного денегъ. Она удалилась съ Іеронимомъ и дочерьми въ Боссетъ, близъ Марсели, гдѣ кусокъ хлѣба

и нѣсколько вишенъ нерѣдко составляли весь обѣдъ ихъ, а платье было столь бѣдно, что они стыдились ходить днемъ въ гости къ своимъ знакомымъ. Здѣсь посѣтилъ ихъ Наполеонъ, и отдалъ имъ все, что у него было. Брата Людовика взялъ онъ съ собою, съ тѣмъ, чтобы замѣнить ему учителя.

Наполеонъ отправился къ своему полку, стоявшему въ Ниццѣ, получилъ по старшинству чинъ капитана (Февраля 6-го, 1792 г.), и переведенъ во внутреннюю армію, находившуюся близъ Парижа. Нѣсколько времени прожилъ онъ въ Оксонѣ. Здѣсь, въ глубокомъ уединеніи, онъ училъ брата математикѣ, и не зная чѣмъ пособить въ крайности себѣ и семейству, рѣшился издать свою исторію Корсики, давно оконченную и заслужившую одобреніе Райнали и Мирабо. Наполеонъ издалъ тогда небольшое сочиненіе: *Ужинъ въ Бокерѣ*, гдѣ излагалъ свое мнѣніе о современныхъ событіяхъ. По приглашенію его, Жоли, содержатель типографіи въ Долѣ, пріѣхалъ къ нему въ Оксонъ поговорить о напечатаніи его исторіи. Наполеонъ занималъ двѣ небольшія комнатки; въ одной стояли бѣдная кровать, простой столъ у окна, заваленный книгами и бумагами, и два ветхіе стула; въ другой комнаткѣ, на тюфякѣ, спалъ братъ его. Наполеонъ читалъ гостю свою рукопись, но не могъ сказать, когда вполнѣ выправитъ ее, предполагая измѣнить многія подробности.

Кончить своей исторіи Корсики онъ не успѣлъ: его звали писать новую исторію Европы, и 1793

годъ былъ началомъ историческаго поприща Наполеонова.

Грозенъ событіями былъ 1793 годъ, начатой казнью Людовика XVI-го. Европа двинулась противъ Франціи. Неистовый *терроръ* царствовалъ надъ республикою, сражаясь противъ внѣшнихъ враговъ и укрощая внутреннія междоусобія. Мы говорили о событіяхъ 1793 года.

Когда Пишегрю, Журданъ, Моро, Гошъ возстановляли успѣхи Французскаго оружія на предѣлахъ республики, Королева и Жирондисты гибли на эшафотѣ, а Ліонъ, Марсель и Вандея испытывали возмездіе за свое неповиновеніе, 8-ми тысячное войско, предводимое генераломъ Карто, обложило Тулонъ, защищаемый Англичанами и Испанцами; другой, 4000 корпусъ былъ предводимъ генераломъ Лапоиномъ. Лордъ Мюльгравъ, подкрѣпленный помощью генерала О'Гары изъ Гибралтара, смѣялся надъ усиліями осаждающихъ, имѣя до 15,000 гарнизона, составленнаго изъ Англійскихъ, Испанскихъ и Неаполитанскихъ войскъ. Недостатокъ припасовъ, ссоры, неискуство республиканскихъ предводителей, и храбрость осажденныхъ заставили Барраса и Фрерона, депутатовъ Конвента, находившихся въ Тулонской арміи, донести о невозможности продолжать осаду. Имъ отвѣчали приказомъ взять Тулонъ. Не повиноваться значило расплатиться головою. Въ Тулонскую армію посланы были новые депутаты, Гаспаренъ, Рикордъ, Робеспьеръ младшій, и сюда велѣно отправиться

Саличетти. Послѣ отъѣзда Наполеонова изъ Корсики, Саличетти оставался тамъ недолго. Англичане подкрѣпили Паоли. Онъ отправилъ депутатовъ въ Англію, и предложилъ принять Корсику въ подданство Англіи. На предложеніе его согласились. Паоли обѣщано званіе президента Корсиканскаго парламента. Саличетти спѣшилъ переправиться во Францію. Здѣсь увидѣлся онъ съ братьями Наполеона, опредѣлилъ въ армію Іосифа и Луціана, и отправляясь къ Тулону, вспомнилъ о Наполеонѣ, умъ и знанія коего успѣлъ оцѣнить въ Корсикѣ. По представленію Саличетти, Наполеону велѣно ѣхать за артиллерійскими снарядами въ Ліонъ и Парижъ, и послѣ того поспѣшать въ Тулонскую армію. Онъ отправился по назначенію, и явился въ лагерь войскъ, осаждавшихъ Тулонъ.

Осада начата была съ половины Сентября. Главное начальство ввѣрили демагогу Карто, до революціи бывшему плохимъ живописцомъ, и за 10-е Августа произведенному въ генералы. Артиллеріею начальствовалъ больной и неискусный генералъ Дютейль. Распоряженія его связывали безтолковость Карто, противорѣчія депутатовъ Конвента, вовсе не понимавшихъ дѣла, но вмѣшивавшихся во всѣ подробности, и опасеніе не въ точности исполнить планъ, присланный страшнымъ Комитетомъ общественной безопасности. Велѣно было осаждать Тулонъ, и его осаждали, какъ могли и умѣли.

Тулонъ находится при обширномъ и безопасномъ

заливѣ. Къ сѣверу защищаютъ его крутыя и утесистыя Фаронскія горы. Приступъ къ нему возможенъ съ моря, и по берегу съ западной и съ восточной стороны. Море было во власти непріятельскаго флота. Съ востока защищала Тулонъ крѣпость Мальгъ, а съ запада охраняла крѣпость Мальбоскетъ. Два мыса залива, составляющаго малый рейдъ Тулонскій, противоположные крѣпости Мальгъ, Англичане укрѣпили редутами Эгильетъ и Балогіеръ, защищая ихъ отъ нападеній съ сухаго пути крѣпостью Мюльгравъ. Правильную осаду Тулона можно было вести только многочисленнымъ войскомъ, но и тогда она была бы затруднительна, ибо непріятель могъ получать войско и запасы моремъ. Армія Карто раздѣлялась на два корпуса, стоявшіе съ обѣихъ сторонъ у Тулона, въ столь почтительномъ разстояніи, что оба корпуса едва имѣли между собою сообщеніе.

При первомъ взглядѣ Наполеонъ понялъ всю нелѣпость распоряженій, и составилъ планъ, основываясь на мѣстности и обстоятельствахъ. Онъ представилъ его Карто, который ничего не понималъ и не слушалъ. Напрасно доказывалъ ему Наполеонъ, что баттареи поставлены слишкомъ далеко. Разсерженный Карто велѣлъ выстрѣлить для пробы. Ядра не долетѣли до половины назначенной цѣли. «Что жь мнѣ дѣлать? Проклятые аристократы прислали мнѣ скверный порохъ!» воскликнулъ Карто.

Доппе смѣнилъ Карто, но дѣло пошло не лучше,

хотя войскъ прибавили до 30 тысячь, и усилили артиллерію. Доппе до революціи былъ лекаремъ, и еще менѣе Карто понималъ военное искуство. Своевольно вызвались и пошли охотники на крѣпость Мюльгравъ. Отважно достигли они валовъ ея, но непріятель поражалъ ихъ выстрѣлами, а Доппе стоялъ вдали и ничего не предпринималъ. Наполеонъ насильно потащилъ генерала-лекаря ближе, приказывая ему подкрѣпить приступъ. Доппе ужаснулся, когда подлѣ него убило ядромъ адъютанта, разсердился на Наполеона, велѣлъ отступать, и потерялъ безполезно много храбрыхъ солдатъ. Наполеонъ обратился къ депутатамъ Конвента, уговорилъ ихъ вручить начальство храброму старику, генералу Дюгомье, и въ военномъ совѣтѣ предложилъ свой планъ. Онъ утверждалъ, что правильная осада была невозможна, но должно стараться овладѣть крѣпостью Мюльгравомъ, и главное дѣйствіе устремить на редутъ Эгильетъ, ибо тогда входъ въ малую гавань будетъ подъ выстрѣлами осаждающихъ, можно будетъ отрѣзать сообщеніе непріятелю моремъ, и заставить непріятельскій флотъ удалиться. Ссылаясь на безпорядокъ, какой долженъ произойдти послѣ того въ Тулонѣ, и прекращеніе подвозовъ и сообщеній моремъ, Наполеонъ полагалъ, что Англичане оставятъ Тулонъ безъ сопротивленія. Смѣлость и новость плана поразили Дюгомье. Какъ опытный служака, онъ ручался депутатамъ за успѣхъ. Наполеонъ успѣлъ пріобрѣсть дружбу депутатовъ Гаспарена и Робеспье-

ра. Саличетти согласился съ нимъ. Наполеона наградили чиномъ подполковника (chef de bataillon, Октября 19-го, 1793 г.), и въ полное распоряженіе его отдали всю осаду. Дюгомье только исполнялъ его приказы.

Неутомимо начали работы, прикрывая ихъ сильною пальбою, и показывая видъ, что хотятъ напасть на Тулонъ съ восточной стороны. Между тѣмъ нападеніе готовилось на крѣпости Мальбоскетъ, и особенно на крѣпость Мюльгравъ. Чуть не испортила всего дѣла безразсудность депутатовъ Фрерона и Робеспьера. Осматривая осадныя работы, они увидѣли пушки и мортиры, скрытно поставленныя подлѣ Мальбоскета, спросили, почему спрятали тутъ орудія, и желая показать власть свою, немедленно велѣли стрѣлять изъ нихъ. Началась пальба. Наполеонъ прибѣжалъ, прекратилъ пальбу, но встревоженный непріятель увидѣлъ опасность, и рѣшился уничтожить осадныя работы. Шесть тысячь Англичанъ, предводимыхъ генераломъ О'Гарою, устремились на баттареи и овладѣли пушками. Наполеонъ, съ однимъ батальономъ, ударилъ во флангъ вылазкѣ, отрѣзалъ ей отступленіе, былъ раненъ штыкомъ въ схваткѣ, но не оставлялъ битвы, пока Дюгомье довершилъ пораженіе непріятеля. Немногіе спаслись. О'Гара былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Между тѣмъ осадныя работы были кончены. Началась канонада изъ 200 орудій. Ночью на 19-е Декабря, во время сильной грозы и проливнаго дождя,

осаждающіе въ одно время устремились на Эгильетъ, Мюльгравъ, Мальбоскетъ и Мальгъ. Неожиданность нападенія доставила нападающимъ полный успѣхъ. Спасшіеся отъ штыковъ непріятели бѣжали въ городъ и распространили тамъ смятеніе. Пушки Эгильета загремѣли по флоту. Въ безпорядкѣ, ночью, при начинавшейся бурѣ, пальбѣ, пожарѣ и вопляхъ жителей, Англичане забыли о защитѣ, воображали себя погибшими, и думали только о спасеніи. Велѣно было очищать городъ. Всѣ спѣшили убираться на корабли. Войска Испанскія и Неаполитанскія грабили, что могли. Тысячи несчастныхъ жителей сбѣжались на набережной, умоляя спасти ихъ, ибо знали, что имъ не будетъ пощады отъ республиканцовъ. Не думая о спасеніи ихъ, Англичане зажгли бывшіе въ портѣ Французскіе корабли и магазины съ корабельнымъ лѣсомъ. Республиканцы, находившіеся въ Тулонѣ, начали драки съ роялистами, и наконецъ земля задрожала отъ взрыва двухъ зажженныхъ пороховыхъ магазиновъ, когда осаждающіе ворвались въ городъ. Жители бросались въ море, надѣясь достигнуть кораблей, и только человѣколюбіе Испанскаго адмирала Лангара заставило Англійскаго адмирала Гуда отправить шлюпки для ихъ спасенія, но тысячи потонули и погибли въ пожарѣ. Часть кораблей Французскихъ спасена каторжными, которымъ Англичане возвратили свободу. Ужасное зрѣлище представляли Тулонъ и портъ его на другой день, когда хвастливые, но малодушные защитники

его удалялись, захвативъ и ограбивъ все, что могли захватить и ограбить, и — среди кроваваго, освѣщеннаго огнемъ пожаровъ позорища ужасовъ, засверкала въ первый разъ побѣдная звѣзда Наполеонова....

Не говоримъ о казняхъ, послѣдовавшихъ послѣ взятія Тулона. Исполненіе ихъ приняли на себя депутаты, съ обнаженными шпагами прибѣжавшіе на мѣсто битвы, когда она была кончена, и приписавшіе своимъ распоряженіямъ успѣхъ.

Дюгомье не могъ остановить казней, но онъ заступился за Наполеона, и требовалъ ему въ награду генеральскаго чина. «Вы должны наградить его, и повѣрьте, что онъ самъ собой возвысится, если и будутъ къ нему неблагодарны,» писалъ онъ. Оцѣняя важность заслуги Наполеона, его утвердили въ чинѣ, какой требовалъ ему Дюгомье, бригаднаго генерала (général de brigade), Февраля 6-го, 1794 года.

Такъ явился на поприщѣ, которое съ такимъ громомъ суждено было ему пройдти, Наполеонъ, изъ ничтожнаго артиллерійскаго офицера мгновенно перешагнувъ на степень человѣка замѣчательнаго среди другихъ товарищей, давно начавшихъ свою военную славу. Взглядъ на предметы, необыкновенный въ молодомъ, 24-хъ лѣтнемъ офицерѣ, въ первый разъ видѣвшемъ битвы (ибо нельзя назвать битвами участія Наполеонова въ Корсиканскихъ смятеніяхъ), умѣнье побѣждать всѣ препятствія, какія противопоставляли люди, окружавшіе его, смѣлость, съ ка-

кою взялъ онъ на себя отвѣтственность за успѣхъ, отваживаясь въ случаѣ неудачи расплатиться головою, дополнялись безотчетною храбростью. Онъ не щадилъ себя, бросался въ опасности, самъ велъ въ аттаку войска, самъ заряжалъ пушки подъ ядрами непріятельскими, когда ему говорили о невозможности выдержать огонь непріятельскій. Замѣтимъ, что подъ Тулономъ узналъ Наполеонъ двухъ молодыхъ солдатъ, сдѣлавшихся въ послѣдствіи его вѣрными сподвижниками. Одинъ изъ нихъ былъ *Дюрокъ*, сынъ нотаріуса, изъ тюрьмы, гдѣ угрожала ему сѣкира палача, поступившій въ ряды воинскіе. Другой Жюно, сынъ мѣщанина, при осадѣ Тулона сержантъ гренадерскій. Надобно было послать съ приказомъ подъ пулями непріятельскими. «Переодѣнься, чтобы тебя не замѣтили, и ступай!» сказалъ Жюно Наполеонъ. «Пойду, но въ мундирѣ,» отвѣчалъ Жюно, «и пусть замѣчаютъ, какъ имъ угодно!» Черезъ нѣсколько дней Наполеону надобно было писать приказъ. Онъ оглянулся, увидѣлъ Жюно, узналъ его, и началъ диктовать ему. Жюно писалъ спокойно подъ ядрами. Едва кончилъ онъ, въ десяти шагахъ упала бомба, лопнула и осыпала его пескомъ. «А, вотъ кстати, и засыпать не надобно!» сказалъ Жюно, улыбаясь и отряхивая бумагу. Наполеонъ хотѣлъ наградить его. Жюно просилъ одного — быть при немъ адьютантомъ, и съ тѣхъ поръ не разлучался съ Наполеономъ.

Казалось, Наполеонъ выходилъ на предназначен-

ное ему поприще въ такое время, что все могло благопріятствовать его возвышенію, когда первый подвигъ его былъ весьма замѣчателенъ. Взятіе Тулона равнялось съ самою блистательною побѣдою, ибо непріятель былъ изгнанъ изъ неприступной крѣпости, которую передала ему измѣна, разрушены всѣ замыслы роялистовъ южной Франціи, отнятъ у непріятеля лучшій Французскій портъ, и всему былъ виною Наполеонъ. Но время испытанія для него еще не кончилось, не смотря на льстивыя надежды будущаго.

Царство Ужаса достигло въ 1794 году крайней степени, какой только могло оно достигнуть. Далѣе идти ему было невозможно. Казалось, оно ужаснулось само себя. Самые ревностные поборники воспротивились его кровожадности и свирѣпству, ибо есть предѣлъ, далѣе коего не переходятъ ни изувѣрство партій, ни безуміе страстей. Изъ среды сподвижниковъ возникло сопротивленіе. Чудовищный представитель Ужаса, Робеспьеръ увидѣлъ опасность сопротивленія товарищей, и обрушилъ на нихъ гибель. Въ началѣ 1794 года, когда число заключенныхъ въ тюрьмы простиралось до девяти тысячь человѣкъ, онъ осудилъ на казнь Гебера, того, кто первый подалъ голосъ уничтожить христіанскую религію, и замѣнить ее безумными праздниками Разуму и Свободѣ. Черезъ десять дней палъ на эшафотѣ Дантонъ, страшный сообщникъ Марата и Робеспьера. Все казалось уничтоженнымъ передъ властью дикта-

тора Франціи. Онъ возвелъ на эшафотъ сестру короля Людовика XVI-го, принцессу Елисавету. Лавуазье, Мальзербъ, тысячи народа погибли по его велѣнію. Революціонному судилищу придана была власть безграничная (Іюня 10-го). И когда Робеспьеръ мечталъ, что онъ вполнѣ обезопасилъ себя, противъ него возстали дотолѣ безмолвные исполнители воли его, Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенъ, и 27-го Іюля (9-го термидора) робкій Конвентъ произнесъ осужденіе тирану, до того изумленному неожиданною смѣлостью товарищей, что минута недоумѣнія рѣшила участь его. Напрасно хотѣлъ онъ защитить себя послѣ сего бунтомъ Парижской черни. Все измѣнило ему — даже дрожащая рука, которою наводилъ онъ пистолетъ на свою голову. Обезображенный, терзаемый страшными тѣлесными страданіями, истекавшій кровью, Робеспьеръ былъ взнесенъ палачами подъ сѣкиру гильотины.

Если паденіе тирана отозвалось радостью во всей Франціи, ибо, въ ослѣпленіи своемъ, онъ истребилъ подпоры, на коихъ опиралось владычество Ужаса, трудно было помирить страсти, раскипѣвшіяся бурею революціи, не знавшія предѣловъ въ теченіе страшныхъ пяти лѣтъ, съ 1789 года, и еще труднѣе привести въ порядокъ всѣ общественныя отношенія, всѣ идеи, смятыя, скомканныя и брошенныя въ плавильный горшекъ переворота. Возвращеніе къ прежнему порядку дѣлъ было невозможно, но что же должно было замѣнить весь прежній порядокъ, ибо

дѣло переворота было уже окончено? Настало время расплаты, уступокъ его. Жертвы Ужаса требовали возмездія, хотя среди правителей республики сидѣли еще сообщники Комитета, да и кто были низвергнувшіе тирана? Клевреты, рабы его — Тальенъ, палачъ Бордо, Баррасъ и Фуше, исполнители революціонныхъ казней въ Марсели и Ліонѣ. Отсюда произошелъ рядъ странныхъ и противорѣчащихъ явленій. Сохраняя наружную власть свою, Конвентъ опредѣлилъ составить новыя постановленія республики. Онъ предалъ казни Фукіе-Тенвиля и Карье, и назвалъ избавителями отечества Тальена и Барраса; оставляя ихъ въ числѣ членовъ своихъ, онъ призвалъ въ свои засѣданія всѣхъ уцѣлѣвшихъ Жирондистовъ; допустилъ преслѣдованіе тѣхъ, кого подозрѣвали въ приверженности къ правиламъ Ужаса; закрылъ Якобинскіе клубы, отдалъ не проданныя имѣнія вдовамъ и сиротамъ казненныхъ, звалъ во Францію эмигрантовъ, обѣщая имъ прощеніе, и въ то же время оставилъ умереть въ тюрьмѣ несчастное дитя, сына Людовика XVI-го. Называя себя верховнымъ правительствомъ Франціи, онъ не имѣлъ средствъ предупредить два возмущенія черни Парижской, въ Апрѣлѣ 1795 года, когда бунтовщики вторглись въ залу засѣданій Конвента, и умертвили одного изъ членовъ его, угрожая смертью президенту. Кто долженъ былъ управлять Франціею теперь, когда вмѣсто явленій Ужаса, она являла непримиримую, междоусобную борьбу партій? Страшенъ былъ Терроръ,

съ его палачами, но, по крайней мѣрѣ, онъ держалъ власть желѣзною рукою, двигалъ страхомъ Францію къ одной цѣли. Теперь о власти хотѣли спорить всѣ. Графъ Прованскій, находившійся въ Италіи, немедленно послѣ смерти племянника объявилъ себя королемъ Франціи, подъ именемъ Людовика XVIII-го, (Іюня 8-го, 1795 года). Тайная, но сильная партія католическаго духовенства и бывшаго дворянства, которую подкрѣпили возвращавшіеся эмигранты, поддерживала его требованія во Франціи, тѣмъ болѣе опасныя республикѣ, что Людовикъ XVIII-й готовъ былъ на уступки. Онъ уже договаривался съ Робеспьеромъ, обѣщая ему, не только прощеніе, но даже большія почести. Подозрѣвали, что самое стремленіе Робеспьера захватить диктаторскую власть, имѣло цѣлью передачу ее Людовику XVIII-му. Предложенія Короля были такъ обольстительны, что ими увлекся герой революціонныхъ войнъ, Пишегрю, мечтавшій совершить то, что не удалось Лафайэту и Дюмурье, и готовый также на ролю втораго Монка. Съ другой стороны власть хотѣли удержать тѣ, кто засѣдалъ въ Конвентѣ, заступая мѣста прежнихъ правителей Франціи. Ихъ подкрѣпляли всѣ, кто держался умѣренныхъ требованій, всѣ, кого революція выдвинула на поприще политической дѣятельности, всѣ, кого обогатила она, повела къ почестямъ, и всѣ, кто могъ потерять выгоды переворота при возвращеніи къ прежнему порядку дѣлъ. Наконецъ власти искали уцѣлѣвшіе остатки приверженцовъ Террора, безум-

ные мечтатели о мнимой свободѣ и равенствѣ. Подкрѣпленіемъ ихъ были толпы черни, тысячи людей, привыкшихъ къ своеволію, буйству, мятежамъ.

И между тѣмъ противъ Франціи вооружилась вся Европа, и если отчаянныя усилія республиканцовъ остановили ея, союзъ Европейскихъ государей могъ укрѣпиться самыми успѣхами Франціи.

Возвращеніе Франціи къ прежнему правленію, прежнему порядку дѣлъ, разрушенному въ теченіе пяти лѣтъ, было невозможно, ибо переворотъ былъ слишкомъ глубокъ, слишкомъ обширенъ. Разсчеты своекорыстія, опасеніе возмездія, раздраженіе страстей, даже самая гордость преобразователей, не могли допустить возвращенія прежняго порядка, еслибы возвращеніе и было исполнимо.

Могла ли принудить къ тому Европа? Разсматривая положеніе Европейскихъ дѣлъ того времени, видимъ, что раздѣльныя побужденія политики, и истощеніе силы государствъ въ борьбѣ разрушали союзы противъ Франціи. Мы видѣли, какъ умъ Питта, въ началѣ 1793 года, успѣлъ соединить Россію, Нидерланды, Императора, Пруссію, Германскихъ князей, Испанію, Португалію, Сардинію, Неаполь. Россія ограничилась только согласіемъ на союзъ, а Неаполь и Португалія не могли принять непосредственнаго участія въ войнѣ. Англія, Пруссія, Императоръ, Нидерланды, Германія, Испанія, Сардинія хотѣли дѣйствовать дѣятельно. Измѣна Дюмурье, побѣды Принца Саксенъ-Кобургскаго и Клерфета, сое-

движеніе силъ Англіи, Пруссіи, Нидерландовъ, Императора, Германіи, и вторженіе съ одной стороны ихъ, а съ другой стороны Испанскихъ войскъ во Францію, ставили республику на краю гибели. Гушаръ, Журданъ, Пишегрю, Гошъ, Дюгомье остановили непріятелей — только «остановили,» но тѣмъ не менѣе союзъ былъ неудаченъ, и какъ всегда бываетъ, неудача повела къ несогласію и взаимному обвиненію союзниковъ. Король Прусскій не скрывалъ негодованія, и хотѣлъ удалить свои войска. Питтъ еще успѣлъ удержать его новымъ договоромъ (въ Апрѣлѣ 1793 года). Но 1794 годъ былъ временемъ рѣшительнаго разрушенія Европейскихъ союзовъ. Россія не принимала никакого участія въ войнѣ противъ Франціи. При разногласіи Имперскихъ князей, дѣйствія союзныхъ войскъ были медленны и слабы. Тѣмъ пользовались Французскіе полководцы. Въ правленіе Робеспьера (Іюня 26-го) Журданъ одержалъ блестящую побѣду при Флерусѣ. Французы перешли за Рейнъ. Дюгомье, и по смерти его Перипьонъ, переступили за Пиренеи и вторглись въ Испанію. Не только Бельгія и Фландрія были очищены отъ союзныхъ войскъ, но въ началѣ 1795 года важнымъ обстоятельствомъ явилось завоеваніе Нидерландовъ. Жестокая зима сдѣлала сіе завоеваніе легкимъ, ибо всѣ рѣки и каналы ,ограждавшіе Нидерланды, замерзли. Пишегрю двинулся по замерзшимъ каналамъ и рѣкамъ въ Голландію. Нидерландскія и Англійскія войска отступали безъ боя. Штатгалтеръ бѣжалъ

въ Англію. За нимъ слѣдовали Англійскія войска съ предводителемъ своимъ, Герцогомъ Іоркскимъ, и уже поступая непріятельски, захватили часть Голландскаго флота. Робость и своекорыстіе защитниковъ оскорбили Голландцовъ. Противники Штатгалтера, принужденные скрываться со времени смятеній 1786 года, возстали. Республиканская партія одолѣла. Побѣдители встрѣчены радостно. Немедленно провозглашена Батавская республика, союзная съ Франціею, и объявлена война Англіи (въ Маѣ 1795 года). Еще прежде (Февраля 9-го) заключенъ былъ Франціею договоръ съ Тосканскимъ Герцогомъ, братомъ Императора, о соблюденіи неутралитета. Апрѣля 5-го въ Базелѣ подписанъ мирный договоръ Франціи съ Пруссіею. Августа 28-го заключенъ миръ съ Ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Въ Іюлѣ Имперскій сеймъ предложилъ Императору приложить стараніе о заключеніи общаго мира, и договоромъ Базельскимъ (Іюля 22-го) кончена война съ Испаніею. Мирные договоры останавливали военныя дѣйствія, но война не прекращалась. Кромѣ завоеванія Нидерландовъ, Французы заняли Люксембургъ (въ Іюнѣ), и начали битвы на Рейнѣ. Перемѣнныя удачи и неудачи, и странная медленность Пишегрю, кончились въ Декабрѣ перемиріемъ съ Императоромъ, на три мѣсяца. Еще прежде, въ Октябрѣ, Палатинскій Курфирстъ заключилъ договоръ неутральный. Баварія говорила о мирѣ.

Такимъ образомъ, въ концѣ 1795 года, въ от-

крытой враждѣ съ Франціею оставались только Англія, Императоръ, Россія, Португалія и Неаполь. Новыми договорами, Февраля 18-го между Россіею и Англіею, Мая 20-го между Императоромъ и Англіею, и тройнымъ договоромъ, Сентября 28-го, между Англіею, Императоромъ и Россіею, подтверждены были союзы. Обстоятельства дѣлъ однакожъ совершенно тогда измѣнились.

Не только забыта была основная мысль уничтожить республику, и помогать изгнаннымъ Бурбонскимъ принцамъ, но среди Европейскихъ государствъ признана была самобытность Французской республики. Она укрѣпилась союзомъ Нидерландовъ, и три важныя истины доказаны событіями трехъ лѣтъ: грозная сила Франціи, возникшая изъ переворота; ужасающая дряхлость состава Европы; ничтожность политики Европейской. Въ первомъ увѣрилась Европа побѣдами Французовъ; въ двухъ другихъ отношеніяхъ убѣдили ее потери союзниковъ, отпаденіе отъ союза Пруссіи, Испаніи, неутралитетъ Германіи, и непрочность союза между Императоромъ, Англіею и Россіею. На дѣятельное участіе Россіи надѣяться не могли. Политика Австріи, управляемая послѣ смерти Кауница ничтожнымъ министромъ, барономъ Тугутомъ, не давала за себя никакого ручательства. Наконецъ проникали хитрые замыслы Питта. Видѣли, что Англія принимала своекорыстный разсчетъ цѣлью всѣхъ своихъ дѣйствій, и Питтъ вполнѣ достигалъ своей цѣли. Платежемъ несколь-

кихъ милльоновъ субсидій, и слабымъ участкомъ войскъ помогая союзникамъ, Англія пользовалась случаями уничтожить морскія силы Франціи въ Тулонѣ и Голландскія въ Нидерландскихъ гаваняхъ, не думая защищать дѣло роялистовъ во Франціи и штатгалтера въ Голландіи, пріобрѣла себѣ Корсику, обогащалась грабежемъ Французскихъ купеческихъ судовъ на всѣхъ моряхъ, заняла колоніи Французскія во всѣхъ частяхъ свѣта, и едва Нидерланды соединились съ Франціею, спѣшила захватывать суда Голландскія и занимать колоніи Голландцовъ. Не считая сихъ выгодъ, громкія рѣчи Питта, взывавшаго во имя человѣчества, закона, чести, славы, увлекали вниманіе Англійской оппозиціи, и давали ему средства исполнять всѣ внутреннія распоряженія, какъ ему было угодно.

Явно было, что смѣлая мысль генія, который могъ бы возобладать обновленными силами Франціи, сжать ихъ въ рукѣ своей, и нанесть ими ударъ дряхлой политикѣ Европы, разрушила бы въ основаніи все ветхое зданіе Европейской дипломатики. Но для того потребно было усмирить волненіе внутреннихъ стихій, боровшихся во Франціи, соединить силу ума, закона и меча, одушевить Францію единою всемогущею волею.

И сей исполнитель судебъ провидѣнія уже явился, имя его уже знала Франція — скоро должна была узнать имя его Европа. Сей избранникъ былъ Наполеонъ. Мы видимъ, какъ чудно готовило ему пути

провидѣніе, а между тѣмъ онъ искупалъ бѣдностью и страданіемъ тяжкую науку жизни. Состояніе Франціи являлось мятежнымъ, сомнительнымъ. Слабые, несогласные между собою правители, борьба роялистовъ и республиканцовъ, необузданность черни, миръ внѣшній, основанный на невѣрномъ успѣхѣ оружія, новый союзъ Европы при первой неудачѣ, и если не совершенное уничтоженіе Франціи, то погибель всѣхъ слѣдствій переворота, и предписаніе тяжкихъ условій побѣжденнымъ — таково являлось тогдашнее состояніе Франціи, и въ такихъ событіяхъ протекли 1794 и 1795 годы. Обращаемся къ Наполеону.

Не думая воспользоваться необыкновенными дарованіями, явившимися при первомъ шагѣ его, съ чиномъ генерала Наполеону поручили ничтожныя занятія. Душа его рвалась туда, гдѣ огромными битвами рѣшались жребіи народовъ, а ему предоставили должность гарнизоннаго инженера. Войско отъ Тулона пошло съ Дюгомье въ Испанію; другая часть его возвратилась къ арміи, бывшей въ Италіи. Наполеону велѣно осмотрѣть берега Средиземнаго моря, и составить планъ защиты и укрѣпленія ихъ. Онъ скоро исполнилъ препорученіе. Превосходный планъ укрѣпленій представленъ былъ отъ него правительству. Планъ положили разсмотрѣть, а Наполеона причислили, впредь до рѣшенія, безъ особенныхъ назначеній къ штабу Итальянской арміи.

Послѣ занятія Ниццы и Савоіи въ 1792 году, дѣла въ Италіи ограничивались нерѣшительными мѣлкими битвами, и оборонительными движеніями соединенныхъ Австрійскихъ и Сардинскихъ войскъ противъ Французскихъ. Все вниманіе обращалось съ обѣихъ сторонъ на Фландрію и берега Рейна. Въ 1794 году въ Италіи начальствовалъ генералъ Дюморбіонъ. Слабость силъ препятствовала ему предпринять что либо важное. Непріятель укрѣпился въ верхнихъ Альпахъ, охраняя по дорогѣ къ Турину Саорджіо и тѣснины Коль ди-Тендскія. Осмотрѣвши приморскіе берега до Генуи, Наполеонъ предложилъ Дюморбіону двинуть войско на Саорджіо и Коль ди-Тенде, оттѣснить непріятеля, вступить въ Генуезскую область Ривіеру ди-Поненте, занять Онейлью и Савону, и по теченію Бормиды вторгнуться въ Піемонтъ. Какъ ни казалось отважнымъ предложеніе Наполеона, Дюморбіонъ согласился съ нимъ. Послѣ слабаго сопротивленія, въ началѣ Мая Саорджіо и Коль ди-Тенде были заняты. Укрѣпясь въ Онейльи и Савонѣ, Французы двинулись по теченію Бормиды, и оттѣснили союзниковъ отъ Капро, но нерѣшительность главнокомандующаго, споръ депутатовъ Конвента, бывшихъ въ арміи, и происшествія въ Парижѣ послѣ паденія Робеспьера, остановили дальнѣйшія дѣйствія. Тщетно предлагая Дюморбіону обойдти Чеву, гдѣ укрѣпились Сардинцы, и идти прямо на Туринъ, Наполеонъ принужденъ былъ отказаться отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Онъ уѣхалъ въ Ниц-

цу, и увидѣлъ злобу и низость людей въ гоненіи, совершенно неожиданномъ и незаслуженномъ.

Донося объ успѣхахъ своихъ, Дюморбіонъ откровенно признавался, что «дарованіямъ генерала Бонапарте одолженъ былъ превосходными соображеніями, доставившими ему успѣхи.» Вмѣсто благодарности и награды, находясь въ Ниццѣ, Наполеонъ былъ арестованъ и бумаги его забраны.

Арестъ былъ слѣдствіемъ мѣлкихъ разсчетовъ Саличетти, до того времени бывшаго покровителемъ Наполеона. Онъ защитилъ его, когда жители Марсели обвинили Наполеона въ умыслѣ противъ патріотовъ, при обращеніи имъ въ пороховой магазинъ старой башни. «Онъ готовитъ тюрьму патріотамъ,» говорили Марсельскіе демагоги. Другаго рода опасность грозила послѣ событій 9-го термидора. Паденіе Робеспьера возбудило гоненіе на всѣхъ, кто во время правленія его былъ отличенъ, и каждый спѣшилъ выслужиться, показывая ревность свою новымъ правителямъ Франціи, и негодованіе противъ злодѣяній Робеспьера и его сообщниковъ. Саличетти не могъ участвовать въ событіяхъ 9-го термидора, но поспѣшилъ въ Парижъ, кричалъ о своемъ усердіи, и получилъ приказаніе разсмотрѣть поведеніе чиновниковъ, находившихся въ Итальянской арміи. Возвратившись съ полномочіемъ Конвента, Саличетти обратилъ вниманіе на Наполеона. Бонапарте, смѣлый, честолюбивый и пылкій, не могъ дѣйствовать столь рѣшительно подъ Тулономъ и въ Италіи,

еслибы не имѣлъ довѣренности, и даже тайныхъ порученій бывшаго Комитета. Къ такому подозрѣнію было нѣкоторое основаніе. Во время Тулонской осады Наполеонъ хорошо познакомился съ младшимъ Робеспьеромъ, не походившимъ на старшаго брата, тирана Франціи. Робеспьеръ предложилъ ему даже ѣхать въ Парижъ, обѣщая доставить мѣсто коммендинта Парижскаго. Наполеонъ не смѣлъ ни отказать, ни принять предложенія. Разговаривая съ своими братьями, онъ казался смущеннымъ. «Да, приманка хороша — объ ней стоитъ подумать,» говорилъ онъ — «за то не трудно разсчитаться головою за ошибку. Робеспьеръ младшій добрый малый, но братъ его не любитъ шутить. Передъ нимъ надобно раболѣпствовать. *Мнѣ* поддерживать *его!* Нѣтъ, никогда!» вскричалъ Наполеонъ рѣшительно. «Понимаю, что могу сдѣлаться важнымъ лицомъ, замѣнивши дурака Ганріота, но не хочу — еще не время! Теперь почетное мѣсто честнаго человѣка только въ арміи — буду властвовать въ Парижѣ со временемъ, но еще надобно подождать!» Прохаживаясь задумчиво по комнатѣ, Наполеонъ повторилъ нѣсколько разъ: Qu' irais je faire dans cette galère? Тѣмъ кончились всѣ отношенія его къ Робеспьеру. Саличетти могъ знать объ нихъ. Посылка Наполеона въ Италію послужила предлогомъ обвиненія и ареста его.

Жюно, бывшій адъютантомъ Наполеона, не могъ не бояться за слѣдствія ареста. Время Ужаса миновалось, но возмездіе за него было гибельно вся-

кому, кого не могло спасти покровительство людей значительныхъ. Наполеонъ, безъ связей; безъ средствъ защиты, могъ погибнуть, ибо за него не кому было заступиться. Жюно предложилъ Наполеону бѣжать. «Люди могутъ быть ко мнѣ несправедливы, но совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я не виновенъ, и я прошу тебя, любезный Жюно, не предпринимать ничего,» отвѣчалъ Наполеонъ. Пока Саличетти и Денье разсматривали бумаги его, Наполеонъ прислалъ имъ сильное возраженіе противъ недостойнаго поступка съ нимъ. «Опозорить человѣка подозрѣніемъ,» говорилъ онъ, «значитъ отнять у него самое драгоцѣнное—довѣренность и уваженіе согражданъ.» Слѣдствіемъ объясненій было совершенное оправданіе Наполеона. Онъ не только былъ освобожденъ послѣ двухъ-недѣльнаго заключенія, но отправляясь въ Италіянскую армію, Саличетти доносилъ Конвенту, что, для успѣха военныхъ дѣйствій находитъ необходимымъ присутствіе при арміи генерала Бонапарте.

Отвѣта не было. Наполеонъ оставался безъ дѣла всю зиму 1794 года, и рѣшился ѣхать въ Парижъ. Онъ посѣтилъ мимоѣздомъ семейство свое. Грустно было свиданіе его съ матерью и сестрами, оставленными безъ всякой помощи. Въ началѣ Мая пріѣхалъ онъ въ Парижъ. Съ нимъ былъ Жюно. Генералъ и адъютантъ наняли бѣдную квартиру гдѣ-то на чердакѣ. Крайность ихъ доходила до того, что иногда Наполеону не на что было пообѣдать. Однажды хитростью выманили они у сапожника по парѣ сапо-

говъ. Въ числѣ знакомыхъ Наполеона былъ славный актеръ Тальма, и какъ говорили, ссужалъ ему иногда немного денегъ. Жюно игралъ въ карты, и дѣлилъ съ Наполеономъ выигрышъ. Часто бывалъ тогда Наполеонъ у г-жи Пермонъ, своей старинной знакомки, гдѣ сходились всѣ Корсиканцы, и гдѣ встрѣтилъ онъ Саличетти послѣ разлуки съ нимъ въ Ниццѣ. «Онъ могъ причинить мнѣ много зла, но звѣзда моя спасла меня,» говорилъ Наполеонъ. «Впрочемъ, звѣзда моя не блестяща» — прибавилъ онъ, грустно улыбаясь — «что ждетъ меня въ будущемъ?»

Тотчасъ по пріѣздѣ явился онъ къ генералу Обри, тогдашнему президенту Военнаго Комитета. Обри предложилъ ему мѣсто во внутренней арміи. Наполеонъ отказался. Обри предлагалъ ему мѣсто бригаднаго генерала въ пѣхотѣ, и послѣ вторичнаго отказа, горделиво спросилъ его: не мѣтитъ ли онъ въ главнокомандующіе, но въ такомъ случаѣ долженъ вспомнить, что онъ еще молодъ. «Думаю, гражданинъ генералъ, что знаніе и храбрость, не спрашиваются лѣтъ» — отвѣчалъ Наполеонъ. «Я молодъ, но успѣлъ окуриться порохомъ, а есть старше меня, не видавшіе битвъ.» Это была злая насмѣшка на Обри, никогда не бывавшаго въ сраженіяхъ. Взбѣшенный упрямствомъ Наполеона, Обри рѣшительно отказалъ ему во всемъ. Въ числѣ людей, покровительствовавшихъ Наполеону, былъ Баррасъ, важное лицо послѣ 9-го термидора, потому что при всей неспособности, ничтожествѣ характера, мотовствѣ и развратѣ, у не-

го были два свойства, съ которыми люди часто успѣваютъ—безстыдство и хвастовство. Баррасъ ходатайствовалъ за Наполеона, получилъ отказъ, и оскорбленный Наполеонъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Къ счастію, Обри смѣнился, и преемникъ его, Понтекуланъ, возвратилъ просьбу Наполеону, обѣщая ему мѣсто, а до времени причислилъ его къ военному департаменту. Но ничего не успѣлъ онъ исполнить, былъ смѣненъ, и новый военный министръ, Летурнеръ, проводилъ огорченнаго Наполеона обѣщаніями.

Посѣщая своихъ немногихъ знакомыхъ, иногда даже для того, что ему не гдѣ было обѣдать, Наполеонъ просиживалъ дни и ночи на чердакѣ своемъ за картами и планами. Новыя мысли каждый день раждались въ пылкой головѣ его. По вечерамъ, онъ, вмѣстѣ съ Жюно, прогуливался въ ботаническомъ саду, гдѣ любилъ бесѣдовать съ ученымъ Добантономъ. Жюно открылся однажды Наполеону, что влюбленъ въ сестру его Паулину, что надѣясь имѣть послѣ отца тысячу ливровъ дохода, считаетъ себя въ состояніи содержать жену. «Да, когда ты получишь наслѣдство,» отвѣчалъ Наполеонъ, «а до тѣхъ поръ у тебя, кромѣ эполетовъ поручика, ничего нѣтъ—у сестры моей также, но вѣдь надобно жить! Подождемъ, посмотримъ. Обстоятельства наши перемѣнятся — да, они должны перемѣниться, хоть для того надобно будетъ мнѣ ѣхать на край свѣта!» — Въ самомъ дѣлѣ, не видя ничего впереди, стѣсняе-

мый бѣдностью, Наполеонъ вздумалъ предложить правительству отправить его въ Турцію, гдѣ хотѣлъ онъ заняться образованіемъ войскъ Султана, и тѣмъ укрѣпить союзъ Оттомановъ съ Франціею. Турція подъ его руководствомъ составила бы сильное развлеченіе въ войнѣ съ Австріею, и въ союзахъ Россіи съ другими Европейскими государствами. «А почему знать?» говорилъ Наполеонъ, улыбаясь — Востокъ земля чудесъ! Можетъ быть, я буду королемъ Іерусалимскимъ!» Записка была представлена военному министру и заслужила его одобреніе. Наполеону велѣно готовиться къ отъѣзду. При немъ должны были отправиться два адьютанта его, Жюно и Леода, шесть артиллерійскихъ офицеровъ (въ числѣ ихъ поручикъ Мармонъ) и два фейерверкера. Опредѣлено выдать всѣмъ не въ зачетъ полугодовое жалованье, и снабдить экспедицію чертежами и инструментами. Но рѣшеніе дѣла задилось.

Во время бунта черни Парижской въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, Наполеонъ находился при Баррасѣ, которому поручили усмиреніе мятежниковъ, вмѣстѣ съ другими членами Конвента. Баррасъ хотѣлъ бомбардировать предмѣстіе св. Антонія, гнѣздо бунтовщиковъ. Наполеонъ уговорилъ его не раздражать негодяевъ, и не придавать важности дѣлу. Въ слѣдствіе сдѣланныхъ тогда розысковъ, въ числѣ обвиненныхъ въ бунтѣ былъ Саличетти. Онъ укрылся у г-жи Пермонъ, которая не рѣшилась выдать человѣка, на колѣняхъ умолявшаго ее о помощи. Напо-

леонъ проникъ тайну, нѣсколько времени колебался, должно ли ему мстить за обиду, или презрѣть Саличетти? Отъ него зависѣло открыть убѣжище обвиненнаго. «А! вы не знаете, г-жа Пермонъ» — говорилъ Наполеонъ—«сколько зла причинилъ мнѣ этотъ безстыдный клеветникъ! Онъ уничтожилъ мою будущность, онъ былъ злымъ геніемъ моимъ — Дюморбіонъ любилъ меня, и далъ бы мнѣ дѣло . . . Но я не хочу ему зла, не могу забыть его злости, но прощаю его!» Когда г-жа Пермонъ поѣхала изъ Парижа, Наполеону было извѣстно, что Саличетти ѣдетъ съ нею, переодѣтый лакеемъ. На первой станціи вручили ей письмо, гдѣ Наполеонъ открывалъ ей тайну. «Хочу, чтобы меня не почли обманутымъ дуракомъ,» писалъ онъ, «и видѣли, что я выше мѣлкихъ разсчетовъ личной ненависти, какъ ни тяжко положеніе, въ какое ввергнулъ меня Саличетти.»

Пламеннымъ, благороднымъ юношею былъ тогда Наполеонъ, мечтатель, увлекаемый страстями, которыя задушалъ, громадными идеями, которыя увлекали его. Стѣсняемый жизнью, видя превосходство свое надъ другими, онъ не скрывалъ презрѣнія и грусти, какія внушало ему все окружавшее его, ничтожность высшихъ, подлость низшихъ, и противоположность его печальной жизни съ блескомъ и роскошью, какая оживляла Парижъ послѣ паденія Ужаса, какъ будто Парижане хотѣли вознаградить себя за веселья, столь долго уничтожаемыя политическими смятеніями. Возвращеніе эмигрантовъ, стеченіе иностранцевъ,

появленіе иностранныхъ дипломатовъ, переходы богатствъ къ людямъ, не имѣвшихъ ихъ прежде, все дѣлало жизнь Парижа шумною и дѣятельною. Новыя моды, новые обычаи, зрѣлища, спектакли, балы, гулянья, игра, пиры занимали Парижъ. Даже политическія волненія казались Парижанамъ потѣшнымъ зрѣлищемъ. Уже не боясь прежнихъ ужасовъ, весело ходили смотрѣть на собранія бунтовщиковъ, черни, пуассардокъ Парижскихъ, шутили, сочиняли куплеты и эпиграммы. Даже учредили праздники, на которые съѣзжались только тѣ, у кого отецъ, мать, родственникъ были казнены во время ужасовъ. Молодые щеголи, «позолоченное юношество» (la jeunesse dorée), одѣтые à l'incroyable, дрались съ якобинцами и санкюлотами на гуляньяхъ и въ кофейныхъ, собираясь на такія драки, какъ будто на охоту за дикими звѣрями. Смотря на вихрь Парижа, на щеголеватыхъ *мюскаденовъ*, какъ тогда называли щеголей, Наполеонъ невольно восклицалъ: «И такимъ тварямъ судьба даетъ всѣ удобства, всѣ средства счастія! Боже мой! какъ бѣденъ человѣкъ!»

Онъ былъ тогда худощавъ, блѣденъ, казался больнымъ, слабымъ. Не могли думать, чтобы въ такомъ тѣлѣ была душа необъятная, былъ умъ, которому станутъ изумляться вѣка. Бѣдно одѣтый, въ сѣромъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, въ маленькой шляпенкѣ, съ длинными, безъ порядка висѣвшими волосами, съ рѣчью, то горѣвшею вдохновенными, непонятными другимъ идеями, то спутанною

темными, неопредѣленными выраженіями, онъ казался страннымъ, неловкимъ.

Между тѣмъ сблизилось время важнаго внутренняго измѣненія. Конвенту представили новыя государственныя постановленія, составленныя избранною для того коммиссіею. Сіи новыя постановленія были слѣдствіемъ тяжкихъ опытовъ, и по соображеніи съ Англійскою конституціею, предупреждая гибельныя народныя своеволія, предупреждали также покушеніе всякаго, кто захотѣлъ бы овладѣть диктаторскою властью. Законодательная власть Французской республики вручалась *Совѣту пяти сотъ*, составленному народными выборами изъ всѣхъ безъ различія Французовъ. Другой *Совѣтъ Старѣйшинъ* составляли двѣсти пятдесятъ старшихъ членовъ, и онъ былъ высшимъ, окончательнымъ мѣстомъ рѣшенія всѣхъ вопросовъ государственныхъ. Исполнительная власть вручалась пяти Директорамъ, изъ коихъ одинъ смѣнялся ежегодно, и замѣняемъ былъ, по выбору Совѣтовъ, новымъ директоромъ. Кандидатовъ представлялъ Совѣтъ пяти сотъ, утверждалъ ихъ Совѣтъ Старѣйшинъ. Всѣ текущія дѣла, внѣшнія и внутреннія, состояли въ полномъ распоряженіи директоровъ, рѣшавшихъ всѣ вопросы общими голосами, при чемъ большинство составлялъ голосъ директора, занимавшаго мѣсто президента. Каждый изъ директоровъ поочередно поступалъ на президентское мѣсто черезъ три мѣсяца. Въ распоряженіи Директоріи состояли избираемые ими министры, войско, финансы, какъ

равно всѣ дипломатическіе, гражданскіе и военные чиновники, кромѣ мѣстныхъ гражданскихъ и уголовныхъ судовъ, которые пополнялись отдѣльно выборомъ народнымъ. Всѣ непосредственныя народныя собранія и совѣщанія уничтожались. Директоры подчинялись отчету передъ Совѣтами, и большинствомъ голосовъ въ обоихъ Совѣтахъ могли быть, не только низведены съ своихъ мѣстъ, но даже преданы суду и наказанію. Такимъ образомъ взаимною отвѣтственностью Совѣтовъ и Директоріи, при свободныхъ выборахъ въ члены Совѣтовъ, надѣялись сохранить личную каждаго независимость, и сосредоточить власть въ рукахъ избранныхъ, отнимая подсудностью ихъ Совѣтамъ всякое покушеніе на своевластіе. Творцы новой Утопіи ошиблись, одни съ намѣреніемъ, другіе безотчетно, какъ увидимъ въ послѣдствіи, но конституція казалась благодѣтельною послѣ царствованія Ужаса.

Въ Іюнѣ 1795 года новая конституція была принята и утверждена Конвентомъ. Но тогда только со страхомъ замѣтили, что выборы будутъ производиться подъ вліяніемъ различныхъ партій, и Совѣты наполнятся врагами республики, роялистами, и врагами новой конституціи, приверженцами конституціи 1793 года. Придумали новую мѣру, не соображая, что она разрушала одно изъ основаній новаго постановленія. Августа 23-го, предупреждая неблагопріятныя слѣдствія выборовъ, и опасаясь на нихъ чуждаго вліянія людей непріязненныхъ, Конвентъ опредѣлилъ, что въ

члены Совѣтовъ непремѣнно должны быть избраны двѣ трети членовъ Конвента. Рѣшеніе подвергнуто разсмотрѣнію избирателей.

Возмутители съ радостью увидѣли средство возстать противъ Конвента, объявляя беззаконною и деспотическою мѣрою его новое распоряженіе, ибо имъ стѣснялась свобода выборовъ. Избиратели всѣхъ частей (section) Парижа, собравшіеся въ Лепеллетьерской части, увлекаемые крикомъ народныхъ говоруновъ и воплями черни, отвергли постановленіе Конвента на основаніи конституціи 1793 года, утвердившей, что «власть всякаго законодательнаго собранія прекращается передъ народнымъ собраніемъ (que les pouvoirs de toute autorité constituante cessaient en présence du peuple assemblé).» Мятежники составили свой центральный Комитетъ, и вручили ему управленіе. Конвентъ объявилъ Комитетъ противозаконнымъ, и всѣ дѣйствія его подлежащими наказанію. Чернь возмутилась. Тысячи народа собрались съ оружіемъ. Обольщенная рѣчами говоруновъ, страшась, что Конвентъ возобновитъ дни казней, народная гвардія соединилась съ мятежниками. Учредили засѣданіе въ старинномъ монастырѣ de Filles-Saint-Thomas, избрали начальникомъ народныхъ войскъ стараго генерала Даникана, и положили идти съ оружіемъ, уничтожить Конвентъ, забрать главныхъ дѣйствователей его, и произвесть выборы свободные, согласно новымъ постановленіямъ.

Конвентъ принужденъ былъ принять мѣры рѣши-

тельныя. Призвали въ Парижъ пять тысячь войска изъ лагеря, находившагося близъ Саблона, составили Комитетъ изъ пяти членовъ Конвента, Коломбеля, Барраса, Дону, Летурнёра и Мерлена де-Дуе, поручивъ имъ власть надъ войскомъ и охраненіе правительства. Комитетъ открылъ безсмѣнныя засѣданія, назначилъ для начальства надъ войскомъ генерала Мену, и увеличилъ число охранителей 1500-ми волонтеровъ, подъ названіемъ «батальона патріотовъ.» Всѣ сіи мѣры Конвента усилили бунтъ. Ночью на 12-е вандемьера (Октября 4-е) по всему Парижу раздался набатъ. Мятежники били сборъ. Народъ шумѣлъ и сбѣгался толпами. День 12-го вандемьера начался среди общей тревоги. Велѣно было Мену идти, предупреждая нападеніе на Конвентъ, и разогнать засѣданіе бунтовщиковъ. И безъ того робкій и нерѣшительный, пробравшись къ мѣсту засѣданія бунтовщиковъ сквозь бѣшеныя толпы народа, онъ изумился, увидя въ собраніи возмутителей эмигрантовъ, роялистовъ, духовенство, санкюлотовъ и республиканцовъ, единодушно рѣшившихся на упорную борьбу. Не зная что дѣлать, Мену началъ съ ними переговоры. Робость его увеличила дерзость противниковъ. Мену отвелъ свои войска, и только наступившій вечеръ и ночь заставили бунтовщиковъ отложить исполненіе дѣла до утра. Сія ночь спасла Францію — она была ночью, когда звѣзда Наполеона возсіяла вторично, и блескъ ея уже неугасимо загорѣлся на двадцать лѣтъ.

ды Ольговичей къ Мономаховичамъ—исключеніе изъ старшинства, существовала во всей силѣ, и при этомъ еще Черниговскіе испытали возможность успѣшной войны съ Мономаховичами, особенно при раздѣленіи послѣднихъ. Изгнаніе брата Всеволодова, Святослава изъ Новгорода была поводомъ къ новой войнѣ въ 1138 году. Ольговичи опять призвали Половцевъ и начали воевать Переяславскую волость по рѣкѣ Сулѣ; Андрей Владиміровичь не могъ имъ сопротивляться, и, не видя помощи отъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать изъ Переяславля. Но Ольговичи, узнавъ, что Андрею нѣтъ помощи отъ братьевъ, успокоили его льстивыми словами, по выраженію лѣтописца: изъ этого извѣстія имѣемъ право заключать, что Ольговичи хотѣли поссорить Андрея съ братьями и привлечь на свою сторону, показывая ему, какъ мало заботятся объ немъ братья. Вѣсть о задержкѣ Святослава Ольговича въ Смоленскѣ, на дорогѣ его изъ Новгорода еще болѣе усилила войну; братъ его Всеволодъ призвалъ множество Половцевъ, взялъ Прилукъ, и собирался уже старымъ путемъ къ Кіеву, какъ узналъ объ огромныхъ приготовленіяхъ Мономаховичей, и поспѣшилъ отступить въ свою волость, къ Чернигову. Ярополкъ созвалъ братьевъ и племянниковъ, собралъ кромѣ Кіевлянъ и Переяславцевъ, также рать изъ верхнихъ земель, Суздальцевъ, Ростовцевъ, Полочанъ и Смольнянъ; Ростиславичи Галицкіе и Король Венгерскій прислали ему также помощь, наконецъ присоединились къ нему многочисленныя толпы пограничныхъ варваровъ Берендѣевъ; съ такими силами Ярополкъ уже несталъ дожидаться Ольговича въ Кіевской волости, но отправился къ нему въ Черниговскую; Всеволодъ испугался, и хотѣлъ было уже бѣжать къ Половцамъ, какъ Черниговцы остановили его: «Ты хочешь бѣжать къ Половцамъ, говорили они, а волость свою погубить: но къ чемужъ ты тогда послѣ воротишься? лучше отложи свое высокоумье и проси мира, мы знаемъ Ярополково милосердіе; онъ не радуется кровопролитію, Бога ради онъ помирится, онъ соблюдаетъ Русскую землю.» Всеволодъ послушался, и сталъ просить мира у Ярополка: тотъ, по выраженію лѣтописца, будучи добръ, милостивъ нравомъ, богобоязливъ подобно отцу своему, поразмы-

безопасность Франціи. Дѣйствуя по совѣсти, онъ дѣйствовалъ законно, повинуясь правительству, всѣми признанному, и спасалъ отечество отъ ужасовъ, какимъ непремѣнно подвергло бы его паденіе Конвента. Наконецъ, можетъ быть, и тайная ненависть его къ ничтожнымъ людямъ, которымъ не могъ онъ не завидовать, и мысль, что побѣда Конвента выведетъ его наконецъ изъ низшихъ рядовъ, гдѣ столь несправедливо и оскорбительно удерживали его, рѣшила Наполеона на дѣло отважное. Онъ принялъ начальство надъ войскомъ. Говоримъ о побужденіяхъ Наполеона, ибо клевета старалась потомъ очернить его поступокъ, представляя его истребителемъ, палачемъ согражданъ, какъ будто бунтовщики не стоили наказанія, не готовили также гибели другимъ, и возстановленіе порядка могло совершиться безъ кровопролитія при упорствѣ возмутителей.

Дѣло было однакожь болѣе, нежели отважно. При робости Конвента и безтолковости Барраса, имѣя только 5000 войска, и 1500-й отрядъ патріотовъ, надобно было сражаться въ тѣсныхъ улицахъ Парижа съ сорока тысячами, щадя притомъ жизнь несчастныхъ жертвъ заблужденія, когда на всѣ распоряженія оставалось времени нѣсколько часовъ. Умъ Наполеона мгновенно взвѣсилъ опасность и нашелъ средства. Получивши, въ слѣдствіе представленнаго имъ плана, полную власть, онъ рѣшился не нападать на сборища народныя, оградить Конвентъ, дождаться бунтовщиковъ, и встрѣтить сильнымъ ударомъ

безпорядочныя толпы ихъ. Здѣсь число солдатъ могли замѣнить пушки, но ихъ не было, ибо, по непростительной оплошности, вызвавши изъ Саблонскаго лагеря войско, тамъ оставили артиллерію. Наполеонъ немедленно послалъ полковника Мюрата, велѣлъ ему скакать съ отрядомъ конницы, захватить пушки и мчать ихъ въ Парижъ. Мёдонъ укрѣпили на случай отступленія изъ Парижа. Число войскъ дополнили городовыми жандармами, полицейскими служителями и инвалидами, такъ, что число всѣхъ защитниковъ Конвента простерлось до 8000; важнѣе всего было, что Мюратъ успѣлъ захватить пушки, и привезъ ихъ въ Парижъ. Отрядъ бунтовщиковъ шелъ уже въ лагерь, встрѣтилъ Мюрата на дорогѣ, и не посмѣлъ остановить артиллеріи, скакавшей во весь опоръ. Полагая Тюльери, мѣсто засѣданій Конвента, центромъ защиты, Наполеонъ занялъ артиллеріею и отрядами войскъ улицы Дофинову, Эшельскую, Рогапову, Сенъ-Никезскую, мосты Новый, Королевскій, Людовика XVI-го, площади Людовика XV-го и Вандомскую; конный отрядъ и пѣхотный резервъ находились на Карусельной площади и въ Тюльерійскомъ саду. Онъ послалъ собрать въ Тюльери припасы и аммуницію, и отправилъ ружья и пики въ отдѣленіе des Quinze-Vingt, не соединившееся съ бунтовщиками. Къ утру все было готово, но строго запрещено начинать битву, пока не начнутъ ее сами мятежники.

Между тѣмъ совершенное безначаліе было между бунтовщиками. Кромѣ Даникана, избрали предводите-

лями генерала Дюгу, Вандейца графа Молеврье, и эмигранта Лафона. Поздно увидѣли начальники мятежниковъ недостатокъ артиллеріи, ибо всего было у нихъ только двѣ пушки (Наполеонъ забралъ артиллерію отвсюду, и имѣлъ до 200 орудій). О планѣ нападенія также спорили. Одни совѣтовали окружить Конвентъ, загородить рогатками и занять окрестныя улицы, и такимъ образомъ принудить Конвентъ и его защитниковъ къ покорности изнуреніемъ, голодомъ, меткимъ огнемъ изъ ружей. Другіе надѣялись болѣе успѣха отъ нападенія густыми колоннами; второе предложеніе было принято. Бунтовщики двинулись дружно, и заперли толпами своими всѣ улицы, ведущія къ Тюльери. Молеврье повелъ аттаку по мостамъ, Данканъ по улицѣ Сентъ-Оноре. Приблизившись къ Тюльери, онъ послалъ парламентера съ предложеніемъ условій. Посланнаго привели къ Баррасу и Наполеону, неусыпно вездѣ наблюдавшему. Напрасно спорилъ Наполеонъ, что переговорами теряется время, ободряются бунтовщики, и робкій Конвентъ можетъ согласиться на уступки, когда рѣшительностью можно кончить дѣло легко и скоро. Баррасъ не согласился, и посланника бунтовщиковъ привели въ собраніе Конвента. Дѣйствительно, многіе члены начали требовать переговоровъ, спорили, шумѣли, и ничего не рѣшали. Было уже около четырехъ съ половиною часовъ по полудни, когда послышались выстрѣлы. «Граждане!» вскричалъ Наполеонъ, вбѣгая въ залу

засѣданій Конвента—«время переговоровъ прошло—начинается битва — вооружитесь!» Солдаты несли за нимъ ружья и сумы. Всѣ схватились за оружіе. Наполеонъ бросился на лошадь, и поскакалъ къ Дофинской улицѣ, гдѣ, стремясь по улицѣ Сентъ-Оноре, бунтовщики заняли церковь Сенъ-Роша и открыли стрѣльбу изъ ружей. Пушки стояли заряженныя — «Пали!» закричалъ артиллеристамъ Наполеонъ, и отъ двухъ выстрѣловъ картечью противники бѣжали. Нѣсколько выстрѣловъ вдоль улицы Сентъ-Оноре по бѣгущимъ толпамъ увеличили безпорядокъ. Батальонъ патріотовъ штыками очистилъ Сенъ-Рошскую церковь. Лафонъ успѣлъ между тѣмъ оттѣснить стараго знакомца Наполеонова, Карто, съ Новаго моста. Наполеонъ явился здѣсь, и картечные выстрѣлы по мостамъ мгновенно кончили дѣло. Въ 6 часовъ повсюду видны были только бѣгущіе мятежники. Пушечными выстрѣлами разгоняли толпы, преслѣдуя ихъ штыками, и къ вечеру улицы и площади Парижскія были свободны. Ночью побросали въ рѣку и свезли за городъ убитыхъ, число коихъ съ обѣихъ сторонъ простиралось до 400. На другой день, по отданному приказу, многіе мятежники добровольно приносили оружіе; другихъ обезоруживали безъ сопротивленія; не велѣно было никого задерживать, кто побѣжитъ изъ Парижа. Конвентъ торжествовалъ побѣду, знаменуя торжества умѣренностью. Всеобщая радость народа, раскаяніе и робость мятежниковъ были такъ велики, что на другой день не оставалось слѣдовъ

смятенія. Даже публичныя увеселенія не прерывались. Казнили только главныхъ зачинщиковъ. Октября 26-го Конвентъ объявилъ свои засѣданія конченными, и по новой конституціи собравшіеся Совѣты приступили къ выбору директоровъ. Избраны были *Ларевельеръ-Лепо*, *Ревбель*, *Баррасъ*, *Летурнёръ*, *Сіейсъ*, а когда Сіейсъ отказался, его замѣнилъ Карно.

Усмиреніе мятежа было подвигомъ весьма важнымъ. Кромѣ уничтоженія внутреннихъ смятеній, оно устранило опасности, внутри и извнѣ угрожавшія Франціи. При успѣхѣ мятежа въ Парижѣ готовы были возстать всѣ противники переворота, и съ ними соединялись корпуса эмигрантовъ и Англичанъ, готовые къ высадкѣ во Францію. Пишегрю также ждалъ только знака къ возстанію, и непріятели республики не могли сомнѣваться въ успѣхѣ. Высадка эмигрантовъ на берега Бретанскіе была уже испытана въ Маѣ мѣсяцѣ, но ее уничтожила дѣятельность храбраго Гоша. Сильныя мѣры приняты немедленно Директоріею. Подозрѣвая замыслы Пишегрю, его замѣнили генераломъ Моро, и предложили Пишегрю мѣсто посланника въ Швеціи. Скрывая досаду, онъ отказался и удалился въ свои помѣстья. Шереръ отправленъ былъ въ Италію, и ему велѣно открыть наступательныя дѣйствія. Довольствуясь временнымъ прекращеніемъ войны на Рейнѣ, готовили туда сильныя ополченія для будущей кампаніи. Гошъ неутомимо наблюдалъ Вандею, куда въ Октябрѣ явились корпусъ Англичанъ и отрядъ эмигрантовъ, предво-

димые графомъ д'Артуа. При появленіи ихъ Шарретъ снова поднялъ оружіе. Гошъ разбилъ его, преслѣдовалъ, обезоружилъ Вандейцовъ, и экспедиція графа д'Артуа принуждена была удалиться. Оставленные ими, Вандейцы покорились, выдали Шаррета и Стофле, и дѣло роялистовъ было здѣсь навсегда уничтожено. Шереръ исполнилъ препорученіе не менѣе удачно. Въ концѣ Ноября, не смотря на суровую зиму, онъ двинулся на Лоано, гдѣ находился корпусъ Австрійцовъ, заслоняя дорогу къ Генуѣ, и сообщаясь съ Сардинскими войсками вправо по Апеннинскимъ горамъ. Главная армія Сардинская, предводимая Австрійскимъ генераломъ Колли, была въ Чевѣ. Удачная битва подъ Лоано заставила Австрійцовъ отступить, съ потерею около 4500 человѣкъ. Шереръ занялъ Финале, Вадо, Савонну, гдѣ захвачены были большіе запасы, и остановился на зимнихъ квартирахъ.

И, казалось, все остановилось въ какомъ-то безмолвіи, какъ передъ бурею. Англія, Австрія и Россія готовились на битвы, но желая изъявить миролюбіе, Питтъ неопредѣленно предложилъ правителямъ Франціи говорить о мирѣ. Предложеніе сдѣлано было (въ Сентябрѣ 1795 г.) лордомъ Викгамомъ (Wickham) Французскому повѣренному Бартелеми, вынужденное у Питта оппозиціею, ибо Фоксъ и Шериданъ гремѣли противъ Питта на парламентской каоедрѣ. Ему отвѣчали съ сознаніемъ своего достоинства, что на миръ готовы, если союзники откровенно скажутъ объ условіяхъ. Такъ послѣ повторенной прось-

бы Имперскаго сейма, Императоръ, отвергнувши посредничество Короля Прусскаго, согласился принять посредничество Даніи. И здѣсь какъ будто боялись унизить величіе Императорское уступкою: согласіе на миръ изъявлено было не черезъ Тугута, но черезъ князя Коллоредо, вице-канцлера Имперіи. Правители Франціи не отрекались мириться. Въ Аугсбургѣ назначенъ былъ конгрессъ, но дѣломъ медлили. Изъявляя желанія мира, Директорія предложила обмѣнять дочь Людовика XVI-го на нѣсколькихъ Французскихъ чиновниковъ, бывшихъ въ плѣну у Австрійцовъ. Обмѣнъ послѣдовалъ въ Декабрѣ 1795 года, въ Базелѣ, и слѣдствіемъ его было перемиріе, но о мирѣ не сказано ничего. Тогда, ссылаясь на несогласіе Франціи мириться, возобновили условія союза. Англія обязалась платить Императору по 1,200,000 ф. с. субсидіи, и обѣщала возвысить ихъ даже до 3-хъ милльоновъ. Имперскій сеймъ принужденъ былъ согласиться на продолженіе войны. Войска Императора и Имперіи соединялись на Рейнѣ. Начальство надъ ними принималъ эрцъ-герцогъ Карлъ, возведенный въ званіе фельдмаршала, юный герой, въ коемъ сосредоточивались всѣ надежды союзниковъ. Важнымъ обстоятельствомъ было то, что Императрица Россійская обѣщала наконецъ принять дѣйствительное участіе въ войнѣ. Старый фельдмаршалъ Русскій, Суворовъ, за годъ прежде уничтожившій Польшу, герой, обладавшій почти миѳическою славою побѣдителя между Русскимъ войскомъ, былъ призванъ

въ Петербургъ изъ Варшавы, и поспѣшно отправился на Волынь, гдѣ собирался 40,000-й корпусъ Русскій. Съ воинами, коихъ двадцать пять лѣтъ водилъ онъ къ побѣдамъ, Суворовъ долженъ былъ весною 1796 года идти на Рейнъ, и дѣйствовать соединено съ эрцъ-герцогомъ Карломъ. Такимъ образомъ на берегахъ Рейна, гдѣ уже три года лилась кровь, должно было рѣшиться судьбамъ Франціи. Арміи Императора и Имперіи предположено раздѣлить на двѣ части; одною, изъ 80,000, долженъ былъ начальствовать старый генералъ Вурмзеръ, другою изъ 90,000 юный эрцъ-герцогъ Карлъ — ждали только Суворова. Директорія соединяла также двѣ арміи, одну подъ начальствомъ Моро изъ 80,000, другую подъ начальствомъ Журдана изъ 75,000. Если союзъ Европейскій былъ не столь обширенъ, какъ прежде, если могли сомнѣваться въ дѣятельномъ участіи Англіи, и если средства роялистовъ помогать внутренними смятеніями, послѣ очищенія Вандеи, неудачныхъ высадокъ и новой конституціи сдѣлались ограниченнѣе, тѣмъ надежнѣе были союзъ и условія Императора и Россіи. Успѣхъ могъ оживить и соединить всѣхъ враговъ республики.

Счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ сдѣлавшись героемъ событій 13-го вандемьера, и избранный за то въ директоры, Баррасъ казался первымъ среди другихъ своихъ товарищей. Новыхъ правителей окружили великолѣпіемъ, приличнымъ высокому сану ихъ. Они опредѣлили для своего жительства Люксан-

бургскій дворецъ. Ревбель занялся особенно правосудіемъ, финансами и внѣшними сношеніями, Ларевельеръ промышленностью, народнымъ воспитаніемъ и просвѣщеніемъ. Летурнёру отдали военную часть, гдѣ Карно взялъ на себя распоряженіе военными дѣйствіями. Баррасъ являлся представителемъ всѣхъ товарищей, принявши на свое попеченіе управленіе внутренною безопасностью, и присовокупивъ къ званію директора званіе начальника внутреннихъ армій. Сознавая важность услуги, оказанной Наполеономъ, и необходимость его содѣйствія въ затруднительныхъ дѣлахъ, Баррасъ назначилъ его своимъ помощникомъ, съ чиномъ дивизіоннаго генерала (Октября 16, 1795 года). Управленіе государствомъ требовало великихъ заботъ. Собирая силы на новую борьбу, надлежало дополнять арміи, снабжать ихъ припасами и снарядами, учреждать внутренній порядокъ, прекращать своевольства, даже разбои, усилившіеся по дорогамъ, ограждать безопасность жителей, угрожаемыхъ голодомъ при упадкѣ земледѣлія и прекращеніи торговли. Товарищи Барраса работали съ утра до вечера. Баррасъ, лѣнивый и безпечный, не думалъ о дѣлахъ, но они шли у него лучше, нежели у другихъ: у него былъ помощникомъ Наполеонъ.

Удивительную дѣятельность и опытность въ дѣлахъ не по лѣтамъ показывалъ юный помощникъ Барраса. Образованіе внутренней арміи, порядокъ надзора за благочиніемъ и безопасностью, снабженіе жителей хлѣбомъ и припасами, укрощеніе волненій и

уничтоженіе мятежныхъ скопищъ были предметами заботъ его. Благоразумно соразмѣрялъ онъ строгость и снисхожденіе. Толпа народа собралась однажды, наглымъ крикомъ требуя хлѣба. Наполеонъ явился съ однимъ адъютантомъ и началъ уговаривать народъ. Толстая пуассардка была ораторомъ толпы. «Да, да, слушайте его!« закричала она, видя, что народъ утихаетъ — «всѣ эти эполетчики смѣются надъ нами — велика имъ нужда что мы, бѣдняки, издыхаемъ голодомъ, только было бы имъ что ѣсть, да толстѣть!«— «Э, милая!» сказалъ улыбаясь Наполеонъ — «посмотри хорошенько, кто изъ насъ толще!» Народъ расхохотался и разошелся спокойно.

Отношенія Наполеона быстро измѣнились. Баррасъ назначилъ его главнокомандующимъ внутреннею арміею. Онъ являлся теперь значительнымъ государственнымъ чиновникомъ, былъ принятъ въ лучшіе общества Парижа, являлся среди пировъ Барраса, гдѣ собиралось все, что было богато и значительно во Франціи. Одною изъ первыхъ мыслей его была помощь своему бѣдному семейству. Мать и сестры его жили въ замкѣ Салье, близъ Антиба. Онъ вызвалъ ихъ въ Парижъ. Іосифъ женился на дочери богатаго купца Клари. Наполеонъ доставилъ Іосифу мѣсто коммиссара при Итальянской арміи. Люціанъ оскорбилъ тогда Наполеона своимъ неприличнымъ супружествомъ: онъ женился на красивой дочери трактирщика, у котораго жилъ. Наполеонъ доставилъ однакожь ему выгодное мѣсто. Но всѣ новыя

общественныя отношенія не измѣнили образа жизни самого Наполеона. Онъ жилъ весьма тихо и скромно, занятой дѣлами, рѣдко являясь въ общество. Дѣла не помѣшали ему замѣтить прелестную вдову генерала Богарне, Марію Жозефину Розу, которая съ г-жею Тальенъ и г-жею Шато-Рено составляли украшеніе общества, собиравшагося у Барраса. Креолка съ острова Мартиники, дочь богатаго колониста Таше де ла-Пажери, Жозефина въ молодыхъ лѣтахъ вышла за виконта Александра Богарне, и имѣла отъ него сына Евгенія и дочь Гортензію. Вопреки мнѣніямъ старшаго брата, приверженца королевскаго, участвовавшаго въ побѣгѣ Короля, потомъ бѣжавшаго за границу и находившагося въ корпусѣ принца Конде, виконтъ Богарне былъ защитникомъ переворота и состоялъ генераломъ въ Рейнской арміи. Послѣ неудачной битвы въ 1792 году онъ былъ удаленъ изъ арміи и погибъ на эшафотѣ. Вдова его, брошенная въ тюрьму, спасена Тальеномъ и Баррасомъ, который постарался также доставить ей часть изъ имѣнія мужа. Сказками и клеветою обезобразили жизнь Жозефины до знакомства ея съ Наполеономъ. Говорили, будто какая-то колдунья предвѣщала ей въ дѣтствѣ, что она будетъ королевою, но умретъ въ госпитали, и что Наполеонъ узналъ ее послѣ того, когда сынъ Жозефины пришелъ къ нему просить у него о возвращеніи отцовской шпаги, отобранной при обезоруженіи жителей Парижа послѣ 13-го вандемьера. То

и другое извѣстіе вздорныя сказки. Клевета обвиняла Жозефину въ беззаконной связи съ Баррасомъ. Жозефина надоѣла ему, говорили клеветники, и онъ предложилъ руку ея Наполеону, обѣщая ему за то начальство надъ Итальянскою арміею. Благородный характеръ и вся жизнь Жозефины опровергаютъ разсказы клеветниковъ, а начальство надъ Итальянскою арміею было довольно страннымъ приданымъ, ибо оно не представляло никакой блестящей будущности, какъ увидимъ далѣе. Наполеонъ, всегда мечтатель въ юности, былъ доступенъ всѣмъ страстямъ, и романическія идеи любви были не чужды душѣ его. Даже въ бытность свою въ Парижѣ въ 1795 году, онъ былъ влюбленъ въ кого-то, но утаилъ и побѣдилъ страсть свою. Нужды и заботы жизни, а потомъ одна страсть, овладѣвшая имъ, изгнали очарованія любви изъ его сердца. Жозефина не внушила ему сильнаго чувства, но увлекла его умомъ, красотою, образованностью. Можетъ быть, соединяясь съ женщиною, принадлежавшею къ высшему дворянству по мужу и дѣтямъ, онъ хотѣлъ поставить себя въ надлежащее отношеніе съ высшимъ свѣтскимъ обществомъ, но здѣсь оканчивались всѣ его разсчеты.

Предложеніе раздѣлить судьбу съ Наполеономъ было принято Жозефиною. Ихъ обручили, но соединяясь съ милою ему женщиною неразрывнымъ союзомъ, Наполеонъ далеко улеталъ мыслью. Тѣсно ему было въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ ставили его дотолѣ

люди и обстоятельства. Ему ли было заниматься внутреннимъ благочиніемъ республики, когда онъ видѣлъ опасность, грозившую гибелью отечеству извнѣ, понималъ несообразность мѣръ, предпринимаемыхъ на защиту его Директорами, и геній его вдохновлялъ ему планъ спасти Францію, котораго не понялъ бы никто изъ тогдашнихъ правителей республики....

Мы говорили, что главныя дѣйствія кампаніи 1796 года предположено было сосредоточить на Рейнѣ. Наполеонъ не могъ надѣяться, что здѣсь отстраняя Журдана и Моро, уже знаменитыхъ заслугами, предпочтутъ его, 26-ти лѣтняго мечтателя, выскочку, услужника Баррасова въ глазахъ другихъ, генерала со вчерашняго дня, никогда не командовавшаго даже отдѣльнымъ корпусомъ....

Наполеонъ представилъ Баррасу и Карно планъ о содѣйствіи со стороны Италіи главнымъ военнымъ дѣйствіямъ на Рейнѣ. Онъ бралъ исполненіе плана на себя, не требовалъ ни войска, ни денегъ. Послѣ продолжительныхъ разсужденій Карно согласился. Наполеонъ долженъ былъ отправиться немедленно, принять начальство надъ Итальянскою арміею, стараться разбить Сардинскую армію, занять Піемонтъ, и если можно будетъ, вступить въ Ломбардію, дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ главнаго театра войны. Наполеонъ не хотѣлъ тревожить тактика Карно своими настоящими предположеніями. Онъ хранилъ ихъ въ глубокой тайнѣ. И безъ того назначеніе Наполеона на смѣну Шерера казалось безразсудствомъ.

«Вамъ придется имѣть дѣло съ старыми генералами,» насмѣшливо сказалъ ему кто-то. «Да, но я самъ постараюсь состарѣться,» отвѣчалъ онъ.

Марта 9-го 1796 года была отправлена свадьба Наполеона съ Жозефиною. Черезъ три дня онъ поскакалъ въ Италію, и прибылъ въ Ниццу, главную квартиру арміи, 6-го жерминаля, IV-го года республики (Марта 26-го, 1796 года).

Здѣсь оканчивается повѣсть о Наполеонѣ, какъ жизнеописаніе частнаго человѣка, и отселѣ жизнь его дѣлается исторіею Европы. Геній его разорвалъ наконецъ путы общественныхъ условій, и когда черезъ годъ потомъ, близъ стѣнъ Императорской столицы, онъ предписывалъ условія, опредѣляя жребіи народовъ, въ изумленіи вопрошали объ немъ въ отдаленныхъ странахъ Азіи и Америки: кто былъ этотъ *Буонапарте* (какъ называли его тогда), дотолѣ безвѣстный и невѣдомый, побѣдоносный вождь Французскихъ ополченій?

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВОЙНА ВЪ ИТАЛІИ. ПОХОДЪ 1796-ГО ГОДА.

Soldats! Vous êtes mal nourris et presque nus. Le gouvernement vous doit beaucoup, mais ne peut rien pour vous. Votre patience, votre courage vous honorent, mais ne vous procurent ni avantage, ni gloire. Je vais vous conduire dans les plus fertiles plaines du monde; vous y trouverez de grandes villes, de riches provinces: vous y trouverez honneur, gloire et richesses. Soldats d'Italie, manqueriez-vous de courage?

Первый приказъ Наполеона въ Италіи.

До 1796-го года военныя дѣйствія въ Италіи считались только дополненіемъ главныхъ дѣйствій во Фландріи, Голландіи и на Рейнѣ. Туда устремлялись союзники, тамъ защищались Французы. Занятіе Ниццы и Савоіи Монтескью, дѣла Дюморбіона и Шерера, были только средствомъ удалить отъ Французскихъ предѣловъ вňаденіе непріятелей со стороны Италіи. Такъ и Наполеону предписано было ограничиться только отвлеченіемъ силъ непріятеля. Занятіе Ломбардіи считали крайнимъ предѣломъ успѣховъ, коихъ могъ онъ достигнуть. Не такъ думалъ Наполеонъ.

Смѣлымъ ударомъ уничтожить ополченія Сардиніи и Австріи, возстановить независимость Италіи, передать ей идеи переворота, опереться на нихъ, пе-

ренесть войну за предѣлы Италійскіе, походомъ въ Тироль отвлечь силы Императора отъ другихъ мѣстъ, стѣснить его въ одно время съ береговъ Адижа и Рейна, и устремить соединенно военныя дѣйствія на столицу Австріи — таковъ былъ тайный планъ Наполеона. Но какія были у него средства?

Онъ нашелъ ввѣренную ему армію состоявшею изъ 36,000 человѣкъ, худо одѣтыхъ, голодныхъ, безъ обуви, безъ жалованья, конницу и артиллерію безъ лошадей. Солдаты добывали запасъ мародерствомъ. При истощеніи денегъ офицеры не могли получать даже скуднаго жалованья по 8 франковъ въ мѣсяцъ. Въ подарокъ за битву при Албенго дивизіоннымъ генераламъ велѣно было выдать по 3 луйдора, но казначей арміи не могъ заплатить ихъ. Наполеону дали на всѣ расходы 2000 луйдоровъ серебромъ, на милльонъ билетовъ, и требованіе съ Генуи за захваченный въ Генуезской гавани фрегатъ Французскій. Армія находилась въ томъ положеніи, какое приняла послѣ Лоанской битвы. Она занимала горныя Апеннинскія области и Генуезскую западную прибрежную область, или Ривьеру ди-Поненте, растягиваясь отъ Ниццы до Коль ди-Тенде и Савоны. Дивизія Серрюрье стояла въ Гарессіи, на Апеннинскихъ горахъ. Сардинскія войска, въ числѣ 22,000, охраняли Чеву, подъ начальствомъ генерала Колли. Отдѣльная армія Австрійская, изъ 38,000, подъ начальствомъ генерала Больё, находилась въ Дего, Карро и Миллезимо, готовая поставить Французовъ ме-

жду двухъ огней, если они пойдутъ на Чеву, или заградить имъ путь, если двинутся на Генуую. Англійская эскадра крейсировала около береговъ. Такимъ образомъ выходъ въ Піемонтскія долины и путь въ Генуую были защищены. Колли извѣстенъ былъ удачными дѣйствіями во Фландріи. Болье былъ старый, опытный и храбрый генералъ. Съ арміею Келлермана, прикрывавшею предѣлы Савойи, Наполеонъ не имѣлъ сообщеній. Слѣдственно, онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ непріятеля, почти вдвое превосходнаго числомъ войска. Недостатокъ числа отчасти замѣнялся тѣмъ, что среди нуждъ и лишеній армія Французская была закалена въ битвахъ, горѣла нетерпѣніемъ сразиться и прославить себя, какъ славились воинскія дружины, находившіяся въ арміи Рейнской. Здѣсь были Массена, Ожеро, Серрюрье, Жубертъ, Бертье, Писсаръ, Лагарпъ, Ланнъ, люди храбрости беззавѣтной. Довольно холодно встрѣтили они молодаго, неизвѣстнаго, невысокаго ростомъ, худощаваго полководца своего, у котораго только глаза сверкали яркимъ огнемъ юга. Рѣчь новаго вождя была нескладна, отрывиста, обращеніе угрюмо и скрытно. Онъ казался мраченъ, задумчивъ. Многіе, бывшіе старше его по службѣ, не могли забыть и того, что онъ получилъ мѣсто по милости Барраса. Клевета не щадила Наполеона, и очернила его въ глазахъ подчиненныхъ еще до пріѣзда его, когда вообще воинская подчиненность плохо соблюдалась въ Итальянской арміи.

Наполеонъ успѣлъ на первый случай спабдить войско припасами, заключивши подряды, и выдалъ генераламъ по четыре луйдора въ уплату жалованья. Строгимъ обхожденіемъ внушилъ онъ, если не уваженіе, то изумленіе, при мысли, чѣмъ такъ гордится эта выскочка Корсиканская? Солдаты съ восторгомъ читали первый приказъ, отданный имъ.

«Солдаты! вы голодны и почти наги. Правительство должно вамъ много, и ничего не можетъ сдѣлать для васъ. Ваше терпѣніе, ваша храбрость заставляютъ уважать васъ, но не приносятъ вамъ ни пользы, ни славы. Я поведу васъ въ самыя обильныя въ мірѣ долины. Тамъ найдете вы многолюдные города, богатыя области, пріобрѣтете честь, славу, богатства. Солдаты Итальянской арміи! неужели у васъ недостанетъ храбрости?»

Верхняя Италія съ сѣвера и запада ограничивается Альпійскими горами; онѣ соединяются къ югу съ Апеннинскими, которыя занимаютъ все прибрежье отъ Ниццы до Тосканы, а далѣе къ югу дѣлятъ протяженіе Италійскаго полуострова на двѣ части, восточную и западную. Верхнюю Италію составляютъ такимъ образомъ горныя области Альпійскія и Апеннинскія, и понижаясь съ сѣвера и юга къ срединѣ, оставляютъ между собою обширныя, богатыя, цвѣтущія долины, гдѣ протекаетъ отъ запада къ востоку, вливаясь въ Адріатическое море, рѣка По, древній Эриданъ, съ впадающими въ нее съ обѣихъ сторонъ рѣками. Здѣсь находятся Піе-

монтъ, Ломбардія, Парма, Модена, Феррара, Лукка, Венеція, простираясь на сѣверо-востокъ и востокъ до Тирольскихъ Альповъ, и образуя собою тучныя пажити, виноградники, масличныя рощи, и ряды сильныхъ крѣпостей, богатыхъ городовъ. Сюда прошелъ Аннибалъ черезъ Альпы съ сѣвера. Наполеонъ долженъ былъ пройдти черезъ Апеннины съ юга. Занимая горныя ущелья и узкую приморскую ривіеру Генуи, онъ могъ идти, или на Генуя, откуда былъ проходъ по теченію рѣки Скривіи на Нови и Александрію, но тутъ угрожалъ ему Больё, или изъ Коль ди-Тенде и Гарессіо на Кони и Хераско, по теченію рѣкъ Стуры и Танаро, но здѣсь охранялъ входъ Колли; наконецъ можно было идти по теченію рѣки Бормиды, куда въ 1793 году совѣтовалъ онъ двинуться Дюморбіону, но теперь, двигаясь здѣсь, Наполеонъ становился между Колли и Больё. Можетъ быть, всѣ сіи затрудненія заставили Шерера предпочесть путь черезъ Волтри, прибрежьемъ на Генуя. Наполеонъ засталъ войско совершающимъ растянутое движеніе, такъ, что кромѣ отряда Серрюрье въ Гарессіи, все остальное войско сближалось къ Савонѣ. Больё наблюдалъ непріятеля, и спѣшилъ къ Волтри по Бормидской долинѣ, черезъ Дего, Капро и Монтенотте, оставя въ Миллезимо, между Чевою и Монтенотте, отрядъ войскъ, соединявшій его съ войсками Колли. Не выводя Больё изъ заблужденія, Наполеонъ, казалось, продолжалъ Шеререовы распоряженія. Онъ перенесъ свою главную

квартиру въ Албенго, и подъ пушками Англійскихъ кораблей, придвинулъ отрядъ Лагарпа къ Волтри. Болье считалъ послѣ сего Наполеона вѣрною добычею, ибо, останавливая непріятеля въ Волтри, онъ могъ отъ Монтенотте ударить ему во флангъ, и стѣснить его къ морю, когда Колли, движеніемъ на Онелью, или на Ниццу, отрѣзывалъ ему отступленіе. Превосходство силъ ручалось за успѣхъ дѣла. Лѣвое крыло Австрійцовъ, подъ начальствомъ Больё, стало въ Волтри; центръ, съ генераломъ Аржанто, шелъ на Монтенотте къ Савонѣ; правое крыло сдвигалось отъ Дего. Аржанто встрѣтилъ въ Монтенотте отрядъ полковника Рампона, изъ 1200 человѣкъ. Онъ отбросилъ его, 11-го Апрѣля, къ Монтеледжино. Здѣсь Рампонъ укрѣпился въ старомъ редутѣ, дрался отчаянно, и задержалъ непріятеля до ночи. Между тѣмъ выжидалъ, и орлинымъ взоромъ генія схватилъ Наполеонъ минуту смѣлаго удара. Ночью Лагарпъ двинутъ былъ отъ Волтри на Монтенотте. Ожеро подкрѣпилъ его отъ Савоны. Массена шелъ въ обходъ, пока Лагарпъ и Ожеро, утромъ Апрѣля 12-го, съ двухъ сторонъ напали на Аржанто. Онъ защищался храбро, но ударъ Массены въ тылъ его войскамъ рѣшилъ битву. Больё думалъ, что главное войско Французское все еще находится противъ него, когда Аржанто уже отступалъ въ безпорядкѣ на Дего, потерявши 2000 плѣнными, и Наполеонъ, занявъ Монтенотте, отрѣзалъ Больё, не только отъ Сардинской арміи, но и отъ праваго крыла его.

Такъ первый шагъ Наполеона былъ ознаменованъ побѣдою. Но великій полководецъ не только одерживаетъ побѣды; ему не менѣе надобно искуство пользоваться ими. Наполеонъ показалъ, что онъ вполнѣ обладаетъ симъ искуствомъ. Пока Больё поспѣшалъ отъ Волтри на Дего, Наполеонъ, утромъ 13-го Апрѣля, быстро раздѣлилъ свою армію, послалъ Массену и Лагарпа преслѣдовать разбитыхъ Австрійцовъ и занять Дего, а Ожеро ударить на Миллезимо, гдѣ находился отрядъ генерала Провера; Ожеро отрѣзалъ его, заставилъ укрыться въ развалины горнаго замка Коссаріа. Нападеніе на Дего было удачно, но отчаянная защита храбраго Провера продолжалась весь день. Тщетно хотѣли взять приступомъ гору, гдѣ онъ укрѣпился. Жубертъ былъ жестоко раненъ. Ночь разлучила сражавшихся. Рано утромъ, Апрѣля 14-го бой начался въ трехъ мѣстахъ. Колли двинулъ войско на освобожденіе Провера. Австрійцы, усиленные изъ Волтри, выгнали Французовъ изъ Дего. Провера хотѣлъ пробиться къ Колли. Ожеро отразилъ Сардинцовъ. Провера принужденъ былъ сдаться съ 1500 человѣкъ. Массена и Лагарпъ снова овладѣли Дего, и взяли здѣсь въ плѣнъ 80 офицеровъ и до 4000 рядовыхъ. Больё и Колли отступали. Уже стихъ бой, когда ночью загремѣли выстрѣлы въ сторонѣ Дего. Наполеонъ поскакалъ туда, и увидѣлъ свои войска отступающими. Нападеніе сдѣлалъ генералъ Вукасовичъ. Онъ велъ 6000-й отрядъ изъ Волтри, увидѣлъ Дего, занятое

небольшимъ отрядомъ Французовъ, и рѣшился воспользоваться оплошностью. Упорнымъ внезапнымъ нападеніемъ онъ захватилъ Дего. Мѣсто было весьма важно, ибо здѣсь могли соединиться Австрійцы. Несмотря на усталость войскъ, Наполеонъ немедленно повелъ ихъ въ аттаку. Французовъ отбили. Велѣно усилить нападеніе; генералъ адъютантъ Ланюссъ надѣлъ шляпу свою на шпагу, и бросился впереди колоннъ. Непріятель уступилъ, и бѣжалъ, потерявъ нѣсколько сотъ плѣнными.

Долина Бормидская была очищена. Австрійцы безпорядочно отступали на Акви. Сардинцы удерживались на пространствѣ отъ Чевы къ Мондови. Страхъ обнялъ непріятелей. Девять тысячь плѣнныхъ были трофеями трехъ битвъ, данныхъ въ три дня. По плану Карно должно было преслѣдовать Австрійцовъ и вступить въ Ломбардію. Наполеонъ рѣшился поступить иначе, идти въ Піемонтъ и уничтожить Сардинскую армію. Послѣдствія оправдали вѣрный разсчетъ его.

Войско было одушевлено. Имя Бонапарте солдаты произносили почтительно. Онъ успѣлъ уже внушить страхъ и любовь. При безпрерывныхъ битвахъ и переходахъ солдаты были утомлены, голодны, и нѣкоторые осмѣлились грабить жителей. Наполеонъ строго запретилъ безпорядки, далъ день отдыха, и 17-го Апрѣля, оставя въ Сенъ-Бенедетто Лагарпа охранять берега Белбо и Бормиды, повелъ войско на Мондови, обходя Чеву съ тыла. Серрюрье при-

соединился къ арміи изъ Гарессіо. Колли слабо защищалъ Чеву, стѣсняемый Серрюрье и Наполеономъ. На высотахъ Монте-Земото передъ войскомъ открылись цвѣтущія долины, гдѣ текли По, Стура и Танаро. Вдали бѣлѣли снѣга Альповъ. «Смотрите, солдаты,» говорилъ Наполеонъ — «вотъ она, наша обѣтованная земля! Аннибалъ перешелъ Альпы — мы обошли ихъ!»

Колли отступалъ, но задерживая непріятеля на каждомъ шагу, ибо не смѣя сражаться одинъ, безпрерывно ждалъ онъ помощи Больё. Онъ укрѣпился наконецъ за рѣкою Курсаліа, впадающею въ Танаро. Жубертъ хотѣлъ переправиться черезъ нее вплавь, и едва не утонулъ. Серрюрье бросился черезъ мостъ. Колли допустилъ его перейдти, ударилъ съ лучшими войсками, сбилъ и прогналъ Серрюрье. Положеніе являлось затруднительное. Больё могъ явиться и поставить Французовъ между двухъ огней. Утромъ Апрѣля 21-го велѣно усилить нападеніе, но Колли уже отступилъ ночью, и укрѣпился при Мондови. Здѣсь началась битва. Генералъ Штенгель былъ убитъ, но ничто не устояло противъ упорнаго мужества Массены и кавалерійскихъ аттакъ Мюрата. Серрюрье штыками взялъ главный редутъ. Колли отступилъ, потерялъ болѣе 3000, бросилъ пушки. Наполеонъ быстро преслѣдовалъ его, достигъ Хераско, при впаденіи Стуры въ Танаро, въ 20-ти льё отъ Савоны, въ 15-ти отъ Александріи, въ 10-ти отъ Турина, столицы Сардинскаго королевства. Апрѣля 23-го яви-

лись въ Хераско посланники короля Виктора Амедея — они предложили миръ.

Такъ великъ былъ страхъ, наведенный побѣдами войска, котораго, въ теченіе четырехъ лѣтъ бездѣйствія, уже привыкли было не бояться. Колли остановился въ двухъ льё отъ Турина, и объявилъ Королю Сардинскому, что онъ не въ силахъ противиться. Смятеніе въ столицѣ сдѣлалось ужасное. Англійскій и Австрійскій посолъ совѣтовали запереться въ Туринской крѣпости, послать войско за По, отдать Больё Тортону, Александрію и Валенцу, гдѣ онъ могъ утвердиться между По, Танаро и Скривіею, и дѣйствовать въ тылъ непріятеля. Но престарѣлый Король не менѣе побѣды Французовъ страшился помощи Австрійцовъ, въ залогъ которой требовали у него три лучшія крѣпости. Защищать Туринъ не было средствъ. Совѣты наслѣднаго принца, и мнѣніе любимца королевскаго, кардинала Коста, убѣдили на миръ.

Наполеонъ согласился, хотя не имѣлъ полномочія заключать миръ, и общій голосъ арміи требовалъ похода на Туринъ, уничтоженія Сардинскаго королевства и объявленія Піемонта республикою. Онъ видѣлъ, что у него не было средствъ взять Туринъ, и что занявшись осадою его, онъ дастъ время оправиться Австрійцамъ, опомниться Сардинцамъ, присоединиться къ нимъ другимъ Итальянцамъ. Если много было въ Италіи приверженцовъ новымъ мнѣніямъ, они нигдѣ не смѣли еще обнаруживать себя,

и Піемонтъ менѣе всѣхъ Итальянскихъ земель былъ способенъ къ республиканскому возстанію. Унижая принужденнымъ миромъ одного изъ самыхъ упорныхъ противниковъ республики и сильныхъ государей Итальянскихъ, родственника, тестя двухъ Бурбонскихъ принцовъ (ибо Людовикъ XVIII-й и графъ д'Артуа были женаты на дочеряхъ Короля Сардинскаго), Наполеонъ могъ удовольствоваться тѣмъ, что въ десять дней кончилъ Піемонтскую кампанію, и притомъ условія зависѣли отъ него — объ нихъ не спорили.

Они были тяжелы. Наполеонъ согласился на перемиріе съ тѣмъ, что Король Сардинскій отправитъ посла своего въ Парижъ переговаривать о мирѣ; а до заключенія его дозволитъ свободный переходъ Французамъ черезъ свои владѣнія, будетъ соблюдать строгій неутралитетъ, распуститъ армію по крѣпостямъ, и изъ числа крѣпостей три, Кони, Тортону и Александрію, со всѣми запасами ихъ, отдастъ временно Французамъ. Условія были подписаны въ Хераско Апрѣля 28-го. Крѣпости сданы немедленно съ множествомъ запасовъ и сильною артиллеріею.

Побѣдитель явился кроткимъ и ласковымъ при переговорахъ. Являя простоту солдата и республиканца во всемъ окружавшемъ его, почтительно принялъ Наполеонъ министра Сардинскаго, графа Сенъ-Марсана, и наслѣдпаго принца, съ нимъ пріѣхавшаго, плѣнилъ ихъ своимъ разговоромъ, говорилъ имъ о завистливой политикѣ Австріи, необходимости союза съ Франціею, даже льстилъ надеждою особеннаго

вознагражденія послѣ завоеванія Ломбардіи. Изумлялись юному герою, дивились въ немъ умному дипломату, и вотъ приказъ, воспламенившій воиновъ Наполеона къ новымъ битвамъ.

«Солдаты!

Въ двѣ недѣли вы одержали шесть побѣдъ, взяли 21 знамя, 55 пушекъ, нѣсколько сильныхъ крѣпостей, и завоевали богатѣйшую часть Піемонта, забрали въ плѣнъ 15,000, убили и ранили болѣе 10,000. Донынѣ дрались вы за безплодные утесы, прославленные вашимъ мужествомъ, но безполезные вашему отечеству. Заслугами вашими уже сравнялись вы съ арміею Голландскою и Рейнскою. Лишенные всего, вы все пріобрѣли. Вы одерживали побѣды безъ пушекъ, переходили рѣки безъ мостовъ, шли безъ обуви, бивакировали безъ водки, и часто оставались безъ хлѣба. Только республиканскія фаланги и воины свободы способны перенесть все, что вы перенесли. Спасибо вамъ, солдаты. Благодарное отечество будетъ одолжено вамъ благоденствіемъ, и если, побѣдители Тулона, вы предвѣщали тогда безсмертную кампанію 1793 года, ваши нынѣшнія побѣды предвѣщаютъ намъ другую, еще болѣе великую. Двѣ арміи, смѣло нападавшія на васъ, бѣгутъ испуганныя передъ вами. Люди, смѣявшіеся надъ вашею бѣдностью, и мысленно веселившіеся торжествомъ враговъ вашихъ, изумляются вамъ и трепещутъ. Но, солдаты, вы еще ничего не сдѣлали, если вамъ еще есть что дѣлать. Ни Туринъ, ни Миланъ еще не

ваши. Прахъ побѣдителей Тарквинія попраютъ убійцы Бассевиля. Правда ли, что между вами находятся люди, которымъ измѣняетъ храбрость, люди, желающіе лучше возвратиться на вершины Апениновъ и Альповъ? Нѣтъ! я не вѣрю. Побѣдители при Монтенотто, Миллезимо, Дего, Мондови горятъ желаніемъ далеко впередъ пронести славу народа Французскаго!»

Радостными кликами отвѣчали Наполеону при чтеніи его приказа солдаты. Они были сыты, одѣты, обогатились добычею. Армія усилилась артиллеріею и лошадьми. Впереди льстили надеждами побѣда, слава, роскошь. Наполеонъ представлялъ Директоріи о подвигахъ каждаго, требовалъ наградъ всѣмъ, и для послѣдняго солдата могли исполниться слова Бернадотта, что «у каждаго республиканскаго воина маршальскій жезлъ лежалъ въ ранцѣ.» Блескъ имени Наполеонова отразился мгновенно въ Европѣ. Восторгъ Французовъ при слухѣ о походѣ его былъ неописанный. Едва получили въ Парижѣ извѣстіе о Монтенотто, на другой день прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о Миллезимо, потомъ о Дего, Мондови, покорности Сардинскаго Короля. Мюратъ привезъ въ Парижъ знамена и приказы Наполеона. Исчисляли побѣды, плѣнныхъ, пушки, восхищались приказами, спрашивали, гдѣ же былъ прежде этотъ *Буонапарте*, котораго имени еще не научились хорошо выговаривать. Положено праздновать побѣды. Итальянской арміи прислали изъявленіе благодарности и

награды. Мюратъ поднесъ знамена Директорамъ при собраніи иностранныхъ пословъ. Велѣно выбить медаль съ изображеніемъ Бонапарте, и всѣ наперерывъ любовались его Римскимъ лицомъ, противоположностью скромнаго вида его съ побѣдами. «Храбрый Бонапарте,» писалъ Гошъ Директорамъ, «какой воинъ не горитъ желаніемъ подражать тебѣ! Браво, храбрый юноша! Веди въ Неаполь, въ Вѣну побѣдоносныя арміи, отвѣчай злобѣ нашихъ враговъ покорностью королей, прославленіемъ оружія нашего, и предоставь намъ заботу прославлять тебя!» Скоро явились въ Парижъ послы Сардинскіе, съ покорностью и просьбою о мирѣ. Директорія не смѣла не согласиться на миръ, ни упрекать Наполеона въ своевольномъ поступкѣ. Она убѣдилась его доводами въ необходимости мира съ Сардиніею, и тѣмъ болѣе, что онъ былъ блестящій и неожиданный: Сардинія уступала республикѣ Савоію, и графства Ниццу, Тенду и Бевиль, отказывалась отъ союзовъ, дозволяла проходъ войскамъ изъ Франціи въ Италію, оставляла въ обладаніи Французовъ, до заключенія всеобщаго мира, шесть крѣпостей (Кони, Чеву, Тортону, Сіету, Шато-Дофенъ, Александрію), и обязывалась срыть крѣпости Брюнетту и Сузу.

Столь прискорбныя для Сардиніи условія вынуждены новыми побѣдами Наполеона. Когда въ Парижѣ подписывали миръ (Мая 15-го), онъ былъ уже далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ заключилъ перемиріе,

и уже не одинъ властитель Италіи преклонился передъ нимъ.

Надлежало преслѣдовать Австрійцовъ и освободить Ломбардію, самую образованную изъ всѣхъ Итальянскихъ земель, съ 1,200,000 жителей, приверженныхъ къ новымъ мнѣніямъ, и не терпѣвшихъ владычества Австріи. Можно было надѣяться, что они присоединятся къ побѣдительнымъ республиканцамъ. Но, кромѣ того, здѣсь находили богатые запасы, обиліе, роскошь, не только средства содержать армію, еслибы жители и остались вѣрны Австріи. Надлежало спѣшить и окончательнымъ уничтоженіемъ арміи Больё, подкрѣпляемой отвсюду, и не дать времени снова усилиться Австрійцамъ. При первомъ извѣстіи объ успѣхахъ Французовъ и мирѣ ихъ съ Сардиніею, генералъ Вурмзеръ былъ отдѣленъ отъ Рейнской арміи въ Италію, съ 30,000 войска; ему велѣно присоединить къ себѣ Тирольскихъ стрѣлковъ и не медлить походомъ. Между тѣмъ новые обширные замыслы возникали въ душѣ Наполеона: онъ обдумывалъ будущность Италіи, соображалъ ея настоящее положеніе, не приступалъ еще къ окончательнымъ мѣрамъ, но уже рѣшился дѣйствовать сколько оружіемъ, столько политикою.

Вступая въ Ломбардію, куда походъ его укрѣпляли три взятыя у Сардиніи крѣпости, и оставляя за собою покоренный Піемонтъ, вправо видѣлъ онъ *Генуезскую республику*, дотолѣ сохранявшую неутралитетъ, отказавшую не только въ союзѣ, но и въ упла-

тѣ вознагражденій, отъ нея требуемыхъ. На южномъ склонѣ Апенниновъ находилось *герцогство Тосканское*, съ милльономъ жителей, правимое братомъ Австрійскаго Императора. Тоскана купила миръ признаніемъ республики Французской, но тамъ и въ Генуѣ былъ притонъ Англичанамъ и торговлѣ ихъ. Къ Тосканѣ примыкала незначительная *республика Лукка*, съ ста сорока тысячами жителей. Къ югу *Папскія владѣнія*, съ двумя съ половиною милльонами жителей, и въ концѣ Италійскаго полуострова *Неаполь* и *Сицилія* (шесть милльоновъ жителей), правимыя потомкомъ Бурбоновъ, слабоумнымъ королемъ, состоявшимъ въ полной власти королевы, супруги своей, дочери Императора, были непримиримыми врагами Французовъ и всѣхъ нововведеній. Вправо отъ Лукки и Тосканы находились: *герцогство Пармское*, управляемое Испанскимъ принцомъ (полмилльона жителей), и *герцогство Моденское*, гдѣ царствовалъ послѣдній потомокъ дома Эстовъ (четыреста тысячь жителей), отличавшійся скупостью и суевѣріемъ. Наконецъ, на восточномъ краю, Адріатическое прибрежье занимала *Венеція*, ветхая аристократическая республика. Съ Иллирійскими областями своими, она имѣла до трехъ милльоновъ жителей, и не была ни врагомъ, ни союзникомъ Франціи, ибо уже давно держалась только уклончивою политикою.

Въ военномъ отношеніи всѣ сіи Италійскія государства могли быть опасны при неудачѣ, ибо тогда всѣ они соединяли свои силы, раздѣленныя при удачѣ,

ничтожныя, если они были раздѣлены. Французское правительство дотолѣ оставляло ихъ въ неутральномъ положеніи, ограничиваясь занятіемъ самой Ломбардіи для того только, чтобы при переговорахъ о мирѣ уступить ее Австріи за Фландрію и Бельгію. Другая мысль родилась у Наполеона. Онъ не хотѣлъ, какъ другіе изступленные поборники переворота, воздвигнуть въ Италіи древа вольности, уничтожить государей и образовать республики на тѣхъ началахъ, на коихъ была основана Французская, ибо тому противились религіозныя мнѣнія, нравы, повѣрья Итальянцовъ, и ненависть ихъ къ преобразованіямъ. Но Наполеонъ зналъ стремленіе всей Италіи къ ея народной самобытности, и полагалъ возможнымъ оградить Францію сею самобытностью, какъ съ сѣвера ограждена была Франція Батавскою республикою. Онъ не рѣшалъ еще на какихъ условіяхъ должно основать самобытность Италіи, ибо все зависѣло отъ успѣха войны съ Австріею. Онъ даже скрывалъ мысль свою, ибо, ему ли, начальнику *тридцатитысячной арміи*, ничтожному генералу республики, можно было говорить о преобразованіяхъ государственныхъ? Притомъ онъ долженъ былъ имѣть въ виду содержаніе войска, а тягость, падавшая отъ того на жителей, не должна ли была отвратить отъ него сердца Итальянцовъ? Побѣда оканчивала все, и онъ устремился въ битвы.

Апрѣля 28-го подписаны были въ Хераско условія перемирія. На другой день войско Французское

двинулось столь поспѣшно, что Больё, думавшій овладѣть Валенціею, Тортоною и Александріею, не допуская въ нихъ Французовъ, успѣлъ захватить только Валенцію. Онъ былъ весьма доволенъ своимъ успѣхомъ, ибо Наполеонъ показывалъ видъ, что въ Валенціи хотѣлъ онъ переправляться чрезъ По, и сюда шло все войско Французское. Переведя войско свое за рѣку По, Больё защитилъ берега рѣки до Павіи баттареями, и надѣялся охранить Миланъ и остановить смѣлаго полководца Французскаго. Неописанны были досада и изумленіе стараго тактика, когда онъ узналъ, что намѣреніе переправиться въ Валенціи, и безпечность, съ какою Наполеонъ допустилъ занять крѣпость, были ловкая хитрость. Французы не только перешли По, но и обошли рѣку Тичино, гдѣ хотѣлъ остановиться Больё, еслибы на берегахъ По не удалось ему удержаться. Слѣдовательно, въ одно время Наполеонъ угрожалъ въ тылъ Больё, и находился гораздо ближе его къ Милану.

Сдвинувшись со всею арміею въ Валенціи, Мая 6-го Наполеонъ отдѣлилъ 3500 гренадеровъ, часть конницы, 24 пушки, въ полторы сутки перешелъ 36 льё правымъ берегомъ По, и 7-го Мая явился въ Піаченцѣ, гдѣ лѣвый берегъ охраняли слабые отряды Австрійцовъ. Ланнъ первый переправился чрезъ рѣку, и уже мостъ былъ устроенъ, когда дивизія Липтая поспѣшно прибѣжала и заняла Фомбіо на дорогѣ Миланской. Ее выбили изъ Фомбіо штыками, взяли 2000 плѣнныхъ, и гнали до Пиццигитоны на

Аддѣ. Вечеромъ явился Больё, поспѣшно, въ безпорядкѣ передвинувшій войско. Онъ былъ прогнанъ и преслѣдованъ до Адды, гдѣ остановился въ Лоди, пока дивизіи Колли и Вукасовича бросились прямо къ Милану; имъ велѣно оставить гарнизонъ въ Миланѣ, и соединиться съ Больё уже за Аддою.

Во время битвы при Форміо Наполеонъ увидѣлъ передъ собою пословъ Герцога Пармскаго. Онъ изъявилъ притворный гнѣвъ, упрекая ихъ непріязнью противъ Франціи. Трепещущіе послы готовы были удовлетворить раздраженнаго побѣдителя пожертвованіями, и купили перемиріе за два милльона. Герцогъ, сверхъ того, обязался выставить для артиллеріи и обоза 1600 лошадей, устроить на свой счетъ лазареты, дозволить свободный переходъ Французскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія, и приготовить запасы хлѣба. Наполеонъ потребовалъ еще контрибуціи новаго рода: *двадцать картинъ* изъ богатыхъ галлерей и церквей Пармскихъ. Согласились на все. Въ число картинъ Наполеонъ назначилъ св. Іеронима Доминикинова. Герцогъ предлагалъ въ замѣну сей драгоцѣнности милльонъ. Наполеонъ отказалъ. «Милльоны у насъ будутъ,» говорилъ онъ своимъ генераламъ, «а великое произведеніе неоцѣнимо и единственно.»

Мая 9-го Наполеонъ былъ у Лоди, гдѣ Австрійцы защищали мостъ черезъ Адду. Выбитые изъ крѣпости, они укрѣпились за мостомъ; 12,000 пѣхоты, 4000 конницы, стрѣлки, разсыпанные по бе-

регу, и 20 пушекъ, устремленныхъ на мостъ, дѣлали переходъ затруднительнымъ. Подъ градомъ пуль и картечь осмотрѣлъ Наполеонъ позицію непріятеля, послалъ конницу искать брода выше, соединилъ въ колонну 6000 гренадеровъ, одушевилъ ихъ рѣчью, и указалъ имъ на мостъ. Съ кликомъ: «Да здравствуетъ республика!» бѣгомъ ринулась колонна. Голова ея пала подъ картечами; колонна смѣшалась; Бертье, Массена, Корвини бросились впередъ, и все уступило мужеству ихъ. Пѣхота Австрійская ударила въ штыки; ее приняли твердо, и видя конницу Французскую, уже переплывшую въ бродъ черезъ рѣку, Австрійцы смѣшались, бросили пушки, оставили 2000 плѣнными, бѣжали не останавливаясь къ Мантуѣ, и укрылись за рѣкою Минчіо. Туда, черезъ Бресчію успѣли уйдти Колли и Вукасовичъ изъ Милана, и Липтай изъ Пиццигитоне. Преслѣдуя Больё, Французы заняли все теченіе Адды и берегъ рѣки По до Кремоны. Массена отправленъ занять Миланъ, Ожеро Павію. Серрюрье охранялъ берега Адды до Кассано.

Послѣ битвы при Лоди, осматривая плѣнныхъ, Наполеонъ увидѣлъ въ числѣ ихъ стараго Венгерца. Не зная что говоритъ съ Буонапарте, старый тактикъ строго осуждалъ его. «Что это за война такая!» говорилъ онъ. «Я тутъ ничего не понимаю: Видно, у васъ молодой генералъ, который вовсе не знаетъ своего ремесла: сегодня онъ у насъ впереди, завтра сзади, тамъ съ фланга! Ну, что это такое?» — «Но

однакожь онъ бьетъ?» сказалъ Наполеонъ, улыбаясь. «Да,» важно отвѣчалъ Венгерецъ, «конечно, бьетъ, но вѣдь это совершенное нарушеніе правилъ военнаго искуства!»

При началѣ кампаніи солдаты усмѣхались, смотря на своего молодаго, худощаваго генерала, и сомнительно качали головою. Послѣ Миллезимо опредѣлили они, что молодой генералъ «лихой солдатъ, даромъ что молодъ.« Дѣло при Лоди привело ихъ въ восторгъ. Съ громкимъ кликомъ собрались они, произвели его въ капралы, и съ тѣхъ поръ явилось столь знаменитое въ послѣдствіи, солдатское названіе Наполеона: *маленькій капралъ* (petit caporal).

Наполеонъ отправился въ Миланъ. Послѣ Лодійской битвы бѣжали оттуда всѣ приверженцы Австріи, монахи, духовные. Дорога въ Бресчію была покрыта бѣглецами и экипажами Миланскихъ выходцовъ. Эрцъ-герцогъ, правитель Ломбардіи, со слезами оставилъ Миланъ. Народъ еще безмолвствовалъ, но съ приближеніемъ Французовъ изъявилъ шумную радость. Приверженцы переворота и враги Австріи собрались толпами, воздвигли на площади древо вольности, надѣли трехъ-цвѣтныя республиканскія кокарды, образовали народную гвардію, избрали начальникомъ ея герцога Сербельони, и воздвигли тріумфальныя врата для встрѣчи побѣдителей. Мая 15-го толпы народа съ удивленіемъ увидѣли юнаго героя, и громкимъ крикомъ провожали его до квартиры въ домѣ Сербельони. Графъ Мельци привѣтствовалъ его

за городомъ. При въѣздѣ въ Миланъ поднесли Наполеону городскіе ключи.

Послѣ договора съ коммендантомъ Миланской крѣпости (гдѣ затворились 2000 Австрійцовъ), что онъ не будетъ стрѣлять по городу, Наполеонъ занялся множествомъ различныхъ дѣлъ. Слѣдуя предположенной имъ системѣ, онъ уклончиво отвѣчалъ на предложеніе учредить Ломбардскую республику, и ввелъ временное военное управленіе, оставляя весь прежній порядокъ. Необходимость упрочить довольство арміи заставила его наложить на Миланъ 20 милльоновъ контрибуціи. Въ Миланѣ явились къ нему послы Герцога Моденскаго. Герцогъ бѣжалъ въ Венецію, и прислалъ договариваться. Перемиріе куплено было имъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ Пармскимъ Герцогомъ: доставкою припасовъ, пожертвованіемъ картинъ, и взносомъ десяти милльоновъ контрибуціи, ибо Наполеонъ хотѣлъ немилосердо наказать стараго скупца и заклятаго врага республики. При средствахъ, какія доставили ему контрибуціи и обязательства Ломбардіи, Пармы и Модены, не только могъ онъ содержать свое войско, одѣть его, устроить магазины, но еще послать нѣсколько милльоновъ Директоріи, и препроводить милльонъ Моро въ Рейнскую армію.

Въ Миланѣ получилъ Наполеонъ неожиданное повелѣніе Директоріи. Испуганный смѣлыми планами его, и даже самыми успѣхами, Карно предписывалъ ему раздѣлить армію на двѣ части, одну оставить въ Лом-

бардіи, а съ другою идти въ Тоскану, Римъ и Неаполь, для покоренія сихъ областей. Оставляемую въ Ломбардіи препоручали Келлерману, приказывая осаждать Мантую. Наполеонъ былъ нѣсколько времени въ недоумѣніи. Видя, что ему надлежало раздѣлить славу съ старымъ, упрямымъ генераломъ, который не пойметъ его, и не захочетъ исполнять его воли, онъ видѣлъ гибель распоряженій Директоріи, ибо все сдѣланное до тѣхъ поръ было только начало. Новыя Австрійскія арміи поспѣшно двигались въ Италію, и съ ними надлежало сражаться. Побѣда надъ Австрійцами покоряла Италію безъ боя, чему примѣръ уже видѣли въ покорности Пармы и Модены. Отдаленный походъ на югъ Италіи отдавалъ Австрійцамъ Италію снова, ибо нельзя было сомнѣваться, что они разобьютъ Келлермана. Тогда могла возстать вся Италія, и завоеваніе Рима, Тосканы и Неаполя дѣлалось безполезнымъ. Наполеонъ рѣшился не слушать приказовъ Директоріи и не принимать Келлермана. Подробно донесъ онъ обо всемъ въ Парижъ. Опровергая возраженія Карно о несбыточности плановъ своихъ, принимая на себя, и только на себя одного, исполненіе ихъ, Наполеонъ писалъ, что до отвѣта Директоріи онъ не раздѣлитъ ни съ кѣмъ власти, и если будутъ въ томъ упорствовать, проситъ уволить его. «Не оспориваю военныхъ свѣдѣній генерала Келлермана,» говорилъ онъ, «но считаю неизмѣннымъ правиломъ единство власти въ войскахъ. Лучше довѣрить начальство одному пло-

хому, нежели двумъ хорошимъ генераламъ.» «Здѣсь показано было законное своекорыстіе генія, который одинъ хочетъ исполнить дѣло свое, ибо только себя одного чувствуетъ онъ способнымъ исполнить его. Наполеонъ поступилъ такъ, какъ поступалъ онъ на полѣ битвъ: онъ отваживалъ всю свою будущность, требуя увольненія письмомъ почтительнымъ, но смѣлымъ. Онъ хорошо сознавалъ, что требованія его не посмѣютъ принять, не посмѣютъ уволить его, и во всякомъ случаѣ лучше хотѣлъ удалиться, нежели повиноваться, ибо не хотѣлъ потерять славы своей и погубить войско, исполняя планъ ошибочный.»

Всѣ сіи обстоятельства заняли времени не болѣе недѣли. Мая 21-го Наполеонъ былъ уже въ Лоди, и велъ войско на Адижъ. Въ Миланѣ изданъ былъ еще одинъ изъ тѣхъ приказовъ, коими одушевлялъ онъ войско.

«Солдаты!»

«Какъ потокъ ринулись вы съ высоты Апеннинновъ, и смяли, разсѣяли все, что противостояло вашему напору. Піемонтъ, избавленный отъ тираніи Австрійской, предался естественнымъ чувствамъ мира и дружбы съ Франціею. Миланъ вашъ. Знамя республики Французской развѣвается во всей Ломбардіи. Герцоги Пармскій и Моденскій только вашему великодушію обязаны своимъ политическимъ бытіемъ. Армія, горделиво угрожавшая вамъ, не находитъ болѣе преграды, могущей обезпечить ее противъ вашей храбрости. По, Тичино, Адда ни на одинъ

день не остановили васъ. Сіи столь прославляемыя ограды Италіи были для васъ недостаточны — вы перешли сіи рѣки столь же быстро, какъ горы Апеннинскія. Столько успѣховъ обрадовали ваше отечество. Ваши представители учредили праздникъ въ честь вашихъ побѣдъ, прославляемыхъ по всѣмъ областямъ республики. Тамъ ваши отцы, ваши матери, ваши жены, ваши сестры, ваши подруги веселятся вашими успѣхами, и гордятся тѣмъ, что вамъ они принадлежатъ. Да, солдаты, вы много сдѣлали. Но неужели ничего не остается вамъ сдѣлать еще? Скажутъ ли объ насъ, что мы умѣли побѣждать, но не умѣли пользоваться побѣдою? Укоритъ ли насъ потомство, что Ломбардія была для насъ Капуею? Уже я вижу васъ бѣгущихъ къ оружію! Хорошо, солдаты, пойдемъ! Намъ остаются еще усиленные марши, непобѣжденные непріятели, несорванные лавры, неотмщенныя обиды! И да трепещутъ тѣ, кто изощрялъ кинжалъ междоусобной войны во Франціи, вѣроломно рѣзалъ нашихъ пословъ, жегъ наши корабли въ Тулонѣ! Ударилъ часъ мщенія! Но народы, вами покоряемые, да пребудутъ спокойны. Мы друзья всѣхъ народовъ, и особливо происходящихъ отъ Брутовъ и Сципіоновъ, отъ великихъ людей, образцовъ нашихъ. Возстановить Капитолій, поставить тамъ изваянія героевъ, содѣлавшихъ его знаменитымъ, пробудить Римскій народъ, оцѣпенѣлый въ столько вѣковъ рабства— таковы будутъ плоды нашихъ побѣдъ! Они составятъ эпоху въ потомствѣ. Вамъ безсмертная слава измѣ-

нить поверхность прекраснѣйшей части Европы. Народъ Французскій, свободный, уваженный цѣлымъ свѣтомъ, дастъ Европѣ славный миръ, который вознаградитъ всякаго рода пожертвованія наши въ теченіе стольких лѣтъ. Тогда возвратитесь вы въ домы свои, и сограждане ваши, указывая на каждаго изъ васъ, будутъ говорить: «*Онъ былъ въ Итальянской арміи!*»

Неожиданное событіе остановило походъ. Негодуя на контрибуціи и поборы, тайно подстрекаемые монахами и Австрійцами, когда другихъ оскорбилъ отказъ Наполеона провозгласить республику, жители Милана и Павіи возмутились, и тысячи мятежныхъ поселянъ прибѣжали съ оружіемъ въ сіи города. Коммендантъ Миланскій успѣлъ разсѣять бунтовщиковъ, и удержалъ Австрійскій гарнизонъ, вышедшій изъ Миланской крѣпости къ нимъ на помощь. Но въ Павіи бунтовщики захватили Французскій отрядъ, вооружились, заняли городъ Бинаско, и волненіе усиливалось, хотя Ланнъ выгналъ бунтовщиковъ изъ Бинаско. Опасность требовала поспѣшнаго и строгаго укрощенія. Сопровождаемый Миланскимъ архіепископомъ, Наполеонъ отправился самъ, велѣлъ раззорить и сжечь Бинаско, и явился съ войскомъ передъ Павіею. Бунтовщики не унимались. Съ Наполеономъ было только 6 пушекъ, 300 кавалеристовъ и батальонъ гренадеровъ. Кромѣ 30,000 жителей, въ Павіи заперлось восемь тысячъ окрестныхъ поселянъ. Послѣ напраснаго увѣщанія покориться, велѣно начать

пальбу; гренадеры вышибли городскія ворота; пушками очистили улицы. Бунтовщики побѣжали изъ города толпами. Конница поскакала за ними. Павію отдали на трехъ-часовой грабежъ. Примѣръ строгости всюду утишилъ бунтъ. Наполеонъ поспѣшилъ къ арміи.

Войско приближалось къ Венеціянскимъ областямъ. Больё остановился на Минчіо, вытекающей изъ Гардскаго озера и впадающей въ По. Недалеко отъ ея впаденія находится Мантуя, сильная крѣпость, ключъ Ломбардіи. Четыре тысячи пѣхоты и двѣ тысячи конницы Австрійской занимали на правомъ берегу Боргетто; центръ арміи Больё находился за Минчіо въ Валеджіо; правое крыло прикрывалъ Венеціянскій городъ Пескіера. Наполеонъ смѣло сбилъ Австрійцовъ въ Боргетто кавалерійскими аттаками, и захватилъ мостъ, когда войско шло въ бродъ черезъ рѣку, держа ружья надъ головою. Больё не отважился на битву, оставилъ Валеджіо и отступалъ безостановочно. Дивизія Массены расположилась въ Валеджіо, гдѣ находился самъ Наполеонъ. Здѣсь внезапная тревога изумила всѣхъ. Австрійскіе гусары ворвались въ городъ столь быстро, что едва не захватили Наполеона. Послѣ минутнаго замѣшательства, ихъ отбили, и тогда только узнали, что то былъ конный отрядъ, отрѣзанный движеніемъ Французовъ. Пользуясь внезапностью нападенія, онъ ускакалъ и соединился съ Больё. Изъ Пескіеры штыками вытѣснили арріергардъ Австрійскій, но Больё успѣлъ уйдти за

Адижъ и укрыться въ Тиролѣ. Французы заняли Пескіеру и достигли Адижа. Опасность, какой подвергался Наполеонъ въ Валеджіо отъ нечаяннаго нападенія, заставила его учредить особую стражу, которая, подъ именемъ *вожатыхъ* (guides), должна была находиться при немъ неотлучно. Бессьеръ назначенъ ея начальникомъ.

Двухъ мѣсяцовъ не прошло еще съ начала кампаніи. Двинувшись съ Апеннинowъ, Наполеонъ уничтожилъ двѣ арміи, завоевалъ Піемонтъ, покорилъ Ломбардію, сталъ на предѣлахъ Тироля, повелѣвалъ всею верхнею Италіею, обогатилъ свое войско добычею, пріучилъ его къ побѣдамъ, устройству, порядку, образовалъ отличную кавалерію. Но не думая объ оконченномъ, онъ помышлялъ о томъ, что должно было дѣлать. Теперь слѣдовало готовиться на бой упорный. Болѣе грозныя силы шли въ Италію. Отъ новыхъ успѣховъ зависѣли всѣ прежнія завоеванія, вся власть надъ Италіею. Надлежало принимать сильныя мѣры. Наполеонъ рѣшился избрать Адижъ линіею защиты, ибо Минчіо можно было переходить въ бродъ, и своимъ впаденіемъ въ По открывала она дальнѣйшее теченіе сей рѣки отъ Мантуи. Рѣки, текущія далѣе, Брента, Піаве, Тальяменто также были удобны для перехода въ бродъ, обнимали слишкомъ большое пространство, и дороги изъ Тироля шли сзади ихъ. Адижъ, вытекая изъ Тироля, прикрывая главную Тирольскую дорогу по берегамъ Гардскаго озера, впаденіемъ въ Адріатическое море вы-

ше По заслоняла Италію, отрѣзывала помощь отъ Мантуи, которую надобно было осаждать, и давала средства владѣть всемъ полуостровомъ, угрожая Венеціи и югу Италіи.

Вопросъ объ отношеніяхъ къ Венеціи затруднялъ Наполеона. Управляемая мужественнымъ правительствомъ, она могла быть опасна своею силою и своими храбрыми Иллирійскими солдатами. Наполеонъ, устрашаемый новыми войсками Австріи, не могъ говорить смѣло, и еще менѣе думать о войнѣ съ Венеціею при маломъ числѣ войскъ своихъ, все количество коихъ на Адижѣ, съ подкрѣпленіями, присланными къ нему, составляло не болѣе 45,000. Часть ихъ надлежало отдѣлить къ осадѣ Мантуи. Между тѣмъ для операціонной линіи на Адижѣ надобно было занять, кромѣ Пескіеры, еще два важные пункта, принадлежавшіе Венеціи, Верону и Порто-Леньяго, на нихъ утверждая точки опоры, протягивая войска отъ Гардскаго озера до Леньяго, далѣе коего болотистые берега Адижа служили естественною защитою. Наполеонъ превосходно обдумалъ всѣ обстоятельства. Постигая характеръ Венеціи и настоящее положеніе ея, онъ избралъ самое вѣрное средство успѣха: не приводя въ исполненіе угрозъ, онъ принялъ грозный видъ увѣреннаго въ себѣ побѣдителя. Венеція ни на что не рѣшалась. Допустивши жить въ Веронѣ Людовика XVIII-го и эмигрантовъ, правители Венеціи спорили. Одни хотѣли союза съ Австріею, другіе съ Франціею, и тревожимые раздо-

рами столицы республики съ ея областными городами, требовавшими себѣ равныхъ съ нею правъ, приняли несчастную систему нерѣшительности. Венеція все еще медлила рѣшеніемъ, когда Наполеонъ былъ уже на предѣлахъ ея. Велѣли выѣхать Людовику XVIII-му и эмигрантамъ, оскорбили ихъ тѣмъ, и въ то же время оскорбили Францію, допуская Больё занять Пескіеру и спасаться въ Венеціянскихъ областяхъ. Находясь въ Бресчіи, Наполеонъ изъявилъ гнѣвъ свой за пропускъ Австрійцовъ, объявилъ, что охраняя себя удерживаетъ Пескіеру, обѣщалъ сохранять безопасность Венеціянскихъ областей, но требовалъ союза или войны. Послали говорить съ нимъ проведитора Фоскарелли. Наполеонъ ужаснулъ его при свиданіи своею вспыльчивостью, и когда посланный осмѣлился говорить о неутралитетѣ, Наполеонъ ничего не хотѣлъ слушать, и далъ ему сроку на рѣшеніе сутки. Снисходительнѣе былъ онъ къ другимъ посламъ, и объявилъ наконецъ, что допускаетъ Венецію сохранить неутралитетъ, если ему отдадутъ въ залогъ мира Верону, Леньяго и все теченіе Адижа, принявши на счетъ Венеціи часть содержанія войскъ. Противорѣчить не смѣли, радовались умѣренности требованій, предоставили дальнѣйшее рѣшеніе времени, и цѣль Наполеонова была достигнута. Серрюрье, Іюня 3-го, обложилъ Мантую 8000-ми войска. Гарнизонъ Мантуйскій составлялъ до 14,000. Наполеонъ показывалъ видъ, что хочетъ немедленно начать упорную осаду; онъ усилилъ осаждавшее войско до 15,000,

и велѣлъ поспѣшать осадными работами. Но гораздо болѣе думалъ онъ между тѣмъ о защитѣ на Адижѣ, когда много другихъ важныхъ заботъ обременяли его.

Директорія возвратила Наполеону просьбу его объ увольненіи, удалила Келлермана, и въ доказательство довѣренности предоставила всѣ дѣла въ Италіи полной волѣ Наполеона. Она просила его только, если будетъ можно, постараться объ укрощеніи средней и южной Италіи. Надлежало, дѣйствительно, подумать о томъ, ибо здѣсь угрожала опасность. Римъ возмущалъ Италію проклятіями противъ Французовъ; Неаполь собиралъ войска; въ Тосканѣ находились Англійскіе купцы; даже въ Генуѣ оставался посолъ Императора, и въ горныхъ Апеннинскихъ областяхъ Генуи не было прохода Французамъ. Толпы вооруженныхъ поселянъ грабили и рѣзали курьеровъ, больныхъ, раненыхъ; ими предводили Генуезскіе дворяне. Въ заключеніе всего Миланская крѣпость не было еще взята, и оставалась въ тылу арміи.

Разсчитывая, что прежде Іюля Австрійцы не явятся, укрѣпясь на Адижѣ, осаждая Мантую, и утвердивши договоры съ Венеціею, Наполеонъ рѣшился окончить дѣла съ другими. Онъ прибылъ въ Миланъ, распустилъ слухъ, что идетъ въ Римъ, и двинулъ Ожеро, съ 5000, по теченію Минчіо на Болонію, а Вобуа, также съ 5000, на Модену. Грозные приказы возвѣстили походъ Наполеона.

Страхъ, предшествовавшій столь неожиданному движенію, рѣшилъ все безъ битвъ. Въ Піаченцѣ встрѣтилъ Наполеона посолъ Неаполитанскій, князь Бельмонте-Пиньятелло. Неаполь прекращалъ вооруженія, отказывался отъ союза съ Англіею, объявлялъ неутралитетъ. Отсылая пословъ Неаполитанскихъ говорить о мирѣ въ Парижѣ, Іюня 5-го Наполеонъ подписалъ перемиріе съ Неаполемъ. Тогда послѣдовала покорность Генуи. Мюратъ явился въ Генуезскомъ сенатѣ съ угрожающимъ письмомъ Наполеона. Требуя союза, отсылки посла Императорскаго, высылки эмигрантовъ, разрыва съ Англіею, вознагражденія за Французскій фрегатъ, и укрощенія разбоевъ, «можете или нѣтъ прекратить ихъ вы сами?» писалъ Наполеонъ. «Если нѣтъ, я кончу ихъ, выжгу селенія, гдѣ произведены разбои и убійства, гдѣ даютъ пристанище негодяямъ, и казню начальниковъ, допускавшихъ злодѣйства.» Подтверждая слова дѣломъ, Ланнъ вступилъ въ Генуезскія горныя области, сжегъ замокъ Августина Спинолы, зачинщика мятежей, захватилъ и разстрѣлялъ нѣсколько разбойниковъ. Сенатъ Генуезскій спѣшилъ извиняться, обѣщалъ покорность, выслалъ посла Императорскаго, и отправилъ посланника въ Парижъ говорить о мирѣ.

Между тѣмъ Ожеро вошелъ въ Папскія владѣнія, и занялъ Болонію и Феррару. Торжественно встрѣченный въ Моденѣ, Наполеонъ изъявилъ миролюбіе правительству, но оказалъ сильное негодованіе правителямъ Папскихъ областей. Въ Урбино взяты

были 60 пушекъ, и отправлены къ Мантуѣ; гарнизоны Французскіе оставлены въ Урбино, Болоніи и Феррарѣ, и обѣ легаціи объявлены состоящими во временномъ владѣніи Франціи. Наполеонъ подкрѣпилъ согласіемъ собранія противниковъ Папы, призвалъ къ себѣ депутатовъ легацій и обѣщалъ имъ независимость. Болонцы встрѣтили его радостнымъ привѣтомъ. Папа и совѣтъ его затрепетали, и Испанскій посланникъ Азара явился въ Болонію предложить миръ. Папа признавалъ Французскую республику, снималъ съ нея проклятіе, отказывался отъ Австріи и Англіи, отдавалъ не только обѣ легаціи, но и крѣпость Анкону во власть Французовъ, платилъ 21 милльонъ, обязывался доставлять припасы, и дарилъ Французамъ сто отборныхъ статуй и картинъ. Анкона была занята Французами. Наполеонъ утвердилъ перемиріе Іюня 23-го. Герцогъ Тосканскій прислалъ къ побѣдителю министра своего Манфредини, когда Наполеонъ неожиданно вступилъ въ Тосканскія владѣнія. Наполеонъ увѣрилъ присланнаго въ дружбѣ, но отрядъ Французскій быстро пошелъ впередъ, занялъ Ливорно, и захватилъ тамъ множество товаровъ Англійскихъ, Австрійскихъ и Русскихъ. Продолжая увѣренія въ дружбѣ, Наполеонъ объяснялъ, что къ такому поступку принудило его нарушеніе неутралитета сношеніемъ съ врагами Франціи. Онъ самъ пріѣхалъ во Флоренцію. Герцогъ встрѣтилъ его великолѣпно, и принужденъ былъ сложить всю вину на губернатора Ливорнскаго Спан-

покп, отдалъ его подъ судъ, согласился оставить въ Ливорно охранительный гарнизонъ Французскій, и радъ былъ, что такими пожертвованіями удалилъ изъ Тосканы нежданнаго гостя. Во Флоренціи Наполеонъ получилъ извѣстіе о сдачѣ Миланской крѣпости. До береговъ Адижа во власти Австрійцовъ оставалась только Мантуя. Наполеонъ отправился къ сей крѣпости.

Военная прогулка его покорила Франціи всю остальную Италію. Онъ смѣялся усердной дружбѣ, какую изъявляли теперь всѣ Итальянскіе властители. «Дружба Франціи съ ними,» говорилъ Наполеонъ, «походитъ на обниманье великана и карлы: бѣдняжка кряхтитъ въ объятіяхъ друга, да дѣлать нечего — обнимается!»

Любопытно сообразить, какое дѣйствіе производили дѣла Наполеона на Австрію. Все еще полагая мѣстомъ главныхъ дѣйствій Рейнъ, гдѣ битвы начаты были многочисленными арміями Моро и Журдана съ Іюня мѣсяца, Австрія не опасалась дѣйствій въ Италіи. «Такое расположеніе дѣла было совершенно въ характерѣ Австріи. Медленность, какую оказываетъ Австрія, соображая выводы, осторожность въ планахъ, отвращеніе отъ измѣненій прежняго, твердая настойчивость, изумительное терпѣніе, непоколебимое упорство, составляя причины неудачь Австріи, всегда вели ее окончательно къ выигрышу, ибо все исчисленное нами дополняется мужествомъ и упорствомъ Австрійцовъ въ бѣдствіи. Быстрые,

летучіе успѣхи Наполеона казались Австріи безразсуднымъ полетомъ молодаго орленка, въ горделивой отвагѣ слишкомъ обнадеженнаго силою крыльевъ своихъ.» Но Австрія обратила однакожъ на Италію вниманіе болѣе прежняго.

Дѣйствительно, не зависѣло ли здѣсь все отъ первой неудачи, отъ одной побѣды? Смѣлый полководецъ, промчавшись по Италіи, страхомъ своего имени удерживалъ ее, но скрытая злоба побѣжденныхъ имъ являлась даже и въ томъ, что Сардинскій Король не согласился на союзъ съ Франціею, не смотря на всѣ убѣжденія, когда осторожность, съ какою дѣйствовалъ Наполеонъ въ политическомъ отношеніи, отнюдь не поощряя къ возстанію Итальянцовъ, являла тайное сомнѣніе его въ полнотѣ успѣха. Побѣды Наполеона все еще называли въ Вѣнскомъ гофъ-кригсъ-ратѣ счастьемъ, случайностью, и даже во Франціи, даже въ Рейнской арміи, предводимой осторожными тактиками, такъ думали объ нихъ. Тяжелый бой предлежалъ впереди Наполеону — онъ долженъ былъ рѣшить все, даже задачу его генія.

Графъ Вурмзеръ, новый главнокомандующій Австрійскихъ войскъ въ Италіи, былъ 72-хъ лѣтній, опытный генералъ, славный подвигами съ Семилѣтней войны, и мужественно сражавшійся на Рейнѣ съ 1791 года. Помощникомъ его былъ избранъ также старый генералъ Меласъ. Кромѣ 30,000 войска, взятаго изъ Рейнской арміи, и 10,000 бывшихъ въ Мантуѣ, соединено болѣе 30,000 остатковъ отъ

арміи Больё, преданнаго суду за слабыя дѣйствія. Число Австрійцовъ, вступавшихъ въ Италію, превосходило 70,000. Наполеонъ могъ противопоставить едва половину такого количества, ибо надлежало усилить осаду Мантуи, уже готовой сдаться.

Вурмзеръ шелъ черезъ Тироль. Три дороги ведутъ отсюда въ Италію: одна по лѣвому берегу Гардскаго озера, отъ Ровередо на Сало, Гавардо и Бресчію; двѣ другія по обоимъ берегамъ Аджжа, одна на Пескіеру, Минчіо и Мантую, другая на Верону и Леньяго. Первая изъ трехъ, ставила Австрійцовъ въ тылъ Наполеона, но была непроходима для артиллеріи; другая представляла средства защиты въ горахъ; третья полагала преградою Аджжъ и двѣ крѣпости на разстояніи восьми льё, Верону и Леньяго.

Наполеонъ распредѣлилъ защиту по всѣмъ путямъ. Соре, съ 3000, сталъ въ Сало; Массена, съ 12,000, защищалъ путь по правому берегу Гардскаго озера въ Коронѣ и Риволи; Деспнуа, съ 5000, былъ въ Веронѣ, Ожеро, съ 8000, въ Леньяго; Кильменъ, съ 2000 конницы и легкою артиллеріею, составлялъ резервъ въ Кастель-Нуово, гдѣ находился Наполеонъ, между Вероною и Пескіерою. Серрюрье усиливалъ между тѣмъ осаду Мантуи.

Вурмзеръ слышалъ о разбросанномъ положеніи Французскихъ войскъ, и имѣя двойное противъ непріятеля число войска, хотѣлъ въ одно время обойдти его и раздавить превосходствомъ силъ. Квазданович, съ 20,000, пошелъ на Сало, когда 40,000 велъ

Вурмзеръ по обѣимъ другимъ дорогамъ. Громада силъ Австрійскихъ разрушала всѣ препятствія. Соре отступилъ отъ Сало, оставя тамъ генерала Гюйё, съ 1700, въ старомъ замкѣ. Массена очистилъ Корону и Риволи. Верону окружили войска Австрійскія. Іюля 30-го Наполеона извѣстили, что Бресчіа занята ими, и сообщеніе съ Миланомъ отрѣзано. Онъ безмолвствовалъ, и въ первый разъ созвалъ на совѣтъ генераловъ. Всѣ, кромѣ Ожеро, утвердили, что должно отступить. Ожеро спорилъ, но не предлагалъ ничего, говоря одно, что лучше умереть, нежели отступать. Наполеонъ отпустилъ своихъ совѣтниковъ. Геніяльный планъ уже былъ готовъ.

Мгновенно велѣно было оставить Леньяго, Верону и снять осаду Мантуи, бросивъ тамъ осадныя пушки и снаряды. Всѣ войска должны были соединяться въ Пескіерѣ и Валеджіи на Минчіо. Когда Серрюрье, Іюля 31-го, съ горестью оставлялъ Мантую, соединивъ силы на Минчіо, Наполеонъ послалъ Ожеро черезъ Боргетто и велѣлъ ему отнять Бресчію. Соре приказано освободить Сало, гдѣ Гюйё уже два дня защищался геройски. Самъ Наполеонъ спѣшилъ на Лонато, куда сдвинулся корпусъ Кваздановича. Соре успѣшно исполнилъ порученіе, отразилъ осаждавшихъ и освободилъ Сало. Ожеро почти безъ сопротивленія отнялъ Бресчію. Наполеонъ послѣ жаркаго дѣла выгналъ Австрійцовъ изъ Лонато. Выгоды были невелики въ сущности, но слѣдствія ихъ чрезвычайно важны: Кваздановичъ, думавшій

соединиться съ Вурмзеромъ, увидѣлъ повсюду передъ собою непріятеля, полагалъ, что противъ него былъ Наполеонъ съ главнымъ войскомъ, и — онъ остановился.

Только того и желалъ Наполеонъ. Оставляя Кваздановича въ заблужденіи, съ Ожеро и Массеною ударилъ Наполеонъ противъ другаго непріятеля. Аріергардъ его преобратился въ авангардъ, и фронтъ обращенъ былъ противъ Вурмзера. Обрадованный своими успѣхами, Вурмзеръ считалъ Французовъ въ полномъ отступленіи, спѣшилъ освободить Мантую, и съ радостью увидѣлъ болѣе 150 загвожденныхъ и оставленныхъ Серрюрье пушекъ, порохъ, брошенный Французами въ воду, и всѣ осадныя работы полуразрушенными. Явно было, что непріятель бѣжалъ, не смѣя думать о сопротивленіи. Торжественно, какъ побѣдитель, вступилъ Вурмзеръ въ Мантую, остался въ ней, и послалъ генерала Баялича на Пескіеру и Лонато, генерала Липтая на Боргетто и Кастильоне. Предполагая, что Квиздановичъ идетъ съ третьей стороны, узнавши, что Липтай занялъ Кастильоне, откуда вытѣснилъ генерала Валетта, и что Баяличъ взялъ Лонато, Вурмзеръ полагалъ дѣло оконченнымъ, и даже ждалъ извѣстія о плѣнѣ Бонапарте, отвсюду окруженнаго: онъ услышалъ о побѣдѣ его.

Оставляя Массену въ Понте-Санкто-Марко и Ожеро въ Монте-Кіаро, Наполеонъ велѣлъ Гюйё усилить защиту Сало, и тѣмъ продолжить заблужденіе Кваздановича. Ожеро велѣно отнять Кастильоне

у Липтая. Генералъ Валеттъ, уступившій сей важный постъ, былъ разжалованъ передъ войскомъ. Наполеонъ являлся неумолимъ и неутомимъ. Августа 3-го началась битва въ трехъ мѣстахъ: Гюйё дрался съ Кваздановичемъ, Ожеро съ Липтаемъ, Наполеонъ ударилъ на Баялича. Авангардъ Французскій былъ смятъ, и генералъ Пижонъ плѣненъ, но бѣдный успѣхъ обезпечилъ Австрійскаго генерала и погубилъ его. Онъ растянулъ свои войска, думая обхватить непріятеля съ фланговъ, и особенно протягивалъ правое крыло, стараясь открыть сообщеніе съ Кваздановичемъ. Увѣренный, что Ожеро обезопаситъ тылъ его, Наполеонъ разсыпалъ на флангахъ стрѣлковъ, соединилъ двѣ пѣхотныя полубригады, подкрѣпилъ ихъ полкомъ драгуновъ, ударилъ на линію Австрійцовъ, прорвалъ ее, и заставилъ Баялича отступать къ Минчіо, а другую половину войскъ его бѣжать къ Сало. Здѣсь, преслѣдуемые Жюно, встрѣченные Гюйё, Австрійцы бросились въ разсыпную, сдавались въ плѣнъ. Безъ отдыха, оставляя Баялича въ безпорядкѣ отступать на Пескіеру, Наполеонъ спѣшилъ подкрѣпить Ожеро въ Кастильоне. Надежда на Ожеро не обманула его—Липтай уже отступалъ. Слѣдствіемъ сей битвы, названной Лопатскою, было отступленіе Кваздановича, ибо, видя Французовъ передъ собою, онъ видѣлъ товарищей, бѣгущихъ отъ Лопато, и увѣрился, что ему грозитъ вся армія Наполеонова. Липтай и Баяличъ въ разстройствѣ спѣшили соединиться съ Вурмзеромъ у Мантуи. Въ Сало взято бы-

ло 20 пушекъ и 3000 плѣнныхъ; въ Кастильоне 1500 плѣнныхъ; убитыми и ранеными потеряли Австрійцы болѣе 3000.

Вурмзеръ не смутился. Соединивши корпуса Баялича, Липтая, и свои отряды, онъ шелъ къ Кастильоне. Здѣсь должно было кончить споръ жаркимъ боемъ. Не смотря на утомленіе войскъ, безпрерывно сражавшихся и переходившихъ усиленными маршами съ мѣста на мѣсто, Наполеонъ приготовился къ бою, стараясь соединить вокругъ себя сколько можно болѣе войска. Самъ онъ поскакалъ въ Лонато, Августа 4-го въ полдень, и отвсюду поспѣшно двинулъ полки къ Кастильоне. Въ Лонато осталось не болѣе тысячи человѣкъ, и Наполеонъ собирался ѣхать обратно, когда явился Австрійскій парламентеръ, требуя сдачи Лонато. Четырехъ-тысячный отрядъ, отрѣзанный во вчерашнемъ боѣ, бродившій въ горахъ, и хотѣвшій чрезъ Лонато пробраться къ Пескіерѣ, думалъ, что его пропустятъ безъ битвы. Отъ случайности могло все погибнуть. Драться было не кому и некогда. Положеніе являлось опасно, но присутствіе духа спасло Наполеона. Окруживъ себя своимъ штабомъ, онъ велѣлъ привести къ себѣ парламентера съ завязанными глазами. Въ изумленіи увидѣлъ Австрійскій офицеръ самого полководца Французскаго. «Несчастный!» гнѣвно воскликнулъ Наполеонъ, «развѣ вы не знали, что здѣсь я самъ, главнокомандующій, и вся армія? Иди къ тѣмъ, кто тебя послалъ — пять минутъ срока —

сдавайтесь въ плѣнъ, или я уничтожу дерзнувшихъ оскорбить меня!» Артиллерія двинулась впередъ, и 4000 человѣкъ положили оружіе. Спасенный удачною хитростью, Наполеонъ велѣлъ Соре и Деннуа устремиться на Кваздановича, и упорно тѣснить его. Все остальное войско ночью перешло къ Кастильоне. Утромъ Вурмзеръ самъ началъ бой. Онъ примкнулъ правымъ крыломъ своимъ къ возвышенностямъ, идущимъ черезъ Лонато отъ рѣки Кіезы до Минчіо, стараясь протянуть здѣсь линію для открытія сообщеній съ Квазлановичемъ. Лѣвое крыло его прикрыто было редутомъ на высотѣ Медолано. Австрійцовъ было до 30,000. Наполеона усилилъ Серрюрье, успѣвшій отразить преслѣдовавшіе его отряды; ему велѣно было идти въ Кауріано, въ тылу Вурмзера. Съ разсвѣтомъ Вурмзеръ открылъ канонаду, надвигаясь правымъ крыломъ. Казалось, Французы робѣютъ, уступаютъ. Исполняя приказаніе, Массена на лѣвомъ крылѣ защищался слабо. Ожеро въ центрѣ былъ неподвиженъ. Тогда въ тылу непріятеля раздались выстрѣлы—то былъ Серрюрье. Двадцать пушекъ мгновенно выскакали къ редуту. Подъ огнемъ ихъ, генералъ Вердье ударилъ на Медоланскій редутъ и взялъ его. Лѣвое крыло Австрійцовъ, тѣснимыхъ съ тыла, разстроилось. Вурмзеръ подкрѣпилъ и остановилъ отступавшихъ второю линіею; часть ея двинулась остановить Серрюрье. Наполеонъ увидѣлъ рѣшительный мигъ битвы. Массена и Ожеро свирѣпо ударили на ослабленный центръ, и на правое, слишкомъ рас-

тянутое крыло непріятельское. Тѣснимый отвсюду, Вурмзеръ поколебался. Нападеніе усилено. Непріятель смѣшался и началъ отступать. Упорное преслѣдованіе могло совершенно уничтожить его, но истощеніе силъ Французскихъ солдатъ не допустило ихъ довершить побѣду. Они легли на полѣ сраженія, и плѣнныхъ успѣли захватить не болѣе 2000. На другой день преслѣдованіе начато, но Вурмзеръ уже успѣлъ перейдти за Минчіо, и спѣшилъ укрыться въ Тиролѣ. Массена проводилъ его до Короны и Риволи. Квоздановичъ уходилъ съ другой стороны, хотѣлъ остановиться при Рокка д'Анфо, но потерялъ 1200 человѣкъ, и соединился съ Вурмзеромъ за Ровередо. Ожеро явился передъ Вероною. Проведиторъ просилъ дать два часа срока для выхода Австрійцовъ. Наполеонъ не далъ ни минуты. Пушками разбили городскія ворота, и все досталось побѣдителямъ. Жители Вероны трепетали, ибо слишкомъ показали свою преданность Австрійцамъ во время кратковременнаго занятія ими Вероны. Наполеонъ приказалъ соблюдать строгій порядокъ и не тревожить ни кого.

Вся кампанія противъ Вурмзера кончилась въ шесть дней. Недѣли достаточно было великому полководцу, котораго считали погибшимъ, разбить и прогнать въ двое сильнѣйшаго непріятеля. Вурмзеръ потерялъ до 8000 убитыми и ранеными, до 13,000 плѣнными, и бросилъ артиллерію и обозы. Остатокъ войскъ его былъ совершенно разстроенъ. И все сдѣлалъ умъ *одного*, когда самые безстрашные товари-

ши его смущались! Первымъ условіемъ побѣды Наполеоновой было рѣшеніе пожертвовать осадою Мантуи. Здѣсь удивительно разсчелъ онъ цѣну пожертвованія. Продолжать осаду и останавливать Вурмзера было невозможно. «Не только въ войнѣ, но въ политикѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни можно встрѣтить въ одно время двѣ цѣли: хотѣть достигнуть обѣихъ, значитъ потерять обѣ. Наполеонъ обладалъ рѣдкимъ даромъ умѣнья на выборъ въ подобномъ случаѣ.» Вторымъ условіемъ была мысль сосредоточиться у Лонато, остановить Кваздановича, потомъ ударить на Вурмзера, не увлечься побѣдою, обратиться опять къ Лонато, и усиленно встрѣтить послѣднее нападеніе, когда двинулся самъ Вурмзеръ. Не говоримъ о быстротѣ, смѣлости, мужествѣ, искусномъ маневрѣ при Лонато и Кастильоне, но побѣда куплена была непомѣрнымъ личнымъ трудомъ Наполеона: онъ являлся всюду; семь дней онъ не раздѣвался; пять лошадей пало подъ нимъ отъ изнеможенія. Его повсюдность (ubiquité) изумляла и подчиненныхъ и непріятелей. Все вмѣстѣ способствовало къ тому, что Французы не потеряли въ битвахъ и походѣ болѣе десяти тысячь человѣкъ.

Появленіе Вурмзера и общая увѣренность въ его побѣдѣ раскрыли всѣ отношенія Италіи. Въ Венеціи явно праздновали успѣхи Австрійцовъ. Въ Римѣ остановили повозки съ контрибуціею, оскорбляли Французскихъ чиновниковъ. Папскій легатъ, кардиналъ Маффеи, явился въ Болоніи. Неаполитан-

скія войска придвинулись къ предѣламъ Папскихъ областей. Герцогъ Тосканскій дозволилъ Англичанамъ занять островъ Эльбу. Въ Піемонтѣ показались шайки вооруженныхъ крестьянъ. Всѣ ждали рѣшительнаго пораженія Наполеонова, какъ знака къ общему возстанію, и съ ужасомъ ожидали теперь повсюду страшнаго возмездія за непріязнь, столь дерзко показанную.

Наполеонъ видѣлъ, что съ Вурмзеромъ дѣло еще не кончено. Готовясь на новыя битвы, онъ довольствовался только указаніемъ врагамъ Франціи, что хорошо понимаетъ ихъ отношенія. Напоминаніемъ Венеціи, Піемонту и Тосканѣ объ условіяхъ дарованной имъ пощады, и изъявленіемъ благодарности Феррарѣ, Моденѣ и Милану, показавшимъ постоянную преданность Франціи, кончилось все. Наполеонъ явился болѣе суровымъ противъ Папы и Неаполя. Легата Папскаго въ Болоніи схватили, привезли въ Верону и представили Наполеону. При гнѣвномъ взорѣ его, Маффеи, трепеща, упалъ на колѣни, и дрожащимъ голосомъ произнесъ: Peccavi (*Согрѣшихъ*)! Посреднику между Франціею и Папою, Азарѣ, Наполеонъ писалъ, что Папѣ и его совѣтникамъ пора образумиться, и что если заставятъ его снова идти съ войскомъ на Римъ, мщенію его не будетъ никакихъ предѣловъ. Еще рѣшительнѣе говорилъ онъ о Неаполѣ. «Англичане увѣрили Неаполитанскаго Короля, будто онъ *что нибудь* (quelque chose), но я докажу ему, что онъ просто *ничто*. Если вопреки не-

съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, который, проводивъ его за Корческъ, сказалъ ему: «Ступай, братъ, къ отцу; а эта волость отца моего и моя, по Горынь.» Глѣбъ поѣхалъ къ отцу, а Изяславъ въ слѣдъ за нимъ отправился къ Чернымъ Клобукамъ, которые съѣхались къ нему всѣ съ большею радостію. Юрій до сихъ поръ ничего незналъ о движеніяхъ Изяслава, и услыхавъ, что онъ уже у Черныхъ Клобуковъ, побѣжалъ изъ Кіева, переправился за Днѣпръ и сѣлъ въ своемъ городкѣ Остерскомъ; только что успѣлъ Юрій выѣхать изъ Кіева, какъ на его мѣсто явился старый Вячеславъ, и расположился на дворѣ Ярославовомъ. Но Кіевляне, услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, вышли къ нему на встрѣчу большою толпою, и сказали: «Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ сѣлъ на его мѣсто; но мы его не хотимъ; ты нашъ Князь, поѣзжай къ Св. Софіи, сядь на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ.» Изяславъ, слыша это, послалъ сказать Вячеславу: «Я тебя звалъ на Кіевскій столъ, но ты тогда не захотѣлъ, а теперь, когда братъ твой выѣхалъ, такъ ты садишься? Ступай теперь въ свой Вышгородъ.» Вячеславъ отвѣчалъ: «хоть убей меня на этомъ мѣстѣ, не съѣду.» Изяславъ въѣхалъ въ Кіевъ, поклонился Св. Софіи, оттуда поѣхалъ на дворъ Ярославовъ со всѣми своими полками и со множествомъ Кіевлянъ; Вячеславъ въ это время сидѣлъ на сѣняхъ, и многіе начали говорить Изяславу: «Князь! возьми его и съ дружиной;» а другіе уже начали кричать: «Подсѣчемъ подъ нимъ сѣни;» но Изяславъ остановилъ ихъ: «Сохрани меня Богъ, говорилъ онъ: я не убійца своей братьи; дядя мнѣ вмѣсто отца, я самъ пойду къ нему,» — и, взявши съ собою немного дружины, пошелъ на сѣни къ Вячеславу, и поклонился ему. Вячеславъ всталъ, поцѣловался съ племянникомъ и когда оба сѣли, то Изяславъ сталъ говорить: «Батюшка! кланяюсь тебѣ, нельзя мнѣ съ тобою рядиться, видишь, какая сила стоитъ народу, много лиха противъ тебя замышляютъ; поѣзжай въ свой Вышгородъ, оттуда и будемъ рядиться.» Вячеславъ отвѣчалъ: «Ты меня самъ, сынъ, звалъ въ Кіевъ, а я цѣловалъ крестъ брату Юрію; теперь уже если такъ случилось, то Кіевъ тебѣ, а я поѣду въ свой Вышгородъ,» и, сошедши съ сѣней, уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ сѣлъ здѣсь, и послалъ сына

Вурмзеръ, что Наполеонъ, — котораго думалъ онъ встрѣтить на Адижѣ, идетъ по слѣдамъ его!

Оставя Кильмена, съ 3000, въ Веронѣ, и Саюге, съ 8000, у Мантуи, съ 28,000 человѣкъ Наполеонъ началъ подыматься на Тирольскіе утесы, по всѣмъ тремъ дорогамъ. Сентября 3-го Вобуа былъ у Торболе, въ верхнемъ углу Гардскаго озера, Массена и Ожеро въ Серавалле, гдѣ встрѣтили они непріятеля. Сентября 4-го, въ тѣснинѣ Санъ-Маркской завязалась битва. Стрѣлки Французскіе разсыпались по горамъ. Ударъ пѣхоты и аттака гусаровъ прогнали непріятеля. Храбрый генералъ Дюбуа палъ, простреленный тремя пулями. «Генералъ! если побѣдите, пока я не умру, велите извѣстить меня!» говорилъ онъ Наполеону. Въ Роверелдо сошлись всѣ Французскіе корпуса. Большая опасность предстояла имъ далѣе: дороги шли здѣсь по берегу Адижа; крутыя горы, сдвигаясь къ берегу, оставляли наконецъ узкій, тѣсный путь. Замокъ Піетра заслонялъ его во всю ширину, такъ, что дорога шла подъ замкомъ, обстрѣливаемая пушками и ружьями, а далѣе за замкомъ стояли Австрійцы. Проходъ здѣсь казался дѣломъ невозможнымъ. Французскіе стрѣлки полѣзли по горамъ; гренадеры спустились къ рѣкѣ; пушками разбили замокъ; ударомъ въ штыки сбили непріятеля; конница обскакала и загородила ему путь впередъ. Вся артиллерія Австрійская, и 4000 плѣнныхъ, были трофеями битвъ, получившихъ названіе Ровередскаго сраженія. Сентября 5-го заняли Тріентъ. Здѣсь

узналъ Наполеонъ, что Вурмзеръ уже двинулся въ Италію и спускается съ горъ отъ Бассано. Мгновенно явилась мысль неожиданная: преслѣдовать изъ Тироля Австрійскую армію, угрожающую вападеніемъ за Адижъ. Наполеонъ надѣялся, что самая, неожиданность, необыкновенность похода смѣшаютъ непріятеля. Лично распорядившись преслѣдованіемъ Давидовича до Лависа, и оставя въ Тріентѣ Вобуа, съ 20,000 Наполеонъ выступилъ на Бассано Сентября 6-го. На другой въ Примоланской тѣснинѣ, защищаемой крѣпостцою, встрѣтили непріятельскій отрядъ. Употребивъ маневръ, какимъ взятъ былъ замокъ Пиетра на Адижѣ, овладѣли крѣпостцою, захватили 3000 плѣнныхъ, и вечеромъ остановились въ Чисмоне, пройдя 20 льё въ два дня. Солдаты не могли идти далѣе. Наполеонъ находился въ передовомъ отрядѣ. Онъ съѣлъ кусокъ солдатскаго хлѣба, и легъ на землѣ, завернувшись въ свой плащъ. Рано утромъ продолжали походъ, и Сентября 8-го приблизились къ Бассано, расположенному по обоимъ берегамъ Бренты; мостъ черезъ сію рѣку соединяетъ обѣ половины города.

Вурмзеръ остановился, ожидая противника въ Бассано. Шесть дивизіоновъ защищали тѣснину впереди; двѣ дивизіи, Зеботтендорфа и Квиздановича, стояли за ними передъ городомъ. Тѣснины были схвачены быстрымъ натискомъ. Ожеро и Массена пошли по обоимъ берегамъ рѣки. Страхъ овладѣлъ непріятелемъ. Послѣ слабаго сопротивленія, Австрійцы

дрогнули и побѣжали; штыками гнали ихъ изъ города; 4000 плѣнныхъ и всѣ запасы достались побѣдителямъ. Кваздановичъ былъ отрѣзанъ и принужденъ отступать на Фріуль. Вурмзеръ едва успѣлъ убѣжать къ Адижу, и собрать здѣсь около 14,000, считая дивизію де-Мезароса, которая напрасно хотѣла взять Верону, и поспѣшно была возвращена Вурмзеромъ. Наполеонъ шелъ неотступно по слѣдамъ непріятеля. Не вѣдая, куда дѣваться, Вурмзеръ рѣшился уйдти въ Мантую. Онъ зналъ, что его не кому будетъ остановить. Дѣйствительно, отрядъ изъ Леньяго вывели къ Веронѣ при появленіи де-Мезароса. Вурмзеръ почти безъ боя занялъ Леньяго.

Наполеонъ не сомнѣвался болѣе въ побѣдѣ, и былъ увѣренъ, что заставитъ Вурмзера положить оружіе, или рѣшительно истребитъ его. Онъ не могъ скрыть жестокаго негодованія, при извѣстіи о занятіи Леньяго, спѣшилъ туда, послалъ Массену за Адижъ черезъ Ронко, приказывая отрѣзать отступленіе у Сангвинетто, пока Ожеро шелъ прямо на Леньяго. Это походило уже не на войну, но на преслѣдованіе раненаго звѣря охотниками. Вурмзеръ не дождался нападенія въ Леньяго, и кинулся къ Мантуѣ, шелъ поспѣшно, густою колонною, бросая обозы, пушки, раненыхъ, усталыхъ. Въ36Череѣ, Сентября 11-го, хотѣлъ остановить его Мюратъ, успѣвшій прискакать съ своими гусарами. Нетерпѣливо желая достигнуть цѣли столькихъ трудовъ, Наполеонъ самъ бросился въ Черею, сопровождаемый нѣсколькими

всадниками, когда толпы Австрійцовъ смяли Мюрата и заставили его бѣжать. Наполеона узнали, помчались въ слѣдъ за нимъ, но быстрота лошади спасла его, и онъ успѣлъ присоединиться къ отряду пѣхотныхъ войскъ. Вурмзеръ достигъ Мантуи Сентября 13-го. Число войска его, съ гарнизономъ, простиралось не болѣе 21,000.

Слыша, что Вурмзеръ гордится своимъ спасеніемъ, какъ будто успѣхомъ, Наполеонъ рѣшился употребить хитрость. Зная горячій нравъ Австрійскаго полководца, онъ надѣялся раздразнить его и выманить изъ крѣпости. Придвинувъ Ожеро къ Говерноно, Массену къ Дус-Кастелли, и Саюге по дорогѣ изъ Вероны, Наполеонъ началъ нападать малыми отрядами на войска, расположенныя внѣ крѣпости. Французы подходили, и отступали при наступательномъ движеніи Австрійцовъ. Вурмзеръ въ самомъ дѣлѣ оскорбился такими нападеніями. Онъ выдвинулъ свои войска между крѣпостью и предмѣстіемъ св. Георгія. Мгновенно явились и окружили его войска Наполеоновы. Начался бой, но Вурмзеръ увидѣлъ свою неосторожность, думалъ только о спасеніи, и съ потерею 2000 успѣлъ укрыться въ Мантую, которую тѣсно обложили отвсюду. Видя многочисленность безполезной для него конницы, при недостаткѣ продовольствія, Вурмзеръ велѣлъ убить лошадей, и посолить мясо ихъ, рѣшаясь погибнуть подъ развалинами крѣпости, считавшейся недоступною.

Тогда можно было почитать споръ съ Вурмзеромъ конченнымъ. Нѣсколько тысячь у Кваздановича въ Фріулѣ, нѣсколько тысячь у Давидовича въ Тиролѣ, и остатокъ, безполезно погибавшій въ Мантуѣ отъ голода, болѣзней и нездороваго мѣстоположенія крѣпости среди гнилыхъ болотъ, таковы были обломки грозной, вновь подкрѣпленной арміи Австрійской. Въ десять дней она была вторично разбита, потеряла 20,000 человѣкъ, артиллерію и обозы.

Не говоримъ объ изумленіи, возбужденномъ новыми подвигами Наполеона. Но когда Европа и Франція удивлялись герою, ему готовилось послѣднее испытаніе, какъ будто судьба хотѣла означить начало поприща его дѣлами, въ коихъ должна была явиться вся сила генія человѣческаго, оставленнаго только собственнымъ средствамъ его.

Если Франція гордилась именемъ Бонапарте, зависть и злоба уже начинали терзать его, тѣмъ болѣе, что потерями означались военныя дѣйствія Французовъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Директорія, возбуждая ненависть партій, не умѣя развязать запутанныхъ узловъ политики, безсильно робкая, уже опасалась Наполеона, связывала его въ дѣйствіяхъ, не пользовалась его побѣдами, даже не находила средствъ подкрѣпить его подвиги.

Грозная туча, страшнѣе прежнихъ, собиралась надъ головою побѣдителя трехъ Австрійскихъ армій и завоевателя Италіи. Торжествуя побѣды на Рейнѣ, Императоръ не боялся успѣховъ дерзкаго республи-

канскаго генерала въ Италіи. Не думая порицать Вурмзера за потери, спѣшили освободить его, удержать Мантую, и новое, сильнѣйшее прежняго войско готово было вступить въ Италію. Собрали отряды Давидовича и Квздановича, усилили ихъ войсками, выведенными изъ Польши, съ Турецкихъ границъ, и отчасти изъ Рейнской арміи. Число всѣхъ соединенныхъ войскъ простиралось опять до 60,000. Остатки разбитой Вурмзеровой арміи горѣли желаніемъ отмстить за свое пораженіе; новые товарищи ихъ нетерпѣливо хотѣли помѣряться силами съ грознымъ побѣдителемъ. Старый фельдмаршалъ, баронъ Альвинчи, герой Семилѣтней войны, усмиритель Фландріи при Іосифѣ, товарищъ Лаудона на Дунаѣ, Принца Кобургскаго подъ Неервиндомъ, и преподаватель тактики императору Францу, лучшій тактикъ Австрійскій, получилъ начальство.

Какъ ни надѣялся на себя и войско свое Наполеонъ, но слухъ о походѣ Альвинчи смутилъ его. Угрожаемый въ тылъ Мантуею, готовясь встрѣтить новое, свѣжее, 60,000-е войско, онъ могъ противопоставить на борьбу непріятелю не болѣе 36,000 (12,000 съ Вобуа въ Тиролѣ, 16,000 съ Ожеро и Массеною на Брентѣ и Адижѣ, 8000 бывшихъ около Мантуи), утомленныхъ трудами, изнуренныхъ болѣзнями, затрудненныхъ добычею и запасовъ, окруженныхъ непріязненными народами Италіи. Тщетно просилъ онъ подкрѣпленія войсками у Директоріи. Полки, назначенные изъ Прованса, не прихо-

тамошній Князь Борисъ Юрьичь спокойно пировалъ на сѣнницѣ съ дружиною, да съ попами Бѣлгородскими: если бы мытникъ (сборщикъ податей) не устерегъ, и не развелъ моста, то Князя захватили бы. Владимірова дружина подъѣхавъ къ мосту, затрубила въ трубы, Борисъ вскочилъ въ испугѣ и ускакалъ съ дружиною изъ города, а горожане побѣжали къ мосту, кланяясь Владиміру и крича: «Ступай, Князь, Борисъ бѣжалъ,» и тотчасъ же опять навели мостъ. Въѣхавъ въ Бѣлгородъ, Владиміръ послалъ, какъ было улажено, гонца къ брату: «Я въ Бѣлгородъ въѣхалъ, а Борисъ выбѣжалъ, онъ ничего не зналъ о моемъ приходѣ, и Юрій ничего не знаетъ; ступай скорѣе.» Изяславъ тотчасъ же поѣхалъ къ нему, до свѣта переправилъ полки черезъ мостъ, и, оставивъ въ Бѣлгородѣ Владиміра на случай пріѣзда Галицкаго Князя, самъ съ Венграми отправился къ Кіеву. Между тѣмъ Борисъ прибѣжалъ къ отцу съ вѣстью, что рать идетъ; Юрій былъ въ это время на Красномъ дворѣ, въ испугѣ не нашелся за что приняться, сѣлъ въ лодку, переплылъ на другой берегъ и спрятался въ Городкѣ, а Кіевляне вышли съ радостію на встрѣчу къ Изяславу. Есть очень вѣроятное извѣстіе, что Юрій поведеніемъ своимъ возбудилъ у нихъ сильное негодованіе, разсердилъ и Черныхъ Клобуковъ, которые вмѣстѣ съ Кіевлянами и стали звать къ себѣ Мстиславича. Перехватавши дружину Юрьеву, Изяславъ поѣхалъ къ Св. Софіи, а оттуда на Ярославовъ дворъ, куда позвалъ на обѣдъ Венгровъ и Кіевлянъ; было тутъ большое веселье: послѣ обѣда Венгры, славные всадники, удивляли Кіевскій народъ своимъ искусствомъ въ ристаніи.

Между тѣмъ Владимірко и Андрей Юрьичь, ничего не зная, стояли у Мичьска, какъ вдругъ пришла имъ вѣсть, что Юрій въ Городкѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ; сильно раздосадовало это Владимірка, онъ сказалъ Князьямъ Андрею и Владиміру Андреевичу: «не понимаю, какъ это княжитъ сватъ мой: рать идетъ на него съ Волыни, какъ объ этомъ не узнать? и вы, сыновья его, сидѣли одинъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ—какъ же это вы не устерегли? если такъ княжите съ отцемъ своимъ, то управляйтесь сами, какъ хотите, а я не могу одинъ идти на Изяслава; онъ хотѣлъ вчера со мною биться, идучи на вашего

и ночь находясь на лошади. Онъ былъ худъ, блѣденъ, казался уничтоженнымъ, дурно одѣтый, и только глаза его все еще пылали огнемъ невыносимымъ, воспламеняясь гнѣвомъ, одушевляясь среди битвъ.

Планъ Альвинчи состоялъ въ томъ, что опираясь на громаду силъ, въ одно время хотѣлъ онъ устремиться изъ Фріуля и Тироля, собраться у Вероны, идти къ Мантуѣ, и по освобожденіи ея, соединенно съ Вурмзеромъ дѣйствовать далѣе по обстоятельствамъ.

Угадывая сей планъ, Наполеонъ спѣшилъ прежде всего подкрѣпить Массену, стоявшаго на берегу Бренты. Вобуа предписано удерживать Давидовича за Тріентомъ. Густыми колоннами шли на Бренту Австрійскіе полки, тѣснили Массену и заставили отступать. Наполеонъ явился къ нему съ корпусомъ Ожеро, надѣясь сразить непріятеля сильнымъ ударомъ, не давая ему времени развернуть всѣ силы. Но онъ увидѣлъ Альвинчи уже въ крѣпкой позиціи, отъ Бассано, гдѣ стоялъ Кваздановичъ, до Карминьяно, гдѣ были Провера и Липтай. Наполеонъ не остановился, и Ноября 6-го началась битва на всей линіи Австрійцовъ. Ожеро напалъ на Бассано, Массена на Карминьано. Битва была жестокая и нерѣшительная, хотя Французы заняли мѣсто сраженія. Ночь разлучила сражавшихся. Ожидали, что Наполеонъ продолжитъ бой на другой день. Вмѣсто того велѣно было отступать за Адижъ. Австрійцы изумлялись неожиданному успѣху, осторожно и медленно

пошли впередъ, и не смѣя идти прямо на Верону, стали за Адижемъ на высотахъ Калдіеро, въ неприступной позиціи.

Причиною отступленія было извѣстіе отъ Вобуа, что онъ не только не могъ удержать Давидовича, но, преодолѣваемый многочисленностью непріятеля и отвагою Тирольскихъ стрѣлковъ, принужденъ былъ очистить Тріентъ. Всего пагубнѣе было то, что двѣ полубригады, 38-я и 85-я, дотолѣ считавшіяся въ числѣ храбрѣйшихъ, дрогнули, бѣжали въ безпорядкѣ. Только у Калліано могъ утвердиться Вобуа, но онъ боялся, что непріятель обойдетъ его, и займетъ въ тылу крѣпкія позиціи при Риволи и Коронѣ. При первомъ извѣстіи Наполеонъ велѣлъ идти изъ Вероны къ Вобуа всѣмъ войскамъ, какія тамъ оставались, подтвердилъ держаться сколько возможно, достигнувъ Вероны поскакалъ самъ, и обрадовался, найдя Вобуа, отступившаго до Риволи, но твердо ставшаго здѣсь. Двѣ побѣжавшія полубригады были поставлены въ строй. Наполеонъ явился передъ ними. «Солдаты!» вскричалъ онъ — «я недоволенъ вами. Вы измѣнили порядку, твердости, мужеству, вы струсили, вы были причиною потери такой позиціи, гдѣ горсть храбрыхъ могла удержать большую армію — вы не мои солдаты!» Онъ обратился къ начальнику штаба — «Велите написать на ихъ знаменахъ: *Они не принадлежатъ болѣе къ Итальянской арміи!*» Гнѣвъ любимаго полководца привелъ виноватыхъ въ отчаяніе. Они бросились на колѣни, просили простить ихъ, плакали,

умоляли поставить ихъ впереди при первой битвѣ, и дать случай загладить вину. Увѣренный въ безопасности отъ нападеній непріятеля со стороны Тироля, хотя у Вобуа было не болѣе 8000 войска, Наполеонъ возвратился въ Верону, осмотрѣлъ положеніе непріятеля, неподвижно стоявшаго въ Калдіеро, и Ноября 11-го двинулъ туда войско. Дѣло завязалось жаркое. Проливной дождь съ снѣгомъ испортилъ дороги, и помѣшалъ движенію Французской артиллеріи. Громимые Австрійцами, безполезно гибли храбрые. Наступила ночь, и рано утромъ на другой день Наполеонъ отступилъ въ Верону.

Альвинчи не пользовался полученными выгодами, дѣйствуя осторожно и опасаясь хитраго и смѣлаго противника. Не только въ Вѣнѣ, но даже въ арміи Французской считали Бассанское и Калдіерское сраженія побѣдами. Альвинчи все еще медлилъ, тѣмъ болѣе, что непогода развела грязи и дѣлала дороги непроходимыми. Заблужденіе его не могло продолжиться. Наполеонъ видѣлъ свое положеніе отчаяннымъ. Онъ зналъ, что при усиліи Давидовича, Вобуа съ его 8000-ми не устоять. Послѣ двухъ неудачныхъ битвъ, главное войско, находившееся въ Веронѣ, уменьшилось до 15,000. Тѣснимый изъ Тироля и изъ-за Адижа пятьюдесятью тысячами свѣжаго, ободреннаго успѣхами войска непріятельскаго, что могъ сдѣлать Наполеонъ съ своими 23,000-ми войска ослабѣлаго и изнуреннаго? Осенняя погода, препятствуя быстротѣ движеній и дѣйствію артиллеріи, замѣняв-

шей числю солдатъ въ диспозиціяхъ Наполеона, отнимала послѣднія средства. Въ первый разъ Наполеонъ не могъ скрыть своего унынія, своей нерѣшительности. Видя начальника мрачнымъ и нерѣшительнымъ, солдаты роптали, жаловались. «Мы разбили двѣ арміи,» говорили они, «и противъ насъ выслали третью, которую надобно было разбить на Рейнѣ. Мы разбили третью, пришла четвертая, а они что тамъ дѣлаютъ? А въ Парижѣ что думаютъ? Помощи не даютъ, и насъ побьютъ и выгонятъ изъ Италіи!» Наполеонъ раздѣлялъ общее мнѣніе, и писалъ Директоріи, Ноября 14-го: «Всѣ мои старшіе офицеры, всѣ мои генералы приведены въ невозможность сражаться. Итальянская армія ваша состоитъ теперь изъ горсти истощенныхъ, больныхъ солдатъ. Герои Миллезимо, Лоди, Кастильоне, Бассано умерли за отечество, или томятся въ госпиталяхъ. У насъ остались только прежняя знаменитость и прежняя гордость. Жубертъ, Ланнъ, Ламаршъ, Викторъ, Муратъ, Шарло, Дюпюи, Рампонъ, Пижонъ, Шобранъ ранены. Насъ забыли въ болотахъ Италіи, и весь остатокъ храбрыхъ видитъ неизбѣжную смерть среди битвъ безпрерывныхъ, съ силами ничтожными противъ силъ превосходныхъ. Можетъ быть, скоро ударитъ часъ храбраго Ожеро и безстрашнаго Массены. Тогда что будетъ съ остаткомъ храбрыхъ? Эта мысль дѣлаетъ меня осторожнымъ. Я не смѣю самъ отважиться на смерть, ибо она вовсе погубитъ мужество людей, которое стараюсь еще поддерживать.

Еслибы вы дали мнѣ только 83-ю бригаду, состоящую изъ 3500 извѣстныхъ храбростью, я ручался бы за все. Можетъ быть, черезъ нѣсколько дней мало будетъ сорока тысячь. Сегодня отдыхъ войскамъ. Завтра, смотря по движенію непріятеля, дѣйствуемъ» . . .

Непріятель все еще не двигался, а Наполеонъ, уже дѣйствовалъ, хотя также еще не сходилъ съ мѣста и ничего не предпринималъ. Не велѣно было останавливать непріятельскихъ отрядовъ, которые являлись, угрожая Веронѣ. Наполеонъ старался ободрить войско, казался спокойнымъ, надежнымъ, говорилъ съ солдатами и они оживали. По его приказанію увѣряли солдатъ, что если разобьютъ Альвинчи, у Австріи не станетъ болѣе силъ сражаться. Италія будетъ покорена, миръ упроченъ, слава Итальянской арміи безсмертна. Слова полководца оказывали волшебное дѣйствіе. Больные, раненые становились въ ряды, слыша объ опасности, увѣренные въ побѣдѣ. Но прошелъ день, войско бездѣйствовало, никакого приказа не было. Наполеонъ, одинокій, задумчивый, ходилъ по своей комнатѣ, смотрѣлъ на карту Италіи, молчалъ, и никто не смѣлъ спрашивать его. Вечеромъ отданъ приказъ войскамъ готовиться въ походъ. Солдаты обрадовались. Но ихъ изумляло строгое подтвержденіе собираться тихо, безъ шума, осторожно. Ночью сказанъ походъ — на Миланъ. Наполеонъ отступалъ! Тогда никто не могъ болѣе скрыть горести и отчаянія. Послѣ Бассано — отступленіе,

послѣ Калдіеро — отступленіе, потомъ нерѣшительность — Миланъ! Слѣдовательно, все погибло! Въ мертвомъ безмолвіи выходили отряды на Миланскую дорогу, но вдругъ надежда одушевила всѣхъ: велѣно было взять на лѣво, идти по теченію Адижа. «Мы не отступаемъ! Маленькій капралъ не спитъ!» заговорили солдаты. Они не ошибались — дивная мысль Наполеона созрѣла и ручалась за побѣду.

Послѣ перехода четырехъ льё войско достигло Ронко, гдѣ уже приготовленъ былъ мостъ. Армія переправилась за Адижъ. Планъ Наполеона все еще казался непостижимымъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ:

Адижъ отъ Вероны изгибается къ С. В. до Леньяго. Лѣвый берегъ рѣки противъ Ронко представляетъ непроходимыя болота, по которымъ идутъ только двѣ плотины, одна черезъ Порчиль и Гомбіоне къ Веронѣ, ниже Калдіеро, другая черезъ рѣчку Альпонъ, текущую въ болотахъ, мимо селенія Арколы, выше Калдіеро, на Вилла-Нову по дорогѣ изъ Вичснцы. Ставши въ Арколѣ, ключѣ двухъ путей, Наполеонъ находился во флангѣ непріятельской Калдіерской позиціи. Еслибы непріятель рѣшился аттаковать Верону, гдѣ оставался ген. Кильменъ, съ 1500-ми человѣкъ, Наполеонъ могъ ударить на него въ тылъ. Еслибы онъ продолжалъ удерживать позицію, Наполеонъ черезъ Арколу могъ также зайдти ему въ тылъ, и гнать его изъ Калдіеро, въ томъ и другомъ случаѣ «какъ будто обхватывая его сильными руками съ обѣихъ сторонъ.» Еслибы непріятель рѣшился, наконецъ,

самъ аттаковать Наполеона, то, оставя свою позицію при Калдіеро, онъ долженъ былъ идти по плотинамъ, гдѣ большинство силъ было безполезно, и Наполеонъ былъ недоступенъ. Едва только перешли Адижъ, все войско поняло мысль своего полководца, и огласило воздухъ шумными кликами.

Массена сталъ на лѣвой плотинѣ, Ожеро пошелъ на Арколу. Надлежало овладѣть мостомъ у сего селенія черезъ Альпонъ. Здѣсь находилось нѣсколько батальоновъ Кроатскихъ солдатъ, съ пушкою. День только что начинался. Кроаты открыли сильную перестрѣлку. Ожеро прибѣжалъ самъ, но былъ отбитъ. Альвинчи изумился, когда устремляя все свое вниманіе на Верону, онъ внезапно услышалъ пальбу въ болотахъ налѣво. Дивизія Провера послана была по лѣвой, дивизія Дмитровскаго по правой плотинѣ. Массена отразилъ Провера. Ожеро отбилъ Дмитровскаго, перешедшаго черезъ Аркольскій мостъ. Съ удивленіемъ узналъ Альвинчи, что Наполеонъ и вся армія его были въ Ронко и Арколѣ. Онъ усилилъ посланныя туда войска, и Аркольскій мостъ сдѣлался мѣстомъ кроваваго, отчаяннаго сраженія. Наполеонъ велѣлъ генералу Гюйё перейдти Алпонъ ниже моста, но дальній обходъ длилъ время, когда дорога была каждая минута, ибо Альвинчи понялъ опасность, ему грозившую, не думалъ болѣе о Веронѣ, и сдвигалъ все войско къ Арколѣ. Мостъ Аркольскій надлежало взять во чтобы то ни стало, и зайдти въ тылъ непріятеля, пока онъ не устроился. Ожеро схватилъ

знамя и бросился на мостъ съ солдатами, но его отбили. Ланнъ, Вернъ, Бонъ, Вердье кинулись за нимъ, и всѣ были ранены — Французы очистили мостъ. Тогда Наполеонъ забылъ всѣ свои разсчеты — «Побѣда, или смерть!» воскликнулъ онъ, видя неудачу нападеній. Онъ прискакалъ изъ Ронко, соскочилъ съ лошади, схватилъ знамя, закричалъ солдатамъ: «Вы ли побѣдители при Лоди? За мной, солдаты, за мной!» и кинулся на мостъ. Съ бѣшенствомъ толпа бросилась за нимъ, но въ замѣшательствѣ натиска другіе не успѣли подкрѣпить товарищей. Подъ градомъ пуль и картечь Наполеонъ достигъ уже противнаго берега. Его окружали генералы и офицеры. Ланнъ, дважды раненый, раненъ былъ въ третій разъ. Мюиронъ, товарищъ Жюно, любимый адъютантъ Наполеона, убитъ подлѣ него. Смертоносный огонь Австрійцовъ заставилъ заднихъ отступить. Непріятель ударилъ въ штыки. Все смѣшалось и бросилось назадъ. Солдаты насильно схватили и увлекли Наполеона. Непріятель смялъ окружавшихъ его, и Наполеона столкнули въ болото, гдѣ увязъ онъ по поясъ. Сотни пуль жужжали надъ его головою. Но гибель полководца довела ожесточеніе солдатъ до неистовства. «Друзья! впередъ! Спасемъ генерала!» раздавались крики. Одни ударили на мостъ, другіе бросились въ болото, и успѣли вытащить Наполеона. Въ то самое мгновеніе послышались выстрѣлы на другомъ берегу — Гюйё на штыкахъ входилъ въ Арколу. Австрійцовъ сбили, мостомъ овладѣли, но уже поздно, ибо цѣль аттаки

была потеряна. Альвинчи сдвинулъ къ мѣсту битвы всѣ свои войска. Надлежало сражаться открытымъ боемъ. Наполеонъ продолжилъ битву до ночи, а ночью переправился обратно за Адижъ въ Ронко, оставя нѣсколько пушекъ у Аркольскаго моста, гдѣ погибло столько храбрыхъ.

Такъ прошелъ первый кровавый день великой Аркольской битвы, Ноября 15-го. Французы снова перешли Адижъ, и бой завязался на обѣихъ плотинахъ и мостѣ. Но нападеніе было ложное. Искусными движеніями Наполеонъ наводилъ непріятелей на выстрѣлы, увлекалъ притворными уступленіями, сбивалъ нападавшихъ въ болота, и не выходилъ за Альпонъ на бой рѣшительный. Свечерѣлъ другой день. Французы снова отступили въ Ронко. На третій день Австрійцы хотѣли нападать сами, открыли пальбу, и успѣли повредить мостъ на Адижѣ. Исправя его подъ выстрѣлами, Массена устремился на лѣвую плотину, генералъ Роберъ на Аркольскій мостъ, Ожеро переходилъ Альпонъ близъ его впаденія въ Адижъ. Въ жаркой схваткѣ Роберъ былъ убитъ; войско его отступало, преслѣдуемое сильнымъ отрядомъ, растянувшимся по плотинѣ. Наполеонъ провелъ по болотамъ, прикрытымъ деревьями, отрядъ гренадеровъ во флангъ непріятеля, сбросилъ его съ плотины внезапнымъ ударомъ, и когда Ожеро штыками гналъ непріятеля изъ Арколы, быстро выдвинулось все войско за Альпонъ. Альвинчи стоялъ готовый на бой. Наполеонъ велѣлъ полковнику Эркюлю пробраться по боло-

тамъ, заросшимъ тростникомъ, съ 25-ю трубачами, къ лѣвому крылу непріятелей. Въ то мгновеніе, когда Ожеро и Массена двинулись впередъ, трубный звукъ съ фланга ужаснулъ Австрійцовъ. Они вообразили, что Французы обошли во флангъ, и хотя узнали ничтожную причину страха, но ничто не могло поправить безпорядка. Отрядъ, посланный изъ Леньяго, и зашедшій далеко въ тылъ непріятеля, довершилъ разстройство его. Всѣ усилія Альвинчи кончились тѣмъ, что сраженіе протянулось нерѣшительно до ночи. Утомленныя войска провели ночь съ обѣихъ сторонъ на мѣстѣ битвы, но рано утромъ, Ноября 18-го, Альвинчи былъ въ полномъ отступленіи. Французы преслѣдовали его до Вилла-Нуовы, повернули къ Веронѣ, и радостно вошли въ сей городъ, откуда за четыре дня видѣли ихъ вышедшими на Миланскую дорогу ночью, въ безмолвіи и уныніи. Еще страннѣе было поспѣшное отступленіе Альвинчи, когда онъ называлъ побѣдами битвы Бассанскую и Калдіерскую, а въ три кровавые дня при Арколѣ никто не могъ назвать себя побѣдителемъ. Но Альвинчи потерялъ до 5000 плѣнными, до 10,000 убитыми и ранеными, растерялся въ соображеніяхъ, и удалился на Бренту, требуя новыхъ подкрѣпленій. Въ первый разъ Наполеонъ удовольствовался тѣмъ, что смѣло отразилъ, но не побѣдилъ непріятеля.

Многіе осуждали Наполеона за всѣ дѣйствія сего похода, и особливо за безсмертную Аркольскую битву, приписывая ему въ вину даже личную отвагу его

при аттакѣ моста, и не понимая, для чего переходилъ онъ по три ночи обратно за Адижъ, и снова начиналъ битву на другой день. Онъ могъ обойдти Альпонъ и вступить въ Арколу по лѣвому берегу его. Но критики забываютъ, что тогда онъ выставлялъ все войско свое въ открытомъ мѣстѣ удару вдвое противъ него сильнѣйшаго непріятеля, и не владѣя путями на Порчиль и Гомбіоне, онъ не могъ устремиться на помощь Веронѣ, еслибы Альвинчи двинулся къ ней. Мостъ Аркольскій былъ основою всѣхъ дѣйствій, и Наполеонъ не щадилъ здѣсь самого себя. Онъ самъ говаривалъ, что ни прежде, ни послѣ, никогда и нигдѣ въ жизнь свою не подвергался онъ такой опасности, какъ подъ Арколою. Увидя невозможность обойдти въ тылъ позицію Калдіерскую, Наполеона извлекъ гибель непріятеля изъ битвъ, которыя продолжилъ три дня. Переходы за Адижъ показываютъ бдительность, какую устремлялъ Наполеонъ на важную позицію Вобуа. Только получая извѣстія, что Давидовичъ не начинаетъ упорнаго наступленія, Наполеонъ возобновлялъ битвы 16 и 17-го Ноября. Медленность Давидовича была непостижима, и объясняется развѣ мужествомъ Вобуа и страхомъ имени Наполеонова: Австрійскій генералъ помнилъ Кастильоне, и не смѣлъ рѣшиться на аттаку, не имѣя извѣстій объ Альвинчи. Движеніе Давидовича могло затруднить Наполеона — не говоримъ погубить, ибо кто скажетъ, что геній его не извлекъ бы новыхъ средствъ изъ новой опасности?

Отступленіе Альвинчи позволяло назвать Аркольскую битву побѣдою, и извѣстія объ ней произвели неописанный восторгъ. Изображенія Наполеона, со знаменемъ въ рукахъ на мосту Аркольскомъ, были видны вездѣ — онъ казался какимъ то героемъ древности, рыцаремъ безъ страха.

По возвращеніи въ Верону Наполеонъ узналъ о сильномъ наступленіи Давидовича, принудившемъ Вобуа оставить Риволи и Корону. Немедленно отправились туда Массена и Ожеро. Непріятель не дождался ихъ, и ушелъ поспѣшно, оставляя много плѣнными. Наполеонъ занялъ Риволи, но не пошелъ далѣе. Онъ лучше другихъ оцѣнялъ нерѣшительность своихъ побѣдъ и слабость силъ, зная, что по соединеніи съ Давидовичемъ, Альвинчи имѣлъ еще до 40,000, и вскорѣ надлежало ожидать битвъ болѣе окончательныхъ. Онъ готовился къ нимъ.

Дѣйствительно, ободренный первыми успѣхами Альвинчи, Вѣнскій Дворъ изъявилъ ему полную благодарность, подкрѣпилъ его войсками изъ Венгріи, и съ береговъ Рейна. Гарнизонъ Вѣнскій былъ отправленъ въ Италію. Четыре тысячи охотниковъ изъ жителей Вѣны составили полкъ Вѣнскихъ волонтеровъ; Императрица вручила имъ знамя, вышитое ея руками. Тутъ вписались дѣти знатныхъ людей и вельможъ. Никогда ревность къ битвамъ и ненависть къ Французамъ не доходили до такой степени. Тирольцы вооружались и начинали мѣлкую войну. Они прерывали сообщенія, захватывали обозы,

били отдѣльные отряды. Раздраженный имп, Наполеонъ объявилъ, что каждый Тиролецъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ. Альвинчи отвѣчалъ объявленіемъ, что за каждаго Тирольца онъ велитъ повѣсить Французскаго офицера. Новымъ объявленіемъ Наполеонъ возразилъ, что за каждаго Французскаго офицера онъ велитъ вѣшать по три Австрійскихъ, начиная съ племянника Альвинчи, бывшаго въ плѣну.

Наполеонъ зналъ о новыхъ приготовленіяхъ Австрійцовъ, понималъ, что дѣло идетъ о рѣшеніи вопроса кому владѣть Италіею, видѣлъ, что споръ будетъ страшный, но — послѣдній. Дѣятельно пользовался онъ медленностью непріятеля, нетерпѣливо ожидая начала дѣйствій, еще не вѣдая, гдѣ должно совершиться рѣшенію. Онъ получилъ подкрѣпленія, дополнилъ войско выздоровѣвшими, и оставилъ его прежнее расположеніе: Серрюрье, съ 10,000, неотступно продолжалъ осаду Мантуи; Ожеро былъ въ Леньяго; Массена находился въ Веронѣ; Жубертъ, смѣнившій Вобуа, въ Коронѣ и Риволи. Всѣ они имѣли до 30,000. Рей стоялъ резервомъ въ Дезенцано, у Гардскаго озера, и до 5000 войска находилось въ Миланѣ, Бергамо и другихъ мѣстахъ. Время проходило. Кончился 1796 годъ. Въ началѣ Января 1797-го года поймали шпіона, посланнаго въ Мантую. Бумаги его были закатаны въ воскъ, и онъ проглотилъ ихъ, когда былъ пойманъ, но ловкость не спасла его. Проглоченныя бумаги

достали изъ желудка и нашли письмо Императора, извѣщавшее Вурмзера, что на помощь ему идутъ немедленно, и что онъ долженъ держаться еще, сколько возможно, но уже недолго.

Удвоили осторожность. Наполеонъ былъ въ Болоніи, когда извѣстили его, что вездѣ начали являться Австрійцы. Они шли изъ Падуи на Леньяго, изъ Виченцы на Верону, изъ Тріента на Корону. Массена вышелъ изъ Вероны, Января 12-го, прогналъ Австрійскій отрядъ и захватилъ 900 плѣнныхъ. Наполеонъ прибылъ въ концѣ битвы. Онъ воротилъ Массену. Ночью Ожеро извѣстилъ о появленіи легкихъ отрядовъ непріятеля передъ Леньяго, а Жубертъ писалъ, что его сильно тѣснятъ въ Риволи. Наполеонъ перевелъ Рея въ Кастель-Нуово, между Пескіерою и Вероною, увѣрясь, что непріятель не обходитъ кругомъ Гардскаго озера. Курьеры скакали безпрерывно. Казалось, Наполеонъ считаетъ минуты. Ожеро увѣдомлялъ, что у него рѣшительно все ограничивается мѣлкими сшибками, Жубертъ напротивъ, что непріятель совсѣмъ окружаетъ его, и онъ едва держится въ Риволи. Наполеонъ убѣдился, что главное нападеніе было изъ Тироля. Подкрѣпивъ Ожеро конницею, онъ оставилъ ему Верону и Леньяго, а Серрюрье приказалъ, не прекращая осады, стать съ частью осаднаго корпуса въ Вилла-Франкѣ. Въ Веронѣ оставленъ полкъ пѣхоты и полкъ конницы. Ночью на 14-е Января, 18-я, 32-я и 75 полубригады Массены, съ двумя

эскадронами конницы, спѣшили къ Риволи. Туда двинулся и отрядъ Рея. Наполеонъ опередилъ всѣхъ, и въ свѣтлую, холодную ночь достигъ Риволи, гдѣ 10,000-й Жубертовъ отрядъ окружали отвсюду многочисленные огни непріятельскіе. Жубертъ сомкнулъ свои войска въ колонны, давая имъ отдохнуть. Два дня дрались они безпрестанно. По огнямъ Наполеонъ предположилъ число непріятелей до 45,000, и убѣдился, что здѣсь былъ главный натискъ.

Онъ не ошибся. На Адижъ отъ Падуи и Вичензы посланъ былъ Провера, съ 20,000, и съ приказаніемъ пробиться въ Мантую. Самъ Альвинчи шелъ на Тироль, съ корпусомъ слишкомъ въ сорокъ тысячь. Наполеонъ видѣлъ возможность удержаться при Риволи, и потому-то дорожилъ онъ сею знаменитою позиціею при наступленіи Давидовича. Опытнымъ взглядомъ проникъ онъ здѣсь тайну побѣды. Альвинчи остановилъ свои войска, намѣреваясь утромъ подавить Жуберта усиленными аттаками. Безпечно радовались легкой побѣдѣ воины Альвинчи, не помышляя, что *онъ* уже былъ здѣсь, и не хотѣлъ дожидаться утра.

Цѣпь Балдскихъ горъ (Monte-Baldo) отдѣляетъ теченіе Адижа отъ Гардскаго озера. Нѣсколько льё большая дорога идетъ тамъ между подошвою горъ и Адижемъ, но рѣка стѣсняетъ наконецъ поворотомъ своимъ проходъ у Пиканале, и дорога подымается извилинами на горныя высоты, восходя на обширную возвышенную площадь, гдѣ находится Риволи, отдѣ-

ленное отъ горъ долиною, по которой течетъ рѣчка Тассо. Занимая здѣсь Риволи, можно было обстрѣливать оба берега Аджа и защищать крутой подъемъ отъ Инканале. Но не доходя Инканале, вьется на горы множество горныхъ тропинокъ, недоступныхъ артиллеріи и конницѣ, но гдѣ пѣхота можетъ пробраться, и спускаясь съ горъ, обхватить Ривольскую позицію съ фланга и сзади. Кругомъ обходя Жуберта, Альвинчи хотѣлъ утромъ 14-го Января двинуть корпусъ Кваздановича по главной дорогѣ отъ Инканале съ артиллеріею и конницею; три корпуса пѣхоты, безъ пушекъ, подъ начальствомъ Ошкая, Коблоса и Липтая, прошли по горнымъ тропинкамъ, остановились за Тассо, и должны были аттаковать отъ горныхъ высотъ, когда Кваздановичъ ударитъ отъ Инканале. Корпусъ Лузиньяна, обходя по теченію Тассо площадь Ривольскую, долженъ былъ спуститься ниже Риволи, и отрѣзать отступленіе на Верону. Наконецъ корпусъ Вукасовича, совершенно отдѣльный, шелъ по лѣвому берегу Аджа, большою дорогою изъ Роверело на Дольче, и долженъ былъ изъ-за рѣки обстрѣливать Ривольскую позицію.

Мгновенно созданъ былъ планъ Наполеона. Обратясь фронтомъ къ пѣхотѣ, сошедшей съ горъ безъ артиллеріи и конницы, онъ имѣлъ направо Инканальскій всходъ на гору, на лѣво дорогу, по которой обходилъ Риволи Лузиньянъ. Пальба Вукасовича съ Аджа не безпокоила его. Надобно было не допустить соединенія корпусовъ, сошедшихъ съ горъ во

фронтъ, и отрядовъ, шедшихъ отъ Иканале во флангъ. Объ Лузиньянѣ онъ не заботился.

Не дождаясь утра, и разсчитавши время прихода Массены, Наполеонъ двинулъ солдатъ Жуберта, и началъ сраженіе пальбою по пѣхотѣ, сошедшей съ горъ. Встревоженные внезапно, Австрійцы въ безпорядкѣ отодвинулись къ горамъ, но скоро успѣли построиться и ударили въ штыки. Дѣло началось жаркое, но пушки принудили Австрійцовъ, не имѣвшихъ артиллеріи, опять отодвинуться полукружіемъ къ горамъ. Упорное наступленіе Липтая на лѣвое крыло, гдѣ находились 89 и 25 полубригады, смѣшало Французовъ. Австрійцы схватили нѣсколько пушекъ; 14-я полубригада, слѣдовавшая во второй линіи, перегнула фронтъ (en crochet), удержала стремленіе непріятеля и отбила пушки. Лошади артиллерійскія были убиты. «Гренадеры 14-й бригады! неужели вы отдадите пушки!» кричали офицеры. Ихъ заслонили рядами штыковъ. Непріятель усиливался снова, когда вдали показались полки Массены. Наполеонъ оставилъ битву Бертье и Жуберту, поскакалъ самъ на встрѣчу подходившихъ войскъ, схватилъ 32 полубригаду, и повелъ ее на подкрѣпленіе 14-й. Массена прикрылъ уступленіе 89-й и 25-й полубригадъ. Не смотря на то, что шли всю ночь, войска Массены безъ отдыха начали бой, ибо Жубертъ едва выдерживалъ нападенія, и непріятель угрожалъ прорваться къ Иканальскому всходу, откуда на соединеніе съ нимъ выходила уже Австрійская

пѣхота, подкрѣпляемая артиллеріею и конницею, подъ выстрѣлами Вукасовича. Лузиньянъ успѣлъ въ то время стать на дорогѣ Веронской, и заслонилъ путь Рею, шедшему изъ Кастель-Нуово. Почитая Французовъ вовсе окруженными, солдаты его остановились, и отъ радости хлопали въ ладоши. Въ самомъ дѣлѣ, съ войсками Массены и Жуберта, имѣя всего не болѣе 16,000, Наполеонъ былъ тѣснимъ съ фронта пѣхотою, обойденъ слѣва Лузиньяномъ, угрожаемъ справа Квоздановичемъ, и обстрѣливаемъ изъ-за рѣки Вукасовичемъ. Нѣсколько мгновеній смотрѣлъ и соображалъ Наполеонъ, и наконецъ, улыбаясь, указалъ на войска Лузиньяна. «Они наши!» сказалъ онъ. Мгновеніе было ужасно. Увѣрясь, что съ фронта Массена выдержитъ, Наполеонъ сосредоточилъ всѣ средства опрокинуть Квоздановича, и не допустить его взойдти на гору по Инканальской дорогѣ съ конницею и артиллеріею. Закрывши весь входъ на гору перекрестнымъ огнемъ артиллеріи, онъ подкрѣпилъ пушки двумя эскадронами конницы Леклерка и Ласалля. Убійственнымъ градомъ картечь встрѣчены всходившія на высоты Австрійцы, едва показались головы ихъ колоннъ. Леклеркъ и Ласалль ударили въ нихъ съ одной стороны. Жубертъ искуснымъ оборотомъ линіи (volte face) надвинулся съ другой. Подъ нимъ убита лошадь—онъ не щадилъ себя. Поражаемый картечью, аттакуемый съ обѣихъ сторонъ, едва только поднимался на высоты, непріятель въ безпорядкѣ рух-

нулъ назадъ. Нападеніе успѣло, и въ страшномъ безпорядкѣ артиллерія, конница, пѣхота смялись подъ гору, и упали одна на другую. Безполезныя пушки заграждали имъ дорогу: здѣсь оставалось преслѣдовать и брать артиллерію и плѣнныхъ. Наполеонъ бросился къ фронту. Вся линія Французовъ пошла впередъ, била картечью непріятеля, тѣснила пѣхоту къ горамъ, и заставила ее спасаться въ разсыпную на горныя тропинки, гдѣ преслѣдовали, губили и забирали ее въ плѣнъ беззащитно. Корпусъ Лузиньяна очутился между двухъ огней, отрѣзанный, ибо, Рей стѣснилъ его слѣва, Наполеонъ справа, и послѣ слабаго сопротивленія Лузиньянъ положилъ оружіе.

Въ пять часовъ по полудни битва кончилась. Упорно преслѣдовали непріятеля по Ровередской дорогѣ, куда бѣжали Австрійцы отъ Риволи, и куда ушелъ Вукасовичъ, безполезный свидѣтель пораженія. Ни одна побѣда Наполеона дотолѣ не рѣшена такъ скоро, съ такою малою потерею, и не имѣла столь огромныхъ послѣдствій. Армія Альвинчи была рѣшительно уничтожена, вмѣстѣ съ воинскою славою сего генерала. Наполеонъ расплатился съ нимъ за всѣ свои прежнія нерѣшительныя дѣла, за всѣ его мнимыя побѣды. Причиною блестящаго успѣха было изумительное умѣнье разгадать походъ непріятеля, явиться, когда онъ не думалъ о близости Наполеона, полагалъ его въ Веронѣ, даже близъ Мантуи, и думалъ, что сражается съ небольшимъ корпусомъ

Жуберта. Наконецъ, въ самой битвѣ, начало ночью, и ударъ въ рѣшительную минуту на Пиканальскій всходъ, довершили прежнія средства успѣха. Наполеонъ стоялъ въ огнѣ; три лошади подъ нимъ убиты.

Побѣда не ослѣпляла его. Онъ зналъ, что время такъ же дорого на войнѣ, какъ войско. Отправя Жуберта, Рея и Мюрата преслѣдовать непріятеля, очистить Тироль, занять Тріентъ и Бассано, въ ночь на 15-е Января Наполеонъ съ дивизіею Массены выступилъ изъ Риволи. Войска Массены бились подъ Вероною 13-го, шли всю ночь на 14-е, дрались безъ отдыха 14-го числа подъ Риволи, и немедленно пошли въ походъ послѣ боя. Наполеонъ былъ впереди: они не знали усталости. Походъ продолжался цѣлый день 15-го, и вечеромъ, послѣ перехода 14-ти льё, присовокупивши къ себѣ на походѣ отрядъ Серрюрье, Наполеонъ стоялъ уже подъ Мантуею.

Здѣсь Провера старался пройдти въ Мантую, избѣгая сраженій. Искусными движеніями на Верону и Леньяго, онъ удержалъ Ожеро въ Леньяго, завлекъ его, оставя за Адижемъ отрядъ князя Гогенцоллерна, навелъ мостъ въ Ангуйари выше Леньяго, и поспѣшилъ къ Мантуѣ съ 10,000 войска. Ожеро бросился за нимъ, отхватилъ на походѣ 2000 человѣкъ, и заставилъ ихъ сдаться, но 15-го Января Провера былъ у Мантуи, и едва не ворвался хитростью въ предмѣстіе св. Георгія. По бѣлымъ плащамъ его, гусарскій Австрійскій полкъ почли за

Французскій полкъ Бершини, и хотѣли впустить въ линію. Одинъ изъ старыхъ гренадеровъ замѣтилъ, что плащи слишкомъ новы, узналъ непріятеля, ударилъ тревогу, и Австрійцовъ встрѣтили пушками. Генералъ Міоллисъ, находившійся въ предмѣстіи, имѣя до 1500 человѣкъ, отвергъ предложеніе о сдачѣ. Провера старался дать знать Вурмзеру, что въ одно время надобно напасть на осаждающихъ, завязалъ перестрѣлку, но не успилъ нападенія и промедлилъ до вечера. Тогда явился Наполеонъ. Проверу оставалось сдаться безъ боя. Ожеро сталъ ему въ тылъ, Викторъ и Массена были по флангамъ, Серрюрье противъ Вурмзера, еслибы онъ сдѣлалъ вылазку. Провера не сдавался и началъ бой. Вурмзеръ вывелъ сильную вылазку. Сраженіе не продлилось. Вурмзеръ былъ отброшенъ въ Мантую. Провера сдался съ 6000, въ числѣ коихъ находились волонтеры Вѣнскіе, съ знаменемъ, вышитымъ руками Императрицы. Войска, оставшіяся за Адижемъ, спѣшили уходить. Неописанный страхъ заступилъ мѣсто ихъ прежней бодрости; 1800 Австрійцовъ сдались молодому офицеру Репе, у котораго было только 12 человѣкъ. Репе увѣрилъ ихъ, что за нимъ идетъ шесть тысячь войска.

«Австрійцы такъ привыкли тогда сдаваться, что даже не считали безчестіемъ положить оружіе.» (*) Преслѣдуя бѣгущаго Альвинчи, Жубертъ захватилъ

(*) В. Скоттъ.

7000 плѣнныхъ, на мѣстѣ Риволъской битвы взято было 6000, въ Веронѣ около 1000, Ожеро и Наполеонъ забрали у Провера 8000, и число плѣнныхъ въ три дня простерлось до 23,000 человѣкъ. Битву подъ Мантуею назвали сраженіемъ при Фаворитѣ, по имени дворца, гдѣ была главная квартира Провера. Войска Массены, бывшія въ безпрерывномъ дѣйствіи четверо сутокъ, совершали марши по почамъ, дрались днемъ. Наполеонъ горделиво писалъ Директоріи, что воины его превзошли быстротою знаменитые полки Юлія Цезаря. Будто громовой ударъ уничтожилъ четвертую армію, посланную на Наполеона. Она была не разбита — разгромлена!

Торжество побѣды умножилось капитуляціею Мантуи. Обложенная съ 3-го Іюня, защищаемая Вурмзеромъ съ половины Сентября, Мантуя гибла отъ голода и болѣзней. Генералъ Клепау явился къ Серрюрье, и предложилъ договоръ о сдачѣ. Онъ требовалъ свободнаго выхода, увѣряя, что Мантуя можетъ еще защищаться, имѣя запасовъ на три мѣсяца. Какой-то молодой генералъ сидѣлъ въ сторонѣ, завернувшись въ плащъ. Долго слушалъ онъ краснорѣчивые возгласы Клепау, подошелъ къ столу, написалъ нѣсколько строкъ на проектѣ о сдачѣ, предложенномъ Серрюрье, и сбросивъ съ себя плащъ, подошелъ къ Клепау — это былъ Наполеонъ. «Вотъ,» сказалъ онъ, «условія, которыя даю вашему фельдмаршалу. Если у него есть на двѣ недѣли припа-

совъ, и онъ говоритъ о сдачѣ, онъ не стоитъ честной капитуляціи, но онъ прислалъ васъ, значитъ, что онъ доведенъ до послѣдней крайности. Чту его лѣта, его храбрость, его несчастія. Отвезите ему мои условія, и если онъ выйдетъ завтра изъ крѣпости, или просидитъ въ ней еще мѣсяцъ, еще полгода, они не будутъ ни хуже, ни лучше. Онъ можетъ принять ихъ, ибо честь позволитъ ему принять!»

Условія были неожиданно снисходительныя. Наполеонъ дозволялъ Вурмзеру выйдти свободно изъ крѣпости, со всѣмъ его штабомъ, 200 конницы, 500 пѣхоты и 5 пушками. Кромѣ того, онъ соглашался отвести гарнизонъ въ Тріестъ, и тамъ обмѣнять на плѣнныхъ Французовъ.

Вурмзеръ принялъ договоръ, и въ благодарность за него открылъ умыселъ на жизнь Наполеона въ Папскихъ владѣніяхъ. Февраля 2-го Австрійскій фельдмаршалъ вышелъ изъ Мантуи, и хотѣлъ отдать шпагу свою Наполеону, но его уже не было, ибо, получивши согласіе Вурмзера, онъ поспѣшно отправился въ Болонію, гдѣ рѣшалась судьба Папы. Храброму Серрюрье предоставилъ Наполеонъ почесть побѣдителя, приказывая почтить стараго фельдмаршала всевозможною вѣжливостью, не думая о приказѣ Директоріи. Хвастая торжествомъ, Директорія велѣла Наполеону арестовать Вурмзера, называя его эмигрантомъ, ибо онъ былъ урожденецъ Эльзаскій. Наполеонъ оставилъ безъ вниманія нелѣпый приказъ.

Вурмзеръ не долго пережилъ свое пораженіе. Не смотря на благосклонный пріемъ при Вѣнскомъ Дворѣ, огорченіе и труды послѣдняго похода свели его въ могилу, въ Августѣ 1797 года.

Извѣстіе о битвѣ подъ Риволи и взятіи Мантуи привезено въ Парижъ вечеромъ. Его объявили народу при свѣтѣ факеловъ, звукѣ трубъ, шумныхъ кликахъ толпы. Не вѣрили числу плѣнныхъ, пока не увидѣли оффиціяльныхъ доказательствъ, и тѣмъ восторженнѣе была общая радость.

Послѣ покоренія Мантуи судьба Италіи была рѣшена невозвратно, а съ Монтеноттской битвы до пораженія Альвинчи и плѣна Вурмзера едва прошло только десять мѣсяцовъ!

«Если соображаемъ общность великаго похода 1796-го года, воображеніе цѣпенѣетъ передъ числомъ битвъ, обиліемъ чудесныхъ соображеній Наполеона, и обширностью слѣдствій побѣдъ его въ столь краткое время. Вступившій въ Италію съ *тридцатью* съ небольшимъ тысячами войска, Наполеонъ раздѣляетъ Піемонтцовъ отъ Австрійцовъ при Монтеноттѣ и Миллезимо, оканчиваетъ уничтоженіе первыхъ при Мондови, спѣшитъ за другими, переходитъ передъ ними По въ Піаченцѣ, Адду въ Лоди, овладѣваетъ Ломбардіею, останавливается на мгновеніе, идетъ опять, находитъ Австрійцовъ усиленными на Минчіо, и уничтожаетъ ихъ въ битвѣ Боргеттской. Здѣсь орлинымъ взоромъ схватываетъ онъ планъ будущихъ дѣйствій. На Адижѣ долженъ онъ

утвердиться, дабы стать прямо на борьбу съ Австрійцами. Что касается до земель, оставшихся въ тылу его, онъ довольствуется тѣмъ, что удержитъ ихъ переговорами и угрозами. На него высылаютъ вторую армію съ Вурмзеромъ. Онъ не можетъ разбить ея иначе, какъ быстро сосредоточившись, и опрокидывая попеременно каждую изъ ея раздѣльныхъ громадъ. Вполнѣ и смѣло увѣренный въ себѣ, онъ жертвуетъ блокадою Мантуи, бьетъ Вурмзера при Лонато, при Кастильоне, и отбрасываетъ его въ Тироль. Вурмзеръ подкрѣпленъ снова, какъ прежде былъ подкрѣпленъ Больё. Наполеонъ предупреждаетъ его въ Тиролѣ, идетъ по Адижу, низпровергаетъ все передъ собою до Роверҍдо, спускается на Брентскую долину, отрѣзываетъ Вурмзера, когда онъ думалъ отрѣзать Наполеона, уничтожаетъ его при Бассано и запираетъ въ Мантуѣ. Вторая подкрѣпленная Австрійская армія не существуетъ. Безпрестанно переговаривая и угрожая съ береговъ Адижа, Наполеонъ удерживаетъ Италію, и ждетъ третьей Австрійской арміи. Она является ужасна, приходитъ, прежде нежели получилъ онъ подкрѣпленіе, и онъ принужденъ уступить ей, доведенъ до отчаянія, гибнетъ, когда вдругъ находитъ онъ среди болотъ непроходимыхъ два пути, идущіе во флангъ непріятеля, и онъ бросается туда съ невѣроятною отвагою. Онъ снова побѣдитель при Арколѣ. Непріятель остановленъ, но не разрушенъ, опять возвращается, въ послѣдній разъ, но болѣе прежняго мо-

гущій. Съ одной стороны сходитъ онъ съ горъ, съ другой идетъ по низовью Адижа. Наполеонъ угадываетъ единственную точку, гдѣ колонны Австрійскія, идя по гористой странѣ, могутъ соединиться, бросается на возвышенность Риволъскую, и съ нея громитъ главную армію Альвинчи; потомъ летитъ онъ на низовья Адижа, и обхватываетъ толпу войскъ, черезъ Адижъ перешедшихъ. Послѣднія дѣйствія его, въ началѣ 1797 года, выше всѣхъ прежнихъ, ибо счастіе соединялось здѣсь съ геніемъ. И въ десять мѣсяцовъ, кромѣ Піемонтской арміи, три могущественныя арміи, трижды подкрѣпленныя, уничтожены войскомъ, которое, состоя изъ тридцати съ небольшимъ тысячь при началѣ кампаніи, получило во все время не болѣе двадцати тысячь для вознагражденія своихъ потерь. Слѣдовательно, *не болѣе пятидесяти пяти тысячь* человѣкъ разбили *болѣе двухъ сотъ тысячь*, взяли изъ нихъ въ плѣнъ *болѣе восьмидесяти тысячь*, убили и ранили *болѣе двадцати тысячь*, дали *двѣнадцать* большихъ битвъ, болѣе *шестидесяти* сраженій, переходили множество рѣкъ, презирая волны ихъ и огонь непріятельскій. Когда война бываетъ механическимъ дѣломъ, когда она состоитъ въ томъ, чтобы просто гнать и бить непріятеля, который стоитъ передъ нами — она недостойна Исторіи. Но когда встрѣчается одинъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ видимъ громады силъ, движимыя геніемъ одного, и обширная мысль его раскрывается среди громовъ, съ такою же отчетливостью,

какъ мысль Невтона, или Декарта, въ тишинѣ кабинета, тогда зрѣлище войны достойно вниманія мудреца, столько же, сколько достойно оно вниманія государственнаго и военнаго человѣка. И если соединеніе воинскихъ громадъ съ геніемъ одного производитъ силу въ столь высокой степени, и покровительствуетъ, охраняетъ идею великую, тогда зрѣлище становится столь же назидательно, сколь оно велико. Наполеонъ спѣшилъ къ новымъ предпріятіямъ, шелъ къ Риму, съ тѣмъ, чтобы возвратиться уже не на Адижъ, но на Вѣну. Своими успѣхами вывелъ онъ Европейскую войну на ея настоящее мѣсто — Италію, откуда хотѣлъ устремиться въ собственныя области Императора. Вразумленное его подвигами, правительство давало ему средства, съ коими могъ онъ идти въ столицу Императорскую, и подписать славный миръ отъ имени Французской республики. Окончаніе кампаніи 1796 года возобновило всѣ надежды, какія породило начало ея.»

Черезъ двадцать лѣтъ потомъ Наполеонъ говорилъ, что время похода 1796 года было лучшимъ временемъ его жизни. Вѣримъ. «Все было такъ молодо, такъ свѣжо, такъ кипѣло жизнью!» со вздохомъ прибавлялъ онъ. Да, тогда не раскрывалась передъ нимъ бездна прошедшаго, а будущее принадлежало ему, и за это славное будущее ручались сознаніе генія, голосъ вѣка — и кто не почитаетъ себя властелиномъ его въ неопытной юности, кто и не платитъ потомъ дани прошедшему разочарованіемъ,

когда опытъ срываетъ покрывало съ бездны жизни и страшныхъ тайнъ сердца человѣческаго? «Любовь къ славѣ,» сказалъ самъ Наполеонъ — «мостъ, брошенный демономъ надъ пропастью хаоса» — онъ прикрываетъ, но не наполняетъ ея....

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОКОНЧАНІЕ ВОЙНЫ ВЪ ИТАЛІИ. КАМПО-ФОРМІЙСКІЙ МИРЪ, 1797 ГОДА.

....Ils ne comprenaient rien à une situation si nouvelle, tant qu'ils croyaient gagner en donnant, et se rejouissaient du mot de *paix*, comme si ce mot eût conservé le même sens qu'autrefois....

* * *

Ахъ! пора, пора унять его — посмотрите, какъ онъ шагаетъ!

Слова Суворова о Наполеонѣ.

Далеко не поймемъ и не оцѣнимъ мы подвиговъ Наполеона, если излагая военныя событія 1796 года, не узнаемъ другихъ событій въ Европѣ и Франціи, и дѣйствій Наполеона, какъ государственнаго человѣка. Соображая геніальные планы битвъ Аркольской и Ривольской, онъ долженъ былъ въ то же время сражаться съ вѣроломною политикою Итальянцовъ, и отвращать слѣдствія неблагоразумныхъ распоряженій Директоріи, сопровождаемыхъ волненіями внутри республики, и потерями повсюду, гдѣ не отвращалъ ихъ умъ Наполеона.

Устраняя подробности дѣлъ и излишества, куда страсти увлекали дѣятелей Французскаго переворота,

исторію его можно раздѣлить на двѣ части: до паденія Робеспьера, когда каждый требовалъ себѣ безусловно всего, и послѣ паденія сего диктатора, когда требованія частныя постепенно уменьшались, и все стремилось къ общему единству. Какое долженствовало быть сіе *единство?* Ограниченная власть королевская 1791 г. не могла быть имъ, ибо идея ея была разрушена демократическою республикою 1793 года; не могла быть и демократическая республика, ибо она была разрушена постановленіями 1795 года. Но когда Директорія сдѣлалась главною властью, споръ о первенствѣ былъ предметомъ раздора только партій. Были демократы, и едвали не сильнѣе ихъ были роялисты. То и другое однакожь не представляло цѣлаго общества, и являлось выраженіемъ частнымъ. Народъ и общество требовали одного — мира и порядка. Прежнія мечты оказались несбыточными, и разсѣялись. Общество прошло по столькимъ измѣненіямъ, и столь быстро, и такъ много пережило оно въ немного лѣтъ, такъ смѣшало всѣ свои идеи, такъ глубоко поколебало всѣ свои вѣрованія и преданія, что, казалось, оно утратило даже волю рѣшиться на что нибудь. Владычество среднихъ званій и народа исчезло, какъ метеоръ. Франція 14-го Іюля, съ ея мнѣніями и понятіями, ея Собраніемъ, ея народными судьями, ея народною гвардіею, и Франція 10-го Августа, съ ея изувѣрными мечтами о свободѣ, все казалось давнопрошедшимъ. При началѣ Директоріи общество и народъ

уже ни чему не вѣрили. Ослабленные и изнуренные вышли они изъ борьбы, и большинство общества и народа, отвергая всякіе политическіе замыслы, стремилось къ наслажденію жизнью и занятію частною дѣятельностью. При такомъ стремленіи умовъ, даже и тогдашнихъ правителей Франціи доставало поддерживать начинавшійся порядокъ, и управлять внѣшними дѣлами. Имъ легко было сладить съ ничтожнымъ заговоромъ Бабёфа, изступленнаго демагога, который открылъ новый клубъ, называлъ себя Гракхомъ Франціи, хотѣлъ измѣненій, и даже готовился возмутить Парижанъ. Клубъ Бабёфа закрыли; наканунѣ исполненія мятежа захватили его самого, и его сообщниковъ, и когда нѣсколько сотъ мятежниковъ явились возмущать войско, эскадронъ конницы уничтожилъ ихъ. Только Бабёфъ и одинъ изъ его товарищей были казнены; людей, возмущавшихъ войско, судили военнымъ судомъ; остальныхъ даже наказывать не хотѣли.

Но не Директоріи можно было олицетворить идею единства, коего желали народъ и общество. Неспособность Директоровъ умножалась еще болѣе раздорами, вскорѣ между нихъ возникшими. Мечтатель Ларевельеръ, съ своею ѳеофилантропіею, Ревбель съ его адвокатскими мнѣніями, и Карно, неукротимый демократъ, подчинявшій себѣ Летурнёра, и почитавшій себя великимъ тактикомъ и стратегикомъ, плохо уживались съ Баррасомъ, который кричалъ громче всѣхъ, думая только о пирахъ и весельяхъ,

хвастая своими любовными шалостями, считая себя первымъ между всѣми, и великимъ государственнымъ человѣкомъ. Доставляя себѣ средства роскоши, онъ не стыдился самыхъ позорныхъ сдѣлокъ съ поставщиками и подрядчиками, безславилъ себя тѣмъ въ глазахъ Франціи, и оскорблялъ народъ мотовствомъ своимъ, когда государство терпѣло недостатки, финансы были разстроены, войска содержались только контрибуціями съ занятыхъ ими областей, до того, что опасеніе грабежа и хищенія заставляло такъ же опасаться дружбы Франціи, какъ и ея непріязни, при непомѣрныхъ требованіяхъ, и распространеніи республиканскихъ идей всюду, гдѣ являлись Французскія войска, когда ни что не ручалось за спокойствіе и благоденствіе земель, подвергаемыхъ республиканскимъ преобразованіямъ.

Слѣдствіемъ были невѣрная и ложная внѣшняя политика, неудачныя военныя дѣйствія и продолженіе внутреннихъ смятеній.

Въ началѣ 1796 года Франція подтвердила союзъ съ Батавскою республикою. Обременяя Голландію содержаніемъ войскъ, она требовала кромѣ того платежа денегъ, и волновала ея измѣненіями конституціи. Недостатокъ средствъ не прежде Іюня дозволилъ начать военныя дѣйствія на Рейнѣ, когда Наполеонъ стоялъ уже на Адижѣ. По плану Карно, Моро и Журданъ начали кампанію двумя отдѣльными арміями. Первыя дѣла ихъ являлись довольно удачны, при ослабленіи Австрійскихъ войскъ отдѣленіемъ

Вурмзера въ Италію, и слѣдствіемъ того было отреченіе разныхъ Германскихъ государей отъ союза съ Императоромъ. Іюля 30-го, испуганный приближеніемъ Французовъ, Имперскій Регенсбургскій сеймъ подалъ Императору просьбу о заключеніи мира, и послѣ отказа его, разошелся. Іюля 17-го заключилъ перемиріе съ Моро Баденъ, 25-го Виртембергъ, 27-го Швабскій округъ, Августа 7-го Франконскій округъ, 13-го Саксонія, Сентября 7-го Баварія. Почти всѣ они купили прекращеніе военныхъ дѣйствій огромными контрибуціями. Августа 5-го Пруссія подтвердила свой неутралитетъ. Августа 7-го и 22-го въ Парижѣ заключенъ миръ съ Виртембергомъ и Баденомъ. Августа 19-го Испанія заключила союзный договоръ съ Франціею, обязавшись воевать противъ Англіи. Директорія вела переговоры съ Турціею, и готовила экспедицію въ Ирландію.

Гордая успѣхами въ Италіи и Германіи, и раздѣленіемъ ея противниковъ, Директорія приказывала Наполеону дѣйствовать оружіемъ противъ тѣхъ Итальянскихъ государствъ, которыя воспротивятся стѣснительнымъ условіямъ.

Наполеонъ постигалъ ничтожность успѣховъ Франціи, понималъ невѣрный планъ войны, коему слѣдовали въ Германіи Моро и Журданъ, жаловался на жадность чиновниковъ, посылаемыхъ въ Итальянскую армію, какъ будто не вѣдая, что они грабятъ по согласію Барраса и дѣлятся съ нимъ, и видѣлъ неискренность мира и союзовъ, которые могли разру-

шиться при первой неудачѣ. Но тщетно думалъ онъ образумить правителей Франціи. Должно было, хотя отчасти, сообразаться съ ихъ волею.

Мы изображали политику, предположенную Наполеономъ въ сношеніяхъ съ Итальянскими государствами, удерживая порывъ Ломбардіи къ независимости, оставляя нерѣшенными дѣла съ Венеціею, мирясь съ Неаполемъ, Папою, Тосканою, Моденою, Пармою, и занимая Болонію и Феррару только на время. Онъ не перемѣнилъ своей политики, когда уничтожилъ Вурмзера. Опять ограничился онъ только угрозами Неаполю, Папѣ и Венеціи, и убѣдительно просилъ Директорію утвердить миръ со всѣми, даже уступить многимъ требованіямъ, просилъ о томъ, такъ же настоятельно, какъ о подкрѣпленіи войскомъ. Директорія затрудняла всѣ его распоряженія. Съ Генуею не могла она согласиться въ суммѣ вознагражденія за убытки; у Папы требовала торжественнаго отреченія отъ всѣхъ буллъ, изданныхъ имъ противъ Франціи, и подтвержденія именемъ Папскимъ продажи духовныхъ имѣній и неподсудимости Французскаго духовенства Папѣ. Принять такія условія, значило отказаться отъ всякой духовной власти надъ Франціею. Въ торжественномъ соборѣ кардиналовъ Папа рѣшилъ невозможность своего согласія; переговоры его о мирѣ съ Франціею прекратились. Кардиналъ Албани поѣхалъ требовать помощи въ Вѣну. Старый Сардинскій Король не долго пережилъ свое униженіе. Франція требовала отъ юнаго наслѣдника

его, Карла Эммануеля, союза. Видя сомнительное положеніе дѣлъ на Адижѣ, онъ предложилъ уступить ему за союзъ Ломбардію; и здѣсь переговоры были остановлены.

Между тѣмъ на Рейнѣ вполнѣ оправдывалось, что давно предвидѣлъ Наполеонъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ, принявшій начальство надъ всѣми Австрійскими арміями, не смотря на отпаденіе Имперскихъ князей и уменьшеніе войскъ походомъ части ихъ въ Италію, доказалъ невыгоды военныхъ плановъ Карно. Усиленнымъ ударомъ остановилъ онъ Моро, послѣ нерѣшительной битвы при Нересгеймѣ, Августа 11-го, устремился на Журдана, и послѣ Амбергской битвы заставилъ его отступать въ безпорядкѣ. Еслибы Моро осмѣлился тогда нарушить планъ Карно, вмѣсто отдѣльныхъ движеній слѣдовалъ за эрцъ-герцогомъ Карломъ, и поставилъ его между двухъ огней, погибель Австрійскаго вождя была бы неизбѣжна. Вмѣсто того, Моро продолжалъ отдѣльныя движенія, далъ возможность непріятелю снова разбить Журдана при Вюрцбургѣ, Сентября 4-го, увидѣлъ себя въ опасномъ положеніи, и спасся только отступленіемъ. Друзья Моро уподобляли ретираду его Ксенофонтову отступленію, кричали объ ней, какъ о высокомъ совершенствѣ военнаго искуства, и если не смѣли ставить дѣлъ Моро на ряду съ дѣлами Наполеона, на сторонѣ Моро стали всѣ, кто не постигалъ величія соображеній Наполеона, всѣ, кто вто-

ростепенные разсчеты ума предпочиталъ вдохновенію геніяльному.

Тѣмъ не менѣе, переговаривая о мирѣ съ Англіею, видя неудачи на Рейнѣ, слыша объ опасности, угрожавшей въ Италіи Наполеону, не смотря на успѣхи его, не имѣя средствъ подкрѣпить свои арміи, Директорія рѣшилась быть менѣе упрямою. Она согласилась на уступки въ Италіи. Слѣдствіемъ былъ миръ съ Неаполемъ, Октября 10-го, миръ съ Генуею, Октября 9-го, миръ съ Пармою, Ноября 5-го. Директорія предоставила полной волѣ Наполеона всѣ другія распоряженія въ Италіи, и простерла неожиданное миролюбіе даже до того, что предложила миръ Императору. Генералъ Кларкъ долженъ былъ ѣхать въ Вѣну и объявить условія. Они были слѣдующія: опредѣлить границею Рейнъ, предоставляя Франціи на лѣвомъ берегу его только мостовыя укрѣпленія въ Дюссельдорфѣ, Эренбрейтштейнѣ, Касселѣ, Келѣ, Староmъ Брейзахѣ и Гюнингенѣ; Австріи взять Баварію; Курфирста Баварскаго вознаградить за то Ломбардіею и Моденою, съ титуломъ королевскимъ; Герцогамъ Моденскому и Оранскому дать вознагражденіе въ Германіи — условія страшныя и несбыточныя! Обнадеженный успѣхомъ на Рейнѣ, и готовя армію Альвинчи въ Италію, Императоръ даже не допустилъ Кларка въ Вѣну, и отказалъ въ переговорахъ. Не менѣе безуспѣшно тянулись переговоры съ Англіею; ихъ велъ въ Парижѣ лордъ Мальмесбури, съ Октября мѣсяца, пред-

лагая условія несообразныя: Англія требовала для Франціи, и ея противниковъ равномѣрно, status ante bellum (положенія, какое было до начала всеобщей войны), и за то возвращала Франціи ея колоніи. Такъ мириться было невозможно.

Облеченный полномочіемъ Директоріи на рѣшеніе дѣлъ въ Италіи, Наполеонъ поспѣшилъ употребить въ пользу промежутокъ времени, оставшійся ему послѣ уничтоженія Вурмзера до прихода Альвинчи. Дѣйствія его были умѣренны, но смѣлы, рѣшительны и неожидаемы Директоріею.

Съ Папою ограничился онъ переговорами, стараясь только получить остальную контрибуцію, и прекратить вредное вліяніе, какое, при всемъ упадкѣ Папской силы, могъ еще имѣть надъ суевѣрными Итальянцами, и вообще надъ католиками, Римскій первосвященникъ. Наполеонъ не требовалъ уничтоженія буллъ и проклятій противъ Франціи, ибо они сами собою уничтожались, если Папа признавалъ самобытность Французской республики. Ему казалось, что если нельзя было рѣшить удовлетворительно вопроса о Французскомъ духовенствѣ, то лучше оставить его также нерѣшеннымъ. Для переговоровъ избранъ былъ ловкій посредникъ, кардиналъ Маффеи. Онъ былъ освобожденъ изъ заключенія и отправленъ въ Римъ. «Если Дворъ Римскій хочетъ войны, война не замедлитъ,» говорилъ ему Наполеонъ, «но прежде, для чести Франціи, для пользы человѣчества, хочу употребить послѣднія средства привести

Его Святѣйшество къ здравому смыслу. Вамъ извѣстны силы, какими я начальствую. Свѣтское владычество Папы ничтожно: мнѣ стоитъ только захотѣть, и оно уничтожится. Поѣзжайте въ Римъ, переговорите съ святымъ отцомъ, укажите ему настоящія пользы его, освободите его изъ рукъ дураковъ и плутовъ, которые готовятъ ему погибель. Я готовъ еще слушать рѣчи мира. Все можетъ уладиться. Война, страшная всѣмъ народамъ, еще страшнѣе народамъ побѣжденнымъ. Спасите Папу отъ неизбѣжныхъ слѣдствій его гибельнаго упорства. Увѣрьте его, что миръ предпочту я войнѣ, которая для меня не представитъ опасностей и не принесетъ славы.»

Стараясь, какъ говорилъ Наполеонъ, «обмануть старую лисицу» (tromper le vieux renard), онъ хотѣлъ показать на дѣлѣ что можетъ сдѣлать, если словъ его не захотятъ слушать. Усердіе къ Франціи и ея постановленіямъ, изъявляемое обѣими Папскими легаціями, которыя занимали Французы, рѣшили Наполеона согласиться на представляемыя просьбы составить изъ нихъ независимую, союзную съ Франціею республику. Здѣсь былъ урокъ другимъ. Нарушеніе неутралитета правительствомъ Моденскимъ, доставлявшимъ припасы въ Мантую, и дозволившимъ укрыться въ Моденѣ Австрійскому отряду, было поводомъ, что Наполеонъ объявилъ герцогство Моденское уничтоженнымъ, выслалъ правителей герцога изъ Модены, и Октября 16-го, въ присутствіи Наполеона, объявлено въ Моденѣ соединеніе Болоніи,

Феррары, Модены и Реджіо въ одну республику, подъ названіемъ *Циспаданской* (республики по сю сторону По). При кликахъ и восторгахъ жителей собрались депутаты для составленія конституціи. Объявлено гражданское равенство. Положено образовать 4000-ю армію. «Законы ничто, если мы не умѣемъ подкрѣпить ихъ исполненіемъ,» говорилъ новымъ республиканцамъ Наполеонъ. «Вы счастливѣе Франціи тѣмъ, что достигли свободы, не испытавши бѣдствій революціи, но берегитесь раздоровъ, и устраните ихъ закономъ и справедливостью.» Циспаданцы хотѣли доказать свое усердіе, напали на Австрійскіе отряды, вышедшіе изъ Мантуи за припасами, и разбили ихъ.

Извѣстіе о Циспаданской республикѣ произвело сильное волненіе умовъ въ Ломбардіи, также неоднократно требовавшей независимости. Видя молчаніе Наполеона, депутаты Ломбардіи говорили ему, что оно доказываетъ имъ тайное намѣреніе Франціи снова передать Ломбардію Австріи при заключеніи мира. Отвѣтъ былъ затруднителенъ, ибо, дѣйствительно, рѣшеніе борьбы съ Австріею было еще неизвѣстно, и Ломбардія легко могла снова поступить во владѣніе Императора, или замѣнить Баварію курфирсту Баварскому, какъ предполагала Директорія. Наполеонъ отдѣлался до времени уклончивыми отговорками, старался поддержать усердіе Ломбардцовъ, говорилъ, что надобно было доказать ревность дѣлами,

и предложилъ имъ устроить два отряда, подъ названіемъ *Ломбардскаго* и *Польскаго* легіоновъ, изъ 12,000 человѣкъ. Жарко принялись за исполненіе его предложенія въ Миланѣ. Знатнѣйшее юношество Ломбардіи спѣшило стать подъ воинскія знамена. Устройство Польскаго легіона была одна изъ столь-многихъ превосходныхъ мыслей Наполеона. Послѣ раздѣла Польши въ 1795 году, тысячи Поляковъ разсѣялись по Европѣ. Претерпѣвая нищету и тягость изгнанія, они мечтали о возстановленіи Польши, учредили комитеты въ Парижѣ, Венеціи, Царьградѣ, и уже въ 1795 году генералъ Выбицкій предложилъ Директоріи принять Польскихъ изгнанниковъ во Французскую службу, составя изъ нихъ отдѣльные Польскіе полки. Не имѣя денегъ на устройство ихъ, Директорія отказала. Усердіе Ломбардцовъ давало средства соединить толпы изгнанниковъ Польскихъ. По согласію съ Наполеономъ, въ Январѣ 1797 года генералъ Домбровскій заключилъ въ Миланѣ договоръ, и объявилъ манифестъ, приглашая собираться въ Миланъ всѣхъ Поляковъ. Тысячи ихъ отвсюду спѣшили въ Италію, и въ Апрѣлѣ у Домбровскаго стояло въ строю 5000 Польскихъ солдатъ. Многіе вступали во Французскую службу, мечтая видѣть въ Наполеонѣ возстановителя Польши. Съ пѣснями республиканцовъ сливалась пѣсня Поляковъ: «Не погибла Польша, пока мы живы,» и Поляки умирали въ битвахъ наравнѣ съ Французами. Храбрость многихъ Польскихъ офицеровъ заслужила особенное вниманіе Наполеона. Товарищъ

Косціюшки, Сулковскій былъ въ числѣ любимыхъ адъютантовъ его.

Наполеонъ возвратилъ тогда Франціи Корсику. Предпріятіе, гдѣ прежде жертвовалъ онъ своею жизнью и всею будущностью, стоило ему нѣсколькихъ словъ. Два года Англійскаго владычества успѣли показать Корсиканцамъ всю несообразность поступка ихъ. Англичане старались ввести въ Корсикѣ свои нравы и постановленія, удалили Паоли и другихъ значительныхъ туземцовъ, и оскорбляли жителей строгимъ исполненіемъ установленнаго порядка. Множество Корсиканцовъ бѣжало въ Италію, гдѣ правилъ судьбами народовъ ихъ знаменитый соотечественникъ. Они гордились славою Наполеона. Слыша объ усердіи своихъ земляковъ, Наполеонъ собралъ ихъ, далъ имъ отрядъ войска, и брата своего Люціана, пріѣхавшаго къ нему въ Италію, назначивъ начальникомъ отряда старика Корсиканца Джентили. Корсиканцы успѣли пробраться среди Англійскихъ крейсеровъ, и появленіе ихъ въ Корсикѣ, въ Октябрѣ 1796 года, было знакомъ всеобщаго возмущенія. Англійскіе гарнизоны видѣли невозможность противиться, спѣшили сѣсть на суда, и Корсика снова объявлена областью Французскою. Съ Англичанами удалился изъ Корсики врагъ Наполеона Поццо ди Борго. Паоли умеръ въ Лондонѣ, въ 1807 году.

Здѣсь долженъ былъ остановиться Наполеонъ. Ему надлежало спѣшить на опасную борьбу съ Альвинчи. Мы видѣли отчаянное положеніе дѣлъ, когда

спасла его битва Аркольская. Повторимъ: непріятель былъ тогда *остановленъ*, но *не побѣжденъ*. — Наполеонъ не хотѣлъ однакожъ оставить дѣлъ Италіи въ промежутокъ времени, остававшійся ему до втораго вторженія Альвинчи. Не показывая ни малѣйшей недовѣрчивости въ успѣхѣ, онъ являлся рѣшительнѣе прежняго.

Поступокъ Наполеона съ Моденою, и постоянное стараніе его поддержать согласіе съ Венеціею, внушая Венеціянамъ съ одной стороны опасеніе въ будущемъ, съ другой вели къ убѣжденію, что Наполеонъ опасается разрыва съ ихъ республикою. Ослѣпленіе страшное, но оно увлекло народъ и правительство. Уже не боясь упрековъ Наполеона, Венеція готовила флотъ свой, собирала Далматскіе полки, удерживала содержаніе Французскихъ войскъ, и поощряла возстанія жителей по городамъ и селеніямъ. Видя тщету убѣжденій, Наполеонъ ввелъ Французскій гарнизонъ въ Бергамо, гдѣ всего болѣе народъ ненавидѣлъ Французовъ. Остановясь на сей предохранительной мѣрѣ, онъ продолжилъ дружескія сношенія съ Королемъ Сардинскимъ и Герцогомъ Пармскимъ, уважая родство его съ Испаніею, союзницею Франціи. Онъ самъ поспѣшилъ въ Болонію изъ Мантуи, едва кончилъ дѣло съ Вурмзеромъ. Надлежало кончить споры, возникшіе съ Тосканскимъ Герцогомъ, и дѣла съ Папою. Герцогъ жаловался на продолженное пребываніе Французскаго гарнизона въ Ливорнѣ, и стѣсненіе тамошней торговли. Наполеонъ согласился вы-

весть гарнизонъ и коммиссаровъ Французскихъ за плату двухъ милльоновъ. Изъ Ливорнскаго гарнизона и Циспаданскихъ войскъ хотѣлъ онъ составить корпусъ, занять имъ Анкону и Романію, и доходами и поборами съ Папскихъ владѣній дополнить контрибуцію, не выплаченную по договору Болонскому. Новый планъ будущей судьбы Италіи былъ уже готовъ у Наполеона: онъ предполагалъ отдать Императору Ломбардію, и соединить съ Циспаданскою республикою Романію, Анкону и Парму. Герцогъ Пармскій въ вознагражденіе долженъ былъ получить Римъ, гдѣ Папа долженъ былъ оставаться, какъ простой епископъ Римскій, ибо Наполеонъ не видѣлъ возможности кончить съ нимъ споры иначе. Вопреки всѣмъ увѣщаніямъ, Папа объявилъ, что если Французы займутъ Римъ, онъ удалится изъ своей столицы, но не согласится на миръ. Альвинчи сближался на послѣднюю борьбу. Наполеону некогда было спорить. Января 8, 1797 года онъ поскакалъ изъ Болоніи въ Верону, и рѣшилъ всѣ политическіе вопросы на скалахъ Ривольскихъ.

Побѣда при Риволи и сдача Мантуи, дѣйствительно, рѣшали всѣ сіи вопросы. Италія была завоевана. Наполеонъ полновластно могъ располагать ея жребіемъ, и всѣ отношенія въ Европѣ принимали новый видъ.

Наполеонъ началъ споромъ съ Папою. Предоставляя Серрюрье честь взять шпагу Вурмзера, съ поля Фаворитской битвы онъ прибылъ въ Болонію, и

началъ переговоры съ Ломбардіею и войну съ Папою. Тамъ и здѣсь дѣла дошли до послѣдней крайности. Принимая неопредѣленныя слова Наполеона ручательствомъ за свою будущую самобытность, временное правительство Ломбардіи своевольно объявило въ Миланѣ, Января 3-го, о преобразованіи Ломбардіи независимою республикою подъ именемъ *Транспаданской* (по ту сторону рѣки По), и прислало къ Наполеону требовать его утвержденія и совѣта о выборѣ конституціи. Ему оставалось согласиться съ тѣмъ, что уже было сдѣлано. Новыя побѣды его давали ему возможность упрочить будущность Ломбардіи, и послѣ Риволькой битвы она уже могла не принадлежать Императору. Другія отношенія являлись къ Папѣ. Отвергая всѣ предложенія Франціи, тщетно просилъ Римскій первосвященникъ помощи Австріи. Не имѣя къ тому средствъ, тѣмъ не менѣе Императоръ обѣщалъ помощь, но требовалъ платы: уступки Феррары и Коммаччіо. Согласились на все, желая только мщенія Французамъ. Колли присланъ былъ въ Римъ, и когда Альвинчи угрожалъ Наполеону, положено было съ другой стороны составить армію изъ поддашныхъ Папы. Предпріятіе объявлено, какъ крестовый походъ на безбожныхъ Французовъ. Монахи возбуждали народъ, являясь въ толпахъ его съ крестомъ въ рукахъ. Говорили о чудесахъ, увѣряли, что образъ Мадонны плакалъ въ Анконѣ, и что сухія вѣтви лавра зазеленѣли въ Римѣ, обѣщали отпущеніе грѣховъ всѣмъ падшимъ въ битвахъ. Народъ схватился за оружіе.

Монастыри и богачи Римскіе давали деньги, отдали даже церковное серебро. До сорока тысячь вооруженнаго народа составили крестовое ополченіе Папы.

Принужденный послѣ сего воевать, Наполеонъ всего болѣе заботился о томъ, чтобы легкая побѣда не сдѣлала его смѣшнымъ. Виктору, съ 4000 Французовъ и 4000 Итальянцовъ, велѣно было идти и стараться обезоруживать народъ, избѣгая сколько возможно кровопролитія. «Французская армія вступаетъ во владѣнія Папы,» говорилъ Наполеонъ въ прокламаціи, «но она останется вѣрною правиламъ, принятымъ ею. Она будетъ покровительствовать религіи и народу. Въ одной рукѣ держитъ Французскій солдатъ штыкъ, въ другой масличную вѣтвь, символъ мира и ручательство за него. Горе тѣмъ, которые, обольщенные людьми глубоко лицемѣрными, привлекутъ на жилища свои мщеніе войска, въ шесть мѣсяцовъ взявшаго въ плѣнъ сто тысячь лучшаго ополченія Императорскаго, отнявшаго четыреста пушекъ, сто десять знаменъ, и уничтожившаго пять армій!» Увѣщанія не помогали. Около 8000 Папскаго войска, и множество поселянъ, окопались близъ Имолы, на берегу Сеніо. Послали уговаривать ихъ. Они кричали въ отвѣтъ, что убьютъ переговорщика. Надобно было образумить ослѣпленныхъ. Ланнъ перешелъ рѣку въ бродъ съ нѣсколькими сотнями солдатъ; Циспаданскій генералъ Лагоцъ двинулся за рѣку по мосту, и нѣсколько выстрѣловъ рѣшили дѣло. Убито и ранено немного, но въ числѣ ихъ были монахи, возбуждав-

шіе смѣлость войска; въ плѣнъ захвачено нѣсколько сотъ; остальные разсѣялись, и отчасти убѣжали въ Фаенцу. Жители затворили ворота, били набатъ, хотѣли защищаться. Ворота вышибли. Французы вступили въ городъ, соблюдая строгій порядокъ. Наполеонъ собралъ всѣхъ плѣнныхъ, явился къ нимъ, говорилъ съ ними по Итальянски, объявилъ имъ прощеніе, велѣлъ накормить ихъ, и дать имъ денегъ, убѣждая возвратиться въ домы свои и уговаривать земляковъ на миръ. Бѣдняки думали, что они собраны на смерть, и ненависть ихъ мгновенно превратилась въ восторгъ. Наполеонъ быстро прошелъ черезъ Форли, Чезену, Римино, Пезару и Синигалліо. Подлѣ Анконы стоялъ Колли съ 3000 войска. Онъ положилъ оружіе безъ боя. Наполеонъ отпустилъ его съ офицерами въ Римъ. Февраля 10-го Французы вступили въ Лоретту. Сокровища знаменитаго дома Богородицы были увезены въ Римъ, но Французы забрали разныя драгоцѣнности, и деревянная статуя мадонны, славная преданіями и чудесами, была отправлена въ Парижъ. Черезъ Мачерато войска перешли Апеннины, и въ Толентино соединились съ отрядомъ, шедшимъ черезъ Перуджію. Жители вездѣ встрѣчали Французовъ, какъ друзей, и тщетно Папа и монахи возбуждали ихъ къ ополченію на *новаго Аларика*, обѣщая чудеса. Не было чудесъ, а Наполеонъ стоялъ уже у воротъ Рима, и отъ одного слова его зависѣла участь Римскаго первосвященника. Вмѣсто помощи Папѣ, Неаполитанскій Король при-

слалъ къ Наполеону посла своего, князя Бельмонте-Пиньятелли, подтвердить дружбу. Римъ былъ въ страшномъ смятеніи. Папа уже садился въ карету, думая бѣжать, когда отъ Наполеона явился вѣстникъ мира, генералъ Камалдульскаго ордена, почтенный старецъ, уважаемый Папою. Его совѣты превозмогли совѣты другихъ. Кардиналъ статсъ-секретарь Буско былъ отставленъ. Кардиналъ Маффеи, прелатъ Галеппи и маркизъ Массими отправлены въ Толентино, гдѣ, Февраля 10-го, подписали миръ. Папа дорого платилъ за неумѣстный военный порывъ. Онъ признавалъ Францію, отказывался отъ правъ своихъ на Авиньонъ, уступалъ Циспаданской республикѣ Романію, и за возвращеніе Урбино и Мачераты платилъ 15 милльоновъ, кромѣ 15-ти недоплаченныхъ по прежнему договору; 300,000 франковъ обязался заплатить Папа наслѣдникамъ Бассевиля, Французскаго посланника, убитаго мятежною чернью въ Римѣ, въ 1793 году, и кромѣ того долженъ былъ поставить 800 строевыхъ лошадей, 800 обозныхъ, буйволовъ, и проч. Выборъ картинъ и статуй опредѣлено кончить немедленно. Анкона осталась у Французовъ до заключенія всеобщаго мира. Переговоры ведены были тайно. Пиньятелли старался узнать ихъ, и Наполеонъ едва не разбилъ ему носа, неожиданно растворивши дверь, за которою стоялъ и подслушивалъ Неаполитанскій посолъ.

Въ числѣ людей, трепетавшихъ при вѣсти о походѣ Французовъ, были духовные, бѣжавшіе изъ Фран-

ціи. Влача бѣдственную жизнь на чужбинѣ, они страшились прихода соотечественниковъ. Многіе были замѣшаны въ Ліонскомъ возмущеніи, бѣжали изъ Бретани, Вандеи. И между тѣмъ чувство родины, даже невольную гордость возбуждали въ нихъ блестящіе ряды Французскаго войска, и имя генерала, располагавшаго судьбою Италіи. Въ рядахъ солдатъ встрѣчали они старыхъ знакомыхъ, даже родныхъ, и вскорѣ были успокоены и обрадованы распоряженіями Наполеона. Не только объявилъ онъ, что никакому преслѣдованію не подвергается никто изъ Французскихъ духовныхъ, укрывшихся въ Италіи, но видя бѣдность ихъ и притѣсненія Итальянскаго духовенства, включилъ въ число условій мира съ Папою охраненіе ихъ отъ обидъ, содержаніе въ монастыряхъ, и ежемѣсячную дачу на содержаніе имъ, за что изгнанники должны были служить обѣдни ad valorem (равной цѣны). «Мнѣ кажется, что вмѣсто гоненія, лучше обратить ихъ кротостью,» писалъ Наполеонъ Директоріи. «Они будутъ намъ здѣсь полезны, ибо они не столь изувѣрны, какъ Итальянскіе монахи, и станутъ убѣждать къ миру народъ, когда Итальянскіе монахи возбуждаютъ его на непріязнь. Впрочемъ, они Французы, они плачутъ, видя насъ — какъ не пожалѣть объ ихъ бѣдствіи?» Директорія согласилась съ его распоряженіемъ.

Не смотря на негодованіе противъ Итальянскихъ монаховъ, Наполеонъ не отказался отъ чести родства съ однимъ изъ нихъ. Въ числѣ многихъ, привѣтство-

вавшихъ побѣдителя, явился старый каноникъ Миніатскій Грегоріо, послѣдній потомокъ рода Буонапартовъ въ Тосканѣ. Онъ просилъ своего родню посѣтить стараго дядю, и Наполеонъ явился къ нему на обѣдъ съ блестящимъ штабомъ. Старикъ радушно угощалъ гостей, и наконецъ предложилъ своему роднѣ позаботиться о дѣлѣ весьма важномъ для чести и благополучія рода ихъ, именно объ истребованіи у Папы признанія святымъ одного изъ предковъ, Бонавентура Буонапарте, благочестиваго монаха, жившаго въ XVII-мъ вѣкѣ. Добрый каноникъ ручался за святость предка, и говорилъ, что онъ будетъ вспомоществовать молитвами побѣдамъ потомка. Наполеонъ обѣщалъ, но понималъ странность подобнаго поступка въ своемъ настоящемъ положеніи. Грегоріо не разлюбилъ его въ послѣдствіи, и завѣщалъ свое имѣніе Наполеону, когда онъ былъ уже императоромъ. Наполеонъ отдалъ наслѣдство дяди на благотворительныя заведенія.

Изъявляя кротость среди торжества, послѣ Толентинскаго трактата Наполеонъ почтительнымъ письмомъ увѣрялъ Папу въ желаніи Франціи поддержать съ нимъ миръ, и всегда уважать санъ и лѣта его. Шуткою Наполеона можно было почесть поступокъ его съ Санъ-Марино. Когда знамена Французовъ грозили Папѣ и Императору, посолъ Наполеона явился къ гонфалоньеру пигмейской республики, заброшенной въ горахъ Апеннинскихъ, имѣвшей едва 5000 жителей и 50 солдатъ. Наполеонъ предлагалъ

Сан-Маринцамъ дружбу Французскаго правительства, и распространеніе земель знаменитой республики. Они благоразумно отказались, и просили не разрушать ихъ простаго, старинпаго быта. Наполеонъ подтвердилъ имъ неприкосновенность владѣнія и послалъ въ подарокъ четыре небольшія пушки.

Мысль Наполеона уже была тогда далеко — онъ спѣшилъ перенесть войну за предѣлы Италіи, и убѣждалъ Директорію только усилить его войско корпусомъ изъ Рейнской арміи. Война по плану его должна была начаться въ одно время на Рейнѣ и въ Тиролѣ. Главное дѣло принималъ онъ на себя, располагая идти черезъ Тироль прямо къ Вѣнѣ. Непріятель уже предвидѣлъ подобное намѣреніе, и сильныя ополченія Австрійскія собирались на границахъ Италіи. Говорили, что юный герой, эрцъ-герцогъ Карлъ приметъ надъ ними начальство. Укрѣпляя Французское владычество въ Италіи и стараясь увеличить силы, Наполеонъ потребовалъ рѣшительнаго отвѣта Сардиніи о союзѣ съ Франціею. Король Сардинскій принужденъ былъ согласиться, и утвердилъ договоромъ присоединеніе десяти-тысячнаго корпуса къ Французской арміи. Наполеонъ отправилъ договоръ на утвержденіе въ Парижъ, и просилъ поспѣшить его подтвержденіемъ. Къ досадѣ Наполеона, Директорія во всемъ медлила.

Причинъ на то было впрочемъ много: недостатокъ финансовъ, внутреннія смятенія, раздоръ Директоровъ, опасеніе партій при перемѣнѣ двухъ то-

варищей, которая должна была послѣдовать въ 1797 году. Несбыточныя морскія экспедиціи и высадка въ Ирландію также увлекали вниманіе Директоріи. Хотѣли соединить эскадры Ришери, бывшую въ Америкѣ, Тулонскую Вилльнёва, Брестскую Вилларе-Жуайёза съ Испанскими кораблями (ибо въ Октябрѣ Испанія объявила войну Англіи), и перевезти на нихъ 20,000 войска въ Ирландію, гдѣ возмутившіеся жители ждали Французовъ нетерпѣливо. Гошъ, потерявшій два года въ Вандейской войнѣ, нетерпѣливо хотѣлъ славы, и думалъ быть соперникомъ Наполеона — завоевать Англію, какъ Бонапарте завоевалъ Италію. Флотъ долженъ былъ разбить Англійскія эскадры въ Ламаншскомъ проливѣ, и потомъ идти въ Индію, куда призывалъ Французовъ смертельный врагъ Англичанъ, сынъ Гайдеръ-Али, Типпо-Саибъ. Но Ришери, Вилльнёвъ и Испанцы не являлись; рѣшено было отложить Индійскую экспедицію, и отправить только войска въ Ирландію. Вилларе-Жуайёза смѣнилъ Моràръ де-Галль. Декабря 16-го экспедиція отправилась, состоя изъ 15 линейныхъ кораблей, 20 фрегатовъ, 6 габаръ и 50 перевозныхъ судовъ. Буря разлучила корабли. Моràръ де-Галль и Гошъ не могли соединиться съ другими, и едва успѣли возвратиться во Францію. Все кончилось потерею нѣсколькихъ кораблей. Объ Индіи больше не думали; войска, назначенныя въ Ирландію, пошли на Рейнъ, гдѣ Гошъ смѣнилъ Журдана, на котораго свалилъ всю вину свою Карно, и гдѣ начало года ознаме-

новалось неудачами. Послѣ двухъ-мѣсячной осады Моро сдалъ Кель, Января 9-го, и Гюнингенъ, Февраля 2-го. Всѣ завоеванія Французовъ за Рейномъ были потеряны.

Побѣды Наполеона имѣли еще одно важное политическое слѣдствіе — они отвлекли отъ Императора помощь Россіи. Слухъ объ удачахъ Французовъ въ Италіи, и въ первой половинѣ 1796 года на Рейнѣ, а также отреченіе отъ союза Пруссіи и Германскихъ князей, остановили императрицу Екатерину. Войско, уже перешедшее границу Россіи, возвратилось, вопреки желанію Суворова. Въ Ноябрѣ Екатерина скончалась. Императоръ Павелъ, наслѣдовавшій престолъ Россійскій, изъявлялъ непріязнь къ Франціи, готовъ былъ принять дѣятельное участіе въ войнѣ, но требовалъ искренности въ союзахъ и дѣятельности въ дѣйствіяхъ. Начались переговоры. Для разрушенія новаго соединенія союзниковъ надлежало спѣшить. Директорія медлила.

Сверхъ причинъ, показанныхъ нами, являлось еще опасеніе, возбужденное въ ничтожныхъ правителяхъ Франціи Наполеономъ. Не прошло года съ тѣхъ поръ, какъ онъ, молодой, безвѣстный генералъ отправился въ Италію, и уже онъ стоялъ въ виду Франціи и Европы, какъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей современныхъ событій.

Его баснословныя побѣды, необыкновенныя рѣшенія, смѣлость, съ какою разрывалъ онъ всѣ условія подчиненности, положенія, въ какія ставилъ

Директорію, принужденную по неволѣ подтверждать все что имъ дѣлано, обширные политическіе виды его, величіе, коимъ окружилъ онъ себя, любовь солдатъ, восторгъ народовъ, прямота поступковъ, сознаніе юныхъ силъ его и своего дряхлаго безсилія, и наконецъ презрѣніе, коего не скрывалъ Наполеонъ, являли въ немъ человѣка, рожденнаго для власти, и заставляли Директорію трепетать при мысли, какъ легко можетъ онъ вырвать власть изъ слабыхъ рукъ правителей Франціи, подкрѣпляемый своимъ геніемъ, славою подвиговъ и общественнымъ голосомъ. Клевета и интрига усиливали опасенія своекорыстныхъ разсчетовъ. Самые нелѣпые слухи были передаваемы Директорамъ, и они вѣрили имъ. Говорили, что Императоръ предлагалъ Наполеону званіе герцога Имперіи, и онъ отвергъ его; знали, что Модена и Венеція подносили ему милліоны, и онъ не принялъ ихъ. Чего же хотѣлъ гордый Бонапарте? Думали, что онъ желалъ объявить себя герцогомъ Миланскимъ, и намѣренъ былъ идти съ войскомъ въ въ Парижъ, едва кончится война. Наполеона окружали шпіонами, но какъ ловко разрушилъ онъ планъ Карно при вступленіи въ Италію, отрекаясь отъ побѣдъ, но не желая раздѣлить ихъ съ Келлерманомъ, какъ смѣло низпровергалъ хитрости Директоріи, и разрушалъ и создавалъ новыя царства, едва дали ему власть, такъ рѣшительно поступалъ здѣсь. Шпіоны были захвачены и вывезены изъ Италіи. Онъ прогналъ изъ главной квартиры коммиссаровъ Директоріи,

Гаро и Салicетти. Ихъ замѣнили генераломъ Кларкомъ, тѣмъ самымъ, который былъ назначенъ для переговоровъ съ Австріею о мирѣ, и не допущенъ въ Вѣну. Подъ видомъ начатія переговоровъ въ Виченцѣ съ Императорскимъ генераломъ, барономъ Винцентомъ, Кларкъ явился въ главной квартирѣ Наполеона послѣ Аркольской битвы. Наполеонъ проникъ настоящую цѣль присылки Кларка, и съ тѣмъ вмѣстѣ его честолюбивый, но прямодушный характеръ. Онъ увлекъ Кларка изъявленіемъ дружбы и довѣренности, изумилъ его огромностью плановъ, возобладалъ его волею, и Кларкъ сдѣлался обожателемъ Наполеона, исполнителемъ его порученій. Наполеонъ доказывалъ ему неприличіе предлагать въ настоящихъ обстоятельствахъ миръ Австріи, просилъ ѣхать въ Туринъ, и говорить о союзѣ съ Королемъ Сардинскимъ. Кларкъ смѣшался. «Если вы явились сюда исполнять мою волю,» твердо возразилъ Наполеонъ, «вы мой добрый гость, а иначе—вы можете возвратиться туда, откуда пріѣхали.» Кларкъ повиновался, и донесенія его Директоріи составляли рядъ похвалъ Наполеону. Между тѣмъ Наполеонъ велъ отдѣльно переговоры съ Баррасомъ и Карно. Онъ перехватилъ записку Венеціянскаго посла въ Парижѣ, Квирини, и изъ нея узналъ, что Баррасъ требуетъ нѣсколькихъ милльоновъ за спасеніе Венеціи, и Квирини выдалъ уже ему векселей на 700,000. Какъ будто клевету, Наполеонъ спѣшилъ передать сіи извѣстія Директорамъ, просилъ ихъ выслать лжеца и

клеветника Квирини изъ Парижа, и въ то же время тайно предложилъ Баррасу требуемую сумму, изъявляя свое усердіе и готовность подкрѣплять его противъ товарищей. Въ переговорахъ съ Карно онъ соглашался въ премудрости плановъ его, не спорилъ противъ совокупнаго, единовременнаго дѣйствія изъ Германіи и Италіи, но требовалъ усиленія Итальянской арміи. Медленность приготовленій Австріи, и два мѣсяца, потерянные эрцъ-герцогомъ Карломъ въ осадѣ Келя и Гюнингена, дали Наполеону возможность кончить дѣла въ Италіи и переговоры съ Директорами.

Отлагая до времени недоумѣнія, но не забывая опасеній, Директорія назначала для кампаніи 1797 года три арміи.

Гошъ предводилъ арміею Самбръ-Мааскою, дополненною до 80,000. Горячая голова его изобрѣтала планъ республики Цисренанской (зарейнской), съ столицею въ Боннѣ. Другою арміею начальствовалъ Моро на верхнемъ Рейнѣ. Отъ обѣихъ армій надлежало отдѣлить по одной дивизіи въ Итальянскую армію Бонапарте. Лучшія войска составляли сіи дивизіи, подъ начальствомъ Бернадотта и Дельмаса. Они горѣли желаніемъ отличиться передъ войсками Итальянской арміи. Побѣдители при Жемаппѣ и Флерусѣ, завоеватели Голландіи, готовы были поспорить въ мужествѣ съ побѣдителями при Арколѣ и Риволи, завоевателями Италіи, ибо, гордые славою вождя своего, Итальянскія войска насмѣхались надъ

закаленными въ бояхъ Рейнскими, называя ихъ войсками *участковъ* (le contingent), а себя «великою арміею.» Уже обѣ Рейнскія дивизіи сходили съ Альпійскихъ горъ въ Піемонтъ, среди зимнихъ вьюгъ, по глубокому снѣгу, когда Австрійцы даже не знали объ отдѣленіи ихъ отъ армій Гоша и Моро. Въ первый разъ встрѣтились тогда въ Италіи Бернадоттъ и Наполеонъ, и казалось, соперничество, бывшее между двумя арміями, перешло къ вождямъ ихъ. Подчиняясь Наполеону, Бернадоттъ далъ ему замѣтить, что для пользы отечества онъ соглашается *подчинить себя младшему по лѣтамъ и чину*—онъ родился въ 1764 году, и за годъ прежде Наполеона получилъ чинъ генеральскій. Улыбка Наполеона показала ему всю мѣлкость подобныхъ разсчетовъ, и всю разницу между ними.

Вопреки приказанію Директоріи начать дѣйствія въ одно время изъ Италіи и съ Рейна, Наполеонъ не думалъ ждать медленнаго Моро. Онъ хотѣлъ воспользоваться временемъ, когда Австрійскія войска, отдѣленныя отъ Рейнской арміи, не пришли еще къ эрцъ-герцогу Карлу, и пока Австрійцы считали невозможнымъ переходъ черезъ горы зимою, по дорогамъ оледенѣлымъ и засыпаннымъ снѣгомъ. Съ прибывшею помощью онъ имѣлъ до 70,000 войска—довольно отворить штыками ворота Вѣны.

Наполеонъ оставлялъ безъ окончанія союзный трактатъ съ Сардиніею, и не дожидался послѣднихъ платежей Папы. Двѣ новыя республики казались ему

достаточнымъ огражденіемъ Италіи и сообщенія съ Франціею. Онъ оставилъ въ Веронѣ генерала Кильмена, и дивизію Виктора, расположенную отъ Адижа черезъ Мантую до Болоніи. Вмѣстѣ съ Циспаданскими и Транспаданскими войсками, она составляла до 18,000. Всего затруднительнѣе были отношенія къ Венеціи Ни угрозы, ни опасность вражды не преклоняли Венеціи вступить въ союзъ съ Франціею, и даже прекратить свои вооруженія. Венеція говорила одно, что она соблюдаетъ неутралитетъ. Тщетно ручался Наполеонъ, что при согласіи на союзъ Венеція навсегда сохранитъ свои владѣнія, даже всѣ свои древнія постановленія, подверженныя величайшей опасности при враждѣ, бывшей между дворянами Золотой Книги, или высшими, и всѣми другими и городовыми дворянами, или нисшими аристократами, и при непримиримой ненависти горожанъ и жителей селеній, лишенныхъ многихъ правъ своей столицы. Верона, Бергамо и другіе города являлись приверженцами новыхъ мнѣній и Франціи. Уличая Венеціянское правительство, что оно не только не останавливаетъ изувѣрства монаховъ, возбуждающихъ поселянъ къ возстанію, но даже тайно раздаетъ имъ деньги и оружіе, Наполеонъ говорилъ, что стоитъ сказать ему одно слово, и революція взволнуетъ Венеціянскіе города. Неутралитетъ и отговорки были единственнымъ отвѣтомъ. «Хитрить и не рѣшаться прошло время,» говорилъ Наполеонъ. Онъ хорошо понималъ намѣреніе вѣроломнаго Венеціянскаго пра-

вительства: при успѣхѣ оно подтверждало дружбу съ Франціею; при неудачѣ войско и возставшій народъ отрѣзывали Наполеону отступленіе, и покупали дружбу Австріи гибелью его. Начинать войну съ Венеціею, когда онъ готовился къ походу въ Австрію, было невозможно — Наполеонъ оставилъ дѣло безъ рѣшенія. При переходѣ черезъ Адижъ онъ призвалъ къ себѣ прокуратора Пезаро, и еще разъ потребовалъ отвѣта рѣшительнаго. Неутралитетъ — было послѣднее слово Пезаро. «Хорошо, если ваша республика хочетъ остаться неутральною, я согласенъ, отвѣчалъ Наполеонъ» но подтверждаю, что вы должны прекратить вооруженія. Оставляю въ Италіи довольно силъ для сохраненія спокойствія, и иду въ Вѣну. Что прощаю я *теперь* и *здѣсь*, будетъ непростительною виною *тогда*, когда я буду *тамъ*. Помните: если зарѣжутъ у меня хоть одного солдата, ограбятъ хоть одну повозку, и затруднятъ сообщенія въ вашей землѣ — *республика Венеціянская перестанетъ существовать;* она сама подпишетъ свой собственный приговоръ!»

Настало любопытное зрѣлище: рѣшеніе вопросовъ о первенствѣ Франціи и Германіи, о превосходствѣ дарованій двухъ полководцовъ, равно юныхъ, и уже славныхъ — одного потомка древнихъ Германскихъ властителей, другаго дотолѣ безвѣстнаго простолюдина. Эрцъ-герцогъ Карлъ гордился побѣдами на Рейнѣ. За Наполеона говорили его побѣды въ Италіи. Силы обоихъ соперниковъ была равныя, и если волю

эрцъ-герцога Карла связывалъ Вѣнскій гофъ-кригсъ-ратъ, менѣе ли связывали Наполеона Директорія и завистливое соперничество другихъ?

Эрцъ-герцогъ Карлъ сосредоточилъ главныя войска свои по теченію Изонцо и Тальяменто, впадающихъ въ Адріатическое море, защищая тѣмъ Тріестъ и Карніолію. Два меньшіе корпуса заграждали дорогу въ Вѣну черезъ Фелтръ, Беллуно и Тироль. Двѣ дивизіи Рейнской арміи должны были подкрѣпить генерала Керпена въ Тиролѣ; четыре другія, обходя Альпы черезъ Каринтію и Карніолію, соединялись съ главнымъ войскомъ эрцъ-герцога Карла въ Фріулѣ. Онъ все еще надѣялся, что до тѣхъ поръ зимнее время остановитъ Наполеона, и войска Австрійскія успѣютъ соединиться. Но Наполеона ничто не могло остановить. Онъ уже исполнялъ смѣло задуманный планъ свой.

Вѣну предположилъ онъ цѣлью своихъ дѣйствій. Три дороги вели туда, на Альпы Тирольскія, Норическія, Юлихскія. Одна выходила черезъ Бреннеръ, и открывала сообщеніе съ арміею Моро; другая шла черезъ Тарвисъ въ долину между рѣками Муромъ и Дравою, по Каринтіи; третья, черезъ Тальяменто, Изонцо и Карніолію, соединялась съ второю въ Клагенфуртѣ. Двѣ первыя дороги защищали тогда слабые корпуса; на третьей стоялъ эрцъ-герцогъ Карлъ. Наполеонъ рѣшился развлечь вниманіе непріятеля, и напасть вдругъ на всѣ три пути, оттѣснить эрцъ-герцога Карла къ Тріесту, ринуться по сред-

нему пути, перерѣзать ему сообщенія, предупредить его у Вѣны, и напасть на него, какъ при Бассано на Вурмзера. Жубертъ, съ 18,000, отряженъ былъ на Тироль. Ему приказано отбросить Лаудона и Керпена за рѣку Иннъ къ арміи Моро, и потомъ черезъ Дравскую долину и Каринтію идти въ Клагенфуртъ. Строго запрещалось тревожить поборами и притѣсненіями храбрыхъ Тирольцовъ, и измѣнять что либо въ ихъ мѣстномъ управленіи. Массена, съ 10,000, долженъ былъ идти на Фелтръ и Беллуно, и овладѣть тѣснинами въ Понтебѣ и Тарвисѣ. Съ 25,000, Наполеонъ пошелъ самъ черезъ Піаве и Тальаменто, предполагая, если не разбить эрцъ-герцога Карла, то отбросить его вправо, въ Карніолію, быстро соединиться съ Массеною въ Тарвисѣ, съ Жуберомъ въ Клагенфуртѣ, сойдти въ долину между Муромъ и Дравою, и перейдти Муръ въ Неймаркѣ: оттуда оставалось 25, или 30 льё до Вѣны. Марта 10, 1797 года, войска двинулись по всѣмъ направленіямъ. Былъ сильный холодъ. По горамъ снѣгъ лежалъ на нѣсколько футовъ.

Массена первый началъ битвы. Онъ гналъ непріятеля черезъ Фелтръ, Беллуно и Кадоръ, захватилъ въ Шпилимберго 1000 плѣнныхъ, съ генераломъ Лузиньяномъ, и занялъ тѣснины Понтеба, когда Наполеонъ тремя дивизіями, Серрюрье, Гюйё (бывшею Ожеро, котораго Наполеонъ послалъ въ Парижъ съ знаменами) и Бернадотта, сблизился къ Піавѣ. Непріятель отступалъ, но на лѣвомъ берегу

Тальаменто собрался весь корпусъ эрцъ-герцога Карла. Серрюрье уже перешелъ рѣку въ Валвазонѣ, когда Гюйё устремился на деревню Градишку, а Бернадоттъ на Годроппо. Марта 16-го утромъ, послѣ похода во всю ночь, Французы приблизились къ берегу Тальаменто. Непріятель открылъ жестокую канонаду. Наполеонъ остановилъ войска, велѣлъ имъ отдыхать и обѣдать. Обезпеченный распоряженіемъ его, непріятель отодвинулъ пушки. Внезапно загремѣла тревога. Французы поднялись, и все устремилось за рѣку — стрѣлки впереди, гренадеры за ними, драгуны подкрѣпляя гренадеровъ. Остальныя войска шли по одному батальону въ линію, два другіе въ колоннахъ, кавалерія по крыльямъ, съ обѣихъ сторонъ прикрытая артиллеріею. Войско двигалось стройно, какъ будто на парадѣ. Среди начавшейся пальбы и перестрѣлки, велѣно идти черезъ рѣку въ бродъ. «Солдаты Рейнской арміи!» кричалъ Бернадоттъ — «Итальянская армія смотритъ на васъ!» Непріятель отступалъ, надѣясь схватить Французовъ во фланги, отъ Градишки артиллеріею, а справа кавалеріею. Градишку захватили на штыкахъ. Кавалерійская аттака, предводимая Наполеономъ, сбила Австрійскую кавалерію, при чемъ въ плѣнъ взяты генералъ и болѣе 500 солдатъ. Австрійцы смѣшались, отступили, и битва Тальаментская показала въ первый разъ превосходство генія Наполеонова передъ дарованіями его противника.

Массена, овладѣвши Понтебскими ущельями, тѣс-

нилъ къ Тарвису остатки войскъ Лузиньяна и Оркшая. Защищая сей важный пунктъ, эрцъ-герцогъ Карлъ отрядилъ къ Тарвису Баялича, и остановился за Изонцо, ожидая новаго нападенія, ибо Наполеонъ слѣдовалъ за нимъ и овладѣлъ Палма-Новою. Вдругъ повернулъ онъ влѣво по верховью Изонцо наГрадишку. Марта 19-го, аттакованный Бернадоттомъ, обойденный Серрюрье, 3000-й гарнизонъ сей крѣпости сдался. Баяличъ нашелъ Тарвисскія тѣснины уже занятыми Массеною послѣ храброй защиты Австрійцовъ, и остановился въ недоумѣніи, когда, угрожаемый спереди Массеною, онъ видѣлъ за собою армію Наполеона и не могъ ждать никакой помощи. Эрцъ-герцогъ Карлъ увидѣлъ свою ошибку. Мгновенно велѣлъ онъ арміи спѣшить въ обходъ черезъ Фріуль и Карніолію на Клагенфуртъ, и самъ поспѣшалъ въ Виллахъ, находящійся между Тарвисомъ и Клагенфуртомъ, куда пришли часть войска съ Рейна и остатки войскъ, гонимыхъ Массеною. Уже нечего было думать о Тріестѣ. Эрцъ-герцогъ Карлъ видѣлъ необходимость до прихода Наполеонова отнять Тарвисъ и освободить Баялича. Узнавъ о движеніи Австрійцовъ съ Изонцо, Наполеонъ отрядилъ Бернадотта занять Тріестъ, и преслѣдовать войска, шедшія въ обходъ черезъ Карнитію, а самъ съ Гюйё и Серрюрье устремился удержать Тарвисъ.

Здѣсь горѣла битва свирѣпая. Съ остатками Лузиньянова и Оркшаева корпуса, подкрѣпленный 6000-ми храбрыхъ Рейнскихъ гренадеровъ, Эрцъ-герцогъ

Карлъ кинулся въ Тарвисскія тѣснины и отнялъ ихъ. Чувствуя важность потери, Массена устремился въ отчаянный бой. Тарвисскія тѣснины составляютъ самый возвышенный пунктъ Ретійскихъ Альповъ. Битва происходила выше облаковъ, въ глубокихъ снѣгахъ. Сражавшіеся скользили и падали въ пропасти. Массена забывалъ себя, былъ раненъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ самъ вводилъ полки въ аттаку, но принужденъ былъ уступить неукротимой храбрости Французовъ. Тогда отрядъ Баялича, спереди взятый Массеною, сзади Наполеономъ, сдался въ плѣнъ безъ боя, въ числѣ 5000, и только часть его разбѣжалась по горамъ; артиллерія и обозы достались побѣдителямъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ смѣшался, отступалъ, и 31-го Марта Наполеонъ занялъ Клагенфуртъ, главный городъ Каринтіи. Здѣсь учредилъ онъ свою главную квартиру; сюда, занявши Тріестъ, Фіуме, и захвативши богатые запасы ртути въ Идрійскихъ рудникахъ, Бернадоттъ шелъ къ нему черезъ Лайбахъ, а Жубертъ изъ Тироля. Герой Риволи оправдалъ надежду на него. По недоступнымъ дорогамъ прошелъ онъ до Санктъ-Михеля, разбилъ Лаудона и Керпена, преслѣдовалъ до Ней-Марка и Трамина, отбросилъ одного въ Меранскую долину, а другаго къ Бреннеру. Тутъ началось самое трудное дѣло. Вмѣсто ожиданной помощи отъ Моро, съ Рейна явились свѣжіе полки Австрійцовъ. Керпенъ, подкрѣпленный ими, обратился на Жуберта, и Французы должны были слѣдовать черезъ Тироль, и по те-

ченію Дравы на Виллахъ, преслѣдуемые Австрійцами. Видя Жуберта отступающимъ, весь Тироль взялся за оружіе. Жубертъ шелъ сражаясь на каждомъ шагу. Два раза останавливался онъ, и отбивалъ Керпена при Миттенвальдѣ и Клаузенѣ. Въ Вѣнѣ и въ Италіи считали его погибшимъ, ибо Тирольскія войска въ одну сторону открыли сообщеніе съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, а въ другую сошли малыми отрядами къ Веронѣ, когда Кроаты изъ Каринтіи заняли снова Тріестъ и Фіуме. Къ счастью Жуберта, эрцъ-герцогъ Карлъ не велѣлъ преслѣдовать его, довольный бездѣйствіемъ Моро. Онъ звалъ къ себѣ Тирольскій корпусъ, ибо хотѣлъ сражаться на берегахъ Мура. Жубертъ далъ семь битвъ на походѣ, захватилъ 9000 плѣнныхъ и 12 пушекъ. Когда войско его завидѣло на горахъ полки Наполеона, Жубертъ поскакалъ къ палаткѣ своего любимаго полководца. Часовой остановилъ его, говоря, что генералъ Бонапарте занятъ и не велѣлъ впускать никого. Наполеонъ услышалъ шумъ, узналъ голосъ Жуберта, выбѣжалъ и обнялъ его, восклицая: «Сюда, сюда, храбрый Жубертъ! Кто прошелъ сквозь Тироль, тому всегда свободный входъ въ мою палатку!»

Между тѣмъ въ Италіи совершилось, чего опасался Наполеонъ. Прерванныя сообщенія между Италіею и Французскою арміею, появленіе въ тылу Наполеоновой арміи Австрійцовъ, преувеличенные слухи, что Наполеонъ запертъ въ горахъ, что Венгрія и вся Австрія идутъ на него поголовнымъ ополче-

ніемъ, когда Рейнская армія не двигалась съ мѣста, угрожаемая отдѣльнымъ сильнымъ войскомъ, довели изувѣрство и ярость Венеціянъ до забвенія всѣхъ правилъ осторожности, и увлекли правительство Венеціи, при вѣсти, что въ Бергамо, Бресчіи, Сало и Кремѣ, занятыхъ Французами, приверженцы новыхъ мнѣній, вѣря счастью Наполеона, подняли знамя возмущенія. Революціонное волненіе началось съ Бергамо. Марта 12-го жители сего города объявили себя независимыми, и прогнали подеста Оттолини. Марта 15-го примѣру Бергамо слѣдовала Бресчіа. Тогда взволновались вездѣ толпы поселянъ, предводимыя монахами, вопія о смерти всѣмъ измѣнникамъ, и защитникамъ ихъ Французамъ. Кильменъ отправилъ извѣстіе къ Наполеону, и звалъ Миланскія войска усмирять волненія поселянъ, не смѣя прекращать возстанія республиканцовъ.

Правительство Венеціянское со страхомъ увидѣло исполненіе того, что само оно готовило своею коварною политикою. Требовали совѣта Французскаго посланника, бывшаго въ Венеціи. Послѣ отвѣта его, что все можетъ успокоиться, если обѣщаютъ уравнять преимущества Венеціи съ другими городами, и прекратятъ возмущенія поселянъ и монаховъ, въ сенатѣ Венеціянскомъ начались споры. Разрѣшая ихъ, послали Пезаро и Корнаро узнать мнѣніе Наполеона. Депутаты нашли его въ Горицѣ. Онъ ничего не рѣшилъ. Дѣйствительно: надлежало ли ему принять сторону возмутителей, или подкрѣплять прави-

тельство Венеціянское? «Ручаюсь за успокоеніе всѣхъ волненій, если увижу вашу дружбу,» отвѣчалъ онъ, «но не могу дѣйствовать противъ приверженцовъ Франціи, и совѣтую вамъ успокоить умы взаимнымъ согласіемъ.» Депутаты осмѣлились говорить ему объ очищеніи крѣпостей Вероны, Бергамо, Бресчіи, и прекращеніи отпуска продовольствія войскамъ на счетъ Венеціи. Наполеонъ разсердился, и гнѣвно сказалъ, что знаетъ всѣ тайные умыслы Венеціянскаго правительства. «Вы давали пристанище нашимъ врагамъ, вы кормили ихъ, и смѣете ли отказать мнѣ въ средствахъ защиты и содержаніи? Если нѣтъ у васъ припасовъ, заплатите мнѣ за нихъ деньгами!» На отвѣтъ, что денегъ нѣтъ — «Займите, отнимите ихъ у Моденскаго Герцога, продайте имѣнія враговъ Франціи, которыя у васъ хранятся!» вскричалъ Наполеонъ. Онъ ничего не хотѣлъ слушать. На другой день казался онъ благосклоннѣе. «Знайте,» говорилъ онъ Пезаро, «знайте, что я наблюдаю за вами, насквозь васъ вижу, и понимаю что вы мнѣ готовите, но берегитесь, подумайте, хорошо подумайте, и не отдавайте дряхлаго льва Венеціянскаго на жертву моей арміи! Пока управлюсь я съ Австріею, въ моихъ этапахъ и гошпиталяхъ найдется довольно войска уничтожить вашу Венецію.»

Онъ велѣлъ Кильмену усилить осторожность, обезоруживать крестьянъ, но соблюдать строжайшій неутралитетъ въ дѣлахъ между Венеціянскимъ правительствомъ и жителями городовъ. Положеніе Киль-

мена было затруднительное. Марта 24-го Сало, 28-го Крема объявили себя независимыми. Войска Венеціянскія шли къ возмутившимся городамъ; войска Французскіе сближались также къ нимъ. Толпы вооруженныхъ поселянъ повсюду усиливались. Они дрались съ Французами, когда ихъ хотѣли обезоруживать. Нѣсколько деревень было сожжено. Поселяне начали тайныя убійства. Въ Сало противники нововведеній сражались съ нововводителями. Изъ Бергамо и Бресчіи вышли отрядъ Французовъ и 200 Поляковъ для усмиренія поселянъ; ихъ окружили тысячи, заставили робкаго начальника отряда сдаться, и отослали въ Венецію, гдѣ правительство явно показало свое одобреніе мятежникамъ, ибо плѣнныхъ бросили въ тюрьмы. Зараза изувѣрства и убійства распространилась вездѣ. Рѣзали, били, грабили Французовъ и ихъ приверженцовъ. Кильменъ спѣшилъ извѣстить Наполеона.

Въ Клагенфуртѣ получилъ онъ это новое извѣстіе, и оно умножило затрудненія, въ какихъ онъ тогда находился. Главный разсчетъ отважнаго похода его черезъ горы основывался на соединеніи за Муромъ съ Рейнскою арміею Моро. Въ грозныхъ силахъ являлся онъ послѣ того подъ стѣнами Императорской столицы. Но уже извѣстіе Жуберта, спасеннаго только мужествомъ, показывало, что Рейнская армія не содѣйствуетъ Наполеону. Письма Директоровъ раскрыли ему вполнѣ, что опасенія его были справедливы. Директоры увѣдомляли, что совершен-

ное неимѣніе денегъ лишало ихъ средствъ двинуть армію Моро, а безъ Моро не смѣли тронуть арміи Гоша. Карно оправдывался кромѣ того затрудненіемъ переправы черезъ Рейнъ и отдаленностью движенія на Вѣну. Уже мѣсяцъ дѣйствовала армія Наполеона, а Гошъ и Моро стояли на мѣстахъ. Въ пылу негодованія Наполеонъ не пощадилъ въ отвѣтахъ своихъ, ни слишкомъ осторожнаго полководца, ни безтолковыхъ правителей Франціи. «Если полководецъ хочетъ начать походъ, ничто не можетъ остановить его,» писалъ Наполеонъ. «Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ исторія описываетъ намъ военныя дѣйствія, рѣка не составляла препятствія къ походу. Если Моро захотѣлъ бы перейдти черезъ Рейнъ, онъ перешелъ бы черезъ него, и если онъ уже перешелъ, мы будемъ въ состояніи повелительно предписать условія мира, ничего не опасаясь, но кто боится потерять свою славу, тотъ навѣрное потеряетъ ее (mais qui craint de perdre sa gloire est sûr de la perdre). Я перешелъ Альпы Ретійскія и Альпы Юлійскія по тремъ футамъ снѣгу, провезъ мою артиллерію дорогами, гдѣ никогда не проѣзжала телѣга. Всѣмъ казалось мое предпріятіе несбыточнымъ. Если бы я хотѣлъ только спокойствія арміи и собственной пользы, я остановился бы за Изонцою. Напротивъ, я бросился въ Германію, дабы выручить Рейнскую армію и воспрепятствовать непріятелю наступательное на нее движеніе. И что же теперь? Я у воротъ Вѣны, и жду пословъ гордаго и надмѣн-

наго Двора, а съ Рейна еще не трогались! Надобно, чтобы у Рейнской арміи не было крови въ жилахъ (il faut qui les armées du Rhin n' aient point de sang dans les veines), и если она оставитъ меня одного— я ворочусь въ Италію. Вся Европа будетъ судить разницу поведенія двухъ армій.»

Что оставалось тогда предпринять Наполеону? Была ли возможность мыслить о завоеваніяхъ? Но не ужели отступать? Новыя силы непріятельскія готовились быстро. Пораженіе могло быть гибельно, ибо отступленіе было невозможно. Примѣръ Венеціи показывалъ, что ожидало его въ Италіи. Опасность была велика, но ему ли было робѣть съ 45,000 войска? И глубоко размышляя о своихъ отношеніяхъ, предполагая продолжать походъ, идти прямо къ Вѣнѣ, при надеждѣ страха, ему предшествующаго, онъ увидѣлъ возможность совершить новый подвигъ, который выручалъ его изъ опаснаго положенія и довершалъ всѣ труды его: онъ могъ не только *предложить*, но *предписать* миръ, и совершить то, чего не совершила шестилѣтняя война, что за полгода было еще столь горделиво отвергнуто Императоромъ! Не падала ли на него отвѣтственность за миръ? Не преступалъ ли онъ за предѣлы данной ему власти? Какъ полководецъ республики, онъ имѣлъ право заключить «перемиріе.» Слова ничего не значили, а сущность дѣла оправдывала его. И онъ рѣшился немедленно прекратить войну миромъ, усиливая военныя дѣйствія, и тѣмъ скрывая свое сомнительное по-

ложеніе. Марта 31-го Наполеонъ препроводилъ къ эрцъ-герцогу Карлу слѣдующее письмо:

«Господинъ Главнокомандующій Генералъ! Храбрые воины воюютъ, но желаютъ мира. Не продолжается ли война уже шесть лѣтъ? Не довольно ли мы убили людей, и недовольно ли причинили зла бѣдному человѣчеству? Отвсюду вопіетъ оно къ намъ. Европа, поднявшая оружіе противъ Французской республики, положила его. Остается одинъ вашъ народъ, и между тѣмъ кровь льется болѣе, нежели когда либо прежде. Настоящая, шестая кампанія открывается подъ зловѣщими предвѣщаніями. Чѣмъ ни рѣшилась бы она, мы погубимъ съ обѣихъ сторонъ нѣсколько тысячь человѣкъ, и надобно же кончить взаимнымъ соглашеніемъ, ибо не всему ли есть предѣлъ, даже и чувству ненависти? Исполнительная Директорія Французской республики объявила Его Величеству Императору желаніе окончить войну, опустошающую оба государства. Вмѣшательство Лондонскаго Двора воспрепятствовало миру. Не ужели нѣтъ никакой надежды понять другъ друга, и должно ли для своекорыстія и страстей народа, чуждаго бѣдствіямъ войны, продолжать наше взаимное истребленіе? Вы, господинъ Главнокомандующій Генералъ, вашимъ рожденіемъ приближены къ трону, и находитесь выше мѣлкихъ страстей, часто увлекающихъ министровъ и правительства. Рѣшитесь ли вы заслужить названіе благодѣтеля всего человѣчества и истиннаго спасителя Германіи? Не думайте, госпо-

динъ Главнокомандующій Генералъ, что здѣсь разумѣю я, будто вамъ невозможно спасти ея силою оружія, но предполагая, что жребій войны явится вамъ благопріятенъ, тѣмъ не менѣе Германія будетъ опустошена. Что до меня, господинъ Главнокомандующій Генералъ, если предложеніе, какое я имѣю честь вамъ дѣлать, можетъ сохранить жизнь хоть одному человѣку, я болѣе буду гордиться вѣнкомъ гражданскимъ, который тѣмъ заслужу, нежели печальною славою, какая пріобрѣтается военными успѣхами.»

Отвѣта не было. Наполеонъ и не дожидался его. Онъ зналъ, что слова безъ подкрѣпленія силою ничтожны, что въ Вѣнѣ многіе будутъ спорить противъ мира, ожидая перемѣны жребія въ какой нибудь удачной битвѣ, и что уже самый образъ предложенія мира, разрушая формы дипломатическаго этикета, возмутитъ умы Вѣнскихъ дипломатовъ, даже оскорбитъ ихъ тѣмъ, что онъ, ничтожный генералъ, осмѣлился говорить, какъ будто равный съ равнымъ, съ Императоромъ. Все сбылось по его разсчету. Оставалось дѣйствовать. Дороги были минуты, не только часъ и день.

Апрѣля 1-го Французы пошли впередъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ отступалъ. У Сентъ-Вейта и Фрейзаха успѣли схватить и разбить арріергардъ его. Послѣ полудня, подкрѣпленный Рейнскими дивизіями Кейма, Меркантина, Принца Оранскаго, и гренадерскою, Эрцъ-Герцогъ принялъ битву въ тѣснинахъ

Ней-Маркскихъ. Она была горяча. Штыками сбили непріятеля, потерявшаго 3000 убитыми и ранеными, 1200 плѣнными, и преслѣдовали его къ Унцъ-Марку. На походѣ привезли Наполеону отвѣтъ Эрцъ-Герцога.

«Безспорно, что продолжая войну, господинъ Главнокомандующій Генералъ, и слѣдуя призыву чести и долга, какъ вы я желаю мира для блага народовъ и человѣчества. Но поелику въ высшемъ званіи, мнѣ ввѣренномъ, не мнѣ принадлежатъ переговоры и окончаніе вражды воюющихъ народовъ, и я не снабженъ отъ Е. И. В. ни какимъ полномочіемъ на договоры, вы найдете естественнымъ, господинъ Главнокомандующій Генералъ, если я не вхожу съ вами ни въ какія негоціяціи, и жду высшихъ повелѣній по сему предмету, столь важному, и мнѣ не подлежащему. Каковъ ни былъ бы впрочемъ будущій жребій войны, или надежда мира, прошу васъ быть увѣреннымъ, господинъ Главнокомандующій Генералъ, въ моемъ почтеніи и особенномъ уваженіи.»

Неопредѣленность отвѣта поясняло словесное предложеніе присланнаго съ письмомъ — заключить перемиріе. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ желаетъ мира, но не перестанетъ воевать, и что можно говорить о мирѣ и драться. Войско Французское двинулось впередъ, догнало непріятеля при Унцъ-Маркѣ, гдѣ, 3-го Апрѣля, достались Французамъ 1500 плѣнныхъ, но непріятель успѣлъ уйдти. Апрѣля 7-го, черезъ Кнительфельдъ, Французы вступили въ Леобенъ.

Эрцъ-Герцогъ Карлъ сосредоточилъ войско подъ Вѣною, и въ Леобенъ явились присланные Императоромъ, начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ-лейтенантъ Беллегардъ, и генералъ-маіоръ Меерфельдъ. Они извѣстили, что Императоръ согласенъ на миръ, и для начатія переговоровъ требуетъ перемирія на десять дней. Наполеонъ согласился не воевать пять дней. Онъ видѣлъ совершеніе желаній своихъ — Императоръ уступалъ. Ему надобно было дать отдыхъ войску, цѣлый мѣсяцъ бывшему въ битвахъ, въ походѣ, и—въ какомъ походѣ! Отряды Французскіе заняли Юденбургъ и Грацъ, главные города Верхней и Нижней Штиріи. Конвенція перемирія была подписана, Апрѣля 7-го, въ Леобенѣ, главной квартирѣ Наполеона. Массена съ авангардомъ занялъ Симмерингъ, послѣднюю высоту Норическихъ Альповъ. Отсюда вдали, въ туманахъ, можно было уже различать высокія колокольни Императорской столицы. Куда перешагнулъ Наполеонъ отъ Савоны!...

Нетерпѣливо ждалъ онъ истеченія пяти дней, и утромъ Апрѣля 13-го пушки извѣстили, что срокъ перемирія кончился. Войска Массены стали въ строй, но уполномоченные Императора уже ѣхали тогда въ Леобенъ: Императоръ соглашался на миръ. Объявили неутральнымъ замокъ Эккенвальдъ близъ Леобена, и среди биваковъ Французской арміи начались переговоры. Наполеонъ былъ представителемъ Франціи; генералъ-маіоръ Меерфельдъ, и Неаполитанскій посолъ, маркизъ Галло, послами Императора.

Наполеонъ не ошибся, что рѣшительность доведетъ его къ успѣху. Отказъ въ перемиріи и движеніе изъ Клагенфурта, какъ за годъ прежде въ Туринѣ и Миланѣ, произвели страхъ и общее смятеніе въ Вѣнѣ. Тщетно эрцъ-герцогъ Карлъ утверждалъ, что должно еще употребить послѣднія усилія, что отвсюду идутъ къ нему войска, Французы отрѣзаны отъ Италіи, Тироль возсталъ, Венеція вооружается. Не вѣрили обѣщаемой имъ побѣдѣ, сомнительной послѣ битвъ Аркольской и Риволъской, страшились хитрости Наполеона, говорили, что у него еще болѣе пятидесяти тысячь, указывали на Рейнскую армію, уже начавшую тогда движенія, и оправдали ль всѣ дѣйствія отъ Тальяменто до Леобена надежду Эрцъ-Герцога на побѣду? Народъ вызывался на битвы, но что значили толпы его противъ желѣзныхъ полковъ Наполеона? Спѣшили укладывать драгоцѣнности и архивы, отправили семейство Императорское въ Венгрію, и согласіе на миръ было рѣшено.

Послѣ главнаго рѣшенія нечего было думать объ условіяхъ. Наполеонъ у воротъ Вѣны, конечно, не уступилъ бы ничего изъ тѣхъ условій, какія предлагала Директорія, и всякая уступка была выигрышемъ.

Первое засѣданіе показало, что старинныя уловки дипломаціи никуда не годились. Наполеонъ говорилъ рѣшительно. На вопросъ о правахъ его вести переговоры, онъ указалъ на свою армію. Вопросъ о томъ, что Императоръ долженъ быть упомянутъ въ договорѣ сначала, онъ разрѣшилъ отвѣтомъ, что не

заботится о такихъ пустякахъ. Когда первымъ пунктомъ объявлено признаніе Императоромъ Французской республики — «Господа,» сказалъ онъ — «это надобно исключить: республика Французская не нуждается въ признаніи; она въ Европѣ то же, что солнце на небѣ. Тѣмъ хуже для слѣпыхъ, кто не видитъ его.»

Все было кончено въ одинъ день, и графъ Сенъ-Винцентъ повезъ въ Вѣну предварительныя статьи. Перемиріе продолжено до 20-го Апрѣля, но 18-го договоръ уже былъ подписанъ.

Умъ Наполеона мгновенно рѣшалъ всѣ затрудненія. Императоръ уступалъ Франціи Фландрію и Бельгію, но требовалъ вознагражденія. Уступка Баваріи, съ передачею Курфирсту Баварскому Ломбардіи, была невозможна, ибо Наполеонъ не хотѣлъ отдать Ломбардіи. Онъ предложилъ вознагражденіе изъ Венеціянскихъ владѣній, отдавая Австріи Иллирію, Истрію, и часть Италіи, отъ Гардскаго озера до устья Оліо, съ Мантуею. Императоръ ручался за уступку Франціи Имперскихъ земель до Рейна. Окончательный миръ долженствовалъ быть подписанъ черезъ три мѣсяца, для чего надлежало открыть конгрессы, съ Императоромъ въ Бернѣ и съ Имперіею въ одномъ изъ Нѣмецкихъ городовъ. Войска Французскія отступали немедленно, и до заключенія окончательнаго мира останавливались на Изонцо и границахъ Тироля. Массена отправился въ Парижъ. Курьеры поскакали къ Гошу и Моро.

Извѣщая Директорію о мирѣ, Наполеонъ оправ-

дывалъ себя въ томъ, что не продолжилъ войны «Еслибы при началѣ кампаніи пошелъ я въ Туринъ, никогда не перешелъ бы я По. Еслибы я усилился тогда идти въ Римъ, я потерялъ бы Миланъ. Еслибы я упорствовалъ идти въ Вѣну, можетъ быть, я погубилъ бы республику. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ условія мира съ Императоромъ составляютъ военную операцію. Памятникомъ славы республики Французской будутъ они, и вѣрнымъ ручательствомъ, что въ двѣ кампаніи можетъ она покорить материкъ Европейскій. Въ Германіи не бралъ я никакой контрибуціи, и на насъ не будетъ здѣсь ни одной жалобы. Такъ буду поступать и выходя изъ нея, и не бывши предвѣщателемъ говорю, что придетъ время, когда мы извлечемъ выгоды изъ столь благоразумнаго поведенія. Что касается до меня, я прошу отдыха. Оправдана довѣренность, какою вы облекли меня. Никогда ни чѣмъ не считалъ я себя во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ, и нынѣ кинулся на Вѣну хотя пріобрѣлъ славы болѣе, нежели сколько потребно для счастія, и оставилъ за собою цвѣтущія долины Италіи, какъ въ началѣ прошлой кампаніи, искавши хлѣба для арміи, которой республика не могла болѣе кормить.»

Трудно вообразить впечатлѣніе, какое произвело въ Европѣ Леобенское перемиріе. Полководецъ, обращавшій на себя вниманіе всеобщее, кончилъ свои подвиги дѣломъ, гдѣ всѣ, даже люди восторженные его геніемъ, предвѣщали ему гибель. Не было мѣры

изумленію всеобщему, хотя побужденія были различны. Одни видѣли въ Бонапарте поборника свободы, другіе уже предвѣщали въ немъ новаго Цезаря, но вообще извѣстіе о событіяхъ въ Леобенѣ произвело восторгъ во Франціи, страхъ въ Англіи.

Если страхъ и восторгъ были велики, завистъ и клевета, возбужденныя Наполеономъ, были не менѣе ихъ. Говорили, что только крайность заставила Бонапарте заключить миръ; другіе, что онъ хотѣлъ похитить славу Моро, и безразсудно бросился въ опасность. Далѣе, что онъ могъ требовать всего, и удовольствовался ничтожными выгодами; иные утверждали, что онъ не имѣлъ права заключать миръ, и наконецъ нѣкоторые осуждали его, что онъ жертвовалъ неутральнымъ государствомъ, Венеціею, и называли сей поступокъ вѣроломствомъ и хищеніемъ. Многія обвиненія опровергались одни другими. Если крайность заставляла Наполеона просить мира, чѣмъ можно было объяснить согласіе на миръ недальновидныхъ Австрійскихъ дипломатовъ? Изъ всего предшествовавшаго мы видѣли, отнималъ ли Наполеонъ славу Моро, когда бездѣйствіе Моро дѣйствительно погубило бы его, еслибы не спасъ его могущій геній. Могли оспоривать права его на заключеніе мира, но правильно ли разсматривали положеніе Наполеона подъ Вѣною? Чего еще могъ онъ требовать, заключая миръ гораздо выгоднѣйшій того, какой за полгода предлагала Императору Франція? Что оставалось ему дѣлать? Могъ ли онъ предоставить жребій войска и

другія въ государственномъ смыслѣ, но каждый членъ рода въ свою очередь, въ слѣдствіе старшинства физическаго, имѣлъ право быть старшимъ, главнымъ, Великимъ Княземъ, сидѣть на главномъ столѣ, въ лучшемъ городѣ Русскомъ—Кіевѣ; отсюда для полноправныхъ Князей — родичей отсутствіе отдѣльныхъ волостей, отчинъ; отчиною для каждаго была цѣлая Русская земля, отсюда общность интересовъ для всѣхъ князей, понятіе объ общей, одинакой для всѣхъ обязанности защищать Русскую землю, эту общую отчину, складывать за нее свои головы; отсюда то явленіе, что во все продолженіе описанныхъ выше княжескихъ усобицъ предѣлы иноднои волости, иноднаго княжества неувеличивались, покрайней мѣрѣ примѣтно, на счетъ другихъ, потому что Князю не было выгоды увеличивать волость, которой онъ былъ только временнымъ владѣльцемъ; мы видѣли на примѣръ, что Изяславъ Мстиславичь перемѣнилъ въ свою жизнь шесть волостей: какую надобность имѣлъ онъ заботиться объ увеличеніи предѣловъ, объ усиленіи каждой изъ нихъ, когда главная забота всей его жизни состояла въ борьбѣ съ дядьми за право старшинства, за возможность быть старшимъ и княжить въ Кіевѣ, или какая надобность была Князю Новгорода Сѣверскаго заботиться о своей волости, когда онъ зналъ, что по смерти дяди своего, Князя Черниговскаго, онъ перейдетъ въ Черниговъ, и прежнюю свою волость Сѣверскую долженъ будетъ уступить двоюродному брату, сыну прежняго Князя Черниговскаго, потомъ онъ зналъ, что и въ Черниговѣ долго не останется, умретъ Княземъ Кіевскимъ, а сына своего оставитъ въ Туровѣ, или на Волыни, или въ Новгородѣ Великомъ; слѣд. главная цѣль усобицъ была поддержать свое право на старшинство, свое мѣсто въ родовой лѣствицѣ, отъ чего зависѣло владѣніе тою или другою волостію. Но если верховнымъ желаніемъ, главною, завѣтною цѣлію для каждаго полноправнаго Князя-родича было достиженіе первой степени старшинства въ цѣломъ родѣ, и если съ этою степенью старшинства необходимо связывалось владѣніе лучшимъ городомъ на Руси, матерію городовъ Русскихъ, Кіевомъ, то понятно великое значеніе этого города для Князей. Самою крѣпкою основою для родоваго единства княжескаго было отсутствіе отдѣльности вла-

нецъ перессорились между собою, и кончили утвержденіемъ Леобенскаго мира, объявленіемъ его Парижу, торжествами, и громкими хвалами Наполеону и Итальянской арміи. Не жалѣя обѣщаній на награды, хотѣли даже придать Наполеону наименованіе *Италійскаго* (Italique).

Справедливо, что еслибы Наполеонъ зналъ о дѣлахъ на Рейнѣ, многое могло бы измѣниться въ его дѣйствіяхъ. Но не сами ли Директоры извѣстили его о невозможности дѣйствовать, и не подтверждалъ ли извѣщенія ихъ Моро своею медленностью? Впрочемъ, движенія Гоша и Моро начались только въ день доподписанія Леобенскаго перемирія. Трудно было дождаться слѣдствій ихъ Наполеону, хотя начало было удачно. Гошъ двинулся на Нейвидъ и Дюссельдорфъ, аттаковалъ Годдерсдорфскія укрѣпленія, выгналъ изъ нихъ генерала Края, и взялъ до 5000 плѣнныхъ. Онъ устремился послѣ того на Франкфуртъ, стараясь отрѣзать отступленіе непріятелю. Извѣстія изъ Леобена остановили его дѣйствія. Моро успѣлъ переправить черезъ Рейнъ корпусъ Дезе. Цѣлые сутки Дезе выдерживалъ огонь Австрійцовъ, пока Моро навелъ мостъ, перешелъ съ арміею и принудилъ непріятеля отступить въ Шварцкія горы. Перемиріе Леобенское и здѣсь прекратило битвы. Гошъ и Моро могли обвинять, но, конечно, не Бонапарте, если и не были сами виноваты въ непростительной медленности. Имъ былъ извѣстенъ планъ Наполеона и исполненіе его, а они только собира-

лись, и едва рѣшились сражаться. Время иногда стоитъ на войнѣ побѣды.

Если кого болѣе всѣхъ ужаснуло извѣстіе о мирѣ и возвращеніи Наполеона въ Италію, то безспорно Венецію. Несчастное волненіе въ Венеціянскихъ областяхъ не только продолжалось тогда, но ознаменовалось еще изувѣрствомъ и свирѣпостью, столь свойственными Итальянцамъ при разгарѣ страстей.

Мы видѣли, что въ Клагенфуртѣ получилъ Наполеонъ извѣстіе о возмущеніи Венеціянскихъ поселянъ, избіеніи Французовъ въ разныхъ мѣстахъ, и явномъ участіи въ злодѣйствѣ и бунтахъ Венеціянскаго правительства. Стремясь къ Вѣнѣ, онъ ничего не могъ сдѣлать, но немедленно отправилъ въ Венецію Жюно. Ему приказано было явиться прямо въ сенатъ, и въ полномъ присутствіи его прочитать грозное письмо Наполеона. Жюно исполнилъ приказаніе, громко прочиталъ письмо, и объявилъ, что если немедленно не будутъ исполнены требованія Наполеона, онъ оставляетъ Венецію, вмѣстѣ съ Французскимъ посломъ, и объявляетъ войну отъ имени Французской республики. Наполеонъ требовалъ возвращенія захваченныхъ въ плѣнъ солдатъ, обезоруженія поселянъ, изслѣдованія объ убійствѣ Французовъ, и казни уличенныхъ убійцъ. Встревоженные патриціи Венеціянскіе снова оробѣли, просили отсрочки, времени на совѣщаніе. Жюно былъ неумолимъ. Едва могли убѣдить его клятвами въ неучастіи правительства, обѣщаніями исполнить все требуемое, и доказательствами невозможно-

поступокъ Боголюбскаго, когда онъ не поѣхалъ въ Кіевъ, остался на сѣверѣ и создалъ себѣ тамъ независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность перемѣнить прежнее поведеніе старшаго Князя относительно младшихъ, — это явленіе будетъ ли имѣть слѣдствія, повторится ли оно, станутъ ли старшіе Князья подражать Боголюбскому, станетъ ли каждый оставаться въ своей прежней волости, ее увеличивать, усиливать, создавать для себя въ ней независимое, могущественное положеніе, и, пользуясь этимъ могуществомъ, измѣнять родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ Князьямъ въ государственныя? и въ какой именно части Руси, въ южной или сѣверной примѣръ Боголюбскаго окажется плодотворнымъ, найдетъ подражателей?

Въ южной половинѣ Руси онъ не нашелъ подражателей; здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему; здѣсь самые доблестные Князья обнаружили отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старыя преданія были слишкомъ сильно укоренены; здѣсь ниодинъ Князь необладалъ достаточною матеріальною силою, для того чтобъ создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости: здѣсь при борьбѣ разныхъ племенъ (линій) Ярославова потомства за старшинство, это старшинство и столъ Кіевскій обыкновенно доставались старшему въ томъ племени, которое одерживало верхъ; власть великаго Князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, которой онъ былъ старшимъ; онъ поддерживался этою совокупною силою, и раздавалъ ближайшіе къ Кіеву города своимъ сыновьямъ, братьямъ, племянникамъ, что было для него все равно, или даже еще выгоднѣе, чѣмъ раздавать ихъ посадникамъ: посадникъ скорѣе могъ отъѣхать къ чужому Князю, чѣмъ Князь измѣнить своему племени и его старшему; наконецъ утвержденію новаго порядка вещей на югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя, или, по крайней мѣрѣ развивавшіяся, укрѣплявшіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ, мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, составленному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ Черныхъ Клобу-

перерѣзали тамошній гарнизонъ. Всѣ Французы въ окрестностяхъ Вероны были умерщвлены. Между тѣмъ Лаудонъ, уже готовый войдти въ Верону, получилъ увѣдомленіе о Леобенскомъ мирѣ и отступилъ. Генералы Шабранъ, Викторъ, Бараге д'Иллеръ, Лагоцъ явились передъ Вероною съ войскомъ. Венеціянскіе отряды не хотѣли пропустить ихъ. Началась битва. Венеціянъ прогнали, окружили Верону, и робость заступила мѣсто ярости. Толпы поселянъ бѣжали изъ города. Кильменъ послалъ преслѣдовать ихъ, разстрѣлялъ нѣсколько мятежниковъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, занялъ Верону, обложилъ контрибуціею и ждалъ рѣшенія Наполеона. Таковы были событія, оставшіяся на послѣднихъ страницахъ лѣтописей Венеціи подъименемъ *Веронской пасхи*, какъ въ исторіи Сициліи осталась память «Сицилійскихъ вечеренъ.»

Венеція была въ то же время обагрена кровью Французовъ. Военный Французскій люгеръ, подъ начальствомъ капитана Ложье, преслѣдуемый Австрійскими судами, приблизился къ Лидской гавани. Ему объявили, что въ силу условій неутралитета, онъ не можетъ быть допущенъ въ Венеціянскую гавань. Ложье заспорилъ и приблизился къ гавани. Съ берега начали стрѣлять; Далматскіе солдаты окружили люгеръ на лодкахъ, перерѣзали экипажъ и потопили судно. Правительство выдало награду коммендаоту Лидскому за его рѣшительность.

И тогда, сверхъ всякаго чаянія, узнали, что слу-

хи о погибели Наполеона были ложны, услышали о событіяхъ въ Веронѣ, даже свѣдали о томъ, что за прежнія вины часть владѣній Венеціи была отдана Наполеономъ Австріи. Чего могли ожидать, когда онъ узнаетъ о всѣхъ событіяхъ? Отолгаться было невозможно: у поселянъ найдены пушки; Венеціянскія войска не допускали Французовъ въ Верону, и сражались съ ними; коммендантъ Лидскій былъ награжденъ за его поступокъ съ Французскимъ люгеромъ.

Депутаты Венеціи встрѣтили Наполеона Апрѣля 25-го, когда онъ шелъ съ горныхъ высотъ къ берегамъ Изонцо. Ни они, ни онъ не знали еще о событіяхъ въ Веронѣ и Лидо, но депутаты уже трепетали, представляясь человѣку «истинно необыкновенному по живости воображенія, быстротѣ ума и непобѣдимой силѣ чувства» (veramente originale, ma forse non più che per vivacità d'imaginazione, robustezza invincibile di sentimento, ed agilità nel ravvisarlo esternamento), какъ говорили они. Наполеонъ встрѣтилъ ихъ холодно, слушалъ длинную рѣчь, и вдругъ перебилъ ее словами: «А освобождены ли плѣнные? Ищутъ ли убійцъ? Обезоруживаютъ ли поселянъ? Если *нѣтъ*, за чѣмъ пришли вы ко мнѣ съ пустыми словами?» вскричалъ онъ, усиливая голосъ. «Мои солдаты зарѣзаны, и требуютъ грознаго мщенія!» Депутаты заговорили о трудности предупредить злодѣйство и отыскать убійцъ. «Правительство, столь знаменитое шпіонами, легко можетъ узнать все,» вскричалъ Наполеонъ. «Да, впрочемъ, я знаю, что

правительство Венеціи столько же презираемо, сколько презрительно, и столь ничтожно, что не можетъ обезоружить убійцъ, которыхъ само вооружило. Хорошо, я обезоружу ихъ. Теперь я заключилъ миръ. Со мною восемдесятъ тысячь войска, и я иду къ вамъ, я разрушу ваши свинцовыя темницы — буду вторымъ Аттилою Венеціи! Не хочу болѣе знать, ни вашей инквизиціи, ни вашей Золотой Книги, установленныхъ во времена варварства. Ваше правительство одряхлѣло — уничтожить, разрушить его! Въ Горичѣ я предлагалъ Пезаро союзъ и совѣты. Онъ отказался отъ нихъ. Вы ждали моего возвращенія, и хотѣли отрѣзать мнѣ дорогу — ну, вотъ, я теперь здѣсь! Не хочу переговаривать — буду предписывать законы! Вамъ нечего больше говорить со мною — идите вонъ!»

Онъ ушелъ изъ комнаты, и на другой день, когда извѣстія о событіяхъ въ Веронѣ и Лидо были получены, депутаты не смѣли уже просить свиданія, и черезъ другихъ представили безусловную просьбу о милосердіи надъ ихъ несчастнымъ отечествомъ. «Они обагрены кровью Французовъ,» велѣлъ сказать имъ Наполеонъ — «не хочу видѣть ихъ и говорить съ ними. Передайте имъ мои условія: выдать мнѣ инквизиторовъ, Лидскаго коммендапта и Венеціянскаго полицмейстера прежде всего, и — ни слова ни о чемъ другомъ!» Депутатовъ привели къ нему. Трепеща, безмолвно слушали они гнѣвныя рѣчи Наполеона, и осмѣлились упомянуть о платѣ деньгами. «Деньги,»

вскричалъ онъ, «деньги за кровь? Нѣтъ! Если вы укладете всѣ земли ваши золотомъ, отдадите мнѣ всѣ ваши — всѣ Перуанскія сокровища, вы не заплатите мнѣ за кровь ни одного изъ моихъ храбрыхъ солдатъ!»

Онъ прогналъ депутатовъ. Мая 2-го, въ Пальмо-Нуовѣ, изданъ былъ имъ манифестъ, гдѣ исчисляя всѣ обиды Венеціянъ, онъ объявлялъ Венеціянскому правительству войну, по власти главнокомандующаго войсками Французской республики. Велѣно было всюду уничтожать власть Венеціи, разбивать ея гербы, дѣйствовать непріятельски противъ войскъ ея, и Кильмену, Бараге д'Иллеру и Виктору идти къ Венеціи. Вездѣ сброшенъ былъ левъ Венеціянскій. Французскія войска обступили Венецію. Въ городахъ введено временное военное правленіе. Наполеонъ явился въ лагерѣ войскъ своихъ передъ Венеціею.

Положеніе Венеціи затрудняло военныя дѣйствія. Расположенная въ своихъ лагунахъ, защищаемая баттареями, флотомъ изъ 36 галеръ и 168 лодокъ, съ 750 пушками и 8500 войска, кромѣ 3500 войска сухопутнаго Итальянскаго и 11,000 Далматскаго, снабженная запасами, когда Французы не имѣли средствъ овладѣть моремъ, Венеція могла выдерживать долговременную осаду, а Наполеонъ не могъ удѣлить много времени на войну съ Венеціею. Но къ чему послужило бы сопротивленіе, ибо оно только раздражило бы Наполеона, но не спасло Венеціи? Кромѣ того, народъ давно желалъ уравненія правъ, и готовъ

былъ возмутиться, и если партія дворянъ и духовенства рѣшалась оружіемъ защищать свои права, она не смѣла употребить Далматскія, полуобразованныя войска, страшась кроваваго междоусобія съ Итальянцами. Собрали Совѣтъ Дворянства, опредѣлили измѣнить древнія постановленія, и послали увѣдомить о томъ Наполеона, умоляя о мирѣ. Посланные нашли его разставляющимъ пушки по баттареямъ. Напрасно просили они, соглашались на всѣ условія— прежде всего Наполеонъ требовалъ выдачи виновныхъ правителей. Наконецъ, довольный покорностью, и тѣмъ, что все дѣло оканчивалось безъ войны, онъ согласился дать отсрочку и отправился въ Миланъ. Въ нѣсколько дней совершилась безъ него судьба Венеціи.

Угрожаемые Французскимъ войскомъ, видя неизбѣжность возмущенія народнаго, драки, начинавшіяся между народомъ и солдатами, и несогласія между дворянствомъ и духовенствомъ, не ожидая ни откуда помощи, ибо Австрійцы уже заняли тогда Иллирію и Далмацію, хотя и объявили, что считаютъ сію мѣру необходимою только для безопасности своихъ предѣловъ, правители Венеціи рѣшились передать Великому Совѣту Дворянства предложенія Французскаго повѣреннаго Виллетара. Онъ требовалъ уничтоженія прежняго правленія, учрежденія временнаго правительства, впредь до составленія новой конституціи, распущенія войска, введенія Французскаго гарнизона въ Венецію. Мая 12-го собрался Совѣтъ. Пять сотъ

двѣнадцать голосовъ изъ шести сотъ утвердили предложеніе, и — *послѣдній дожъ* Венеціи, Людовикъ Марини, правившій девять лѣтъ, сложилъ съ себя званіе правителя Венеціянской республики. За тѣмъ объявлены уничтоженіе исключительныхъ правъ, всеобщее равенство граждань, и учрежденіе временнаго Совѣта. Народъ изъявлялъ шумную радость. Монахи возбудили нѣкоторыхъ изувѣровъ противиться рѣшенію Совѣта, вышли на площадь съ статуею св. Марка, и буйная чернь бросилась грабить домы дворянъ. Возмутителей разогнали, и 16-го Мая 4000 Французовъ введены были въ Венецію. Къ Наполеону послали требовать его утвержденія.

Столь неожиданно счастливое окончаніе дѣла убѣдило его заключить договоръ съ правительствомъ Венеціянскимъ, по коему предоставилъ онъ наказаніе виновныхъ Венеціянскому правительству. Размѣнъ земель съ Австріею и вознагражденіе за то Венеціи положено утвердить особенными договорами. Французскому гарнизону опредѣлено оставаться въ Венеціи до всеобщаго мира. Венеція передавала Французамъ часть своего флота, и платила 3 милльона ливровъ контрибуціи, кромѣ выдачи на такую-же сумму флотскихъ снарядовъ, и подарка 20 картинъ и 500 рѣдкихъ рукописей.

Заключая сей трактатъ, Наполеонъ скрывалъ свою тайную мысль. Онъ уже рѣшился тогда уничтожить республику Венеціянскую, отдать Австріи Венецію за уступку Мантуи и Италіи по Адижъ, что съ ос-

тальными за отдачею Австріи Венеціянскими областями, хотѣлъ онъ присовокупить къ новой республикѣ, вмѣстѣ съ Греческими островами, Корфу, Зантомъ, Санъ-Мавро, Чериго, принадлежавшими Венеціи. Удержаніе сихъ острововъ казалось Наполеону весьма важнымъ, ибо оно давало ключъ къ обладанію Архипелагомъ и Адріатическимъ моремъ, и открывало мѣсто опоры владычеству Французскаго флота на Средиземномъ морѣ. Здѣсь располагалъ Наполеонъ новый, обширный планъ, для исполненія коего паче всего спѣшилъ онъ занятіемъ острововъ. Увѣдомляя Директорію о событіяхъ въ Венеціи, онъ просилъ приказа адмиралу Брюе идти немедленно изъ Тулона въ Адріатическое море. Но не дожидаясь приказа Директоріи, онъ писалъ о томъ Брюе, даже послалъ къ нему денегъ на немедленный выходъ кораблей. Опасаясь, что за всемъ тѣмъ дѣло можетъ замедлиться, подъ предлогомъ, что хочетъ воспрепятствовать Англичанамъ овладѣть Греческими островами, онъ вооружилъ Венеціянскіе корабли, посадилъ на нихъ Французское войско, и велѣлъ занять Корфу и другіе острова.

Пока совершалась судьба Венеціи, возмущеніе въ Генуѣ рѣшило жребій другой древней республики Итальянской. Ободренный возвращеніемъ Наполеона, народъ также потребовалъ уничтоженія старинной, аристократической Генуезской конституціи, и уравненія правъ. Аристократы Генуезскіе, смѣлые болѣе Венеціянскихъ, не уступали. Партія нововводителей

избрала начальникомъ Моранди, жаркаго приверженца революціи, учредила клубъ и подала просьбу дожу. Рѣшенія не было; его и не хотѣли ждать, и послѣ переворота въ Венеціи, Мая 22-го, Морандисты подняли знамя бунта. Дворяне и монахи вооружили суевѣрную чернь и разогнали возмутителей. Среди грабежа и волненія было убито нѣсколько Французовъ, и даже посланникъ Французскій едва могъ спастись. Слѣдствіемъ сего было заступленіе Наполеона и торжество Морандистовъ. Не дожидаясь дальнѣйшихъ требованій Наполеона, *послѣдній дожъ Генуезскій*, Іаковъ Марія Бриньоле, сложилъ съ себя свое званіе. Объявили новую республику, подъ именемъ *Лигурійской*, и учредили временное правленіе. Довольный повиновеніемъ, договоромъ Іюня 6-го Наполеонъ утвердилъ независимость и постановленія новой республики, довольствуясь союзомъ ея съ Франціею и платою 4-хъ милльоновъ. Онъ присоединилъ къ Генуѣ участки, принадлежавшіе въ Генуезской области Императору (fiefs imperiaux), и оградилъ Геную отъ требованій Сардинскаго короля, который, имѣя спорныя владѣнія въ западной Генуезской ривіерѣ, уже послалъ войско занять ихъ.

Такъ исчезли двѣ республики, нѣкогда столь сильныя властители морей, *Венеція*, послѣ существованія въ теченіе четырнадцати столѣтій (съ 421 года по Р. Х.), и *Генуя* послѣ тысящелѣтняго бытія. Скоро должно было изгладиться изъ современной исторіи самое имя Венеціи. Генуѣ оставили ея назва-

ніе еще на нѣсколько лѣтъ, но политическое существованіе ея также было кончено.

Все исполнялось волею Наполеона. Онъ казался самовластнымъ рѣшителемъ жребія царствъ и судьбы народовъ, заключивши миръ Толентинскій и миръ Леобенскій, уничтожая Венецію, преобразуя Геную, располагая раздѣленіемъ Итальянскихъ областей. Въ Миланскомъ дворцѣ Сербельони окружали его великолѣпная свита, и штабъ, составленный изъ героевъ, его сподвижниковъ. Послы ждали его выхода. Курьеры пріѣзжали къ нему изъ всѣхъ краевъ Европы. Толпы народа тѣснились около дворца, ожидая появленія Наполеона и привѣтствуя его кликами.

Любопытно наблюдать въ Наполеонѣ человѣка въ сіе время начала его великаго поприща. Онъ не измѣнялъ своихъ прежнихъ простыхъ привычекъ, казался республиканцомъ въ словахъ и въ жизни, гордился именемъ солдата, и презиралъ пустой блескъ и ничтожныя приличія большаго свѣта. По возвращеніи изъ Леобена, онъ спѣшилъ призвать въ Италію жену свою, мать, сестеръ. Его утѣшала радость доброй матери, при видѣ блестящей судьбы сына. Семейство Наполеона прибыло въ Геную въ Декабрѣ 1796 года. Онъ любилъ тогда Жозефину, и среди битвъ, на бивакахъ, писалъ къ ней страстныя письма, какъ пылкій, влюбленный юноша. «Если иногда мнѣ становится грустно среди заботъ и дѣлъ, если иногда я опасаюсь чѣмъ все это кончится, если люди отвращаютъ меня отъ себя, если я готовъ

проклясть эту жизнь, кладу руку на сердце, на твой портретъ, и любовь твоя миритъ, утѣшаетъ меня.... Было время, когда я гордился моей храбростью, и нѣкогда, соображая зло, какое могли мнѣ причинить люди, не зная жребія, какой могла мнѣ предназначить судьба, я готовъ былъ встрѣтить величайшія бѣдствія не мигнувши ни разу (sans froncer le sourcil), даже не удивляясь имъ. Но теперь, мысль, что можетъ быть, ты больна, мысль, что ты разлюбишь меня, терзаютъ душу, холодятъ кровь, печалятъ меня, не оставляютъ мнѣ даже того мужества, которое внушаютъ бѣшенство и отчаяніе. Прежде говаривалъ я: люди ничего не могутъ противъ того, кто умираетъ безъ страха, но — умереть безъ любви твоей — адское мученіе, живой образъ совершеннаго уничтоженія.... Мой другъ! душа моя скорбитъ, тѣло утомлено, умъ озабоченъ — люди мнѣ надоѣдаютъ — я готовъ ненавидѣть ихъ — они разлучаютъ меня съ тобою....» Отвѣчая на письмо, гдѣ Жозефина говорила, что съ слезами помышляетъ объ опасной битвѣ его съ Вурмзеромъ, Наполеонъ писалъ: «О, этотъ негодный Вурмзеръ дорого заплатилъ мнѣ за твои слезы!» Наблюдая простоту въ своей жизни, онъ окружилъ Жозефину роскошью, великолѣпіемъ, избраннымъ обществомъ. Она казалась царицею среди блестящаго круга, какой составляли окрестъ ея знатнѣйшіе Итальянцы. Отрываясь отъ дѣлъ, Наполеонъ сопровождалъ жену свою въ веселыхъ прогулкахъ на Лаго-Маджіоре, Лаго-ди-

Комо, Барромейскіе острова. Мѣстопребываніемъ Наполеона была прелестная вилла Монтебелло близъ Милана. Множество дипломатическихъ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ составляли здѣсь Дворъ Наполеона. Въ поѣздкахъ по городамъ и селеніямъ его встрѣчали праздниками, воздвигали на пути его торжественныя врата. Онъ все позволялъ, видя, что радуетъ тѣмъ свою Жозефину. Самъ онъ являлся въ блестящія собранія на минуту, и любимою бесѣдою его были ученые и художники. Обращеніе его было скромно, разговоръ отрывистъ, но что прежде считали неловкостью, застѣнчивостью, то казалось теперь самобытностью генія, признакомъ величія, когда притомъ изумлялъ всѣхъ Наполеонъ обширностью знаній, необыкновенною памятью, рѣзкимъ словомъ, запечатлѣннымъ свѣтлыми идеями. Не измѣняя республиканскихъ обычаевъ, онъ не принималъ вполнѣ приличій большаго свѣта, но устранилъ грубыя формы, коими отличались его генералы и офицеры. На всѣхъ словахъ и поступкахъ Наполеона была печать самобытности. Не любя поэзіи, онъ ласкалъ поэтовъ. Всеобщій восторгъ возбудилъ приказъ его, когда при грабежѣ Павіи строго велѣлъ онъ сохранить домы знаменитыхъ ученыхъ Спалланцани и Вольты. «До сихъ поръ,» писалъ Наполеонъ астроному Оріани, «ученые Итальянскіе не наслаждались должнымъ уваженіемъ, жили въ своихъ мастерскихъ, или своихъ библіотекахъ, считая себя счастливыми, если оставались незамѣченными и избѣгали преслѣдованія

властителей и духовенства. Отнынѣ сего не будетъ, не будетъ ни инквизиціи, ни деспотизма. Мысль свободна въ Италіи. Приглашаю писателей и ученыхъ взаимно совѣтоваться и предлагать мнѣ идеи о томъ, какъ придать новую силу и новую жизнь изящнымъ художествамъ и наукамъ. Всѣ желающіе посѣтить Францію будутъ тамъ съ отличіемъ встрѣчены правительствомъ. Франція болѣе цѣнитъ присоединеніе къ гражданамъ ея ученаго математика, славнаго живописца, человѣка отличнаго въ какомъ бы то ни было родѣ литтературы, нежели присоединеніе къ своимъ владѣніямъ обширнаго и богатаго города. Прошу васъ передать слова мои всѣмъ литтераторамъ и ученымъ Миланскимъ.»

Главною заботою Наполеона было тогда заключеніе окончательнаго трактата съ Императоромъ. Онъ могъ опасаться, что самовластный поступокъ его съ Венеціею возбудитъ споры со стороны Императора, и хотѣлъ оправдать своеволіе вѣроломствомъ Венеціянъ. Но занятіе Австрійцами Венеціянскихъ областей въ Далмаціи и Истріи показало тайное согласіе Императора на всѣ распоряженія Наполеона. Австрія медлила однакожь заключеніемъ трактата; говорила о самовластіи Наполеона, требовала открытія конгресса и заключенія мира вмѣстѣ съ Имперіею. Дѣятельно пополняли Австрійскую армію, и придвинули ее къ Итальянскимъ границамъ, хотя ратификація Леобенскаго договора была размѣнена въ Монтебелло Мая 24-го. Причины медленно-

сти при заключеніи окончательнаго трактата были понятны: Императоръ хотѣлъ сождать окончанія внутреннихъ смятеній во Франціи, гдѣ совершался тогда новый переломъ и Директорія могла пасть, не отъ замѣшательства въ дѣлахъ, не отъ кровавыхъ смятеній, для коихъ уже прошло время, но отъ замысловъ противной партіи.

Мѣсто междоусобной битвы съ площадей перешло въ засѣданія двухъ Совѣтовъ. Съ уничтоженіемъ демагоговъ, противниками Директоріи были приверженцы прежняго порядка дѣлъ, усиленные многими, перешедшими къ нимъ изъ всѣхъ партій. Новый клубъ роялистовъ, подъ именемъ Клишскаго, распоряжалъ тайными замыслами. Явная война Совѣтовъ съ Директоріею оказывалась въ неумѣстныхъ требованіяхъ, затрудненіи рѣшеній, спорахъ при каждомъ дѣлѣ. Несогласія между Директорами превратились также въ открытую вражду. Оставалось подкрѣпить партію роялистовъ новыми выборами трети членовъ въ Совѣты на смѣну прежнихъ, какъ постановлено было конституціею. Напрасно Директорія хотѣла управлять общественнымъ мнѣніемъ посредствомъ клуба Сальмскаго, и старалась обратить выборы въ свою пользу. Сильная оппозиція превозмогла. Выборы произведены въ пользу роялистовъ, и въ Маѣ 1797 г. въ Совѣты введены были Пишегрю и его сообщники. Голосъ Совѣтовъ безпрерывно становился смѣлѣе и рѣшительнѣе. Оставалось дождаться выборовъ другаго года, когда еще треть прежнихъ членовъ должно

было перемѣнить. Тогда, имѣя большинство на своей сторонѣ, и избравши двухъ новыхъ Директоровъ на смѣну прежнихъ по своей волѣ, роялисты овладѣвали вполнѣ правленіемъ Франціи. Пишегрю и друзья его сносились съ Людовикомъ XVIII, графомъ д'Артуа и принцомъ Конде. Къ несчастію Директоріи, по жребію вышелъ въ отставку директоръ Летурнёръ, и на мѣсто его былъ избранъ Бартелеми. Онъ усилилъ своимъ голосомъ Карно, и видя превозмогающую власть роялистовъ, Карно и новый Директоръ соединились съ сею партіею. Опасность увеличилась. Оставалось прибѣгнуть къ насильственной мѣрѣ. Увѣренные въ согласіи съ ними войска, ненавидѣвшаго роялистовъ, Баррасъ и два другіе Директора приблизили къ Парижу корпусъ войскъ. Имѣя въ рукахъ своихъ переписку Пишегрю и доказательства измѣны многихъ членовъ въ обоихъ Совѣтахъ, они рѣшились арестовать виновныхъ, какъ возмутителей общественнаго спокойствія. Надлежало избрать смѣлаго предводителя. Баррасъ вызвалъ Гоша, но поссорился съ нимъ, и выборъ палъ на Ожеро, присланнаго въ Парижъ отъ Наполеона, какъ увидимъ далѣе. Въ 18-й день фруктидора (Сентября 4-го) войско было собрано въ Тюльери. Совѣты окружили себя стражею и хотѣли возмутить народъ. Видъ вооруженнаго войска, смѣлость Ожеро и рѣшительность Директоріи превозмогли всѣ усилія. Сорокъ два члена Совѣта Пяти сотъ, въ томъ числѣ Пишегрю, Буасси д'Англа, Камиллъ Жорданъ, Ноайль, Андре, Пас-

торе, Катрмеръ-Кенси, Симеонъ, Вилларе-Жуаёзъ, Виллльо, одиннадцать членовъ Совѣта Старѣйшинъ; въ томъ числѣ Барбе-Марбуа и Порталисъ, и два Директора, Карно и Бартелеми, были осуждены на изгнаніе. Карно и нѣсколько другихъ сообщниковъ его успѣли скрыться; остальныхъ арестовали и выслали изъ Парижа. Въ Директоры выбрали Мерлена и Франсуа-Невшато. Совѣты дополнили выборомъ приверженцовъ республики. Парижъ оставался спокойнымъ зрителемъ перемѣны, уничтожившей надежды противниковъ настоящаго порядка дѣлъ. Директорія торжествовала побѣду безъ пролитія капли крови.

Наполеонъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Директоріи. Презирая ничтожныхъ правителей Франціи, онъ видѣлъ однакожь въ нихъ ручательство за спокойствіе Франціи, и ненавидѣлъ соперниковъ ихъ, ничтожныхъ людей, не думавшихъ о благѣ отечества, и не боявшихся предать его въ руки враговъ и жертву безначалія изъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Вся Итальянская армія раздѣляла мнѣніе Наполеона. Празднуя годовщину 14-го Іюля, въ Миланѣ, онъ высказалъ чувства свои и указалъ на средства исполненія. Войска собраны были вокругъ пирамидъ, составленныхъ изъ оружія, на коихъ написаны были имена генераловъ и офицеровъ, падшихъ въ Италіи на поляхъ битвъ. Наполеонъ явился, и велѣлъ читать слѣдующій приказъ:

«Солдаты! сегодня годовщина Іюля 14-го. Вы видите передъ собою имена вашихъ братьевъ по ору-

жію, умершихъ на полѣ чести за свободу отечества. Они показали вамъ примѣръ. Всѣ вы всемъ должны республикѣ, и всемъ вполнѣ должны вы жертвовать благоденствію тридцати милльоновъ соотечественниковъ, славѣ имени Франціи, получившей новый блескъ вашими подвигами. Солдаты! Знаю, что вы глубоко тронуты бѣдствіями, грозящими отчизнѣ. Но она не подвергнется имъ. Мы, люди, передъ коими трепетала соединенная Европа, здѣсь. Горы раздѣляютъ насъ отъ Франціи, но быстро, какъ орлы, мы перелетимъ ихъ, если надобно будетъ поддерживать постановленія, защищать свободу, покровительствовать республиканцамъ. Солдаты! Правительство бодрствуетъ надъ храненіемъ законовъ, ему ввѣренныхъ. Роялисты, едва появятся они, перестанутъ существовать. Будьте спокойны, но поклянемся тѣнями героевъ, умершихъ подлѣ насъ за свободу, поклянемся надъ нашими знаменами непримиримою войною врагамъ республики и постановленій III-го года!»

Послѣ того начался обѣдъ, и генералы и офицеры провозглашали тосты. Наполеонъ произнесъ первый тостъ въ память храбрыхъ Штенгеля, Лагарпа, Дюбуа, и другихъ, падшихъ на полѣ брани. «Да, будутъ тѣни ихъ,» говорилъ онъ, «бодрствовать окрестъ насъ, и хранить насъ отъ коварства враговъ!» Другіе тосты были за постановленія 1795 года, Директоровъ, Совѣтъ Старѣйшинъ, Французовъ, погибшихъ въ Веронѣ, новое бѣгство эмигрантовъ (réémigration des émigrés), соединеніе республикан-

цовъ, разрушеніе Клишискаго клуба. При послѣднемъ тостѣ ударили тревогу. Восторгъ пирующихъ былъ безмѣрный, и всюду, гдѣ праздновали годовщину Іюльскую и читали приказъ Наполеона, онъ былъ одинаковъ. Все войско готово было по слову своего полководца идти, куда онъ велитъ. Во всѣхъ дивизіяхъ составили адресы, и прислали ихъ Наполеону. Всѣ они были изложены въ выраженіяхъ смѣлыхъ, исполненныхъ негодованія и усердія. «Заговорщики! трепещите!» говорила дивизія Ожеро. «Отъ Адижа и Рейна до Сены только шагъ! Трепещите — ваши обиды изочтены, и плата за нихъ на концѣ нашихъ штыковъ!»

Наполеонъ отослалъ всѣ адресы Директоріи, присовокупляя свой отзывъ. Такое вмѣшательство во внутреннія смятенія Франціи, и рѣшительность его, болѣе испугали, нежели обрадовали Директоровъ. Сильнѣе прежняго трепетали они силы человѣка, имѣвшаго такую власть надъ побѣдоносными войскомъ; имъ казалось, что онъ явится у Парижа, и смѣлою рукою схватитъ власть, какъ явился у Вѣны, и исторгъ миръ у Австріи. Не смѣя одобрять поступка Наполеона, возбудившаго новыя волненія въ Совѣтахъ, не смѣя и порицать его, рѣшились хитрить до времени. Баррасъ благодарилъ его, радуясь случаю просить денегъ, просилъ прислать генерала, способнаго принять начальство надъ войсками въ Парижѣ. Наполеонъ понималъ все, пользовался опасеніемъ Директоровъ для исполненія своихъ плановъ, послалъ

деньги, назначилъ и генерала, Ожеро. Бѣдный фехтмейстеръ до революціи, Ожеро былъ отчаянный республиканецъ, воинъ храбрости безумной, но неспособный ни куда, кромѣ боя. Грубое республиканство его производило безпрерывныя ссоры, и было причиною раздора, особливо между солдатами Итальянской и Рейнской арміи. Первые, избалованныя дѣти побѣдъ, отличались роскошью, своеволіемъ, дерзостью; вторые были во всемъ умѣреннѣе, и отвергали всѣ шумные клики, неистовства свободы и нарушенія порядка. Явясь въ Парижъ, Ожеро требовалъ втораго вандемьера, хотѣлъ уничтожить противниковъ страхомъ, и едва могли укротить бѣшенство его во время переворота. Наполеонъ оказалъ кромѣ того немалую услугу Директоріи, передавши средства обвинить главнаго заговорщика, Пишегрю. Случайно въ Венеціи Наполеонъ захватилъ главнаго агента Бурбоновъ, д'Антрага, и переслалъ бумаги и показанія его въ Парижъ. Моро давно имѣлъ въ рукахъ измѣнническую переписку Пишегрю, взятую въ обозѣ одного изъ непріятельскихъ генераловъ, но не смѣлъ, или не хотѣлъ обвинить своего благодѣтеля и друга, нѣкогда спасшаго Францію, скрывая дальнѣйшій тайный разсчетъ, ибо при успѣхѣ Пишегрю, Моро могъ воспользоваться его тайною и извлечь свои выгоды. Когда присланы были улики Пишегрю изъ Италіи, опасеніе скрывать долѣе бумаги, когда все уже было готово къ перевороту, заставило Моро также прислать обвиненіе на Пишегрю въ Парижъ.

Не смотря ни на что, и послѣ событій 18-го фруктидора Наполеонъ остался предметомъ тревоги и опасеній малодушныхъ правителей Франціи, хотя счастливый переворотъ дѣлъ возгордилъ ихъ. Гошъ умеръ. Моро рѣшились смѣнить, видя его двоедушіе; избрали предлогомъ соединеніе обѣихъ Рейнскихъ армій, и поручили начальство надъ обѣими Ожеро. Онъ надоѣдалъ въ Парижѣ. Надобно было избавиться отъ его буйнаго своеволія и нестерпимаго хвастовства, когда въ арміи онъ не былъ опасенъ. Талейранъ начиналъ уже тогда руководствовать Директоріею, избранный въ министры иностранныхъ дѣлъ. Директоры не знали что дѣлать съ Наполеономъ, не смѣли раздражать его, ибо не Моро и не Ожеро былъ Бонапарте, не смѣли удалить изъ арміи, ибо онъ былъ необходимъ при окончаніи дѣлъ въ Италіи. Отсюда послѣдовалъ рядъ поступковъ, одинъ другаго несообразнѣе.

Въ одно время ведены были тогда важные дипломатическіе переговоры, окончательныя условія съ Императоромъ и сношенія о мирѣ съ Англіею. Послѣ Леобенскаго перемирія Директоры снова взялись за свою прежнюю мысль, высадку въ Англію. Гошъ въ послѣднее время жизни дѣятельно занимался приготовленіями къ сей экспедиціи. Батавскій, Испанскій, Французскій флоты готовились. Португалія предлагала миръ Франціи, и закрывала гавани свои Англичанамъ. Питтъ, видѣвшій военныя событія въ Австріи и Италіи, боровшійся съ сильною оппо-

зиціею Парламентовъ, угрожаемый банкрутствомъ Англійскаго Банка, рѣшился также предложить миръ, и переговоры начались въ Лиллѣ, еще до 18-го фруктидора. Лордъ Малмесбури, и юный дипломатъ Французскій, Маре, почти оканчивали договоръ. Англія соглашалась заплатить за взятыя въ Тулонѣ Французскія суда, возвращала всѣ завоеванія въ Азіи и Америкѣ, утверждала за Франціею всѣ ея пріобрѣтенія на материкѣ Европы, и оставляла себѣ только изъ Испанскихъ колоній островъ св. Троицы, и изъ Нидерландскихъ мысъ Доброй Надежды и Тринкомалай на Цейлонѣ. Однимъ изъ затрудненій было требованіе отказа короля Англійскаго отъ титула короля Франціи, на что король не могъ рѣшиться безъ согласія Парламентовъ. Послѣ 18-го фруктидора правители Франціи, снова замышляя высадку въ Англію, заговорили надмѣнно, не соглашались ни на какія уступки, и сношенія съ Англіею были прерваны.

Наполеонъ не одобрялъ разрыва съ Англіею, и къ вящшей досадѣ своей видѣлъ новыя затрудненія отъ безразсудства Директоровъ въ переговорахъ о мирѣ съ Императоромъ. Переломъ 18-го фруктидора разрушилъ надежды Тугута на возмущеніе Франціи. Онъ хотѣлъ мира, и мѣсто разсужденій о мирѣ назначено было въ Удино. Наполеонъ отправилъ туда Кларка, предоставляя ему предварительно спорить съ Австрійскими дипломатами, пока онъ готовилъ и устроивалъ войско, учреждалъ дѣла въ Италіи, и

толковалъ съ Директорами. Безразсудными требованіями прервавши переговоры съ Англіею, они предписали Наполеону безмѣрныя требованія отъ Императора. Первымъ условіемъ была граница Италіи по рѣку Изонцо; другимъ отдача Франціи нѣсколькихъ крѣпостей на Рейнѣ. При отказѣ Наполеонъ долженъ былъ немедленно начать войну.

Такимъ образомъ разрушалось все, что уже сдѣлано было для устройства Италіи, для огражденія ею предѣловъ Франціи съ юга, и начиналась новая, безконечная и безполезная война. Наполеонъ утомился двумя годами жизни съ 1796 года, и — согласимся, что онъ могъ утомиться. Требованія Франціи снова вооружали Европу, и опять надлежало отдать участь отечества невѣрному жребію войны. Глубоко оскорбленъ былъ Наполеонъ. Онъ видѣлъ въ поступкѣ Директоріи нелѣпость политики ея, и тайные умыслы противъ него. Мѣлкая интрига шевелила страсти. Предполагали даже, что Ожеро замѣнитъ Бонапарте въ Италіи. Онъ брался завоевать Вѣну. Пигмей думалъ смѣнить исполина, и довершать начатое имъ. Всѣ интриги Парижскія были извѣстны Наполеону черезъ преданнаго ему адъютанта его, Лавалетта, нарочно посланнаго въ Парижъ. Онъ зналъ, что Ожеро прислалъ безтолковыя и хвастливыя письма многимъ генераламъ Итальянской арміи, и поручалъ адъютанту своему тайно развѣдывать о расположеніи умовъ солдатъ и офицеровъ.

Наполеонъ рѣшился ясно опредѣлить всѣ свои отношенія, и какъ нѣсколько разъ прежде, дѣлать по своему, не слушая приказовъ. Прежде всего заключитъ онъ миръ. Пусть какъ угодно судитъ ничтожная Директорія Франціи передастъ онъ свое оправданіе, Европѣ судъ свой, твердо надѣясь, что ни кто не посмѣетъ стать на борьбу съ нимъ. Была ли у него уже и тогда мысль низпровергнуть ничтожныхъ правителей Франціи и схватить власть? Могъ ли онъ исполнить сію мысль? Не будемъ предупреждать событій, и скажемъ одно: мысль могла быть, средствъ еще не было.

Притворяясь оскорбленнымъ, болѣе нежели въ самомъ дѣлѣ оскорблялся, Наполеонъ выслалъ адьютанта Ожеро изъ Италіи, осыпалъ упреками Директорію за недовѣрчивость, исчислялъ заслуги свои, доказывалъ нелѣпость требованій отъ Австріи, безполезность ихъ, невозможность предпринять войну, если упорство доведетъ до разрыва. Дѣйствительно, послѣ Леобенскаго перемирія Австрія приложила всевозможное стараніе вездѣ усилить войска свои, а Директорія не думала обезпечить себя ни на Рейнѣ, ни въ Италіи. Жадное корыстолюбіе и недостатокъ денегъ заставили обратить въ казначейство даже милльонъ, посланный Наполеонъ на вооруженіе Тулонскаго флота, хотя такимъ распоряженіемъ разрушалось одно изъ великихъ предпріятій, владычество Франціи на Средиземномъ морѣ. Представляя всю опасность и тягость войны, «говорю противъ себя,»

прибавлялъ Наполеонъ, «ибо никто болѣе меня не можетъ желать войны, но благо отечества дороже мнѣ моей собственной славы.» Онъ доказывалъ даже вредъ, если «Венецію, область безъ земли и воды, изнѣженную и робкую,» съ испорченною аристократіею и изувѣрными монахами, исполненную ненависти къ Французамъ, присоединить къ другимъ Итальянцамъ, составляющимъ Цизальпинскую республику, и одушевленнымъ новыми идеями. Представляя все излагаемое рѣшенію Директоровъ, при несогласіи ихъ, онъ рѣшительно требовалъ отставки.

Такъ поступая съ Директоріею, иначе предположилъ онъ вести дѣла съ Австріею. Онъ хотѣлъ самъ явиться въ мѣстѣ переговоровъ, твердостью и угрозами преодолѣть упорство Австрійцовъ, не рѣшая вовсе должно ли дѣйствительно начинать войну, или вопреки приказанію Директоровъ, уступить Австріи Венецію. Онъ готовился исполнить то или другое, смотря по обстоятельствамъ.

Оставя всѣ другія занятія, Наполеонъ поѣхалъ къ мѣсту переговоровъ, и остановился въ Пассеріано близъ Удино, гдѣ находились Австрійскіе министры, баронъ Дегельманнъ, графъ Меерфельдъ и Неаполитанскій министръ Галло. Съ перваго слова отвергъ онъ предложеніе общаго конгресса, и требовалъ отдѣльнаго мира между Австріею и Франціею. «Что толковать о признаніяхъ,» вскричалъ онъ, когда опять услышалъ, что Императоръ «признаетъ» республику — «говорите съ *Франціею*, *съ Француз-*

скимъ народомъ. Народъ Французскій хозяинъ въ своей землѣ. Сегодня составляетъ онъ народную республику, можетъ быть, завтра преобразитъ ее въ аристократическую, а послѣ завтра въ монархію—это его дѣло. Никто не смѣетъ предписывать ему законы во внутреннихъ распоряженіяхъ.» Дипломаты Австрійскіе ужаснулись, когда Наполеонъ потребовалъ границъ въ Италіи до Изонцо и отдачи Майнца. О границахъ до рѣки Оліо онъ не хотѣлъ даже говорить. Смѣлыя рѣчи подкрѣплялъ онъ дѣломъ, сдвинулъ войска на Изонцо, началъ укрѣплять Пальма-Нуову, и показывая невозвратность своего рѣшенія, объявилъ Мантую и всѣ земли по Адижъ областью Цизальпинской республики. Спѣшили передать о томъ извѣстіе въ Вѣну, и оттуда явился графъ Людовикъ Кобенцель, славный своею дипломатикою и любезностью, пятнадцать лѣтъ бывшій посломъ при Дворѣ Екатерины, душа ея Эрмитажнаго общества, и главный руководитель Европейскихъ союзовъ противъ Франціи. Но дипломатика Кобенцеля разбилась о твердую волю Наполеона. Принужденный высказать свое окончательное рѣшеніе, Наполеонъ объявилъ наконецъ объ уступкѣ Венеціи и всѣхъ Итальянскихъ земель по Адижъ, съ отдачею Франціи Майнца и Греческихъ острововъ. Кобенцель ожилъ надеждою, но притворился недовольнымъ, упорствовалъ. Послѣдняя конференція назначена была въ Удино, въ квартирѣ Кобенцеля. Наполеонъ явился угрюмый и недоступный. За большимъ столомъ сѣли Кобенцель, Ме-

ерфельдъ и Дегельманъ. Противъ нихъ сѣлъ Наполеонъ, и молча слушалъ краснорѣчивыя разглагольствія дипломата Австрійскаго о славѣ примирителя, о выгодахъ Франціи. Вдругъ перебилъ онъ рѣчь и прервалъ свое молчаніе вопросомъ: «Миръ или война?» Кобенцель не зналъ что сказать. «Миръ или война?» повторилъ Наполеонъ гнѣвно. Кобенцель оскорбился, хотѣлъ говорить—«Ни слова: я объявляю вамъ войну» — вскричалъ Наполеонъ. Драгоцѣнная фарфоровая чашка, подарокъ Екатерины Кобенцелю, стояла на геридонѣ — «объявляю,» продолжалъ Наполеонъ, «и черезъ три мѣсяца разобью вашу имперію, какъ эту чашку!» Онъ схватилъ чашку, бросилъ на полъ и разбилъ въ куски. Обращаясь къ своему адьютанту, велѣлъ онъ ему ѣхать къ эрцъ-герцогу Карлу, и извѣстить, что черезъ 24 часа начнутся военныя дѣйствія. Кобенцель изъявлялъ негодованіе. Наполеонъ молча поклонился ему, и поскакалъ въ свой лагерь, гдѣ все немедленно пришло въ движеніе. На другой день прислано согласіе Австріи на миръ, и трактатъ подписанъ, Октября 17-го. Его означили именемъ Кампо-Форміо, селенія между Удино и Пассеріано.

Императоръ получалъ по Кампо-Формійскому трактату Венецію, всѣ области за чертою, которая проведется по Гардскому озеру къ Адижу и По, и кромѣ того Истрію, Далмацію и Каттаро. Онъ уступалъ Цизальпинской республикѣ Ломбардію, и соглашался на присоединеніе къ ней остальныхъ за отдачею Ав-

стріи Венеціянскихъ владѣній, Модены, Массы, Каррары, Болоніи, Феррары и Романіи; утверждалъ Цизальпинскую и Батавскую республики; ручался за уступку Франціи земель по Рейнъ, съ Майнцомъ, и отдавалъ Франціи бывшіе Австрійскіе Нидерланды, земли Венеціянскія въ Албаніи, отъ Лодринскаго залива, съ Левантскими, или Греческими островами, Корфу, Зантомъ, Кефалоніею, Санто-Мавро и Черилго, принимая на себя удовлетворить за потери всѣхъ Германскихъ князей и Моденскаго герцога. Пріобрѣтая Венецію, 850 кв. миль, съ 3,000,000 жителей, и 11-ю милльонами дохода, Австрія собственно ничего не теряла, ибо всѣ уступки ея, кромѣ Модены, составляли 750 кв. миль, $3\frac{1}{2}$ милльона народа и до $10\frac{1}{2}$ милльоновъ дохода, но въ политическомъ отношеніи разница потери и пріобрѣтенія была несоразмѣрная. Замѣчательно, что Наполеонъ потребовалъ освобожденія Лафайэта, уже пять лѣтъ томившагося въ тюрьмѣ Ольмюцкой.

Столь смѣло рѣшивъ споръ, Наполеонъ спѣшилъ отправить въ Парижъ Монжа и Бертье съ извѣстіемъ о мирѣ. Они прибыли ночью, и на другой день весь Парижъ въ восторгѣ кричалъ о словѣ, о выгодахъ его, о пожертвованіи героя, предпочитающаго честь миротворителя новымъ побѣдамъ. Никогда Франція не заключала мира столь блестящаго, далеко превзошедшаго условія Директоріи и договоръ Леобенскій. Рейнъ дѣлался границею Франціи. Фландрія, Бельгія, Савоія, Ницца увеличивали республику. Цизальпинія

и Батавія ограждали ее съ сѣвера и съ юга. Остальная Италія была ей подвластна, и трехъ-цвѣтное знамя республики вѣялось на предѣлахъ Греціи, укрѣпляя власть Франціи на Средиземномъ морѣ. И Наполеонъ создалъ все сіе величіе своими побѣдами, пронесши въ два года республиканскія знамена съ береговъ Прованса до вратъ Вѣны!

Зная о негодованіи народномъ при разрывѣ переговоровъ съ Англіею, страшась снова оскорбить народъ разрывомъ переговоровъ съ Императоромъ, сознавая важность мира, опасаясь наконецъ рѣшенія Наполеонова, отставки его и появленія въ Парижѣ, Директорія изъявляла невольную радость, утвердила миръ, начала праздники, объявила Наполеона главнокомандующимъ арміею, назначенною противъ Англіи, и главнымъ посломъ Франціи на Раштадтскомъ конгрессѣ, вмѣстѣ съ Боннье и Трельяромъ. Забавно было, что Баррасъ не задолго передъ тѣмъ послалъ своего повѣреннаго, Ботто, наблюдать за дѣлами Наполеона и доносить обо всѣхъ поступкахъ его. Ботто извѣщалъ о началѣ войны и движеніи войскъ за Изонцо, вмѣстѣ съ извѣстіемъ отъ Наполеона о мирѣ. По повелѣнію Наполеона, глупому шпіону Баррасову передавали за тайну самыя смѣшныя нелѣпости.

Мы упомянули о занятіяхъ Наполеона въ Италіи, пока шли переговоры его о мирѣ съ Императоромъ. Самымъ неважнымъ дѣломъ можно было почесть утвержденіе союзнаго трактата съ Сардиніею, заключеннаго Кларкомъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. По возвраще-

ніи изъ Леобена сей трактатъ казался милостью побѣдителя, и король Сардинскій, предаваясь беззащитный волѣ Франціи, едва могъ испросить утвержденіе союза его въ Ноябрѣ мѣсяцѣ.

Отчаяніе овладѣло Венеціянами, когда они услышали объ уничтоженіи республики ихъ. Поздняя храбрость оживила многихъ; хотѣли сражаться, но вскорѣ увидѣли безуміе своего предпріятія. Французскіе солдаты разогнали сборища народныя. Успѣли умолить посланника Французскаго, выпросили у него письмо къ Наполеону, и отправили депутатовъ въ Парижъ. Наполеонъ задержалъ посланныхъ въ Миланѣ. «Не понимаю письма вашего,» писалъ Наполеонъ посланнику. «Вы заступаетесь за Венеціянъ, но что обязывало насъ щадить ихъ? Не ужели мнѣ должно было стоять за пользы враговъ нашихъ? Республика Венеціянская не могла существовать. Изнѣженная, испорченная, вѣроломная, лицемѣрная, она не стоила свободы. Если она такъ дорого цѣнитъ утраченную независимость, пусть завоюетъ ее снова оружіемъ.» Онъ велѣлъ забрать все потребное для Французскаго флота, изъ арсеналовъ Венеціянскихъ, и какъ трофей, отправилъ въ Парижъ четырехъ знаменитыхъ коней, стоявшихъ на порталѣ церкви св. Марка, и грознаго нѣкогда льва, бывшаго на площади св. Марка. Когда въ Январѣ 1798 года Австрійцы заняли Венецію, несчастный Марини, пережившій свою отчизну, упалъ безъ чувствъ, произнося присягу Императору передъ Австрійскимъ чиновникомъ.

Но, казалось, что оказываясь столь неумолимымъ къ врагамъ Франціи, тѣмъ болѣе старался Наполеонъ изъявить благосклонность народамъ, довѣрчиво передавшимъ Франціи свой жребій. Въ Іюлѣ торжественно открыта была новая, сильная Итальянская республика, гдѣ соединялись прежнія, Транспаданская и Циспаданская. Директорія хотѣла назвать новую республику Транзальпинскою, но возвышая духъ Итальянцовъ, и лаская ихъ отдаленною надеждою, что нѣкогда вся Италія составитъ одну свободную страну, гдѣ Миланъ, Римъ, Флоренція и Неаполь будутъ столицами, Наполеонъ назвалъ ее *Цизальпинскою.* Директоріяльная форма правленія введена въ Цизальпиніи. Сербеллони избранъ президентомъ. Какъ будто любуясь своимъ созданіемъ, Наполеонъ хотѣлъ возбудить умы изъ вѣковаго усыпленія, собиралъ и устроивалъ войско республиканское, ободрялъ науки и просвѣщеніе, старался ввести въ дворянствѣ воинское образованіе. Быстро все принимало новый видъ. Юноши вписывались въ полки, мундиръ входилъ въ моду, смѣялись надъ воротничками аббатиковъ, пѣли патріотическія пѣсни, и арлекины уступили Итальянскую сцену твореніямъ Альфіери. Но преобразованіе не могло совершиться мгновенно, и по договору съ Франціею охранное войско оставалось въ Цизальпиніи. Тогда положено было начало дорогѣ черезъ Симплонскую гору, Женеву и Ваадскія области до границъ Франціи. Наполеонъ послалъ инженеровъ осматривать мѣста и дѣлать смѣту.

Оживленіе умовъ начало оказываться между тѣмъ въ Швейцаріи, гдѣ общая вольность не препятствовала уцѣлѣть правамъ аристократовъ, и силѣ одного кантона тяготѣть надъ другимъ. Первый примѣръ былъ поданъ Валтелинскою областью, состоявшею изъ долинъ Валтелино, Кіавенна и Борміо, по теченію верхней Адды, отъ озера Комскаго, и горнымъ покатостямъ Альповъ въ Италіи. Издревле принадлежала она Граубинденской области, или Гризонскому союзу, непосредственно соединенному съ Швейцаріею. Два вѣка старались Граубинденцы покорить неукротимыхъ горцовъ, и отяготили ихъ несносною властью. Смѣло потребовали теперь Валтелинцы уравненія правъ, избрали Наполеона посредникомъ, и послѣ отказа Граубинденцовъ передали себя Цизальпинской республикѣ. Наполеонъ утвердилъ рѣшеніе ихъ въ Октябрѣ. Жители Ваадтской области ждали послѣ сего только случая свергнуть иго Бернскаго кантона.

Несогласія аристократовъ и народа въ Генуѣ потребовали также Наполеонова рѣшенія. Дворянство и духовенство спорили за свои прежнія права. Народъ хотѣлъ полнаго равенства правъ. Доходило до смятеній, и даже до битвъ. Наполеонъ осудилъ неумѣстныя требованія народа, ограничилъ, но оставилъ прежнія права дворянства и духовенства, и учредилъ особенныя формы правительства въ Генуѣ. Повелѣній его не смѣли ослушаться, и можетъ быть, уважая права Генуезскихъ аристократовъ, Наполеонъ уже

показывалъ тайную мысль свою о будущемъ устройствѣ Франціи.

Одною изъ любимыхъ мыслей его, и особеннымъ предметомъ попеченій въ то время, было устройство Іоническихъ острововъ. Здѣсь, какъ говорили мы, развивалась идея обширная. Онъ предполагалъ учредить въ Корфу опору морской власти Французовъ, хотѣлъ еще присовокупить къ Франціи Мальту, и властвовать надъ Адріатикою, Неаполемъ и Средиземнымъ моремъ. «Мы будемъ тогда обладателями его,» писалъ Наполеонъ Директоріи, «протянемъ руку даже на распадающуюся имперію Оттомановъ, и либо поддержимъ ее, либо возмемъ свой участокъ въ дѣлежѣ. Пусть Англія владѣетъ Океаномъ и держится за мысъ Доброй Надежды — мы обойдемся безъ нихъ. *Занявши Египетъ, мы проложимъ себѣ прямую дорогу въ Индію, и намъ легко будетъ образовать въ Египтѣ самую прекрасную въ свѣтѣ колонію.*» — «*Въ Египтѣ должно намъ напасть на Англичанъ,*» писалъ онъ Директоріи, 16-го Августа 1797 года. Въ слѣдствіе сей обширной мысли старался онъ вызвать флотъ изъ Тулона, послалъ тайныхъ агентовъ въ Мальту, приготовляясь занять сей островъ, и предварительно всѣ имѣнія, принадлежавшія въ Италіи Мальтійскимъ рыцарямъ (à cet ordre usé, какъ говаривалъ Наполеонъ, «этому изношенному ордену),» были имъ конфискованы. Не дожидаясь медленнаго Брюе, онъ собралъ мѣлкія суда Французскія, выбралъ годныя изъ Венеціянскихъ кораблей,

наскоро вооружилъ ихъ, и занялъ Греческіе острова, учредивъ тамъ главное пристанище флота въ Корфу, гдѣ жители радостно встрѣтили Французовъ. Когда Брюс явился съ эскадрою, Наполеонъ послалъ ему сумму денегъ на вербовку Албанскихъ и Греческихъ матросовъ, приказывая производить морскія экспедиціи. «Если наши корабли будутъ оставаться въ своихъ портахъ, у насъ никогда не будетъ добрыхъ моряковъ,» говорилъ онъ.

Довольно было для восмнадцати мѣсяцовъ, проведенныхъ Наполеономъ въ Италіи — довольно. Пора было ему отдохнуть, и въ центрѣ всѣхъ политическихъ и умственныхъ движеній, Парижѣ, насладиться славою, и опредѣлить будущность Франціи, и свою будущую судьбу. Послѣдними распоряженіями его были устройство 30,000 войска, оставляемаго имъ въ Италіи, подъ начальствомъ Бертье, и сдача Венеціянскихъ областей Австрійцамъ. Наполеонъ прощался съ Италіею въ прокламаціи, гдѣ указывалъ Итальянцамъ на союзъ и славу. «Мы подарили вамъ свободу, но умѣйте соблюсти ее, народы Италіи. Вы будете достойны вашего жребія только мудрыми и умѣренными законами. Исполняйте ихъ твердо и сильно, покровительствуйте наукѣ, распространяйте просвѣщеніе, уважайте религію. Составьте полки ваши не изъ наемниковъ, но изъ граждапъ, проникнутыхъ убѣжденіемъ въ пользѣ новыхъ постановленій, и преданныхъ отечеству. Вамъ потребно одушевиться сочувствіемъ своей собственной силы и величія

людей независимыхъ. Раздѣленные и порабощенные тиранніею столькихъ вѣковъ, не вы завоевали себѣ свободу, но черезъ немного лѣтъ, если и будете вы предоставлены самимъ себѣ, никакое земное могущество не отниметъ у васъ свободы. До тѣхъ поръ *великій народъ* (la grande nation) будетъ защищать васъ отъ нападеній вашихъ сосѣдей, и его политическая система пребудетъ соединена съ вашею.... Черезъ нѣсколько дней я оставляю васъ, но воля Французскаго правительства и опасность Цизальпинской республики немедленно приведутъ меня снова въ область вашу....»

«Солдаты!» говорилъ Наполеонъ Французской арміи въ послѣднемъ приказѣ своемъ, «завтра ѣду я въ Раштадтъ. Удаленный отъ васъ, буду помышлять о тѣхъ минутахъ, когда опять могу явиться среди васъ, идя на новыя опасности. Какое ни опредѣлило бы назначеніе правительство Франціи солдатамъ Итальянской арміи, они вездѣ будутъ достойными опорами свободы и славы Французскаго имени. Солдаты! бесѣдуя о государяхъ, побѣжденныхъ вами, о народахъ освобожденныхъ вами, о битвахъ, данныхъ вами въ двѣ кампаніи, говорите: «въ другія двѣ кампаніи мы сдѣлали бы еще болѣе.»

Замѣтили, что Наполеонъ былъ печаленъ, оставляя Италію, и его не могли развеселить почести и праздники, которыми вездѣ привѣтствовали его. Народъ Итальянскій толпами встрѣчалъ и провожалъ его повсюду. Въ Туринѣ Король Сардинскій угощалъ

Наполеона и Жозефину великолѣпнымъ пиромъ, и называлъ его спасителемъ своимъ. Въ проѣздъ через Швейцарію вездѣ раздавались клики восторга и пушечная пальба. Въ Ваадтѣ жители воздвигли торжественныя врата, и хоры дѣвушекъ поднесли Наполеону вѣнки. Онъ хотѣлъ осмотрѣть извѣстный погребъ костей (ossuaire) на Моратскомъ полѣ, памятникъ побѣды Швейцарцовъ надъ Карломъ Смѣлымъ. Тысячи народа стеклись туда со всѣхъ сторонъ. Въ Бернѣ запрещено было стрѣлять изъ пушекъ въ честь Наполеона, но артиллеристы не послушались приказа. Раштадтъ, небольшой городокъ Баденскій, при впаденіи Мурга въ Рейнъ, гдѣ заключенъ былъ миръ между Императоромъ и Людовикомъ XIV-мъ въ 1714 году, и гдѣ назначено было мѣсто Имперскаго конгресса, представлялъ многочисленное, блестящее собраніе Германскихъ государей и ихъ министровъ. Всѣ нетерпѣливо ждали прибытія Наполеона, хотѣли видѣть его. Знакомый ему по Кампо-Форміо, графъ Кобенцель явился къ Наполеону первый. Явленіе грознаго *Буонапарте,* въ простомъ мундирѣ республиканскаго генерала, среди великолѣпія и блеска другихъ возбуждало всеобщее удивленіе, неподкупный восторгъ. Кромѣ Кобенцеля, отъ Императора присланъ былъ въ Раштадтъ графъ Меттернихъ (отецъ нынѣшняго Австрійскаго министра), отъ Пруссіи графъ Гертцъ, отъ Саксоніи графъ Лебенъ отъ Даніи Розенкранцъ, Курфирста Майнцкаго баронъ Алькини, Баварскаго графъ Прейссингъ, Епископа

Вюрцбургскаго графъ Стадіонъ, Ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго баронъ Готцертъ, Маркграфа Баденскаго баронъ Эдельсгеймъ, и проч. Наполеонъ изъявлялъ совершенную вѣжливость всѣмъ, но отказался принять Шведскаго посланника, графа Ферзена. Бывши нѣкогда въ королевской Французской службѣ, Ферзенъ старался освободить Людовика XVI-го изъ Тампля, и бѣжалъ изъ Франціи. Наполеонъ говорилъ, что не можетъ имѣть дѣла съ врагомъ республики Французской.

Только пять дней (съ 25-го Ноября до 1-го Декабря) пробылъ въ Раштадтѣ Наполеонъ, обмѣнялъ съ Кобенцелемъ ратификаціи Кампо-Формійскаго мира, и заключилъ тайный договоръ о взаимной передачѣ Венеціи и Майнца. Не считая нужнымъ дальнѣйшаго присутствія при дипломатическихъ спорахъ и засѣданіяхъ, въ ночь на 6-е Декабря отправился онъ въ Парижъ. Безъ него открылись засѣданія конгресса, Декабря 9-го 1797 года, и 16-го были размѣнены полномочія министровъ. Что могъ тутъ дѣлать Наполеонъ, знавшій, что его дѣло настанетъ, когда придется разрубать мечемъ узлы, какіе напутаетъ дипломатика. Онъ осмотрѣлъ укрѣпленія Майнца, взглянулъ на Рейнскую армію, и не скрывалъ радости, переступая на Французскую землю. Была ли тогда въ душѣ его дума, что онъ, какъ новый Цезарь, переступаетъ за Рубиконъ, и идетъ властвовать въ новомъ Капитоліи? Какой безмѣрный шагъ перешагнулъ онъ отъ береговъ Вара до бере-

говъ Рейна! Онъ проѣхалъ черезъ Францію изъ Раштадта, скрываясь отъ всѣхъ, и вечеромъ Декабря 5-го, 1797 года, прибывши въ Парижъ, смиренно укрылся въ небольшомъ домѣ, который купилъ въ улицѣ Шантрейнъ. Но укрыться ему было невозможно. На другой день весь Парижъ зналъ, говорилъ только о пріѣздѣ Бонапарте, хотѣлъ только видѣть его. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ вечеромъ въ день пріѣзда располагалъ явиться къ Наполеону, но онъ отклонилъ посѣщеніе, и по утру на другой день самъ явился къ Талейрану. Весь дипломатическій корпусъ собрался у министра. Наполеонъ былъ вѣжливъ, но молчалъ, и говорилъ только съ знаменитымъ мореплавателемъ Бугенвилемъ. Талейранъ представилъ его Директорамъ. Пріемъ казался самымъ дружескимъ и торжественнымъ. Наполеонъ не могъ отказаться отъ великолѣпнаго праздника, приготовленнаго по случаю Кампо-Формійскаго мира. Мѣсто было назначено во дворѣ Люксанбурскаго дворца. Приготовленія старались сдѣлать достойными величія республики и славы ея полководца. Директоры явились на возвышеніи, передъ алтаремъ отечества, одѣтые въ свои парадныя платья, которыя называли Римскими. Окрестъ ихъ, въ амфитеатрѣ, сидѣли министры, послы, члены обоихъ Совѣтовъ, судьи, чиновники. Трофеи изъ знаменъ и оружія, завоеванныхъ арміями республики, разставлены были кругомъ по трехъ-цвѣтной драпировкѣ. Въ галлереяхъ находилось все лучшее, богато и щегольски одѣтое

общество Парижское. Хоры музыкантовъ и пѣвчихъ должны были пѣть и играть гимнъ Шенье, и громы пушекъ долженствовали соединиться съ звуками его и радостными восклицаніями.

Декабря 10-го все было готово, и всѣ находились на своихъ мѣстахъ. Нетерпѣливо ждали *одного*, и онъ явился, сопровождаемый Талейраномъ, ибо онъ являлся вѣстникомъ мира. Самовидцы разсказываютъ намъ о неизъяснимомъ впечатлѣніи, какое произвелъ тогда онъ — его блѣдное, смуглое, Римское лицо, пламенные глаза, скромная одежда генерала среди великолѣпія его окружавшаго — «ниже многихъ ростомъ, онъ казался великаномъ,» говоритъ одинъ изъ самовидцовъ. Рукоплесканія и клики: «*Да здравствуетъ Республика! Да здравствуетъ Бонапарте!*» оглашали воздухъ. Они смолкли, когда Талейранъ началъ краткую рѣчь. Онъ говорилъ о войскахъ *великаго народа* (grande nation), и какъ будто угадывая мысль Наполеона, не сказалъ ничего объ немъ. Уклончиво проговорилъ хитрый дипломатъ, что могъ бы указать на то, что составляетъ предметъ честолюбія героя (de ce qu'on pouvait appeler son ambition), но помышляя объ его любви къ простотѣ, по образу древнихъ героевъ, его привязанности къ отвлеченнымъ знаніямъ, его любимомъ чтеніи — поэмахъ Оссіана, съ коими привыкъ онъ улетать отъ всего земнаго, надобно благодарить его уже и за то, что онъ явился здѣсь, позволилъ вырвать у себя одинъ день изъ жизни,

отданной ученому уединенію. Послѣ Талейрана, при глубокой тишинѣ собранія, началъ говорить Наполеонъ, и всѣ жадно внимали каждому слову его:

«Граждане!

«Народъ Французскій хотѣлъ свободы, и сражался за нее съ властителями другихъ государствъ.

«Пріобрѣтая постановленія, основанныя на разумѣ, онъ долженъ былъ побѣдить восмнадцать столѣтіи предразсудковъ.

«Постановленіемъ III-го года вы торжествовали надъ всѣми препятствіями.

«Религія, феодализмъ, самовластіе, послѣдовательно, въ теченіе двадцати вѣковъ правили Европою, но со дня мира, нынѣ вами заключеннаго, начинается эра правленія представительнаго.

«Вы достигли до образованія великаго народа, земли коего тамъ только ограничены, гдѣ сама природа положила имъ границы.

«Вы сдѣлали болѣе. Двѣ прекрасныя страны Европы, нѣкогда столь знаменитыя искуствами, знаніями и великими людьми, коихъ были онѣ отчизною, видятъ при великихъ надеждахъ генія свободы, выходящаго изъ гробницъ предковъ. Онѣ будутъ двумя подножіями на коихъ станутъ два могущественные народа.

«Честь имѣю передать вамъ трактатъ, подписанный въ Кампо-Форміо, и утвержденный Его Величествомъ Императоромъ.

«Миръ упрочиваетъ свободу, благоденствіе и славу республики.

«Когда счастіе народа Французскаго будетъ утверждено на крѣпкихъ общественныхъ законахъ, вся Европа содѣлается свободною.»

Рукоплесканія и клики раздались снова, едва кончилъ рѣчь свою Наполеонъ, вручая Баррасу трактатъ. Рѣчь Барраса, не кстати длинная, надутая, наполненная неумѣстными вставками, расхолодила нѣсколько восторгъ. Баррасъ безсовѣстно расхваливалъ героя, превозносилъ славу, простоту, скромность его. Не къ мѣсту вспомнилъ онъ о Гошѣ, восклицая: «Для чего нѣтъ тебя здѣсь, и ты не можешь обнять друга твоего!» Наконецъ Баррасъ вздумалъ предлагать новые лавры Наполеону, приглашая его рвать ихъ въ Англіи. Громъ музыки заглушилъ окончаніе Баррасовой рѣчи. Прекрасна была минута, когда, при звукѣ музыки, Жубертъ и Андреосси, два героя Италійской арміи, приблизились съ знаменемъ, которое Директорія приготовила и вручала Италійской арміи на память ея подвиговъ. Орифламма героевъ была испещрена золотыми надписями: *Италійская армія забрала сто пятдесятъ тысячь плѣнныхъ, взяла сто семдесятъ знаменъ, пять сотъ пятдесятъ пушекъ осадныхъ, шесть сотъ пушекъ полевыхъ, пять экипажей понтонныхъ, девять кораблей линейныхъ, двѣнадцать фрегатовъ, двѣнадцать коветтъ, восмнадцать галеръ. — Перемиріе съ Королями Сардиніи и Неаполя, Папою, Герцогами*

Пармы и Модены.—Предварительный договоръ Леобенскій. Монтебелльскія условія съ Генуезскою республикою. Мирные трактаты Толентинскій и Кампо-Формійскій. — Дана свобода народамъ Болоніи, Феррары, Модены, Массы, Каррары, Романіи, Ломбардіи, Бресчіи, Бергамо, Мантуи, Кремоны, части Вероны, Кіавенны, Борміо и Валтелина, народамъ Генуи, феодамъ Императорскимъ, народамъ департаментовъ Корциры, моря Эгейскаго и Итаки. — Присланы въ Парижъ творенія Мишель-Анджело, Гверчина, Тиціана, Павла Веронеза, Корреджіо, Альбана, Каррачей, Рафаэля, Леонарда Винчи, и другихъ. — Торжество побѣды въ восмнадцати большихъ битвахъ, при Монтенотте, Миллезимо, Лонато, Кастильоне, Ровередо, Бассано, Сенъ-Жоржъ, Фонтана-Нивъ, Калдіеро, Арколь, Риволи, Фаворитъ, Тальяменто, Тарвисъ, Неймарктъ.— Дано шестдесятъ семь сраженій.»

Послѣ краткой рѣчи Жуберта и Андреосси, Баррасъ немногими словами отвѣчалъ имъ, и обнялъ всѣхъ трехъ генераловъ. Четыре другіе Директора бросились послѣ того къ Наполеону, обнимали его и плакали. Восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ вышелъ изъ предѣловъ. Народъ, наполнявшій ближнія улицы, присоединилъ свои радостные вопли къ шуму рукоплесканій; пушки загремѣли, и звуки выстрѣловъ слились съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Всѣ громко повторяли слова гимна: *Увѣнчайте сѣдыя чела старцовъ лаврами, которые сорвали ихъ дѣти!*

Долго была ты ужасомъ — будь честью человѣчества, республика Французская! Пусть пѣсни радости смѣняютъ клики брани. Побѣда завоевала намъ миръ! То было опьянѣніе радости, и Франція безвозвратно соединила жребій свой съ судьбою великаго человѣка.

ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОХОДЪ ВЪ ЕГИПЕТЪ. СУВОРОВЪ ВЪ ИТАЛІИ.
ВОЗВРАЩЕНІЕ НАПОЛЕОНА, 1797–1799 ГГ.

*

Soldats! Songez, songez que du haut de ces pyramides quarante siècles vous contemplent!

Слова Наполеона.

Судьбы законъ для насъ непостижимъ.
Надмѣнный вождь не имъ ли былъ хранимъ?
Вотще пески Ливійскіе пылали —
Безвреденъ онъ среди пещаныхъ волнъ.
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно утлый чолнъ....

Жуковскій.

Торжествомъ Декабря 10-го 1797 года не кончились почести Наполеону. Директорія опредѣлила наименовать улицею *Побѣдъ* неизвѣстную дотолѣ улицу (rue Chantereine), гдѣ купилъ онъ себѣ небольшой домъ. Директоры и министры приглашали его на обѣды и балы. Онъ былъ предметомъ общаго вниманія. Народъ преслѣдовалъ его по улицамъ. Журналисты писали объ немъ, пересказывали слова его, говорили когда и кого онъ посѣщалъ.

Скромность, даже кокетство скромностью поведенія принялъ себѣ тогда за правило Наполеонъ. Онъ укрывался отъ людей, выѣзжалъ рѣдко, въ простой каретѣ, сидѣлъ въ театрѣ всегда въ за-

крытой ложѣ, принималъ немногихъ, являлся на пиры и балы на самое короткое время, былъ молчаливъ, какъ будто неловокъ, говорилъ отрывистыми словами, и казался даже грубымъ съ женщинами. Онъ представлялъ собою совершенную противоположность другимъ генераламъ, разгульнымъ, вольнымъ, грубымъ дѣтямъ революціи, но также не принималъ тона прежней аристократіи, хотя не показывалъ къ нему презрѣнія, чѣмъ гордились многіе товарищи его. Наполеонъ не скрывалъ своего негодованія противъ варварства и буйства санкюлотовъ и революціонеровъ, и доказывалъ свое чувство словами и дѣлами. Они истребляли памятники искуства— онъ обогатилъ Францію ихъ великими произведеніями, и дорожилъ ими, какъ самыми драгоцѣнными трофеями своихъ побѣдъ. Тѣмъ не менѣе онъ не таилъ также презрѣнія и насмѣшки противъ роялистовъ, наполнявшихъ Парижъ. Между блестящими остатками прежняго высшаго общества являлась тогда женщина, управлявшая мнѣніемъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, даже предводившая оппозиціею его, дочь Неккера, жена Шведскаго посланника, барона Сталь-Голштейнъ. Она думала увлечь Наполеона своимъ умомъ, своею славою писательницы, и рѣшилась сама искать его знакомства, видя, что онъ не является въ ея блестящей гостиной. Талейранъ былъ другъ ея, и при первомъ случаѣ она подошла къ Наполеону, заговорила съ нимъ, превозносила подвиги его. Наполеонъ отдѣлывался незна-

чительными словами. Навязчивость говоруньи наконецъ надоѣла ему, и онъ сдѣлался грубъ противъ нея. Думая услышать похвалу себѣ, г-жа Сталь спросила его однажды: «Кого изъ всѣхъ женщинъ считаетъ онъ самою великою?» — «Которая больше родитъ дѣтей,» отвѣчалъ ей угрюмо Наполеонъ. Удивленная г-жа Сталь возразила, что не ожидала такого отвѣта отъ героя, обожателя женщинъ. «Васъ не обманули, сударыня,» сказалъ Наполеонъ, «я очень люблю жену мою.» Съ тѣхъ поръ началась противъ него непріязнь г-жи Сталь.

Любопытно, чѣмъ являлся ей тогда Наполеонъ, до начала вражды ихъ. «Онъ былъ,» говоритъ г-жа Сталь, «замѣчателенъ умомъ и характеромъ, не менѣе побѣдъ его, и воображеніе невольно увлекалось имъ. Говорили объ его прокламаціяхъ, о томъ, что онъ страстно любитъ свою жену, читаетъ поэмы Оссіана. Придавали ему всѣ свойства человѣка необыкновеннаго. Нашему удивленію, утомленному притѣснителями во имя свободы, и жертвами во имя деспотизма, не куда было дѣваться, и Бонапарте поработилъ его. Я не нашла словъ при первомъ свиданіи съ нимъ, и послѣ перваго смятенія, мнѣ стало, какъ будто страшно въ его присутствіи. У него не было тогда никакой власти, и страхъ мой былъ страннымъ слѣдствіемъ личности его, что испытывали всѣ, сближавшіеся съ нимъ. Я видала людей, внушающихъ почтеніе, или ужасъ, но ни того, ни другаго не производилъ Бонапарте, ибо его харак-

теръ нельзя было описать обыкновенными словами: онъ не былъ ни добръ, ни свирѣпъ, ни кротокъ, ни насильственъ по образцу другихъ. Такое, не имѣющее себѣ подобнаго существо не могло ни само чувствовать, ни внушать другому сочувствіе: онъ былъ болѣе, или менѣе, нежели просто человѣкъ. Видъ его, умъ, разговоръ были особенной природы, покорявшей ему природы другихъ. Мнѣ всегда являлся онъ не знающимъ власти сердца. Казалось, на людей смотрѣлъ онъ, какъ на дѣло, на вещь, а не на подобныя ему созданія, не любилъ, не ненавидѣлъ ихъ — для него было одно: онъ самъ, а все остальное цыфры. Силу воли его составлялъ неизмѣняемый разсчетъ его эгоизма, разсчетъ игрока въ шахматы, играющаго противъ всего, что называется человѣческимъ. Успѣхами былъ онъ обязанъ сколько дарованіямъ, какія имѣлъ, столько и тому, чего у него не было. Ни жалость, ни увлеченіе, ни религія, ни привязанность къ какой нибудь идеѣ не могли совратить его съ принятаго имъ направленія. Своекорыстіе его было тѣмъ же, что добродѣтель праведника, и будь цѣль его благая, какъ прекрасна была бы его непобѣдимая настойчивость! Каждый разъ, когда я слышала его разговоръ, меня поражало его превосходство, но рѣчь его не походила на рѣчь человѣка, превосходящаго другихъ образованіемъ, или свѣтскостью: она показывала только удивительное умѣнье пользоваться обстоятельствами. Иногда увлекательно разсказывалъ онъ свои политическія и военныя

дѣла, а въ забавныхъ разсказахъ его сверкало Итальянское воображеніе. Но никогда и ничто не могло побѣдить моего непобѣдимаго удаленія отъ всего, что я въ немъ замѣчала. Мнѣ казалось, что взглядъ и рѣчь его произаютъ мнѣ грудь холоднымъ, острымъ мечемъ, который, раздирая, холодитъ ее. Я чувствовала въ умѣ его глубокую иронію, отъ коей ничто не могло охраниться, ни великое, ни прекрасное, даже его собственная слава, ибо онъ презиралъ тѣхъ, кого старался подчинить себѣ, и ни одна искра восторга не примѣшивалась у него къ потребности удивлять родъ человѣческій. Сколько разъ ни встрѣчалась я съ нимъ, у меня всегда занималось дыханіе, и я не могла привыкнуть равнодушно видѣть его. Когда онъ замѣчалъ, что его наблюдаютъ, онъ лишалъ глаза свои всякаго выраженія, дѣлалъ ихъ, какъ будто мраморными; лицо его было тогда неподвижно, и только неопредѣленная улыбка оставалась на немъ, сбивая наблюдательность всякаго, кто хотѣлъ бы проникнуть мысль его. Онъ былъ тогда худъ и блѣденъ. При небольшомъ ростѣ и длинномъ туловищѣ, онъ казался красивѣе верхомъ, и на поляхъ битвы изумлялъ своимъ поразительнымъ видомъ. Въ обществѣ являлся онъ неловкимъ, но не робкимъ; было что-то невнимательное, когда онъ удерживался, и что-то грубое, когда онъ давалъ себѣ волю; выраженіе презрѣнія всего болѣе было ему къ лицу, и онъ пользовался имъ часто и искусно. И тогда уже онъ не скрывалъ своего превосходства

надъ всѣми, забавлялся замѣшательствомъ другихъ, хотя вообще хотѣлъ всѣмъ нравиться, ибо уже замышлялъ захватить власть, но при всемъ желаніи его можно было сказать, что онъ проклинаетъ невольно, когда хочетъ благословить....»

И часто, являясь страннымъ грубіяномъ съ свѣтскими людьми, онъ восхищалъ Монжа, Лапласа, Лагранжа, Бертолле увлекательнымъ умомъ и необыкновенными знаніями, а Дезе, Клебера и Каффарелли своими одушевленными военными разсказами. Никогда не упоминая о себѣ, Наполеонъ съ восторгомъ пересказывалъ имъ подвиги своей незабвенной Италіянской арміи. Говоря однажды о какомъ-то дѣлѣ, онъ былъ прерванъ восклицаніемъ одного изъ слушателей: «Что жь не прибавите вы, гражданинъ-генералъ, что этотъ подвигъ былъ совершенъ вами?» — «Да,» отвѣчалъ Наполеонъ, скромно улыбаясь — «*и я тамъ былъ*.» Изъ всѣхъ почестей болѣе всего обрадовало Наполеона избраніе его въ члены Института (замѣнившаго тогда прежнюю Академію), на мѣсто Карно. Въ день принятія онъ сидѣлъ между Лагранжемъ и Лапласомъ, говорилъ съ ними, и часто являлся потомъ въ мундирѣ члена Института. Не согласившись быть на праздникѣ новаго года представителемъ арміи, Наполеонъ въ Институтскомъ мундирѣ находился на немъ въ числѣ членовъ Института. Гордый со всѣми значительными людьми, Наполеонъ дружески обласкалъ стараго друга своего Тальму, посѣтилъ Бернардена де-Сенъ-Пьера, романами котораго вос-

хищался, и робко поднесъ ему небольшое пособіе, видя его недостатки.

Между тѣмъ, когда взоры Европы и Франціи устремлены были на Наполеона, еще не успѣли опомниться отъ восторга Парижане, видя его между ними, не прошло даже четырехъ мѣсяцовъ со времени возвращенія его въ Парижъ, и уже самое неожиданное событіе поразило всѣхъ новымъ изумленіемъ: говоримъ объ отправленіи Наполеона въ Египетъ.

Разсказы современниковъ разногласны между собою. Извѣстные донынѣ акты немногое разсказываютъ намъ. Наполеонъ, любя бесѣдовать о своемъ Египетскомъ походѣ, всегда мало говорилъ, какъ будто вовсе не хотѣлъ говорить о причинахъ и побужденіяхъ къ походу, и мы невольно должны ограничиться во многомъ догадками.

Неужели безусловно согласимся на мнѣніе, что поэзія подвига увлекла Наполеона? Онъ могъ увлечься ею, когда мечты юности кипѣли еще въ его головѣ, и онъ рѣшался даже искать приключеній на Востокѣ, вступая въ службу Султана. Два года, протекшіе послѣ того, измѣнили всѣ его отношенія, возвели обширный умъ его на высокую степень положительности. Согласимся ли, что стараніе Директоріи удалить Наполеона было невольною причиною его рѣшенія? Извѣстія противорѣчатъ. и достовѣрнѣе всѣхъ разсказъ, что самъ Наполеонъ первый предложилъ мысль похода. Постараемся согла-

сить разпорѣчія, и догадку превратить въ достовѣрность.

Безспорно, что Наполеонъ казался Директоріи самымъ опаснымъ человѣкомъ, изъ всѣхъ окружавшихъ ее. Правители Франціи хорошо понимали, что онъ, и только одинъ онъ, могъ вырвать изъ рукъ ихъ власть, которою столь дорожили они. Конечно, они не могли рѣшить чѣмъ будетъ онъ, новымъ Цезаремъ, или Брутомъ, противъ нетерпимыхъ всѣми диктаторовъ, но въ томъ и другомъ случаѣ они теряли власть, и могли дорого расплатиться за временное владычество. Надобно было обезопасить себя, но что могли они предпринять противъ честолюбиваго покорителя Италіи и побѣдителя Императора? Въ чемъ могли обвинить героя, при его чистой, безупречной славѣ? Удаленіемъ отъ дѣлъ могли сдѣлать его еще болѣе опаснымъ. Но допуская его къ дѣламъ, всѣ должны были уничтожаться передъ его превозмогающимъ умомъ, передъ величіемъ славы его. Онъ казался скромнымъ, ничего не требовалъ, но Директоры хорошо проникали его хитрый умъ, рѣшительный характеръ, непобѣдимую волю, и не вѣрили, что Наполеонъ можетъ унизиться, и быть орудіемъ воли другихъ, онъ, разрушавшій всѣ предположенія Директоріи въ Италіи, не хотѣвшій тамъ ни съ кѣмъ дѣлиться властью, и своевольно рѣшавшій жребій Франціи и судьбу другихъ государствъ. Положили удалить его равно изъ арміи и изъ Парижа, занять ничтожными дѣлами, пріучить другихъ

видѣть его въ бездѣйствіи. Расположивъ сей планъ, Директоры, какъ мы говорили, еще при объявленіи Кампо-Формійскаго мира назначили Наполеона главнокомандующимъ арміею, назначенною для высадки въ Англію. Дѣломъ не торопились, а между тѣмъ продолжали изъявленія почтенія, даже дружбы, безпрестанно призывали въ совѣтъ Директоріи Наполеона, требовали мнѣній его, не исполняли ихъ, и послѣ почестей, воздапныхъ ему, устраняли всѣ другія награды, не обезпечивая даже его состоянія. Наполеонъ не терпѣлъ стѣснительной нужды, но былъ весьма небогатъ. Кромѣ небольшаго дома въ Парижѣ, онъ имѣлъ не болѣе 300,000 франковъ капитала. О названіи: *Италійскій*, болѣе не упоминали. Въ Совѣтахъ была рѣчь о подаркѣ ему замка Шамборскаго, и великолѣпнаго дома въ Парижѣ, но предложеніе отклонили. Малибранъ представилъ Совѣту Пяти сотъ назначить Наполеону 50,000 фр. пенсіи, но предложеніе оставили, подъ предлогомъ довольно забавнымъ, что «дѣла столь великія не награждаются золотомъ.»

Чего хотѣлъ тогда Наполеонъ? Власти, и — славы, можетъ быть, не менѣе, какъ власти высшей и безусловной. Вѣримъ, что въ душѣ его не было еще тогда мысли самовластія, что онъ хотѣлъ первенства, желая блага Франціи, видя ничтожность тогдашнихъ правителей, уничтожавшихъ всѣ побѣды его своею безразсудною политикою, заслужившихъ общую ненависть, общее презрѣніе. Но законно власти

онъ не могъ пріобрѣсть, ибо не имѣлъ права получить мѣсто въ Директоріи: надлежало быть сорока лѣтъ, а ему не было и тридцати. И къ чему послужила бы ему жалкая роля товарища Баррасова и Ларевейльерова? Призываемый въ совѣщанія, Наполеонъ видѣлъ, что совѣтовъ его не думали слушать. Напрасно спорилъ онъ противъ распоряженій Директоровъ въ Италіи и въ Нидерландахъ. Надлежало рѣшиться низвергнуть Директорію. Но не потеряетъ ли онъ тогда своей славы, народнаго уваженія, любви къ себѣ, не явится ли ненавистнымъ Кромвелемъ? И гдѣ были средства? Наполеонъ видѣлъ товарищей своихъ Итальянскихъ походовъ готовыми на все по слову его, но онъ не могъ быть увѣренъ въ согласіи войска, и тѣмъ болѣе армій Рейнской и Голландской, мало знакомыхъ ему, предводимыхъ генералами, завидовавшими ему. И самые товарищи его? Не увлекались ли многіе изъ нихъ страстями? Не думалъ ли еще такъ недавно Ожеро повелѣвать въ свою очередь, Ожеро, храбрый солдатъ, но лишенный дарованій даже хорошаго генерала? Оставалось прибѣгнуть къ интригѣ, составить заговоръ, принять участіе въ разсчетахъ партій, сдѣлаться орудіемъ ихъ, и купить себѣ сомнительную власть возмущеніемъ, подобно Пишегрю. Тайные агенты всѣхъ партій окружали Наполеона. Онъ отвергъ предложенія ихъ, и говорилъ о ненадобности и невозможности переворота. «Народъ еще недовольно несчастливъ — онъ только недоволенъ, и на его помощь надѣяться

нельзя. Вы увѣряете, что мнѣ стоитъ сѣсть на лошадь, и всѣ пойдутъ за мною: ошибаетесь — никто не пойдетъ, и спокойно пожелаютъ мнѣ счастливаго пути.» — «Груша еще не созрѣла» (la poire n'est pas mûre), сказалъ онъ однажды съ досадою, когда его принуждали сказать свое мнѣніе, и прекратилъ разговоръ.

Удаленный отъ своего воинскаго поприща, не желая тратить безполезно времени въ Раштадтѣ, онъ принялъ предложенное ему начальство надъ арміею, назначенною для высадки въ Англію; объѣхалъ сѣверные порты отъ Голландіи до Нормандіи, осматривалъ войска и суда, по личнымъ обозрѣніемъ еще болѣе убѣдился въ трудности предпріятія и невозможности исполнить его. Предполагали оставить въ Италіи 25,000, ограничить Самбро-Мааскую и Рейнскую арміи самымъ необходимымъ числомъ солдатъ, и всѣ остальныя войска двинуть на сѣверъ Франціи. При первомъ туманѣ высадка должна была отправиться, при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ флотъ Испанскій долженъ былъ выйдти изъ Кадикса, флотъ Голландскій изъ Нидерландскихъ пристаней, соединиться въ Ламаншскомъ проливѣ, и защищать высадку войскъ на непріятельскій берегъ. Наполеонъ не сомнѣвался въ побѣдѣ, но отъ столь многихъ сложныхъ обстоятельствъ, при недостаткѣ финансовъ, при разномысліи и слабости правителей Франціи, зависѣло предпріятіе! Недостатку денегъ хотѣли пособить займомъ, сдвигали войско, а между тѣмъ

дѣйствовали въ Италіи и Швейцаріи такъ, что вызывали Европу на новую всеобщую войну, которую могло остановить только отвлеченное вниманіе Англіи, угрожаемой высадкою, несогласіе Пруссіи и нерѣшительность Россіи.

Послѣ отбытія Наполеона изъ Италіи, тамъ рѣшительно измѣнили всю политику его, и равно раздражили всѣ партіи. Приверженцы прежнихъ мнѣній, духовенство, и тайные агенты Австріи и Неаполя возмущали народъ противъ приверженцовъ новыхъ мнѣній. Несогласіе умножали противорѣчія мѣстныхъ разсчетовъ, и споры о преимуществахъ между разнородными частями, составлявшими Итальянское общество. Республиканцы оскорблялись тягостнымъ игомъ, какой налагала на нихъ власть Французовъ. Народъ оскорбляли хищенія Французскихъ чиновниковъ, грабившихъ безнаказанно, неуваженіе Французовъ къ религіи и духовенству, и гордость и своеволіе надмѣнныхъ властителей. Тягостный трактатъ Франціи съ Цизальпинцами доканчивалъ всеобщее негодованіе. Между тѣмъ духъ реформы безпрерывно усиливался; демагоги овладѣвали властью; Папа, Сардинскій и Неаполитанскій Короли, и Тосканскій Герцогъ едва могли удерживать волненія, втайнѣ поощряемыя Французами. Опасеніе вскорѣ оправдалось на дѣлѣ въ Римѣ: Декабря 28-го, 1797 года, толпа демагоговъ взволновала Римъ. Папскіе солдаты хотѣли разогнать бунтовщиковъ. Іосифъ Бонапарте, бывшій тогда посломъ въ Римѣ, и генералъ Дюфо, на-

ходившійся при немъ, вздумали уговаривать обѣ стороны; ихъ не слушали, началась драка, Дюфо былъ убитъ. Іосифъ протестовалъ и уѣхалъ изъ Рима. Не разбирая дѣла, Директорія велѣла Бертье двинуть войска къ Риму. Въ Февралѣ Бертье приступилъ къ Папской столицѣ, и по договору съ Папою занялъ крѣпость св. Ангела, подъ предлогомъ возстановленія тишины. Неистовою радостью встрѣтила его чернь, собралась на Коровьемъ Полѣ (Campo Vaccino, древнемъ Форумѣ), провозгласила *Римскую республику*, и послала въ Ватиканъ требовать отреченія Папы отъ власти. Въ величіи горделиваго смиренія, Первосвятитель отвѣчалъ, что не можетъ сложить власти, данной ему отъ Бога, яко преемнику св. апостола Петра. Отвѣтъ раздражилъ безумныхъ возмутителей. Бертье едва могъ спасти Папу, ночью отправя его въ Тоскану, гдѣ онъ укрылся въ монастырѣ.

Нельзя было скрыть участія Директоріи въ мятежѣ, но еще позорнѣе былъ грабежъ Французскихъ чиновниковъ въ Папской столицѣ. Герой Риволи, Массена, смѣнившій Бертье, явился первымъ хищникомъ. Обобрали церкви, ограбили монастыри, даже продали на выжигу Ватиканскіе ковры Рафаэля. Дѣло было столь возмутительное, что солдаты и офицеры возстали противъ Массены. Директорія прислала въ Римъ Дону, Монжа, Флорана и Файпу управлять республикою, и отозвала Массену.

Ужасъ распространился въ Туринѣ и Неаполѣ

послѣ событій въ Римѣ. Послали Гара уговаривать Неаполитанскаго Короля, и мириться, уступая ему области Беневенто и Понте-Корво. Но вскорѣ новыя событія возбудили еще большія опасенія.

Однимъ изъ нихъ былъ переворотъ въ Нидерландахъ, гдѣ подъ вліяніемъ генерала Жуберта и Французскаго посланника Делакруа, демагоги самовольно провозгласили «единую и нераздѣлимую» (une et indivisible) республику, уничтожили мѣстныя права областей, и изгнали многихъ членовъ народнаго собранія (22-го Января, 1798 г.). Еще обширнѣе былъ переворотъ въ Швейцаріи. Стѣсняемые властью и привиллегіями большихъ кантоновъ, поощряемые примѣромъ Валтелинской области, жители Ваадтской области подали первый примѣръ бунта. Они просили покровительства Франціи. Войско Французское вступило въ Швейцарію, и въ началѣ 1798 г. Ваадтская область объявила себя республикою, подъ именемъ *Леманской*. За тѣмъ слѣдовало возстаніе въ Базелѣ, и быстро распространилось вездѣ. Бернскія власти хотѣли укротить волненіе, и въ Мартѣ Бернъ былъ занятъ отрядомъ Французовъ, подъ начальствомъ Брюна. Кровавыя междоусобія, грабежъ Французами казначейства Бернскаго, тяжелые налоги были слѣдствіемъ переворота, когда демагоги торжественно возвѣщали новую *Гельветическую республику*.

Такое распространеніе вліянія Французскаго и революціонныхъ идей не могло не возбуждать опасе-

ній Германіи и Императора. Дѣла въ Раштадтѣ, и безъ того затрудняемыя спорами Имперскихъ чиновъ, вели не къ миру, но къ разрыву. Рѣшились отправить посломъ въ Вѣну Бернадотта, препоручивъ ему убѣждать Императора, и объяснить, что Франція не могла отказать въ покровительствѣ народамъ, требовавшимъ ея пособія, но что возмущенія въ Римѣ, Голландіи и Швейцаріи не были слѣдствіемъ тайныхъ интригъ Директоріи.

Наполеонъ рѣшительно не одобрялъ поступковъ съ Папою и переворотовъ въ Нидерландахъ и Швейцаріи. Громко вопіялъ онъ противъ хищничества Французскихъ генераловъ и чиновниковъ, и доказывалъ неблагоразуміе политики, которая, собирая силы противъ Англіи, разрушала между тѣмъ основанія мира въ Европѣ, и какъ будто нарочно развлекая свои силы и средства, готовила въ то же время особенную армію въ Перпиньянѣ, угрожая вторженіемъ въ Португалію. Ожеро былъ назначенъ тамъ начальникомъ. Можно ли было послѣ того помышлять объ удачной высадкѣ въ Англію? Правители Франціи ни чему не внимали. Возвратясь однажды изъ совѣта Директоровъ, съ досадою говорилъ Наполеонъ другу и совоспитаннику своему Бурьену: «Я не хочу болѣе оставаться здѣсь, Бурьенъ. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать. Они ничего не хотятъ слушать. Если я еще останусь здѣсь, они уничтожатъ меня. Здѣсь все изнашивается — у меня уже нѣтъ моей славы! Мнѣ тѣсно въ этой маленькой Европѣ (cette petite Europe) —

это кротовая нора! . . . . Только на Востокѣ могутъ быть великія царства, совершаться великіе перевороты,» прибавилъ онъ. Взоры его засверкали. «Пойдемъ на Востокъ» — воскликнулъ онъ — «всѣ великія славы начинались тамъ!»

Тогда развилась въ душѣ Наполеона мысль, которая была громадна, удовлетворяла его, превосходила обширностью и смѣлостью даже мысль его о походѣ въ Италію въ 1796 году, удаляла его изъ Франціи, дѣлала опять независимымъ въ дѣйствіяхъ, окружая имя его новою, баснословною славою Александра и Цезаря, и все обѣщала ему въ будущемъ: это была мысль о походѣ въ Египетъ.

Наполеонъ не отвергалъ войны съ Англіею, единственнымъ и самымъ опаснымъ, самымъ непримиримымъ врагомъ Франціи. Онъ былъ увѣренъ, что пока не унизятъ Англіи, не лишатъ ея средствъ вмѣшиваться въ Европейскую политику, прочнаго мира Франціи ожидать невозможно. Миръ надлежало купить побѣдою надъ Англичанами. Гдѣ была у Британцовъ пята Ахиллеса, куда ударъ былъ имъ смертеленъ? Высадка не могла быть такимъ ударомъ, при тогдашнемъ положеніи Франціи и Англіи.

Шестилѣтняя война и усилія Англіи не только не ослабили ея, но вполнѣ оправдали вѣрную политику Питта, умножили могущество Англіи, дали ей возможность раскрыть силы, какія доставляли ей неистощимый кредитъ, всемірная торговля и безспорное владычество на моряхъ. Только споры оппозиціи

заставляли Питта, по видимому, искать мира. Если Англія потеряла нѣсколько милльоновъ въ субсидіяхъ и другихъ пособіяхъ, утратила нѣсколько тысячь солдатъ въ Корсикѣ и Нидерландахъ, все далеко вознаграждалось ей другими выгодами и пріобрѣтеніями. Англичане торжествовали всюду на моряхъ. Гоу, Готамъ, Бридпортъ, Эльфинстонъ, Дункапъ, Джервисъ уничтожили флоты Франціи, и послѣ союза съ Франціею Испаніи и Голландіи, флоты Испанскій и Нидерландскій, въ битвахъ Уессанской, Савонской, Лоріанской, Эрской, Салданьской, Кампердоунской, Сенъ-Винцентской. Не смотря на частные успѣхи, корабли Французскіе, Испанскіе и Голландскіе не смѣли выйдти изъ гаваней; флоты Англичанъ блокировали берега Франціи, Испаніи и Нидерландовъ, владѣли Океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Владѣнія Французовъ и ихъ союзниковъ въ Индіи и Америкѣ были всѣ заняты Англичанами.

Противопоставить морскую силу Англичанамъ было невозможно. Флотъ не создается мгновенно, подобно сухопутной арміи. Геній Наполеона постигъ новую, великую мысль: напасть на Англичанъ въ Индіи, поддержать тамошнихъ туземцовъ, еще боровшихся съ превозмогающею силою Британіи, и тамъ побѣдить Англію, по крайней мѣрѣ, туда отвлечь силы ея, и уже пользуясь отвлеченіемъ, предпринять высадку въ Англію. Таково было основаніе мысли Наполеона. Мѣстомъ, откуда хотѣлъ онъ нанесть вѣрный ударъ врагу — былъ *Египетъ*.

городовъ; Романъ, видя это всеобщее движеніе въ свою пользу[365], со всѣми полками спѣшилъ къ Кіеву, Кіевляне отворили ему Подольскія ворота, и онъ занялъ Подолъ, тогда какъ Рюрикъ съ Ольговичами стояли въ верхней части города (на горѣ); видя все противъ себя, они, разумѣется, не могли болѣе держаться въ Кіевѣ, и вступили въ переговоры съ Романомъ: Рюрикъ отказался отъ Кіева и поѣхалъ въ Овручь, Ольговичи отправились за Днѣпръ въ Черниговъ, а Кіевъ отданъ былъ Великимъ Княземъ Всеволодомъ и Романомъ двоюродному брату послѣдняго, Ингварю Ярославичу Луцкому. Явленіе замѣчательное, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ преобладанія сильнѣйшаго сѣвернаго Князя и вмѣстѣ старшаго въ родѣ, который пересталъ жить въ Кіевѣ: Всеволодъ, враждуя съ Рюрикомъ, не хочетъ поддерживать его противъ Романа, и, по уговору съ послѣднимъ, отдаетъ Кіевъ младшему изъ Мстиславичей, не имѣвшему никакого права даже предъ Романомъ, не только предъ Рюрикомъ. Самъ Романъ не могъ сѣсть въ Кіевѣ: очень вѣроятно, что и Всеволодъ не хотѣлъ позволить этого, не хотѣлъ допустить соединенія Кіевской, Владимиро-Волынской и Галицкой волостей въ рукахъ одного Князя и особенно въ рукахъ такого Князя, каковъ былъ Романъ; а съ другой стороны и самъ Романъ не искалъ чести сидѣть въ Кіевѣ: его присутствіе было необходимо въ новопріобрѣтенномъ Галичѣ.

Но Рюрикъ не хотѣлъ спокойно перенесть своего изгнанія и видѣть въ Кіевѣ племянника: въ слѣдующемъ 1203 году онъ опять соединился съ Ольговичами, нанялъ множество Половцевъ и взялъ съ ними Кіевъ. Какъ видно союзники, не имѣя чѣмъ заплатить варварамъ, обѣщали отдать имъ Кіевъ на разграбленіе; Рюрику нечего было жалѣть Кіевлянъ, которые отворили ворота Роману: и вотъ Половцы разсыпались по городу, пожгли не только Подолъ, но и Гору, ограбили Софійскій соборъ, Десятинную церковь и всѣ монастыри[366]; монаховъ и монахинь, священниковъ и женъ ихъ, старыхъ и увѣчныхъ перебили, а молодыхъ и здоровыхъ повели въ плѣнъ, также и остальныхъ Кіевлянъ; пощадили только иностранныхъ купцовъ, спрятавшихся по церквамъ: у нихъ взяли половину имѣнія и выпустили на свободу. Послѣ этого страшнаго опу-

нимала Наполеона, когда онъ заботился о взятіи Мальты, занятіи Іоническихъ острововъ, и заведеніи флота въ Средиземномъ морѣ. Талейранъ, отъ имени Директоріи, одобрялъ его планы. Теперь не только мысль объ Египтѣ совершенно овладѣла имъ, но онъ рѣшился принять на себя самое исполненіе ея. Объѣзжая сѣверные берега Франціи, онъ забралъ въ свою карету путешествія на Востокъ, описанія Египта, вытребовалъ бумаги изъ архивовъ, читалъ, перечитывалъ ихъ, слѣдилъ по картамъ пути въ Индію, и когда онъ возвратился въ Парижъ, проектъ его былъ готовъ.

Онъ полагалъ, что 35,000 войска достаточно будетъ завоевать Египетъ и утвердиться въ немъ. Всѣ приготовленія можно было кончить зимою, и въ началѣ слѣдующаго лѣта, скрывая тайну, и отвлекая вниманіе Англичанъ высадкою, переправиться въ Египетъ изъ южныхъ портовъ Франціи. Еслибы не послѣдовало никакихъ другихъ слѣдствій, важно было самое развлеченіе силъ Англіи, и тогда онъ готовъ былъ немедленно возвратиться во Францію, и принять начальство надъ высадкою. Обладаніе Египтомъ доставляло уже важныя выгоды: утверждалась власть Франціи надъ Средиземнымъ моремъ, которое послѣ того можно было назвать «Французскимъ озеромъ» (lac Français). Франція пріобрѣтала мѣсто для богатой колоніи, куда можно было переселить излишекъ народа, даже сослать всѣхъ, кто былъ опасенъ правительству. Всѣ произведенія Америки могли обрабатываться въ Египтѣ, и тамъ могла утвердиться бо-

гатая торговля, когда земледѣліе Египта доставляло неистощимые запасы хлѣба. Но главное — отсюда можно было идти въ Индію, устроивъ флоты на Чермномъ морѣ, и проложивъ сухопутныя сообщенія черезъ Аравію и Персію. Типпо-Саибъ, преемникъ Гайдеръ-Али, властитель Мизорскій, давно умолялъ Францію о пособіи ему, требуя только 1500 солдатъ и нѣсколькихъ кораблей. Онъ далъ убѣжище всѣмъ Французамъ, оставшимся въ Индіи послѣ завоеванія Англичанами тамошнихъ Французскихъ колоній, и даже записался въ республиканскій клубъ, учрежденный ими въ Серингапатнамѣ. Не было сомнѣнія, что Маратты, Сейки, и другіе Индійскіе народы, пристанутъ къ Французамъ, и Франція нанесетъ смертельный ударъ владычеству Англичанъ въ Индіи, угрожая кромѣ того черезъ Персію Россіи, черезъ Турцію Императору. Наполеонъ предполагалъ, что съ Турціею должно стараться сохранить миръ, даже укрѣпить союзъ. Походъ въ Египетъ надлежало представить дружескимъ пособіемъ Султану, ибо извѣстно, что особенно со временъ Али-бея, Мамелюки, владѣвшіе Египтомъ, были самовластными повелителями его, хотя и признавали власть Султана. Начальникъ Французской экспедиціи долженъ былъ объявлять, что Французы друзья Султана, и покоряютъ Египетъ для передачи ему. Такое направленіе дѣла казалось Наполеону столь важно, что по его мнѣнію, Талейранъ, какъ опытный дипломатъ, долженъ былъ отправиться съ сею цѣлью въ Царьградъ посломъ.

Такъ представлялъ себѣ походъ въ Египетъ Наполеонъ, такъ на островѣ св. Елены говорилъ онъ: «Главная цѣль экспедиціи Французовъ на Востокъ было униженіе могущества Англіи. Съ береговъ Нила должна была идти армія, которой предлежало измѣнить жребій Индіи. Египетъ долженъ былъ замѣнить Франціи Сенъ-Доминго и Антильскіе острова, и согласить свободу Негровъ съ выгодами промышленности. Завоеваніе Египта влекло за собою потерю всѣхъ Англійскихъ владѣній въ Америкѣ и на Гангесскомъ полуостровѣ. Когда Французы обладали портами Италіи, Корфу, Мальтою, Александріею, Средиземное море превращалось во Французское озеро. Переворотъ въ Индіи долженствовалъ быть болѣе или менѣе близокъ, смотря по слѣдствіямъ войны, расположенію жителей Аравіи и Египта, непріязненному или благопріятному, и сообразно политикѣ, какую приметъ Порта въ столь неожиданныхъ обстоятельствахъ. Единственное дѣло, коимъ надлежало заняться прямо и непосредственно, было *завоеваніе Египта*, и прочное тамъ утвержденіе. Потому при экспедиціи въ Египетъ старались только о средствахъ успѣть въ томъ и другомъ. На все остальное смотрѣли, какъ на необходимое слѣдствіе, о чемъ можно было только догадываться.»

Не ужели Наполеонъ не соображалъ однакожь трудностей предпріятія? Если переѣздъ черезъ Ламаншскій каналъ былъ такъ затруднителенъ и опасенъ, гораздо тяжеле были перевозъ войска въ Еги-

петъ, и сообщеніе оттуда съ Франціею. Еслибы, при отвлеченіи Англійскихъ флотовъ, экспедиція могла пробраться до Египта счастливо, не должны ль были Англичане устремить потомъ всѣ свои силы, дабы прервать сношенія Египта съ Европою, возстановить Султана, возмутить народы Египта и Аравіи, и защищать Индію усиленными войсками и флотами, въ то же время возобновляя союзы Европейскихъ державъ, опасные при безпутномъ правленіи Директоріи и отсутствіи Наполеона? Они могли даже увлечь въ союзъ Россію, представляя вредное приближеніе идей переворота на Востокъ, и опасность, грозящую Россіи въ будущемъ, равно при паденіи Порты отъ Французскаго оружія и при союзѣ Султана съ Франціею. Завоеваніе Индіи, конечно, было не трудно, но какія трудности надлежало преодолѣть въ походѣ, достигая туда. Здѣсь Наполеонъ надѣялся на успѣхъ дѣйствій высадки въ Англію, что не дало бы возможности Англичанамъ думать о Востокѣ, на дипломатику Талейрана, на всегдашнюю дружбу Турціи съ Франціею, невозможность союза Оттомановъ съ Россіею, вѣковымъ врагомъ ихъ, когда Французы могли льстить Султану обратнымъ завоеваніемъ Крыма и сѣверныхъ Черноморскихъ береговъ. Но онъ предполагалъ даже несбыточнымъ предпріятіе въ Индію и войну съ Турціею. Тогда Египетъ дѣлался точкою опоры для другихъ дѣйствій. Наполеонъ называлъ ихъ «необходимыми слѣдствіями, исполненіе коихъ можно было только предчувствовать (tout le

reste était considéré comme une conséquence nécessaire, on n'en avait que *pressenti* l'exécution). Тогда обращался онъ въ Сирію, шелъ къ Дарданелламъ; флотъ изъ Египта нападалъ на Царьградъ съ моря; Франція уничтожала Турцію, или дѣлала ее своею рабою. Здѣсь открывалось новое средство угрожать Европѣ, даже идти черезъ Балканы на Вѣну, еслибы началась Европейская война. Медленность союзовъ Европейскихъ государей, и храбрость Французскихъ войскъ укрѣпляли надежды, что Франція, по крайней мѣрѣ, устоитъ, пока Наполеонъ устремится на Царьградъ, и оттуда поведетъ полки на столицу Императорскую.

Согласимся, что много мечтательнаго было въ замыслахъ Наполеона, многое предавалъ онъ на игру случая, на прихоть счастія, потворствовавшаго ему дотолѣ. Но не скрывалась ли за всѣми исчисленными здѣсь замыслами послѣдняя, тайная мысль, которой ни кому не открывалъ Наполеонъ? Еслибы все разрушилось — Англичане уничтожили средства въ Египтѣ, война съ Турціею явилась невозможною, Директорія вооружила на Францію всю Европу, и побѣда оставила знамена Французовъ — *онъ* являлся тогда избавителемъ отечества, геніемъ побѣды, схватывалъ власть, спасалъ Францію, и какая будущность раскрывалась тогда передъ нимъ! Достигая ее, онъ могъ погибнуть въ волнахъ моря и въ пескахъ Аравіи, пасть отъ пули Мамелюка и сабли Оттомана, но его гробница становилась подлѣ гробницы Александра....

*

Голова Наполеона кружилась мечтами славы, повторяемъ, можетъ быть, столько же, сколько жадностью власти. Какъ Александръ восклицалъ въ битвахъ: «Аониняне! чего не дѣлаю я, и только одного хочу: говорите обо мнѣ,» такъ Наполеонъ, трепеща забвенія, восклицалъ: «въ Парижѣ ничего не помнятъ — если я еще останусь здѣсь нѣсколько времени безъ дѣла — я пропалъ! Одна слава быстро смѣняетъ другую въ этомъ обширномъ Вавилонѣ, и пусть они хорошо разглядятъ меня раза три въ театрѣ, они перестанутъ на меня смотрѣть!»

Утвердившись въ своей мысли, Наполеонъ не медлилъ исполненіемъ. Директоры изумились, и долго не понимали плановъ его. Баррасъ первый согласился, но всѣ причины согласія его состояли въ томъ, что походомъ въ Египетъ они избавятся отъ Наполеона. «Развѣ вы хотите дождаться, когда Бонапарте схватитъ васъ за горло?» говорилъ онъ товарищамъ. — «Пусть его убирается, хоть къ чорту, не только въ Египетъ!» Талейранъ также не заспорилъ съ Наполеономъ, раздѣляя его убѣжденіе, или зная, что противорѣчить было безполезно. Болѣе всѣхъ шумѣлъ Ларевейльеръ. Онъ утверждалъ, что для отдаленной и невѣрной цѣли безразсудно предавать тридцать, или сорокъ тысячь лучшихъ солдатъ гибельному походу, лишать Францію перваго изъ ея генераловъ, и начинать войну съ Турціею. Наполеонъ возражалъ, что тайна скроетъ походъ, побѣда несомнѣнна, Турція будетъ довольна, союзники замедлятъ, а онъ го-

товъ возвратиться по первому призыву. «Вы будете готовы, но допустятъ ли васъ?» говорилъ Ларевейльеръ. Споръ дошелъ до того, что Наполеонъ схватилъ перо, и вскричалъ, что если съ нимъ не соглашаются, онъ сей часъ напишетъ просьбу объ отставкѣ. «Не желаю, чтобы вы ее подали, но если подадите, я первый готовъ принять ее — пишите просьбу, гражданинъ - генералъ!» спокойно сказалъ Ларевейльеръ. Наполеонъ бросилъ перо и съ досадою удалился.

Согласіе всѣхъ другихъ Директоровъ рѣшило дѣло. Походъ въ Египетъ былъ утвержденъ. Войско должно было собраться въ Италіи, Корсикѣ и Тулонѣ. Наполеонъ принималъ начальство, избирая по произволу помощниковъ; велѣно выдавать ему по $1\frac{1}{2}$ милльона каждую декаду на издержки. Вездѣ закипѣла необыкновенная дѣятельность. Въ Февралѣ утвердили экспедицію, въ Маѣ уже все было для нея готово. Наполеонъ изумлялъ неутомимостью. День и ночь былъ онъ занятъ, ѣздилъ къ министрамъ, къ Директорамъ, въ Институтъ, принималъ у себя множество посѣтителей, сидѣлъ по ночамъ за бумагами, картами и планами. Курьеры скакали по всей Франціи. Учреждена была коммиссія для вооруженія береговъ Средиземнаго моря. Войска двигались къ Тулону, Чивита-Веккіо, Генуѣ, и были перевозимы въ Аяччіо. Во всѣхъ сихъ портахъ готовились корабли, транспорты, артиллерія. Войскъ собиралось до 36,000, въ томъ числѣ 2500 конницы, но лошадей брали не

болѣе трехъ сотъ; 2300 кавалеристовъ получили только сѣдла и сбрую лошадиную. Къ изумленію всѣхъ, кромѣ военныхъ, въ экспедицію назначались ученые — математики, оріенталисты, художники, географы, археологи — Монжъ, Бертолле, Фурье, Доломье, Денонъ, Деженеттъ, Ларрей, Дюбуа; забирались машины, земледѣльческія орудія; изъ Рима взяты были Греческія и Арабскія буквы для типографіи.

И ни кто не зналъ цѣли экспедиціи — такъ строго сохранялась тайна. Военные люди, товарищи Наполеона не спрашивали куда онъ идетъ, и умоляли только его взять ихъ съ собою. Дезе былъ въ числѣ просителей, хотя лично узналъ Наполеона только въ Парижѣ. Клеберъ также прибѣжалъ просить его о томъ. «Если наши подьячіе (такъ называлъ онъ Директоровъ) не позволятъ, я уѣду съ вами тайкомъ, и чортъ возми, если на первомъ брандерѣ, который поплыветъ по Темзѣ, не будетъ меня, и посмотрите, что я сдѣлаю!» Клеберъ думалъ, что экспедиція готовится въ Англію. Наполеонъ не разувѣрялъ его. Къ симъ двумъ отличнымъ генераламъ Рейнской арміи присовокупились Ренье, Дуга, Вобуа, Бонъ, Мену, Барагей д'Иллеръ, Ланнъ, Мюратъ, Бельяръ, Даммартенъ, Жюно, Ланюссъ. Искусному инженеру Каффарелли-Дюфалга поручили инженерное начальство. Бертье былъ тогда страстно влюбленъ, но бросилъ свою невѣсту и явился къ Наполеону. Въ числѣ адъютантовъ его находились Людовикъ Бонапар-

те, Дюрокъ, Евгеній Богарне, сынъ директора Мерлена, Полякъ Сулковскій.

Наполеонъ былъ уже готовъ выѣхать изъ Парижа, когда событіе въ Вѣнѣ остановило отъѣздъ его. Бернадоттъ выставилъ на Вѣнскомъ домѣ Французскаго посольства трехъ-цвѣтное республиканское знамя, съ девизомъ республики: égalité, liberté. Жители Вѣны оскорбились дерзостью республиканца, не облеченнаго формальнымъ званіемъ посла, собрались толпою, бросали каменьями, стрѣляли въ знамя. Отрядъ Австрійскихъ войскъ охранилъ Бернадотта, но онъ протестовалъ объ оскорбленіи и оставилъ Вѣну, не смотря на убѣжденія Императорскихъ министровъ презрѣть ничтожную дерзость черни. Дѣло казалось столь важнымъ, что соображая медленность Раштадтскихъ переговоровъ, и жалобы Европейскихъ государей на поступки въ Италіи и Швейцаріи, Директорія почла его объявленіемъ войны, остановила отъѣздъ Наполеона, и требовала объясненій. Наполеонъ спорилъ, говорилъ, что тутъ вышло вздорное недоразумѣніе. «Хорошо я не ѣду,» сказалъ онъ наконецъ, и рѣшился поступить по своему, не спрашивая Директоровъ. Онъ отправилъ письмо къ Кобенцелю, и тотъ спѣшилъ пояснить все дѣло, обѣщая прислать особеннаго чиновника для подробнѣйшихъ объясненій. Директоры испугались смѣлаго самовластія Наполеона, безъ ихъ согласія говорившаго съ чужестранною державою, какъ будто онъ былъ верховный представитель Франціи. Они спѣшили его отправкою, и въ

началѣ Мая Наполеонъ оставилъ столицу Франціи, куда долженъ былъ возвратиться уже повелителемъ республики. Самовластно распоряжался онъ всѣми подробностями экспедиціи. Въ Тулонѣ онъ своевластно спасъ жизнь старику эмигранту, приговоренному къ смерти военнымъ судомъ, и отмѣнилъ кровавый законъ осужденія эмигрантовъ, не спрашиваясь Директоріи. Довольно было слѣдующаго письма его въ военную коммиссію 9-й дивизіи:

«Бонапарте, членъ Національнаго Института.»

«Съ прискорбіемъ узналъ я, что 70-ти и 80-ти лѣтніе старики, беременныя женщины и матери малолѣтныхъ дѣтей разстрѣливаются по обвиненію въ эмигрантствѣ. Не ужели солдаты свободы палачи, или жалость, какую хранили они даже въ битвахъ, умерла въ ихъ сердцахъ? Законъ 19-го фруктидора былъ охранительною мѣрою для общественной безопасности, и преслѣдовалъ заговорщиковъ, но не жалкихъ женщинъ, не дряхлыхъ стариковъ. Убѣждаю васъ, граждане, каждый разъ, когда сей законъ представитъ суду вашему старика за 60 лѣтъ, или беззащитную женщину, объявлять, что среди битвъ чтили вы старцовъ и женъ непріятельскихъ. Военный, подписывающій приговоръ человѣку, не могущему носить оружія — трусъ.

Бонапарте.»

Всюду встрѣчали Наполеона, какъ будто повелителя Франціи. Тулонъ, гдѣ за пять лѣтъ являлся Бонапарте поручикомъ артиллерійскимъ, глядѣлъ те-

перь на него, какъ на рѣшителя судебъ и героя своего вѣка.

Мая 9, 1798 г. (20 флореаля, VI-го года) Наполеонъ пріѣхалъ въ Тулонъ, а 19-го утромъ, когда солнце юга сіяло во всемъ блескѣ, при безчисленномъ множествѣ зрителей, съ громомъ пушекъ, изъ Тулонской гавани вышелъ флотъ, соединился близъ Генуи съ отрядомъ Бараге д'Илльера, близъ Аяччіо съ Корсиканскимъ отрядомъ Вобуа, и близъ Сициліи съ отрядомъ Дезе, вышедшимъ изъ Чивита-Веккіо. Всего было 13 лин. кораблей. Наполеонъ находился на адмиральскомъ, 120 пушечномъ кораблѣ, Востокъ; 2 корабля было 80-ти, 10-ть 74-хъ пушечныхъ, кромѣ того 2 Венеціянскіе корабля о 64-хъ пушкахъ, 6 фрегатовъ Венеціянскихъ, 8 Французскихъ, 72 корветъ, кутеровъ, авизо, канонерскихъ шлюповъ и лодокъ. Транспортовъ считалось до 400. Число войска и пассажировъ простиралось до 40,000, кромѣ 10,000 матросовъ. Членовъ ученой экспедиціи было до ста. Адмиралъ Брюис начальствовалъ всемъ флотомъ; при немъ были контръ-адмиралы Вилльнёвъ, Бланке Дюшайла, Декре. Гантомъ былъ начальникомъ морскаго штаба.

Не только Парижъ и Франція, вся Европа въ изумленіи спрашивали: куда устремится по волнамъ моря сынъ побѣдъ? Видя сильныя приготовленія на югѣ Франціи, одни полагали, что экспедиція идетъ отнять Крымъ у Россіи; другіе, что она назначена въ Индію, на помощь Типпо-Саибу; третьи, что Французы хотятъ покорить Бразилію. Говорили и

объ Египтѣ, даже о намѣреніи Бонапарте прорыть Суэзскій перешеекъ, но болѣе всѣхъ другихъ вѣрили слуху, что Наполеонъ пройдетъ Гибралтарскимъ проливомъ, освободитъ отъ блокады Англичанъ Кадиксъ, соединится съ Испанскимъ флотомъ, и устремится въ Англію, когда съ сѣверныхъ береговъ Франціи выступятъ въ море другіе отряды. Солдаты съ восторгомъ встрѣтили Наполеона, и невидавши его съ отъѣзда изъ Италіи, готовы были идти съ нимъ куда угодно, вѣрили, что побѣда вездѣ встрѣтитъ его, какъ ни было бы предпріятіе его велико. Но и они узнали не болѣе другихъ изъ слѣдующаго приказа, объявленнаго передъ отплытіемъ флота:

«Солдаты!

«Вы составляете одно изъ крылъ арміи, назначенной противъ Англичанъ. Вы испытали войну въ горахъ, долинахъ, при осадахъ — остается вамъ узнать войну морскую.

«Легіоны Римскіе, коимъ вы подражали, но еще не сравнились съ ними, сражались, то на Средиземномъ морѣ, то на долинахъ Замы. Никогда не оставляла ихъ побѣда, ибо постоянно были они храбры, терпѣливы при перенесеніи трудовъ, стройны, дружны между собою.

«Солдаты! Европа глядитъ на васъ! Вамъ предлежитъ великій жребій — давать битвы, побѣждать опасности и труды. Вы сдѣлаете больше того, что вы уже сдѣлали для благоденствія отечества, счастія людей и вашей собственной славы!

«Солдаты, матросы, пѣхота, артиллеристы, конница! будьте дружны. Помните, что въ день битвы вы надобны другъ другу!

«Солдаты, матросы! до сихъ поръ васъ забывали— отнынѣ объ васъ будетъ главная забота республики. Вы будете достойны арміи, часть коей вы составляете.

«Геній свободы, съ самаго рожденія ея содѣлавшій нашу республику рѣшителемъ судебъ Европы, хочетъ, чтобы она была рѣшителемъ судьбы морей и самыхъ отдаленныхъ народовъ.»

Предпріятіе Наполеона возбудило большія опасенія въ Англіи. Оппозиція соединилась съ министерствомъ. Не думали объ издержкахъ, говорили только о спасеніи отечества, и вѣря всѣмъ слухамъ, повсюду принимали предосторожности. Кромѣ усиленія флотовъ въ Ламаншскомъ проливѣ, эскадру адмирала Сенъ-Винцента передъ Кадиксомъ увеличили еще десятью кораблями, и послали значительное войско въ Индію. Наблюденіе въ Средиземномъ морѣ передали Нельсону, храбрѣйшему изъ Англійскихъ моряковъ. Съ 12-ти лѣтъ волонтеръ на кораблѣ, уже двадцать восемь лѣтъ провелъ онъ на морѣ, потерялъ глазъ въ битвѣ близъ Корсики, руку въ битвѣ на Тенерифѣ, и съ 7-ю судами сталъ предъ Тулономъ. Буря отвлекла его, повредила корабли, и принудила идти въ Сардинію для починки. Наполеонъ вышелъ во время отсутствія Нельсона, и — слѣдъ его пропалъ на волнахъ моря.

Зная, что Нельсонъ будетъ преслѣдовать, искать его, Наполеонъ ожидалъ встрѣчи съ нимъ, старался самъ изучить морскую тактику, и распоряжался битвою. Видя Наполеона спокойнымъ и веселымъ, войско радо было встрѣчѣ съ Англичанами. Множество легкихъ судовъ давало средства предварительно опознать непріятеля. Приказано было немедленно всѣмъ соединяться, нападать дружно, и стараться сцѣпиться на абордажъ, ибо Наполеонъ надѣялся на солдатъ своихъ, которыхъ училъ безпрестанно новому роду битвы. Веселыя пѣсни раздавались на корабляхъ. По вечерамъ члены ученой экспедиціи собирались къ Наполеону, и открывали совѣтъ для составленія проекта трудовъ своихъ въ Египтѣ, ибо тайну похода не для чего было уже скрывать, когда море отдѣлило корабли Французскіе отъ земли. Солдатамъ толковали объ Египетской землѣ, Фараонахъ, Римлянахъ, чудесахъ, какія они увидятъ, сокровищахъ, какими обогатяться.

Прежде покоренія Египта надлежало совершить еще завоеваніе, если такъ можно было назвать занятіе острова Мальты, гдѣ все давно было куплено и приготовлено къ измѣнѣ, безъ чего Мальта, громада каменныхъ утесовъ, усѣянная пушками, была недоступна. Преемники Родосскихъ героевъ, Мальтійскіе рыцари давно забыли о цѣли своего назначенія, и являлись анахронизмомъ въ лѣтописяхъ современной Европы. Дѣти знатныхъ людей владѣли богатыми помѣстьями ордена въ разныхъ стра-

нахъ Европы, и проматывали доходы съ нихъ; другіе щеголяли Мальтійскимъ крестикомъ, какъ будто галантерейною игрушкою моднаго кафтана. Во время революціи были конфискованы всѣ орденскія имѣнія во Франціи. Наполеонъ конфисковалъ всѣ Итальянскія имѣнія Мальтійскихъ рыцарей. Когда пять сотъ большихъ и малыхъ судовъ окружили Мальту, старый гросмейстеръ ордена, Фердинандъ Гомпешъ едва могъ собрать на защиту острова нѣсколько сотъ рыцарей, никогда не видавшихъ битвы; линейный корабль, 2 фрегата, гнившіе въ гавани, и съ полдюжины галеръ составляли весь орденскій флотъ. На требованіе сдачи острова отвѣчали однакожь отказомъ и пальбою. Надобно было, хотя для вида, дѣйствовать. Іюня 10-го Французы вышли на островъ и свезли пушки. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ начались переговоры, и Гросмейстеръ заключилъ договоръ. Орденъ уступалъ Франціи острова Мальту, Гозо и Капіусъ. Франція обязывалась исходатайствовать Гросмейстеру вознагражденіе въ Германіи, или, въ замѣну его, заплатить 600,000 франковъ единовременно, кромѣ 300,000 ежегодной пенсіи. Рыцарямъ также назначались пенсіи. Вобуа, съ тремя тысячами войска, остался въ Мальтѣ, и въ нѣсколько часовъ покорена была Мальта, послѣ 268-ми лѣтняго владѣнія рыцарями, грозная защита христіанъ, нѣкогда выдержавшая двухъ лѣтнюю осаду противъ безчисленныхъ силъ Оттоманскихъ. Франція пріобрѣтала во владѣніе сильную крѣпость Сре-

диземнаго моря. «Хорошо, генералъ,» шутя говорилъ Каффарелли Наполеону, «что хоть кто нибудь нашелся тутъ отворить намъ ворота крѣпости.» Странное было начало войны съ мусульманами отнятіемъ убѣжища непримиримыхъ враговъ Магомета.

Іюня 19-го спѣшили отплытіемъ изъ Мальты. Находясь на высотахъ мыса Бонара узнали о преслѣдованіи Французскаго флота Нельсономъ. Іюня 25-го, близъ Кандіи, извѣстились, что Нельсонъ находится у береговъ Египта. Наполеонъ велѣлъ приготовиться къ бою, направляясь не прямо на Египетъ, но къ Африканскому мысу Азе, въ 25 льё отъ Александріи. Здѣсь свѣдали, что Нельсонъ былъ наканунѣ у Александріи, и не найдя тамъ Французовъ, поплылъ къ Родосу. Іюля 1-го, вечеромъ, на горизонтѣ завидѣли желтые берега Египта, и вдали появились изъ волнъ шпицы мечетей города Птоломеевъ и Клеопатры. Море сильно волновалось. Наполеонъ хотѣлъ немедленно переѣхать на берегъ, не смотря на опасность. Когда уже готовы были шлюпки, вдругъ показались паруса корабля, и всѣ думали, что приближается Англійскій флотъ. «Счастье! ужели ты оставишь меня? вскричалъ Наполеонъ. «Только пять дней сроку! Пять дней!» Но приближавшееся судно былъ Французскій фрегатъ. Началась переправа. Первый сошелъ въ шлюпку Наполеонъ, и близъ селенія Марабу, въ полуторѣ льё отъ Александріи, съ трудомъ достигъ онъ берега. За нимъ нетерпѣливо спѣшили другіе; къ ночи переправили до 5000 человѣкъ и свезли

нѣсколько пушекъ. Жребій былъ брошенъ. Счастье услышало голосъ своего любимца.

Съ полей Италіи, отъ вратъ Вѣны и отъ береговъ Англіи, онъ прошелъ по волнамъ моря среди непріятельскихъ флотовъ; съ нимъ были его вѣрные товарищи битвъ при Риволи и Тарвисѣ, Лоди и Арколѣ; онъ ступилъ на землю, гдѣ, подобно загадочному сфинксу, почіетъ древность въ развалинахъ Опвъ и Мемфиса, въ пирамидахъ Хеопса, въ катакомбахъ и храмахъ Фараоновъ, гдѣ нѣкогда ходили Александръ и Цезарь, Омаръ и св. Людовикъ—на Востокѣ былъ онъ, гдѣ «созидаются огромныя славы.» Что сулила ему здѣсь будущность?

Глубоко изучивши положеніе и нравы земли, куда шелъ, и образъ войны съ Восточными народами, Наполеонъ предварительно расположилъ порядокъ военныхъ дѣйствій, и отношенія свои къ правительству и жителямъ Египта.

Египетъ произведеніе Нила. Составляя сѣверо-восточный уголъ Африканскихъ степей, онъ примыкаетъ къ Азіи Суэзскимъ перешейкомъ, омываемый съ востока заливомъ Индійскаго Океана (Чермнымъ моремъ), отдѣляющимъ его отъ Аравіи; сѣверные берега его ограничены Средиземнымъ моремъ; на западъ границы его составляетъ степь Ливійская, на югъ горы и степи Нубіи и Абиссиніи. Никогда не падаетъ дождь на Египетскую землю, но онъ обильно льется, въ извѣстное время года, въ юго-восточныхъ горахъ Африки, и образуетъ Нилъ,

послѣ 600 льё теченія за предѣлами Египта, льющійся съ Сіенскихъ утесовъ водопадами. Отсюда Нилъ течетъ 200 льё по пескамъ Египетскимъ, разливается изъ береговъ, сбываетъ въ Сентябрѣ, оставляетъ на пескахъ тучный илъ, и на немъ растетъ обильное прозябеніе до Марта. Тогда жители спѣшатъ собирать жатву. Едва она оканчивается, наступаютъ жары и безплодіе, продолжающіеся до новаго наводненія Ниломъ. Пустыня и Нилъ, какъ будто спорятъ здѣсь за землю. Нилъ вливался прежде въ Средиземное море семью протоками; изъ нихъ уцѣлѣли только два, одинъ на западъ, близъ Розетты, другой на востокъ, близъ Даміетты, образуя обширный треугольникъ, или дельту, въ 50 льё длины, отъ моря до Каира, и въ 60 льё ширины по приморью. Древле, когда человѣкъ поддерживалъ благодѣянія Нила, и проводилъ воды его по пескамъ, пески всюду зеленѣли прозябеніемъ. Но вѣка варварства истребили въ Египтѣ человѣка. Пески засыпали его жилища. Только въ Нильской долинѣ тѣснится остатокъ народонаселенія, среди древнихъ гробницъ, опустѣлыхъ храмовъ и развалинъ городовъ, въ двухъ оазисахъ въ лѣво отъ Нила, и на дельтѣ Средиземнаго моря, гдѣ мѣста заглохшихъ устьевъ Нила означаются обширными озерами, отдѣляемыми отъ моря полосами песковъ. На одной изъ такихъ полосъ, окружающей длинный полуостровъ, отдѣленный отъ материка Египетскаго озерами Маркотискимъ и Абукирскимъ, западнѣе Розеттскаго протока, въ нѣсколь-

кихъ льё отъ Абукирскаго залива, на приморской сторонѣ полуострова находится Александрія — обломокъ древняго города Александрова.

Кромѣ небольшихъ приморскихъ городовъ и бѣдныхъ селеній по Нилу, единственный большой городъ Египетскій составляетъ *Каиръ*, у внутренняго углу дельты, на берегу Нила, воздвигнутый халифами. Считаютъ до 300,000 жителей въ сей столицѣ Египта, изумляющей Европейца своимъ Восточнымъ величіемъ, мечетями и базарами, куда караваны свозятъ товары Азіи и Африки.

Когда Наполеонъ явился въ Египтѣ, народонаселеніе его, кромѣ небольшаго числа жидовъ, христіанъ, Нубійцовъ и Европейцовъ, составляли четыре главныя племени. Потомки древнихъ Египтянъ, *Копты*, и *Феллаги*, Аравійское племя, были невольниками и работниками другихъ *Арабовъ*, помѣщиковъ, и *Турковъ*, властителей Египта, вмѣстѣ съ избранными Арабами составлявшихъ гражданское правительство и духовную власть надъ Египтомъ. Правителемъ его считался паша, присылаемый отъ Султана, и жившій въ Каирѣ. Но военная власть и дѣйствительное владычество находились въ рукахъ *Мамелюковъ*. Такъ назывались воинскія дружины, учрежденныя въ XIV вѣкѣ изъ Черкесскихъ плѣнниковъ, овладѣвшія Египтомъ, и сохраненныя при покореніи Египта Турецкому Султану (въ 1517 году). Власть раздѣлена была между Султанскимъ правителемъ, пашею, и 24 беями Мамелюкскими. Каждый бей владѣлъ

своимъ округомъ, содержалъ свою стражу и свое войско, набирая его изъ невольниковъ, и имѣя право назначать себѣ преемника. Подкрѣпляемые ордами Бедуиновъ, кочевыхъ Арабовъ Египта, обитавшихъ въ Черноморскихъ степяхъ и оазисахъ, беи Мамелюкскіе являлись владыками Египетскими, наружно сохраняя подданство Султану, платя ему небольшую подать, и самовластвуя надъ жителями. Въ половинѣ XVIII вѣка, Али, одинъ изъ Мамелюкскихъ беевъ, былъ почти независимымъ государемъ Египта. Послѣ погибели его измѣною, беи не позволяли другъ другу особенныхъ преимуществъ, и раздѣлили власть. Войска беевъ состояли изъ отважныхъ, богатыхъ всадниковъ; каждый бей имѣлъ ихъ отъ 500 до 600, кромѣ двухъ Феллаговъ при каждомъ всадникѣ, и Бедуиновъ, коихъ нанимали Мамелюки при своихъ безпрерывныхъ междоусобіяхъ.

Наполеонъ являлся союзникомъ Султана, пришедшимъ освободить Египетъ отъ бунтовщиковъ, какъ называлъ онъ Мамелюковъ. Въ слѣдствіе сего объявлялъ онъ войну и гоненіе Мамелюкамъ, обѣщая полное покровительство власти Турковъ, если только правители Султанскіе не соединятся съ притѣснителями Египта. Строжайшее уваженіе къ религіи, правамъ и обычаямъ музульмановъ, и защита законовъ всѣмъ остальнымъ жителямъ, постановлены были основнымъ правиломъ. — Наполеонъ зналъ, что Турки могутъ защищаться упорно только въ крѣпостяхъ, и что Мамелюки соберутся толпою, надѣясь уничтожить непріятеля сво-

сію непобѣдимою конницею. Надлежало только выдержать первый ударъ, устрашить пораженіемъ, не давать собираться потомъ, поспѣшнѣе занять Каиръ, и весь Египетъ покорится, ибо крѣпости его были неважны. Всего труднѣе былъ походъ по безплоднымъ степямъ Египетскимъ. Дѣйствовать въ битвахъ хотѣлъ онъ кареями и артиллеріею. Условіемъ побѣды была быстрота. Разсматривая дѣйствія Наполеона, можно подумать, что онъ учился тактикѣ сраженій противъ Восточныхъ народовъ у Суворова.

Въ походной типографіи на корабляхъ, во время плаванія, набраны и отпечатаны были прокламаціи, народу, приказы войскамъ, и приготовлено письмо къ Турецкому пашѣ, жившему въ Каирѣ.

«Французская республика,» писалъ Наполеонъ пашѣ, «рѣшилась послать могущественную армію, дабы положить конецъ разбоямъ Египетскихъ беевъ, такъ, какъ нѣсколько разъ принуждена была она въ теченіе сего вѣка дѣйствовать противъ Алжира и Туниса. Ты, долженствующій быть начальникомъ беевъ, и задержанный ими въ Каирѣ безъ власти и начальства, ты съ удовольствіемъ долженъ смотрѣть на мой приходъ. Безъ сомнѣнія, ты уже знаешь, что я ничего не стану дѣлать противъ корана и Султана. Ты знаешь, что Французскій народъ есть единственный союзникъ, коего Султанъ имѣетъ въ Европѣ. Иди на встрѣчу мнѣ, и проклинай, вмѣстѣ со мною, нечестивое племя беевъ!»

Въ пространной прокламаціи жителямъ Египта

Наполеонъ говорилъ: «Вамъ скажутъ, обитатели Египта, что я пришелъ разрушить вашу вѣру. Не вѣрьте клеветѣ, и отвѣчайте, что я пришелъ возстановить ваши права, наказать хищниковъ, и что я, болѣе, нежели Мамелюки, почитаю Бога, Пророка его и Коранъ.» Говоря о тиранствѣ Мамелюковъ, Наполеонъ продолжалъ: «Они у васъ все отняли. Если есть у кого изъ васъ хорошая земля — она принадлежитъ Мамелюкамъ; если есть у кого изъ васъ красивая невольница, добрая лошадь, порядочный домъ—все принадлежитъ Мамелюкамъ. Египетъ, какъ будто оброчный хуторъ ихъ. Пусть же они покажутъ договоръ, который они заключили на обладаніе Египтомъ съ Богомъ. Правосуденъ и милосердъ Господь къ народамъ, и онъ повелѣлъ, да прейдетъ царство Мамелюковъ!» Объясняя чувства Французовъ,» мы такъ же, какъ вы, истинные музульманы,» говорилъ Наполеонъ. «Не мы ли уничтожили Папу, возбуждавшаго христіанъ воевать съ музульманами? Не мы ли уничтожили Мальтійскихъ рыцарей, ибо сіи безсмысленные вѣрили, будто Богу угодно, чтобы они воевали съ музульманами? Трикраты блаженъ, кто будетъ съ нами! Счастливъ, кто останется не приставая ни къ кому: ему будетъ время узнать насъ, и онъ будетъ нашъ. Но, горе, трикраты горе тому, кто вооружится за Мамелюковъ, и будетъ сражаться съ нами! Нѣтъ ему спасенія — онъ погибнетъ!»

«Вы предпринимаете такое завоеваніе,» говорилъ Наполеонъ своимъ солдатамъ,» слѣдствія коего на

образованность и торговлю всего свѣта будутъ неисчислимы. Вы нанесете здѣсь Англіи самый вѣрный и самый чувствительный ударъ, въ ожиданіи того времени, когда вы можете нанесть ей ударъ смертельный. Народы, съ коими будемъ мы жить, магометане. Первое правило вѣры ихъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его!» Не спорьте съ ними, и поступайте съ ними, какъ поступали вы съ жидами и съ Итальянцами. Уважайте ихъ муфтіевъ и имановъ, какъ уважали вы раввиновъ и епископовъ. Оказывайте мечетямъ, и обрядамъ, какіе предписываетъ коранъ, такую же терпимость, какую оказывали вы монастырямъ и синагогамъ, религіи Моисея и религіи христіанской. Легіоны Римскіе покровительствовали всѣ религіи въ мірѣ. Вы найдете здѣсь обычаи, отличные отъ Европейскихъ, и къ нимъ надобно вамъ пріучиться. Народы, въ землю коихъ идемъ мы, поступаютъ съ женщинами иначе, нежели мы. Помните, что во всѣхъ странахъ, кто оказываетъ насиліе, тотъ трусъ. Первый городъ, какой встрѣтиться намъ, построенъ Александромъ. На всякомъ шагу найдемъ мы здѣсь великія воспоминанія, достойныя возбуждать соревнованіе Французовъ.»

Не дожидаясь высадки остальныхъ войскъ, Наполеонъ ночью повелъ 4000 войска въ Александрію. Онъ, генералы его, даже Каффарелли, потерявшій ногу въ битвахъ на Рейнѣ, и ходившій на деревяшкѣ, шли пѣшкомъ, по сыпучему песку. Походъ продолжался всю ночь. Утромъ приблизились къ Александріи.

Основанная Александромъ, нѣкогда вмѣщавшая въ себѣ 600,000 жителей, 4000 дворцовъ, 4000 бань, 400 цирковъ и театровъ, и 12,000 лавокъ, Александрія представляла безконечную груду развалинъ, засыпанныхъ пескомъ и затопленныхъ Маркотискимъ озеромъ. Между ними разбросаны были хижины Арабовъ. Новый городъ, груда бѣдныхъ зданій и домовъ, стѣснялся на небольшомъ полуостровѣ, раздѣлявшемъ старую и новую гавани, и обнесенъ былъ ветхою каменною стѣною.

Нѣсколько Арабскихъ всадниковъ выскакали на встрѣчу Французамъ, обмѣнялись выстрѣлами, и умчались въ степь. Наполеонъ послалъ въ Александрію прокламаціи, и потребовалъ сдачи города. Гарнизонъ хотѣлъ защищаться. Изъ-за стѣнъ началась стрѣльба. Клеберъ, Бонъ и Мену повели колонны на приступъ, и Клеберъ былъ однимъ изъ первыхъ раненъ пулею. Быстро завладѣли Французы стѣною. Битва началась въ улицахъ, но Наполеонъ успѣлъ уговорить защитниковъ крѣпости и прекратить кровопролитіе. Гарнизонъ отпустили, съ письмомъ къ Пашѣ и прокламаціями, которыя читали на площадяхъ жителямъ Александріи. Всѣ власти городскія были оставлены на ихъ мѣстахъ, и къ вечеру все было тихо и спокойно. Наполеонъ пробылъ въ Александріи до 6-го Іюля, распоряжаясь выгрузкою войска, артиллеріи, снарядовъ, запасовъ, безопасностью флота и устройствомъ защиты Александріи. Клеберъ оставленъ былъ здѣсь до излеченія раны,

съ 3000 гарнизона. Около 30,000 двинулись въ походъ. Надлежало спѣшить, ибо приближалось время наводненія Нильскаго, и должно было предупредить Мамелюковъ, уже собиравшихъ отвсюду свои войска. Нежданное появленіе западныхъ пришлецовъ на берегахъ Египта возбудило всеобщее изумленіе, но не чувство страха. Гордость Турковъ, отвага Мамелюковъ, изувѣрство мусульманское соединили тысячи всадниковъ на защиту. Муллы проповѣдывали походъ, и предвѣщали гибель нечестивыхъ. Не смотря на общее равенство беевъ, два изъ нихъ имѣли преимущество надъ всѣми другими: *Ибрагимъ*, богатѣйшій изъ всѣхъ, хитрый, славившійся умомъ, и *Муратъ*, отважнѣйшій изъ наѣздниковъ Мамелюкскихъ. Пока всадники стекались около Каира, и сотни лодокъ съ войсками плыли туда по Нилу, Муратъ помчался на встрѣчу опасностей. Онъ хотѣлъ узнать силы враговъ, дотолѣ неслыханныхъ.

Наполеонъ отправилъ артиллерію и часть войскъ въ мѣлкихъ судахъ отъ Абукира по Розеттскому протоку Нила въ Романіе. Главный корпусъ пошелъ къ Романіе отъ Александріи степями, ближайшимъ путемъ, черезъ Дамангуръ. Новое зрѣлище явилось людямъ, столь недавно переходившимъ черезъ снѣга Тирольскихъ Альповъ: безконечное протяженіе песковъ, волнуемыхъ пустынными вѣтрами, палящее солнце надъ головою, изрѣдка купы пальмъ у фонтановъ, или колодцовъ, и легкіе Арабскіе всадники, мелькавшіе вихремъ на летучихъ коняхъ. Походъ про-

должался четыре дня, и былъ труденъ. Самые удалые изъ солдатъ роптали, изнуряемые переходами по пескамъ, не находя даже воды утолить жажду, ибо всѣ колодцы въ степи были испорчены непріятелемъ. Идти надлежало съ величайшею осторожностью, въ кареяхъ, безпрестанно ожидая налета непріятельскаго. Вмѣсто золотыхъ дворцовъ и роскошныхъ садовъ, въ Дамангурѣ нашли нѣсколько опустѣлыхъ, бѣдныхъ хижинъ, среди развалинъ древняго Саиса. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ. Даже Мюратъ и Ланнъ съ досадою бросили на землю свои шляпы, восклицая: «Куда завелъ онъ насъ!» Нѣкоторые изъ солдатъ, видя ласковость Наполеона къ Каффарелли, кричали, что «этотъ безногій дурачитъ его и насъ!» — «Хорошо ему,» говорили, смѣясь, другіе — «вѣдь у него все таки одна нога во Франціи!» Негодовали и на ученыхъ, видя, что они останавливались у каждаго обломка, производили наблюденія, составляли замѣтки обо всемъ, что встрѣчалось новаго и любопытнаго. Но появленіе Наполеона, одно слово, одинъ взоръ его укрощали волненіе. Онъ былъ каждому примѣромъ неутомимости, переносилъ зной, голодъ, жажду, всегда впереди всѣхъ, наблюдая за движеніемъ въ малѣйшихъ подробностяхъ. Громкіе клики радости огласили войско, когда оно завидѣло Нилъ. Солдаты бросились къ рѣкѣ, жадно пили воду, купались — все ожило надеждами.

Послѣ трехъ дневнаго отдыха, Іюля 13-го снова начался походъ. Онъ былъ гораздо легче, ибо вой-

ско шло по берегу Нила, и припасы обильно доставлялись ему съ флотиліи, плывшей по Нилу, но явилось новое затрудненіе: непріятель началъ отвсюду показываться, усиливался съ каждымъ шагомъ, и наконецъ тысячи всадниковъ окружили армію со всѣхъ сторонъ. Быстрота коней ихъ, блескъ и роскошь оружія и одежды, гарцованье и дикіе клики изумляли солдатъ. Надлежало безпрерывно держаться въ кареяхъ, быть на готовѣ, отстрѣливаться. Каждый отставшій дѣлался неминуемою жертвою враговъ, и малѣйшая неосторожность была гибельна. Съ гикомъ налетали всадники, умерщвляли, рѣзали головы. Джермы, или лодки Египетскія, напали на Французскую флотилію, но были отбиты. Близъ Шебрейсса увидѣли наконецъ толпы Мамелюковъ и Арабовъ, готовыхъ на открытую битву. Наполеонъ мгновенно построилъ все свое войско въ пять большихъ кареевъ; обозы, штабъ, всѣ невоенные люди находились въ срединѣ кареевъ; артиллерія была по угламъ. Безмолвно двинулись впередъ сіи подвижныя крѣпости. Отважно рванулись на нихъ толпы непріятелей. Картечные выстрѣлы смѣшали всадниковъ, но не устрашили — они прорвались до самыхъ кареевъ, но здѣсь бѣглый ружейный огонь и ряды штыковъ утушили бѣшеную ярость непріятелей. Послѣ двухъ, или трехъ нападеній, потерявъ до трехъ сотъ человѣкъ убитыми и ранеными, всадники мгновенно разсыпались и исчезли въ дали пустынь. Шумный кликъ огласилъ кареи, когда солдаты увидѣли, что

отчаянныя нападенія полудикихъ наѣздниковъ Арабскихъ совсемъ не такъ опасны, какъ казалось по величавой наружности всадниковъ.

Веселость еще болѣе умножилась, когда разбирая убитыхъ и раненыхъ, находили у нихъ дорогое оружіе, драгоцѣнныя шали, и пояса, наполненные золотомъ, ибо каждый Мамелюкъ, идя въ битву, одѣвался въ лучшее платье, щеголялъ конемъ и оружіемъ, и имѣлъ при себѣ всѣ свои наличныя деньги. Солдаты рады были новой встрѣчѣ. «Они отвыкли уже тогда отъ трудовъ,» говоритъ Наполеонъ, «какъ всѣ, кто пресыщенъ богатствомъ и славою, но въ огнѣ они являлись прежними.» Надежда оживила походъ; начали вѣрить разсказамъ о богатствахъ Египта. Хлѣба было мало; его замѣнили чечевичною похлѣбкою и вкусными арбузами, или пастеками, которые солдаты называли святыми (sainte pastèque). Начали мириться и съ учеными; шутили и хохотали, когда при появленіи непріятеля, каре начинало строиться, и ученые, ѣхавшіе съ своими инструментами на ослахъ, спѣшили укрываться въ средину каре при кликѣ: «Ословъ и ученыхъ въ средину» (Placez les ânes et les savans au milieu du carré)!

Іюля 21-го, рано утромъ, всѣ съ какимъ-то нетерпѣніемъ поднялись въ походъ. Сказано было, что въ тотъ день увидятъ Каиръ и пирамиды Египетскія, и что вся армія Мамелюкская ждетъ Французовъ у пирамидъ. Вскорѣ, вдали за рѣкою, открылось безконечное протяженіе стѣнъ, домовъ и мечетей *горо-*

да побѣдъ (эль-Каэра), а направо, среди пустынныхъ песковъ, видны были исполинскія пирамиды Гизегскія. Безмолвіе при видѣ сихъ памятниковъ смѣнилось шумнымъ кликомъ, когда Наполеонъ, галопировавшій впереди каре, снялъ шляпу, въ восторгѣ указалъ на пирамиды, и воскликнулъ: «Солдаты! смотрите и помните, что сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ!» Тутъ ждалъ Наполеона Муратъ-бей, растянувши лагерь и войско отъ пирамидъ до берега Нила. Правое крыло его составляли 24,000 Феллаговъ и янычаровъ, засѣвшихъ въ мѣстечкѣ Эмбобегъ, на берегу Нила; наскоро обнесли мѣстечко земляным валомъ, и уставили пушками, безъ лафетовъ, на столбахъ. Десять тысячь Мамелюковъ вытянулись по пескамъ отъ Эмбобега до пирамидъ, а далѣе за пирамидами стояло нѣсколько тысячь конныхъ Арабовъ. Измаилъ-бей находился на другомъ берегу Нила, охраняя женъ, дѣтей, и имѣніе, нагруженное въ джермы.

Быстро устроилъ войско свое въ боевой порядокъ Наполеонъ. Вся армія образовала пять кареевъ, по числу дивизій; вправо были дивизіи Дезе и Ренье; влѣво къ берегу Нила, Мену и Бона; въ срединѣ была дивизія Дюга, и при ней Наполеонъ. Каждое каре строилось въ шесть рядовъ. Сзади были гренадеры плутонгами (en pelotons), на готовѣ подкрѣпить аттаку; артиллерія была разставлена по угламъ; багажъ и генералы находились въ срединѣ. На маршѣ солдаты повертывались флангомъ, но едва оста-

навливалось каре, они обращали фронтъ направо и налѣво. При аттакѣ первые ряды отдѣлялись, и образовывали колонны, другіе оставались въ каре, но только въ три ряда, готовые принять колонны. Всего труднѣе было удерживать хладнокровіе солдатъ; при аттакѣ непріятельской строжайше запрещено было стрѣлять до команды.

Разсмотрѣвши положеніе непріятеля, и видя, что въ Эмбобегскомъ укрѣпленіи находится пѣхота, и пушки были безъ лафетовъ, Наполеонъ угадалъ, что непріятель ждетъ тамъ аттаки, но не будетъ нападать самъ, предоставляя аттаку конницѣ. Онъ рѣшился отрѣзать Мамелюковъ, смять ихъ, сбросить въ Нилъ, и потомъ ударить на Эмбобегъ, гдѣ безпорядочная толпа пѣхотинцовъ не могла хорошо защищаться.

По данному знаку, карен Дезе, Ренье и Дюга пошли въ перерѣзъ мимо пирамидъ, а Мену и Бона, мимо Эмбобега, откуда началась громкая, но безтолковая пальба, ибо ядра не долетали до Французовъ. Но едва двинулись карен, оставя 2000 своихъ всадниковъ на мѣстѣ, съ 8000 ударилъ Муратъ на карен Дезе и Ренье. Ударъ былъ ужасенъ, но Дезе свернулся, допустилъ къ себѣ непріятеля близко, и картечные выстрѣлы и ружейный залпъ охолодили его. Какъ рѣка полились всадники Мурата мимо, обернулись мгновенно, снова напали, снова были приняты дружнымъ огнемъ и картечами, и кинулись въ сторону, гдѣ перехватило ихъ каре Дюга. Приве-

денные въ отчаяніе, еще разъ свирѣпо бросились воины Мурата на оба каре. Нѣкоторые лѣзли прямо на штыки, врѣзывались въ кареи, и были убиваемы среди нихъ; двое, или трое пробились до Дезе. За то пораженіе Мамелюковъ было столь велико, что Муратъ не вытерпѣлъ, и помчался съ остаткомъ войска обратно къ пирамидамъ; другая часть бросилась къ Эмбобегу. Тогда кареямъ Мену и Бона велѣно идти въ аттаку на Эмбобегъ. Едва только пошли они, 2000 всадниковъ, оставленныхъ Муратомъ у пирамидъ, и всѣ убѣжавшіе въ укрѣпленіе Мамелюки толпами полетѣли впередъ, при неистовыхъ вопляхъ. Колонны мгновенно свернулись опять въ кареи, встрѣтили всадниковъ картечнымъ огнемъ, поколебали ихъ, заставили бѣжать, и когда Дезе, Ренье и Дюга загремѣли въ бѣгущихъ, и принудили ихъ скакать обратно къ пирамидамъ и къ Нилу, другіе отряды ударили въ Эмбобегское укрѣпленіе, и ворвались въ него на штыкахъ. Тогда все, что могло бѣжать — бѣжало. Муратъ первый помчался по берегу Нила; за нимъ бросились всѣ Арабы, находившіеся у пирамидъ. Янычары и Феллаги кидались въ Нилъ, тонули, и поле битвы представило только кровавое побоище. Ибрагимъ спѣшилъ уйдти безъ битвы. Джермы на Нилѣ зажгли. Французы заняли Эмбобегъ и мѣстечко Гизегъ, гдѣ были дворецъ и сады Мурата. Артиллерія, обозъ, богатая добыча, обильные запасы, виноградные сады Гизегскіе—все досталось побѣдителямъ. Солдаты всю

ночь веселились, и дѣлили шали, золото, оружіе, коней. Французы не потеряли и ста человѣкъ. Непріятелей убито болѣе 600, и утонуло болѣе 1000. Всѣ остальные разбѣжались. Только замедленіе флотиліи не дало возможности идти немедленно на Капръ, гдѣ ужасъ объялъ жителей при столь ужасномъ разбитіи арміи, считавшейся непобѣдимою. На другой день явились изъ Капра депутаты съ покорностью. Паша бѣжалъ. Ибрагимъ ушелъ къ границамъ Сиріи, Муратъ въ верхній Египетъ. Торжественно въѣхалъ Наполеонъ въ Капръ, откуда удалились всѣ Мамелюки. Вѣра въ предопредѣленіе заставила Турковъ, и всѣхъ остальныхъ жителей Капра, смиренно покориться побѣдителю. Дезе отправился преслѣдовать Мурата. Легкіе отряды заняли безъ сопротивленія всѣ Египетскіе города, и одна битва у пирамидъ передала Наполеону весь Египетъ. Ибрагима-бея живо преслѣдовали до Саленгіе, гдѣ начинается Сирійская степь, отняли у него двѣ остальныя пушки, отхватили его обозы, и заставили укрыться въ Сирію, раненаго, съ немногими всадниками. Муратъ бей, съ 4000 Мамелюковъ и 8000 Феллаговъ, далъ отчаянную битву Дезе у Седимана, въ Октябрѣ. Съ 2000-ми, Дезе выдержалъ его нападеніе, разбилъ его на голову, преслѣдовалъ неутомимо, означая свой походъ безпрерывными сшибками, истребляя противниковъ, милуя покорявшихся.

Терпимостью вѣры, уваженіемъ всѣхъ законовъ, обрядовъ и обычаевъ, объявленіемъ дружбы Султану,

почтеніемъ шейхамъ Арабскимъ, чиновникамъ Турецкимъ, и особенно духовенству, Наполеонъ старался пріобрѣсть любовь и укрѣпить власть свою. Для управленія Каиромъ составили диванъ; областные диваны учредили въ городахъ и селеніяхъ. Сохраняя домы и имѣнія всѣхъ жителей, забирали только повсюду имѣнія Мамелюковъ, и только ихъ домы были отведены подъ постой солдатъ. Восхищенные легкими побѣдами и богатою добычею, солдаты увѣрялись, что золотые сны ихъ сбудутся. Обширный Каиръ, съ его безконечными улицами, съ его безчисленнымъ народонаселеніемъ, казался имъ волшебнымъ городомъ.

И когда Наполеонъ уже мечталъ о слѣдствіяхъ своего завоеванія, судьба, черезъ десять дней послѣ взятія Каира, приготовила ему бѣдствіе неожиданное: онъ услышалъ о битвѣ Абукирской и гибели Французскаго флота.

Мы говорили о флотѣ Нельсона. Принужденный идти въ Сардинію для починки судовъ, онъ далъ возможность Французской экспедиціи уйдти изъ Тулона. Когда возвратился онъ къ Тулону, Наполеонъ былъ далеко отъ береговъ Франціи. Соединясь съ кораблями, присланными отъ адмирала Сенъ-Винцента, Іюня 15-го Нельсонъ пошелъ къ Тосканскому берегу и 20-го былъ у Неаполя. Здѣсь узналъ онъ о взятіи Мальты и назначеніи экспедиціи въ Египетъ, полетѣлъ къ Александріи, былъ тамъ, когда Наполеонъ обратился къ мысу Азе, не видя Фран-

цузовъ, бросился искать ихъ въ Архипелагѣ, 18-го Іюля зашелъ въ Сицилію запастись водою, опять обратился къ Архипелагу, и 28-го Іюля, у мыса Коронскаго свѣдалъ, что Французы уже мѣсяцъ тому прибыли въ Египетъ. Нельсонъ не медлилъ ни минуты, и вечеромъ Августа 1-го увидѣлъ Французскій флотъ у береговъ Египта; онъ стоялъ въ Абукирскомъ заливѣ.

Выступя въ походъ къ Каиру, Наполеонъ велѣлъ ввести флотъ въ Александрійскую гавань, единственный въ Египтѣ, и совершенно безопасный, обширный портъ. Еслибы оказалось затруднительно вводить въ портъ большіе корабли, по причинѣ мѣлей при входѣ, Наполеонъ приказывалъ имъ плыть въ Корфу, гдѣ были большіе запасы и находился гарнизонъ. Брюйе не исполнилъ ничего. Храбрый, но неопытный, нерѣшительный, въ началѣ революціи онъ былъ лейтенантомъ, и возведенъ былъ въ чины за особенную преданность къ перевороту, хотя происходилъ отъ старшаго рода графовъ д'Эгельеръ. Онъ медлилъ, вопреки предписанію, думалъ даже, что присутствіе его въ Египтѣ необходимо, особливо когда Арабы отрѣзали всѣ сообщенія съ главною арміею, и болѣе недѣли не было объ ней вовсе никакихъ извѣстій. Оказались затрудненія ввести большія суда въ Александрійскую гавань, куда укрылись всѣ транспортныя и мѣлкія суда. Брюйе рѣшился дожидаться извѣстій изъ арміи и новыхъ приказаній Наполеона. Онъ выбралъ мѣсто для стоянки въ Канопійскомъ

заливѣ, открытомъ, и ничемъ не защищаемомъ, между Александріею и Розеттою. Здѣсь поставилъ онъ рядомъ всѣ свои тринадцать большихъ кораблей, примыкаясь лѣвымъ крыломъ къ островку Абукиру. Съ нимъ были Шайла и Вилльнёвъ. Напрасно спорили съ нимъ подчиненные, и доказывали опасность положенія. Безпечность Брюйе простиралась до того, что онъ не имѣлъ даже при себѣ легкихъ судовъ, которыя увѣдомили бы его о приближеніи непріятеля, не укрѣпилъ баттареею острова Абукира, не вымѣрялъ пролива между нимъ, прибрежными мѣлями и линіею флота, и считалъ проходъ здѣсь для кораблей невозможнымъ. Часть матросовъ была на берегу, и даже корабли не приготовились къ бою, когда вдали показался непріятель. Адмиралъ спокойно сѣлъ обѣдать, послалъ перевозить съ берега на суда матросовъ, и думалъ, что Нельсонъ не рѣшится нападать при наступленіи ночи.

Не такъ думалъ Нельсонъ. Взоромъ хищнаго коршуна глядѣлъ онъ на Французскій флотъ, увидѣлъ невыгоды мѣста стоянки его, мгновенно сообразилъ планъ битвы, и немедленно началъ ее. Силы были равныя: на 13-ть Французскихъ кораблей у Нельсона было 14-ть, но всѣ 64-хъ пушечные, когда у Французовъ было три 84-хъ и одинъ 120 пушечный. Къ изумленію Брюйе, часть кораблей Нельсона смѣло пошла между Абукиромъ и мѣлями прибрежными, поставляя восемь кораблей его между двумя огнями. Брюйе увидѣлъ всѣ свои ошибки, и рѣшился иску-

пить ихъ храбростью. Битва началась жестокая, и еще далеко не была рѣшена, когда Брюйе ранили. Онъ не сошелъ съ палубы. «Адмиралъ долженъ умереть на своемъ посту,» говорилъ онъ. Черезъ нѣсколько минутъ его разорвало ядромъ. Замѣшательство умножилось. Вилльнёвъ, стоявшій нѣсколько отдѣльно съ пятью кораблями, не вступалъ еще въ битву, когда загорѣлся адмиральскій корабль и взлетѣлъ на воздухъ. Взрывъ былъ такъ ужасенъ, что остановилъ на нѣсколько времени битву, но она возобновилась съ новою свирѣпостью, продолжалась всю ночь, и кончилась около 9-ти часовъ утра на другой день. Кромѣ Вилльнёва, Французы искупили ошибки непобѣдимымъ мужествомъ. Капитанъ Дюпети-Туаръ, славный морякъ, лишился ноги, велѣлъ подать себѣ трубку и умеръ на палубѣ. Каза-Біанка, капитанъ Востока, имѣлъ подлѣ себя 10-ти лѣтняго сына во все время битвы, и погибъ съ нимъ вмѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была ужасная, но Англичанамъ окупилась она совершенною побѣдою и рѣшительнымъ истребленіемъ Французскаго флота. Вилльнёвъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, спѣшилъ уйдти, въ торопяхъ посадилъ на мѣль три корабля, и бѣжалъ съ двумя другими и двумя фрегатами. Онъ укрылся въ Мальтѣ. Флотъ Нельсона до того пострадалъ въ битвѣ, что не могъ преслѣдовать бѣглецовъ, и нѣсколько дней оставался близъ Абукира. Замѣчательно, что въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ Англійскихъ кораблей былъ Белеро-

фонтъ: всѣ три мачты его были сбиты, и двѣ трети людей убито и ранено, но онъ уцѣлѣлъ, былъ починенъ, и черезъ пятнадцать лѣтъ сдѣлался тюрьмою Наполеона. Нельсонъ ничего не могъ предпринять противъ Александріи, гдѣ стояли два линейные корабля, семь фрегатовъ и всѣ транспорты. Кромѣ того спаслись люди съ трехъ кораблей Вилльнёва, сѣвшихъ на мѣль; многіе бѣжали на берегъ съ другихъ кораблей, и даже сто человѣкъ уцѣлѣло съ Востока. Изъ нихъ составилъ Наполеонъ въ послѣдствіи морской легіонъ. Оставя два корабля блокировать Александрію, Нельсонъ отправился для починки и отдыха въ Неаполь.

Извѣстіе объ Абукирской битвѣ поразило Наполеона, какъ громовый ударъ. Онъ предчувствовалъ опасность, разсердился, когда услышалъ о томъ, что Французскій флотъ остался при Абукирѣ, и послалъ къ Брюйе строгое подтвержденіе изъ Каира, Іюля 27-го, съ адъютантомъ своимъ Жюльеномъ, строго приказывая идти въ Корфу. Посланный былъ убитъ Арабами на дорогѣ, но онъ пріѣхалъ бы слишкомъ поздно, ибо Абукирская битва уже доказала, какъ справедливо опасался Наполеонъ. Слыша разсказы о битвѣ, онъ простилъ Брюйе, заплатившему за безразсудство славною смертью, почтилъ скорбью память столь многихъ храбрыхъ, погибшихъ въ битвѣ, и изъявилъ гнѣвъ противъ Шайла, спустившаго флагъ. «Какъ могъ онъ не умереть на кораблѣ!» говорилъ Наполеонъ. «И онъ можетъ пере-

носить позоръ плѣна, быть посмѣшищемъ лаззароновъ Неаполитанскихъ! Видно, бываютъ люди, у которыхъ нѣтъ крови въ жилахъ.» Вилльнёва осуждалъ онъ менѣе, но не постигалъ его страннаго поступка. Согласно думали всѣ, что даже послѣ взрыва Востока Вилльнёвъ могъ еще рѣшить побѣду. «Онъ былъ храбръ, и хорошій морякъ, но чѣмъ объяснить его дѣйствія? (слова Наполеона). Онъ *ждалъ приказаній*, говорилъ онъ въ оправданіе. Утверждаютъ, что приказъ начать битву былъ ему данъ, но въ дыму не замѣтили сигнала. Пусть такъ, но чтò приказъ, если надобно участвовать въ битвѣ и помогать товарищамъ? Востокъ взорвало въ 11-ть часовъ ночи. Послѣ того Вилльнёвъ остался уже главнокомандующимъ, и другіе дрались, а онъ бездѣйствовалъ! Вилльнёвъ былъ человѣкъ нерѣшительнаго, безсильнаго характера.»

Глубокая грусть овладѣла Наполеономъ: то было первое бѣдствіе, съ тѣхъ поръ, какъ судьба такъ быстро повела его къ величію, и бѣдствіе это поразило его, ибо онъ понималъ огромность послѣдствій, не только разрушившихъ всѣ его планы, но даже расторгавшихъ всякое сообщеніе Египта съ Европою. Къ чему теперь были побѣды, труды, пожертвованія? Скорбь видна въ письмахъ, какія писалъ Наполеонъ къ женѣ Брюйе, и къ отцу моряка Тевенара, погибшаго при Абукирѣ. «Вашъ супругъ умеръ безъ страданій, самою сладостною, самою завидною для солдата смертью,» говорилъ Наполеонъ.

«Живо сочувствую вашей скорби. Мгновеніе, разлучающее насъ отъ милыхъ намъ, ужасно. Оно объединяетъ насъ на землѣ, заставляетъ терзаться судорогами смерти. Способности души уничтожаются, и связь ея съ міромъ является сквозь мракъ, все затмѣвающій. Люди кажутся болѣе безчувственны, болѣе эгоисты, нежели каковы они дѣйствительно. Въ такомъ положеніи чувствуемъ, что еслибы ничто насъ не обязывало жить, то умереть гораздо лучше. Но когда послѣ сей первой мысли прижмете къ сердцу дѣтей, слезы и нѣжныя чувства оживляютъ насъ, и мы живемъ для дѣтей. Да, М. Г., посмотрите, какъ съ этой первой минуты сердце ваше откроется унынію: вы будете плакать съ ними, воспитаете дѣтство ихъ, наблюдете юность ихъ, будете говорить имъ объ ихъ отцѣ, о потерѣ, которую сдѣлали въ немъ они и отечество. Привязавши душу вашу къ міру любовью дѣтскою и любовью материнскою, оцѣните во что нибудь дружбу и живое участіе, которыя всегда сохраню я къ женѣ моего друга. Увѣрьтесь, что есть, хоть немногіе, заслуживающіе быть надеждою скорби, ибо они горячо ощущаютъ ваши душевныя страданія.»—«Вашъ сынъ,» писалъ Наполеонъ Тевенару, «убитъ безъ страданій и умеръ съ честью: единственное утѣшеніе прискорбнаго отца. Мы всѣ обречены смерти, и нѣсколько лишнихъ дней стоятъ ли счастія умереть за отечество? Вознаградятъ ли они скорбь видѣть себя на одрѣ болѣзни, окруженнаго эгоизмомъ по-

ваго поколѣнія? Стоятъ ли они мученій и страданій долговременной болѣзни? Счастливы падшіе на полѣ битвы: вѣчно живутъ они въ воспоминаніяхъ потомства. Никогда не внушатъ они жалости и состраданія, ощущаемыхъ при видѣ дряхлой старости, или терзаній больнаго. Вы посѣдѣли на поприщѣ брани, и вы будете скорбѣть о сынѣ, достойномъ васъ и отечества, но вмѣстѣ съ нами удѣляя нѣсколько слезъ его памяти, вы скажете, что смерть его была славна — достойна зависти....»

Печаль Наполеона была непродолжительна. Увидя себя оставленнымъ самому себѣ, геній его оперся на свою непобѣдимую волю. Еще другіе горевали и сомнѣвались, но онъ ужь былъ выше горести и сомнѣній. «Что за бѣда?» говорилъ онъ — «мы умремъ здѣсь, или выйдемъ велики, какъ герои древности.» — «Это заставитъ насъ надѣлать великаго гораздо болѣе, нежели мы хотѣли сдѣлать прежде,» писалъ онъ Клеберу—«готовьтесь!»—«Да,» отвѣчалъ ему Клеберъ — «теперь надобно великое — я приготовляю къ нему мои способности.» Первое вниманіе Наполеона было обращено поддержать духъ солдатъ. Увидя его, какъ прежде, спокойнымъ и веселымъ, они ободрились, и въ годовщину основанія республики радостно слушали приказъ его:

«Солдаты!»

«Мы празднуемъ 1-й день VII-го года республики. За пять лѣтъ независимость Французскаго народа была угрожаема — вы взяли Тулонъ, и онъ былъ

предвѣстникомъ гибели непріятелей. Черезъ годъ вы разбили Австрійцовъ у Дего. На слѣдующій годъ вы были на вершинахъ Альповъ. Вы боролись съ Мантуею, и одержали славную побѣду Санъ-Жоржскую. Въ прошломъ году вы находились на истокахъ Дравы и Изонцо, возвращаясь изъ Германіи. Кто сказалъ бы тогда, что сегодня вы будете на берегахъ Нила, въ центрѣ древняго материка? Отъ Англичанъ, славныхъ искуствами и торговлею, до безобразнаго и свирѣпаго Бедуина, вы обратили на себя взоры всѣхъ. Солдаты! жребій вашъ прекрасенъ, ибо вы достойны сдѣланнаго вами, и мнѣнія другихъ объ васъ. Вы умрете съ честью, какъ тѣ храбрые, чьи имена написаны на пирамидахъ, или возвратитесь въ отечество съ лаврами и удивленіемъ свѣта! Удаленные отъ Европы, мы не перестаемъ быть безпрерывнымъ предметомъ заботливости соотечественниковъ. Сегодня сорокъ мильоновъ славятъ день праздника, думаютъ объ насъ, и говорятъ: ихъ трудамъ, ихъ крови обязаны мы всеобщимъ миромъ и спокойствіемъ, благоденствіемъ торговли, благодѣяніями общественной свободы!»

И какъ будто силы и надежды его были прежнія, онъ началъ сношенія съ Джеззаромъ, пашею Сирійскимъ, писалъ къ Визирю, отправилъ письмо къ Типпо-Саибу. Вотъ сіи письма:

Джеззару.

«Пришедши въ Египетъ воевать съ беями, я поступилъ справедливо и сообразно съ твоими польза-

ми. Я не пришелъ воевать съ музульманами. Ты долженъ знать, что первою заботою моею по занятіи Мальты было освобожденіе 2000 Турковъ, много лѣтъ страдавшихъ въ неволѣ. Прибывши въ Египетъ, я увѣрилъ народъ въ безопасности, покровительствовалъ муфтіямъ, имамамъ и мечетямъ. Никогда прежде пилигримы Меккскіе не видали столько ласки и дружбы, и праздникъ пророка никогда не былъ празднованъ великолѣпнѣе нынѣшняго. Посылаю тебѣ письмо съ моимъ офицеромъ, и онъ лично увѣритъ тебя въ намѣреніи моемъ жить дружно, и взаимно заботиться о торговлѣ и благоденствіи жителей, ибо у музульманъ нѣтъ друзей лучше Французовъ.»

Великому Визирю.

«Французская армія, которою имѣю я честь начальствовать, пришла въ Египетъ наказать Мамелюкскихъ беевъ за оскорбленія, какія терпѣла отъ нихъ Французская торговля. Гражданинъ Талейранъ-Перигоръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, наименованъ Французскимъ посломъ въ Царьградъ, и снабженъ отъ Исполнительной Директоріи всѣми полномочіями и наставленіями заключать и утверждать все, что необходимо для прекращенія недоумѣній, происходящихъ отъ занятія Египта Французскою арміею, и упроченія старинной и необходимой дружбы, долженствующей существовать между нашими двумя державами. Но, можетъ быть, что онъ еще не пріѣхалъ въ Царьградъ, и я спѣшу передать В. П. желаніе Французской республики, не только продолжать прежнее на-

ше доброе согласіе, но и оказать Портѣ всякую помощь, въ коей можетъ она имѣть надобность противъ естественныхъ, соединяющихся противъ нея враговъ. Посолъ Талейранъ-Перигоръ теперь долженъ уже пріѣхать въ Царьградъ. Но если, по какому либо случаю, его еще нѣтъ у васъ, прошу В. П. послать ко мнѣ довѣренную особу, снабженную вашими наставленіями и полномочіями, или прислать мнѣ фирманъ, послѣ чего я могъ бы отправить къ вамъ повѣреннаго, дабы неизмѣнно утвердить жребій здѣшней страны, и устроить все для славы Султана и Французской республики, его вѣрной союзницы, и для вѣчнаго смиренія беевъ и Мамелюковъ, нашихъ общихъ враговъ.»

Типпо-Саибу.

«Ты уже знаешь о прибытіи моемъ на берега Чермнаго моря, съ безчисленною и непобѣдимою арміею, исполненною желанія избавить тебя отъ желѣзнаго ига Англіи.

«Спѣшу передать тебѣ желаніе, чтобы черезъ Маскатъ и Мокку прислалъ ты извѣстіе о положеніи, въ какомъ ты находишься; желалъ бы я также, чтобы въ Суэзъ, или Каиръ, прислалъ ты какого нибудь умнаго и довѣреннаго человѣка, съ которымъ могъ бы я переговаривать.»

И когда такимъ образомъ Наполеонъ старался дѣйствовать, какъ умный политикъ, неусыпное вниманіе его было обращено на воинскую предосторожность. Кроткія, но сильныя мѣры поддержать

подчиненность и порядокъ, были необходимы для удержанія завоеванной земли. Города и селенія укрѣпляли, дороги безопасили, учреждали сообщенія. Безпрерывно происходили воинскія ученья; конница снабжена была превосходными Арабскими лошадьми; заботились о здоровьи людей, пріученіи ихъ къ климату и трудностямъ походовъ въ степяхъ. Составили отряды войскъ на верблюдахъ; учреждали милицію изъ жителей для городской стражи. Наполеонъ обращалъ особенную заботливость на занятія ученой экспедиціи. Въ самые отдаленные оазисы и недоступныя дотолѣ развалины проникали подъ прикрытіемъ войска художники, археографы, естествоиспытатели, описывали, срисовывали, собирали памятники и произведенія Египта. Въ Каирѣ издавался журналъ, подъ названіемъ *Египетскаго Монитера*. Учреждено было Отдѣленіе Института, гдѣ Монжъ объявленъ президентомъ, а Наполеонъ вице-президентомъ. По цѣлымъ часамъ присутствовалъ онъ въ засѣданіяхъ, и вотъ предложенія его, объявленныя Отдѣленію, по коимъ можно судить о разнообразіи его взглядовъ: изобрѣсть простой механизмъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ; найдти замѣну хмѣля для пива; опредѣлить способы разсадки винограда; провесть воду въ Каирскую крѣпость; испытать рытье колодцовъ въ степяхъ и средства очищать Нильскую воду; пріискать способы употреблять съ пользою развалины, коими завалены всѣ города и селенія; усилить мѣру выдѣлки пороха; издать букварп Арабскіе и Коптскіе, календарь

сравнительный, сравненіе мѣръ и вѣсовъ, и проч. Наполеонъ осмотрѣлъ Суэзскій перешеекъ, предполагая начать работы соединенія Чермнаго и Средиземнаго моря. Ученые сопровождали караванъ его, подъ защитою Бертье и Даммартена. Наполеонъ подробно осмотрѣлъ слѣды прежнихъ каналовъ, велѣлъ снимать планы, переѣхалъ на Аравійскій берегъ, и едва не утонулъ въ Чермномъ морѣ, заведенный въ него, по ошибкѣ проводника, во время прилива. «Вотъ была бы радость Папѣ,» говорилъ смѣясь Наполеонъ — «увѣряли бы, что я утонулъ въ Чермномъ морѣ за нечестіе, какъ второй Фараонъ!» На Аравійскомъ берегу осмотрѣлъ онъ Моисеевы Колодцы, и заключилъ союзъ съ Синайскими Маронитами.

Обращеніе съ жителями Египта было безпрерывною заботою Наполеона. Поощряя торговлю, онъ обезопасилъ караваны, сносился съ Меккою, куда отправлялись молельщики, и учредилъ почетный чинъ эмиръ-гаджи, уничтоженный при смятеніяхъ въ Египтѣ. Учредивъ судебные диваны, онъ старался о правосудіи и соблюденіи мѣстныхъ законовъ, передъ которыми являлись равны Французы и Арабы, знатные и бѣдняки, что весьма изумляло мудрыхъ шеиховъ дивана. Заступаясь за смерть Феллаха, убитаго Арабами, и требуя наказанія убійцамъ, Наполеонъ заставилъ одного изъ судей спросить съ изумленіемъ: «Да, что за важность тебѣ смерть бѣдняка? Вѣдь онъ не родня твой?» — «Больше!» вскричалъ Наполеонъ—«онъ принадлежалъ къ тѣмъ, кого Богъ под-

чинилъ моей власти, и за кого потребуетъ у меня отчета въ каждомъ!» Безмолвіе, послѣдовавшее за его отвѣтомъ, было прервано общимъ кликомъ: «Хвала Аллаху! Онъ говорилъ премудро, какъ пророкъ!»

Уваженіе къ религіи мусульманской, изъявляемое Наполеономъ, изумляло не менѣе. Всѣ праздники мусульманскіе отправлялись Французами торжественно, и особенно великолѣпно былъ учрежденъ праздникъ открытія Нильскихъ водъ въ Каирѣ, Августа 18-го. Наводненіе было въ тотъ годъ обильное. Наполеонъ участвовалъ въ бѣгѣ лодокъ по Нилу, и раздавалъ подарки побѣдителямъ. Благоговѣйно присутствовалъ онъ при моленіи въ мечети, въ день праздника Магомета, сидя на подушкахъ, поджавши ноги по Восточному обычаю, велѣлъ палить изъ пушекъ и иллюминовать городъ.

Дѣла Наполеона пріобрѣли наконецъ ему любовь и уваженіе жителей, шеиховъ и мусульманскаго духовенства. Положено было читать при молитвахъ въ мечетяхъ: «Слава Султану, и слава союзникамъ его, Французскимъ войскамъ, проклятіе Мамелюкамъ и благословеніе Египту!» Имя *Кебиръ Султана* (великаго султана) дано было Наполеону. Поэты Арабскіе славили его въ пѣсняхъ, подобныхъ слѣдующей:

«Великій Аллахъ не разгнѣвался на насъ. Онъ забылъ грѣхи наши, достаточно заглаженные долговременнымъ игомъ Мамелюковъ. Воспоемъ милосердіе великаго Аллаха!

«Кто Онъ, избавившій отъ опасностей моря и

ярости волнъ любимца побѣдъ? Кто Онъ, проведшій здравыми и невредимыми на берега Нила храбрыхъ Запада?

«Великій Аллахъ! Великій Аллахъ! Онъ не разгнѣвался на насъ! Воспоемъ милосердіе великаго Аллаха!

«Беи Мамелюкскіе надѣялись на крѣпость триста-товъ своихъ, и поставили на битву своихъ воиновъ.

«Но любимецъ побѣдъ, во главѣ храбрыхъ Запада, уничтожилъ тристатовъ и воиновъ Мамелюкскихъ.

«Какъ утренніе туманы, поднимаясь съ Нила, разсѣяваются лучами солнца, такъ дружины Мамелюковъ разсѣяны были храбрыми Запада, ибо великій Аллахъ разгнѣванъ на Мамелюковъ, и храбрые Запада составляютъ зрачекъ праваго ока великаго Аллаха!»

Наполеонъ хотѣлъ дѣйствовать на воображеніе жителей даже таинственнымъ величіемъ, представляя изъ себя вдохновеннаго посланника небесъ. Великолѣпіе всегда окружало его; рѣчь его всегда была важна, исполнена гиперболъ и сентенцій на маперъ Восточный. Разговаривая однажды съ муфтіемъ, онъ замолчалъ, и потомъ заговорилъ торжественно: «Слава Аллаху! Единый Богъ есть Богъ, а Магомедъ пророкъ его!»—«Ты изрекъ великую истину,» отвѣчалъ муфтій. «Вѣришь ли, что избранники могутъ обратить громы небесные съ неба на землю? — Ты великій вождь, которому Магомедъ вручилъ громы небесные, съ могуществомъ и побѣдою. — «Да, но

хлѣбъ, похищенный злымъ, превратится въ прахъ въ устахъ его!» возразилъ Наполеонъ. Можетъ быть, оба собесѣдника сами плохо понимали что такое говорятъ, но тѣмъ было лучше, и нѣкоторые изъ шейховъ рѣшились даже предложить Наполеону принять вѣру магометанскую. Послѣ отзыва его, что онъ не согласенъ отказаться отъ вина, и не терпитъ многоженства и обрѣзанія, былъ созванъ совѣтъ о томъ, не должно ли для Наполеона измѣнить нѣкоторые догматы вѣры мусульманской? Многіе изъ Французовъ женились въ Египтѣ; въ числѣ ихъ былъ генералъ Мену. Жители перенимали правы, обычаи, экипажи пришлецовъ, даже пили съ ними вино. «Что переняли вы у насъ лучшаго?» спросилъ Наполеонъ, за веселымъ обѣдомъ, у одного изъ шейховъ. «Кажется, вотъ лучшее, что у васъ перенять можно!» отвѣчалъ Шейхъ, смѣясь, и прихлѣбывая изъ своей рюмки.

Но вскорѣ должно было оставить Наполеону всѣ предположенія основаться въ Египтѣ, и особливо заботиться объ его образованіи. Надлежало помышлять только о собственномъ своемъ спасеніи, ибо грозныя тучи гибели скоплялись надъ храбрымъ войскомъ, забытымъ Франціею въ пустыняхъ и развалинахъ царства Фараоновъ.

Наполеонъ могъ надѣяться, что являясь врагомъ Мамелюковъ и поддерживая дружбу съ Султаномъ, при посредствѣ дипломатики Талейрана, при пособіи флота, угрожающаго Царьграду, и арміи въ Египтѣ,

онъ согласитъ на союзъ Порту. Съ самаго начала революціи Турція оказывала прежнюю дружбу къ Франціи, укрѣпленную столь долговременными союзами. Вопреки внушеніямъ Европейскихъ дипломатовъ, Султанъ ласково встрѣтилъ посла Французскаго, и отправилъ въ Парижъ своего посла (Сеидъ-Али-Эффенди). Тщетно Австрійскій посолъ, баронъ Герцбергъ, представлялъ Султану, въ жару дипломатической ревности, Французовъ *извергами, всюду разсѣвающими духъ безначалія,* и посла ихъ *чудовищемъ, отправленнымъ ордою злодѣевъ,* столь презрительнымъ, что его не принимаетъ ни одинъ изъ государей. Такъ продолжалось до Египетскаго похода. Явленіе Французовъ въ Египтѣ изумило Турцію. Талейранъ не ѣхалъ. Дѣйствія Европейскихъ дипломатовъ противъ Франціи усилились, но Султанъ все еще колебался, ибо страшился оружія Французовъ. Битва Абукирская рѣшила его сомнѣнія. Обѣщанія и угрозы Англичанъ, предлагавшихъ войну, или союзъ и отнятіе Египта общими силами, склонили Султана къ войнѣ. Еще усерднѣе Англіи старался о томъ Императоръ Россійскій. Поступая, какъ рыцарь, оказавши покровительство Мальтійскому ордену, принявши въ Россію Бурбоновъ, гонимыхъ отвсюду, и одушевляясь безкорыстнымъ желаніемъ спасти Европу отъ хищеній революціи, онъ призывалъ на союзъ Европейскихъ государей, и предложилъ свою помощь и дружбу Турціи, издревле непримиримому врагу Россіи. Совершилось дѣло неслыханное: Де-

кабря 23-го, 1798 г. въ Царьградѣ, Русскимъ посломъ Томарою, и Англійскимъ Спенсеромъ Смитомъ, подписанъ былъ трактатъ, въ силу коего Султанъ посылалъ войско въ Египетъ и Сирію, соединялъ флотъ съ Русскимъ и Англійскимъ, и объявлялъ войну Голландіи и Испаніи, союзницамъ Франціи. Посланникъ Французскій былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ. Въ гатти-шерифѣ своемъ Султанъ укорялъ Францію вѣроломствомъ. «Безстыдныя и произвольныя дѣла,» говорилъ онъ, «показываютъ, что Франція хочетъ разрушить миръ и союзъ всего свѣта, употребляя тайныя козни, мечъ и огнь, и всюду предписывая гибельные законы.» Въ Сентябрѣ явился въ Царьградѣ Черноморскій Русскій флотъ, предводимый адмираломъ Ушаковымъ.

Наполеонъ видѣлъ непріязнь Турковъ, но лишенный свѣдѣній изъ Царьграда и изъ Европы, не зналъ подробностей дѣлъ. Первымъ слѣдствіемъ рѣшенія Султана было волненіе, замѣченное въ Египтѣ. Тысячи экземпляровъ воззваній Султанскихъ было разсѣяно въ Египтѣ. Султанъ, какъ наслѣдникъ халифовъ, призывалъ всѣхъ музульманъ къ оружію. «Народъ Французскій (да, сокрушитъ его Богъ отъ начала до конца, и да покроетъ позоромъ знамена его!) есть народъ упорный въ невѣріи и злодѣйствѣ необузданномъ,» говорилъ Султанъ. «Коранъ и завѣты Божескіе почитаетъ онъ баснями. О вы! защитники исламизма, герои, хранители вѣры, обожатели единаго Бога, вѣрующіе посланію Магомета, сына Абдеръ-Ал-

лахова, соединитесь, и идите въ битвы подъ покровомъ Всевышняго! Хвала небу! Сабли ваши изощрены, стрѣлы мѣтки, копья пронзительны, пушки уподобляются грому. Вскорѣ войска, сколь многочисленныя, столь и страшныя, придутъ къ вамъ землею, когда въ то же время корабли, яко горы великія, покроютъ лицо морей. Вамъ, тако угодно Богу, предоставлено истребленіе невѣрныхъ. Подобно праху, вѣтрами возвѣваемому, не останется слѣда невѣрныхъ, ибо такова воля Бога. Суетна надежда злыхъ, и погибнутъ злые. Слава міровъ Создателю!»

Призывомъ Султана уничтожено было все, чѣмъ Наполеонъ увлекалъ до тѣхъ поръ Египетъ. Тысячи Арабовъ появились изъ своихъ пустынь; страшный заговоръ былъ учиненъ въ Каирѣ, и Октября 22-го волненіе началось избіеніемъ Французовъ. Съ минаретовъ призывали муэззины народъ къ оружію и истребленію проклятыхъ Франковъ. Генералъ Дюпюи, и адьютантъ Наполеона, Полякъ Сулковскій, погибли подъ кинжалами убійцъ. Наполеонъ находился въ отсутствіи. Онъ прискакалъ въ Каиръ, двинулъ войско; пока Мюратъ гналъ въ степи полчища Бедуиновъ, нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ разогнали толпы Каирскихъ бунтовщиковъ. Они заперлись въ мечетяхъ, и прислали просить пощады. Наполеонъ былъ неумолимъ. Рѣдкое въ Египтѣ явленіе устрашило тогда народъ: на небѣ собрались тучи, загремѣлъ громъ. «Самъ Богъ изъявляетъ гнѣвъ свой измѣнникамъ!» воскликнулъ Наполеонъ. «Время милости прошло —

наступили часы гнѣва! Вы начали — я кончу!» Пушками разбили двери главной мечети, и послѣ отчаянной битвы, всѣ бывшіе въ ней бунтовщики пали подъ штыками; другихъ судили и казнили. Около 5000 музульмановъ погибло отъ оружія и было казнено, въ возмездіе за погибель 300 Французовъ. Наполеонъ уничтожилъ диваны, учредилъ военное управленіе, не внималъ просьбамъ, и когда наконецъ согласился на помилованіе, постарался придать торжественность своему милосердію, возстановляя диваны. Въ мечетяхъ читанъ былъ приказъ Наполеона:

«Шейхи и улемы, глашатаи мечетей, возвѣстите народу, что враги мои погибнутъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Неужели есть еще слѣпцы, не видящіе, что я посланъ Провидѣніемъ, или не вѣдающіе, что оно дало мнѣ власть? Вразумите народъ, что отъ начала вѣковъ предположено было Богомъ истребить враговъ исламизма, и изъ отдаленныхъ странъ запада пришелъ я исполнить долгъ, Богомъ на меня наложенный. Изъясните народу, что въ двадесяти мѣстахъ корана возвѣщено было мое появленіе. Могу требовать отъ каждаго изъ васъ отчета въ самыхъ тайныхъ мысляхъ его, ибо всѣ мысли ваши вѣдомы мнѣ, и уже грядетъ часъ, когда познаютъ, что я посланъ Провидѣніемъ, и всѣ усилія человѣческія ничтожны предо мною!»

Укрощая Египетъ оружіемъ, строгостью и кротостью Наполеонъ недоумѣвалъ, что ему надлежало дѣлать? Онъ не сомнѣвался, что Директорія увле-

чена въ новыя замѣшательства въ Европѣ, и убѣждаясь, что нельзя надѣяться помощи, онъ убѣдился и въ опасности, угрожавшей ему. Въ Сиріи собирались войска. Сирійскій Ахметъ-паша, кровожадное чудовище, славившійся названіемъ *джеззара* (мясника), даннымъ ему за его свирѣпство, придвинулъ отряды къ предѣламъ Египта. Паша Дамаскій, Абдалла занялъ даже Эль-Аришъ на землѣ Египетской. Уже двадцать лѣтъ грабилъ Джеззаръ Сирію. Именемъ Султана обѣщали ему прощеніе, даже титулъ паши Египетскаго, если онъ уничтожитъ Французовъ. Наполеонъ, не получая отъ него отвѣта на письмо, послалъ къ нему еще разъ — Джеззаръ изорвалъ письмо, и отрубилъ голову посланному. Слышно было, что Турки, Англичане, Руские идутъ въ Египетъ. Видя со всѣхъ сторонъ гибель неизбѣжную, Наполеонъ рѣшился смѣло довѣриться своей судьбѣ, и отвагою предупредить гибель.

Онъ разсчитывалъ, что высадка въ Египетъ можетъ быть учинена только весною на слѣдующій годъ. Пользуясь зимнимъ временемъ, онъ могъ совершить походъ въ Сирію. Ливанскіе горцы, съ коими имѣлъ онъ сношенія, обѣщали соединиться съ нимъ. Уничтожить Джеззара, и съ грозною арміею стать у Дарданеллъ — такова была мысль Наполеона. Онъ могъ отдѣлить до 20,000 солдатъ, закаленныхъ во льдахъ Тироля и пескахъ Египта. Мысль приведена была имъ въ исполненіе немедленно. Египетъ былъ спокоенъ. Дезе охранялъ его отъ Муратъ-бея. Бонъ,

Клеберъ, Ланнъ и Ренье назначены начальниками пѣхоты въ Сирійскую армію, Мюратъ конницы, Дамартенъ артиллеріи, Каффарелли инженеровъ, Доръ опредѣленъ начальникомъ штаба. Велѣно было моремъ перевезть въ Сирію тяжелую артиллерію.

Все еще опасаясь высадки, Наполеонъ не рѣшился начать похода своего прежде Февраля 1799 года. Къ счастію его, медленно собирались въ Родосѣ Турки. Русская эскадра обратилась къ берегамъ Италіи, и начала завоеваніе Іоническихъ острововъ. Англичанъ отвлекала высадка въ Ирландію. Нельсонъ былъ занятъ событіями въ Неаполѣ, увлеченный любовью новой Армиды, умѣвшей плѣнить безстрашнаго моряка. Съ другой стороны усилія Англичанъ обратились на Индію. Типпо-Саибъ не могъ переслать отвѣта къ Наполеону, но переговоры его съ Французами были предлогомъ войны съ нимъ Англичанъ. Веллеслей, губернаторъ Индіи, двинулъ войска на Мизоръ, въ началѣ 1799 года. Преданный вѣроломными союзниками, Типпо-Саибъ погибъ въ битвѣ, и съ нимъ разрушилось Мизорское царство. Замѣтимъ, что въ то время, когда Наполеонъ воевалъ въ пескахъ Сиріи, при взятіи Серингапатнама находился братъ Остъ-Индскаго губернатора, полковникъ Артуръ Веллеслей, которому черезъ десять лѣтъ надлежало явиться соперникомъ Наполеона въ Португаліи, и черезъ шестнадцать лѣтъ дать ему послѣднюю битву подъ Ватерлоо. Думали, что достаточно было Турецкихъ силъ уничтожить бѣдные остатки войскъ Француз-

скихъ въ Египтѣ, ибо и во Франціи даже считали ихъ невозвратно погибшими послѣ Абукирской битвы, непріязни Турціи, и союза съ нею Россіи и Англіи.

Не имѣя никакихъ извѣстій изъ Франціи, Февраля 10-го Наполеонъ писалъ Директоріи, просилъ увѣдомленія, извѣщалъ объ успѣхахъ, о важныхъ открытіяхъ рудниковъ и натроновыхъ копей въ Египтѣ. «Необходимо,» говорилъ онъ, «прислать намъ оружія и войска, и военныя и дипломатическія дѣйствія ваши соглашать съ здѣшними. У меня умираютъ люди отъ битвъ и отъ естественныхъ причинъ. Много враговъ надлежитъ намъ побѣждать здѣсь — пустыни, жителей, Арабовъ, Мамелюковъ, Рускихъ, Турковъ, Англичанъ. Не позволяю себѣ никакихъ замѣчаній о дѣлахъ республики въ Европѣ, ибо уже десять мѣсяцовъ не имѣю никакихъ извѣстій. Питаю полную надежду на мудрость и твердость вашихъ распоряженій, но *если въ теченіе Марта подтвердятся извѣстія, что Франція въ войнѣ съ королями, я отправлюсь во Францію* (que la France fût en guerre contre les rois, je passerais en France).

Въ тотъ же день 12,000 войска выступили въ походъ изъ Каира. Быстро пройдены были пески, раздѣляющіе Египетъ отъ Сиріи и Палестины. Французы уже ознакомились съ Египтомъ и его пустынями. Эль-Аришъ, древняя Ринокolура, увидѣлъ Наполеона 17-го Февраля. Здѣсь находился гарнизонъ Турецкій, предводимый пашею Абдаллою. Ибрагимъ

бей стоялъ вблизи лагеремъ. Схватка Мюрата съ Арабами, и нѣсколько выстрѣловъ по городу, рѣшили дѣло; 1300 плѣнныхъ, и богатый лагерь Ибрагима, были наградою побѣдителей. Плѣнныхъ отпустили съ условіемъ не служить противъ Французовъ. Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Палестины, мѣста, гдѣ совершались подвиги Крестоносцовъ.

Сирія и Палестина составляютъ приморье, въ 60 льё ширины, между Малою Азіею, Египтомъ и Аравіею, отдѣляясь отъ Эвфрата и Аравіи песками и горами Ливанскими, отчасти безплодными, отчасти покрытыми сосновымъ лѣсомъ. Отдѣленія горъ Ливана, прорѣзанныя долинами, идутъ къ морю, образуя на морскомъ берегу низкія песчаныя прибрежья, льё на 10 въ ширину; здѣсь расположены приморскіе города, Газа, Яффа, Акра и другія заселенія, менѣе значительныя. Дамаскъ и Алепъ, два обширные города (200,000 и 150,000 жителей), находятся за Ливаномъ въ сѣверной Сиріи. Ключъ къ обладанію всей Сиріи заключается въ приморскихъ укрѣпленныхъ городахъ, и особенно Акрѣ, гдѣ было тогда учреждено мѣстопребываніе паши Сирійскаго. Владѣя Акрою, Наполеонъ обладалъ всею Сиріею, какъ владѣя Каиромъ, онъ былъ властителемъ Египта. Побѣда казалась ему здѣсь не труднѣе побѣды въ Египтѣ.

Почти безъ сопротивленія сдалась *Газа*, древняя столица Филистимлянъ, въ виду войскъ Джеззара, отступившихъ безъ боя. Богатая добыча досталась Французамъ. Марта 3-го приблизились къ *Яффѣ*,

древней Іоппіи. Защищенная высокою каменною стѣною съ башнями, и сильнымъ гарнизономъ, Яффа отказала въ сдачѣ. Турки отрубили даже голову посланному къ нимъ съ предложеніемъ. Наполеонъ велѣлъ начать пальбу. Вскорѣ пробита была брешь. Французы ворвались въ городъ. Послѣ отчаянной битвы въ улицахъ, паша заперся въ главной мечети; ее взяли штыками; городъ отданъ на грабежъ, но Наполеонъ тѣмъ не удовольствовался: надлежало показать примѣръ неумолимой строгости. Смерть посланнаго въ городъ для переговоровъ, и открытіе, что Газскіе плѣнники находились въ Яффѣ и дрались съ Французами, требовали возмездія. Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять всѣхъ попавшихся въ плѣнъ мусульмановъ. Множество тяжкихъ обвиненій пало послѣ того на Наполеона — кричали объ его свирѣпствѣ, безчеловѣчіи, кровожадности. Крикуны не знали Востока и его обычаевъ. Только страхомъ могъ удержаться Наполеонъ среди варваровъ, которые не пощадили бы его въ подобномъ случаѣ, и вели съ нимъ изувѣрную войну, возбуждаемые фетфами Султана и палачами Джеззара. Il étaient des diables trop dangereux pour les lacher une seconde fois, говорилъ Наполеонъ объ Яффскихъ плѣнникахъ. Турки шли на смерть хладнокровно, и обреченіе на казнь не произвело въ нихъ ни отчаянія, ни страха.

Изъ Яффы отправилъ Наполеонъ еще разъ письмо къ Джеззару. «Со времени прибытія моего въ Египетъ,» писалъ онъ, «много разъ извѣщалъ я тебя, что

не хочу воевать съ тобою, и единственная цѣль моя изгнать Мамелюковъ. Ты не отвѣчалъ мнѣ.

«Я говорилъ тебѣ, что хочу удаленія Ибрагимабея отъ предѣловъ Египта, но ты послалъ войска въ Газу, собралъ запасы, объявлялъ повсюду, что идешь въ Египетъ, и дѣйствительно, ты вторгся въ него, пославши двѣ тысячи твоего войска въ крѣпость Эль-Аришъ, находящуюся на землѣ Египетской. Мнѣ должно было перенесть къ тебѣ войну, на которую ты вызывалъ меня.»

«Области Газы, Рамлы и Яффы въ моей власти. Великодушно поступалъ я съ тѣми изъ твоихъ войскъ, которыя предались волѣ моей, и строгъ былъ съ нарушившими права войны. Черезъ немного дней иду къ Акрѣ. Но для чего мнѣ отнимать нѣсколько немногихъ дней жизни у тебя, старика, мнѣ незнакомаго? Что мнѣ принесутъ еще нѣсколько миль земли къ той, которую я завоевалъ? Если Богъ даетъ мнѣ побѣду, по примѣру его хочу быть благъ и милосердъ, не только къ народу, но и властителямъ его.»

«У тебя нѣтъ причины быть врагомъ моимъ, ибо ты врагъ Мамелюкамъ. Твоя область отдѣлена областями Газы, Рамлы и безконечными песками Египта. Будь другомъ моимъ, врагомъ Мамелюковъ и Англичанъ, и я сдѣлаю тебѣ столько добра, сколько сдѣлалъ, и еще могу сдѣлать тебѣ зла. Пришли мнѣ отвѣтъ съ человѣкомъ уполномоченнымъ и знающимъ твои намѣренія. Онъ долженъ явиться передъ моимъ авангардомъ съ бѣлымъ знаменемъ, и при семъ при-

лагаю я паспортъ ему. Черезъ пять дней иду на Акру. Отвѣчай безъ замедленія!»

Джеззаръ не отвѣчалъ, и казнилъ присланнаго съ письмомъ Наполеона. Оставалось одно — битва.

Въ половинѣ Марта войско Французское пошло къ Акрѣ (Saint-Jean d'Acre), древней Птолемандѣ, послѣднемъ городѣ Крестоносцовъ. Вся Палестина занята была отрядами Французовъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ съ Наполеономъ спрашивали у него: посѣтитъ ли онъ Іерусалимъ? «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ — «Іерусалимъ не входитъ въ планъ моихъ дѣйствій.»

Акра находится при обширномъ заливѣ, единственномъ удобномъ портѣ Сирійскомъ, одну оконечность коего составляетъ гора Кармель; на другой находится Акра, занимая длинный мысъ. Она защищена двойнымъ рядомъ стѣнъ; за первымъ былъ еще ровъ. Многочисленный гарнизонъ, и самъ Джеззаръ, затворились въ крѣпости. Наполеонъ твердо надѣялся на успѣхъ, но испыталъ горестную неудачу, и всего болѣе въ слѣдствіе несчастной Абукирской битвы.

Оставляя Египетъ, Нельсонъ поручилъ сиру Сиднею Смиту блокаду Египетскихъ береговъ. Сидней Смитъ былъ молодой морякъ, отважный искатель приключеній, заклятой, личный врагъ Французовъ. Съ 13 лѣтъ возраста всегда былъ онъ на морѣ; 20-ти лѣтъ командовалъ фрегатомъ, дрался съ Рускими въ Балтійскомъ морѣ, находясь волонтеромъ въ Шведскомъ флотѣ, перешелъ въ Турецкій флотъ, и при началѣ революціи поспѣшилъ въ отечество. При от-

денегъ, и дали на строеніе большаго моста. Тогда же отняли посадничество у Ивана Дмитріевича, и отдали его Внѣзду Водовику, а Иванку дали Торжокъ, но жители этого города не приняли его, и онъ пошелъ къ Ярославу.

Михаилъ впрочемъ и на этотъ разъ не долго оставался въ Новгородѣ: въ томъ же 1229 году, оставивъ сына Ростислава въ Новгородѣ, и взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, онъ пошелъ въ Черниговъ къ братьямъ; къ Ярославу послали сказать: «Отступись отъ Волока и отъ всего Новгородскаго, что взялъ силою, и цѣлуй крестъ.» Ярославъ отвѣчалъ: «Ни отъ чего не отступаюсь и креста не цѣлую, вы себѣ, а я себѣ», — и продержалъ пословъ все лѣто. Въ слѣдующемъ году Михаилъ явился въ Новгородъ, справилъ постриги своему сыну Ростиславу, посадилъ его на столѣ, а самъ опять пошелъ въ Черниговъ. Имѣть малолѣтняго Князя для Новгородцевъ было все равно, что не имѣть его вовсе, начались опять сильныя волненія: новый посадникъ Водовикъ поссорился съ сыномъ стараго посадника Степаномъ Твердиславичемъ, сторону котораго принялъ Иванко Тимошкиничь; слуги посадничьи прибили Тимошкинича, который на другой день собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, въ слѣдствіе чего дворъ посадничій былъ разграбленъ. Но Водовикъ вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ, старымъ посадникомъ, соперникомъ Твердислава, а слѣдовательно и сына его, подняли снова весь городъ на Иванка и его пріятелей, пошли съ вѣча и много дворовъ разграбили, а Волоса Блуткинича убили на вѣчѣ, при чемъ Водовикъ приговаривалъ: «ты мой дворъ хотѣлъ зажечь.» Водовикъ послѣ убилъ также и Тимошкинича, сбросивши его въ Волховъ. Но зимою, когда посадникъ вмѣстѣ съ княжичемъ Ростиславомъ поѣхалъ въ Торжокъ, то на другой же день враги его убили Семена Борисовича, домъ и села его разграбили, жену схватили; также разграбили дворъ и села Водовиковы, брата его и пріятелей, тысяцкаго Бориса. Услыхавъ объ этомъ, Водовикъ съ братьями, тысяцкій Борисъ и Торжокскіе бояре побѣжали къ Михаилу въ Черниговъ, а въ Новгородѣ дали посадничество Степану Твердиславичу, должность тысяцкаго Никитѣ Петриловичу, имѣніе Семена и Водовика раздѣлили по сотнямъ, а Князю Ростисла-

Акру, и противопоставилъ Наполеону Французскія пушки, направляемыя руками искусныхъ Французскихъ офицеровъ и Англійскихъ артиллеристовъ. Ободренный Сиднеемъ Смитомъ, Джеззаръ рѣшился защищаться на смерть. И безъ того страшные при оборонѣ крѣпостей, Турки были непобѣдимы.

Съ изнуреннымъ войскомъ, безъ осадной артиллеріи, безъ средствъ отрѣзать сообщенія крѣпости съ моря, безъ возможности прогнать Англичанъ, не смѣя обойдти Акры, и оставить за собою главное мѣсто соединенія силъ непріятельскихъ, Наполеонъ рѣшился довѣриться храбрости солдатъ, какъ довѣрялся ей столько разъ прежде. Сила должна была рѣшить, ибо искуство не могло здѣсь ничемъ пособить Наполеону. Вся артиллерія Французская состояла изъ огромной каронады, взятой въ Каиффѣ, 8 мортиръ, 4 пушекъ 12 фунт., и 30 пушекъ 4-хъ фунтовыхъ, и притомъ недоставало ни пороху, ни ядеръ. Въ ожиданіи сомнительнаго успѣха было обнародовано по Сиріи воззваніе Наполеона:

«Богъ благъ и милосердъ!»

«Извѣщаю васъ, что я пришелъ въ Палестину изгнать Мамелюковъ и войско Джеззара паши. И по какому праву, дѣйствительно, распространилъ Джеззаръ свои угнѣтенія на области Яффы, Рамлы и Газы, не принадлежащія къ его пашалыку? По какому также праву послалъ онъ войска въ Эль-Аришъ? Онъ вызвалъ меня на войну, и я несу ему войну, но не вамъ, мирные жители, готовлю я ужасы ея. Остань-

тесь спокойны въ своихъ жилищахъ, и если кто отъ страха оставилъ ихъ, да возвратится въ домъ свой. Каждый, да владѣетъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣлъ. Желаю, да продолжатъ суда, по обыкновенію, обязанность свою отправлять правосудіе, и особенно, да будетъ покровительствуема и почтена вѣра ваша, и мечети по прежнему посѣщаемы всѣми добрыми мусульманами. Богъ, источникъ всѣхъ благъ, даетъ побѣду. Благо вамъ узнать, что всѣ усилія человѣческія тщетны передо мною, ибо все, что я предпріемлю, должно увѣнчаться успѣхомъ. Процвѣтутъ тѣ, кто объявитъ себя другомъ моимъ, и погибнутъ тѣ, кто объявитъ себя врагомъ моимъ! Событія въ Яффѣ и Газѣ должны научить васъ, что если я страшенъ врагамъ моимъ, я благъ къ моимъ друзьямъ, и особенно добръ и снисходителенъ къ бѣдному народу.»

Вмѣсто покорности, толпы Мамелюковъ, Турковъ, Арабовъ, и даже Друзовъ, собрались отвсюду. Наполеонъ обезопасилъ себя отъ ихъ нападенія, отрядивъ Клебера, съ 3000-мъ корпусомъ, къ сторонѣ Іерусалима, и Апрѣля 20-го началъ пальбу по Акрѣ; 25-го сдѣлана была брешь, пошли на приступъ, и увидѣли второй валъ и ровъ. Приступъ былъ невозможенъ. Началась осада. «Жребій Востока заключенъ въ этомъ городишкѣ (bicoque),» говорилъ Наполеонъ, стоя на холмѣ, до сихъ поръ называемомъ холмомъ Ричарда Львинаго Сердца. «Мы возмемъ его, и Дамаскъ нашъ, и Востокъ нашъ!»

До половины Апрѣля продолжалась осада. Фран-

цузы ходили на приступы, и — безуспѣшно. Между тѣмъ 15,000 пѣхоты и 12,000 конницы, отборныхъ войскъ непріятельскихъ, готовы были ударить на Наполеона, укрѣпясь въ лагерѣ близъ горы Ѳаворской, предводимые Абдаллою, пашею Даманскимъ. Жюно бился съ ними близъ Назарета, и отступилъ. Клеберъ думалъ застать ихъ въ расплохъ въ Ѳаворскомъ лагерѣ, но былъ встрѣченъ и окруженъ ими. Груды тѣлъ обложили его каре, но бой долженъ былъ кончиться гибелью слабаго отряда Клеберова. Наполеонъ не дремалъ. Онъ слышалъ объ опасности, и уже поспѣшно велъ солдатъ въ двухъ кареяхъ. Неожиданный ударъ его ужаснулъ и разсѣялъ непріятеля. Турецкій лагерь, три бунчука, обозъ и 400 верблюдовъ достались побѣдителямъ. Толпы непріятелей разбѣжались безъ битвы, и вся сборная армія, которую Турки называли «безчисленною, какъ звѣзды небесныя и песокъ морской,» была уничтожена. Устрашая бунтовщиковъ Сирійскихъ, Наполеонъ велѣлъ выжечь и истребить всѣ возмутившіяся селенія.

Но побѣда не повела ни къ чему, и тщетно ожидали успѣха подъ Акрою, напрасно истощая всевозможныя усилія искуства и храбрости. Нѣсколько пушекъ и мортиръ получено было изъ Египта. Недостатокъ ядеръ замѣняли собираемыми на берегу Англійскими, ибо Сидней Смитъ безпрестанно обстрѣливалъ берегъ, хотя и причинялъ тѣмъ мало вреда. Солдатамъ платили за каждое ядро по 5 су, и они забавлялись подбираньемъ Англійскихъ ядеръ.

Порохъ найденъ въ изобиліи послѣ Оаворской битвы въ Турецкомъ лагерѣ. Но Акра была неприступна. Гарнизонъ ея, безпрерывно возобновляемый, усилился до 20,000 прибытіемъ новыхъ войскъ; въ числѣ ихъ были регулярные полки Турецкіе, когда потеря каждаго человѣка была невознаградима осаждавшимъ. Храбрый Каффарелли умеръ отъ жестокой раны; Ланнъ, Дюрокъ, Мюратъ были ранены; Майлье, Ложье убиты. Бомбу разорвало подлѣ Наполеона. Онъ не двинулся съ мѣста. Гренадеръ Дюмениль бросился къ нему, заслонилъ его собою, и оба уцѣлѣли при разрывѣ бомбы (въ 1809 г. Дюмениль былъ уже генераломъ, и лишился ноги подъ Бородинымъ). Битвы съ обѣихъ сторонъ доходили до неистоваго ожесточенія. Въ крѣпости свирѣпствовала язва. Она была занесена въ лагерь осаждающихъ, и губила храбрыхъ. Желая увѣрить, что страшная болѣзнь сія была не язва, Наполеонъ посѣщалъ госпитали, и прикасался къ больнымъ, утѣшая и ободряя ихъ. На прокламацію Наполеона, призывавшую къ союзу Друзовъ, Сидней Смитъ отвѣчалъ также призваніемъ ихъ, называя Наполеона «безсовѣстнымъ ренегатомъ.» Наполеонъ отвѣчалъ ему извѣщеніемъ, что Англійскій коммодоръ сумасшедшій. Взбѣшенный Сидней Смитъ послалъ Наполеону вызовъ на дуэль, и получилъ въ отвѣтъ, что Французскій полководецъ принялъ бы вызовъ отъ Марлборуга, но драться съ бѣглецомъ изъ Тампля пошлетъ какого нибудь своего гренадера.

До 10-го Мая уже *семь* разъ ходили на приступъ, и семь разъ отбивали непріятельскія вылазки. Мая 10-го утромъ былъ учиненъ еще приступъ. Французы вторглись въ городъ. Джеззаръ и Смитъ бросились въ битву на ряду съ другими. Удачнымъ отступленіемъ увлекли Французовъ, и отрѣзали ихъ отъ стѣны и помощи, когда вылазка заняла осаждавшихъ. Наполеонъ кинулся въ ряды сражавшихся. Турковъ прогнали, ворвались снова въ городъ, и освободили храбрыхъ, которые отчаянно защищались, затворившись въ мечети. Кровопролитная битва долго кипѣла въ полуразрушенной старинной башнѣ. Пушки, кинжалы и многолюдство Турковъ заставили отступить. Задумчиво возвратился въ ставку свою Наполеонъ, гдѣ окружили его Клеберъ и другіе генералы. Клеберъ смѣялся и говорилъ, что «они дерутся теперь, какъ Турки, а Турки, какъ христіане.» — «Да,» вскричалъ Наполеонъ, «чувствую сколько людей и времени отнялъ у меня этотъ дрянной городишка, но мы должны сдѣлать еще разъ усиліе! Если успѣю,» продолжалъ онъ съ жаромъ, «я найду въ Акрѣ на 300,000 человѣкъ запасовъ, подниму всю Сирію, возму Дамаскъ и Алепъ, стану у Царьграда со ста тысячами, и черезъ Адріанополь и Вѣну возвращусь въ Парижъ! Если опять неудача — тотчасъ назадъ. Время не терпитъ — въ половинѣ Іюня Турки явятся въ Египетъ. Отсюда они не придутъ: все въ развалины за нами — не оставлять слѣда жилищъ!»

Приступъ былъ ночью — ужасный, но безуспѣшный. Мая 20-го началось отступленіе, послѣ отраженія двухъ вылазокъ. Непріятель долго не вѣрилъ неожиданному событію, и не смѣлъ преслѣдовать Французовъ, тѣмъ болѣе, что стараясь истребить всю къ тому возможность, Наполеонъ выжегъ селенія и разрушилъ всѣ средства сообщеній. Осадную артиллерію бросили въ море. При выступленіи изъ Яффы, кромѣ 1300 раненыхъ, оставалось до 50 зараженныхъ язвою, безъ всякой надежды на исцѣленіе. Везти ихъ съ собою, значило безполезно губить армію. Положено было оставить ихъ. Посовѣтовавшись съ врачами, Наполеонъ велѣлъ безнадежнымъ раненымъ и зараженнымъ дать большіе пріемы опіума, которые въ безпамятствѣ свели бы ихъ въ могилу. «Мое ремесло лечить, а не убивать!» отвѣчалъ ему докторъ Дежепеттъ. «Я самъ принялъ бы опіуму, еслибы заразился,» отвѣчалъ Наполеонъ. «Если смерть неизбѣжна, для чего не усладить ея страданія забвеніемъ въ послѣднюю минуту?» Приказъ его былъ исполненъ. Клевета провозгласила въ послѣдствіи, что Наполеонъ оставилъ въ Яффѣ *до 1500 больныхъ и раненыхъ*, не имѣя средствъ везти ихъ, и спасая отъ гибели и мученій подъ кинжалами раздраженныхъ музульманъ, велѣлъ ихъ *отравить*.... Всѣ больные были увезены въ Египетъ, кромѣ умиравшихъ отъ язвы и ранъ, и совершенно безнадежныхъ; такихъ оставлено было въ Яффѣ не болѣе тридцати, и имъ дали, не яду, но опіуму.

Въ половинѣ Іюня возвратилось Французское войско въ Каиръ. Походъ Сирійскій стоилъ до 4,000 убитыми, умершими отъ ранъ, и погибшими отъ болѣзней и язвы. Скрывая неудачи, Наполеонъ говорилъ великолѣпными прокламаціями о взятыхъ городахъ, о великой битвѣ Оаворской. Все повиновалось ему въ Египтѣ. Всѣ безмолствовали передъ нимъ. Дезе прогналъ Муратъ-бея за Нильскіе водопады, разбивая его безпрестанно, и занимая города и селенія. Въ одномъ изъ древнихъ Египетскихъ храмовъ, на островѣ Филе, горделиво начерталъ Дезе имена, свое и своихъ спутниковъ, Даву, Фріана, Бельяра, Данзело и Латурнёра. Одинъ изъ отрядовъ его занялъ Коссеирскій портъ на Чермномъ морѣ. Ланюссъ уничтожилъ возмущеніе эмира - гаджи въ Шаркіесѣ. Также легко усмирено возстаніе въ Дамангурѣ, гдѣ явился изувѣръ, называвшій себя *ангеломъ Эльмоди*, посланнымъ уничтожить невѣрныхъ. Пощады мятежникамъ не было. Только милость и правосудіе съ одной стороны, и съ другой строгость неумолимая, могли удерживать въ повиновеніи.

Но грустно спрашивалъ самого себя Наполеонъ: къ чему поведетъ дальнѣйшее пребываніе въ Египтѣ, и не должно ли оно кончиться гибелью? Такова была общая мысль. Еще любовь къ нему, примѣръ его и строгость, удерживали привязанность и повиновеніе войска, но уже онъ замѣчалъ уныніе солдатъ и нетерпѣніе офицеровъ. Самые вѣрные сподвижники осмѣливались тайно роптать, просили отпуска, спо-

рили. Только волшебный взоръ Наполеона останавливалъ, увлекалъ, заставлялъ раскаяваться. Всего чаще ссорился съ нимъ Клеберъ, и каждый разъ со слезами просилъ у него прощенія. Бертье явился къ Наполеону требовать отпуска. «Бертье! ты хочешь просить отпуска?» ласково спросилъ его Наполеонъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ въ замѣшательствѣ Бертье, и удалился, не имѣя силъ сказать слова.

Новая опасность заставила всѣхъ забыть неудовольствія, и новый подвигъ Наполеона возбудилъ общее удивленіе къ его генію.

Отступленіе отъ Акры приписывали уму и храбрости Сиднея Смита. Султанъ прислалъ ему богатые подарки. Король Англійскій позволилъ ему принять въ гербъ надпись: *Львиное Сердце.* (*) Джеззаръ оскорбился, что объ немъ не думали, и отказался отъ сбора войскъ для завоеванія Египта. Великій Визирь прибылъ въ Акру, думалъ принудить его, и едва спасся посредствомъ Сиднея Смита. Джеззаръ страшно мстилъ племенамъ Друзовъ, и болѣе прежняго утвердилъ свою независимость въ Сиріи, презирая титулъ Египетскаго паши. Оставалось дѣй-

---

(*) Фелиппо умеръ отъ чумы въ Акрѣ. Тромеленъ возвратился въ послѣдствіи во Францію. Наполеонъ принялъ его въ службу полковникомъ, и смѣясь просилъ «стараться сдѣлать врагамъ его столько же зла, сколько сдѣлалъ онъ ему въ Акрѣ.» Воспоминаніе объ Акрѣ было всегда непріятно Наполеону. Онъ говорилъ о Сиднеѣ Смитѣ, съ досадою: Cet homme m'a fait manquer ma fortune, когда уже былъ императоромъ.

ствовать Турецкими силами, собранными въ Родосѣ и Сиріи. Сидней Смитъ заботился о перевозѣ ихъ въ Египетъ. Мѣстомъ высадки назначили Абукиръ. Извѣстіе о высадкѣ подтвердилось повсюднымъ движеніемъ Арабовъ и Мамелюковъ. Ибрагимъ-бей явился у Эль-Ариша, Эльфи и Османъ-бей между Ниломъ и Чермнымъ моремъ, Муратъ-Бей влѣво отъ Каира.

Немедленно велѣно было генералу Лагранжу идти на Османъ-бея, Мюрату на Муратъ-бея, а Клеберу и Ренье спѣшить къ Александріи, и туда же поспѣшно двинуть отряды Дезе изъ верхняго Египта. По городамъ оставлены слабые гарнизоны. Наполеонъ всего болѣе опасался, что въ высадкѣ будутъ участвовать Англійскія войска. Лагранжъ удачно напалъ на лагерь Османа и Элфи-беевъ, 10-го Іюля. Османъ былъ убитъ. Элфи бѣжалъ въ Нубію. Лагерь и обозъ достались Французамъ. Не менѣе успѣшна была схватка Мюрата съ Муратъ-беемъ, бѣжавшимъ послѣ разбитія въ степи. Въ Романіесѣ, 19-го Іюля, перейдя съ Ланномъ, Бономъ и Мюратомъ 40 льё въ четыре дня, Наполеонъ узналъ о дѣйствіяхъ высадки. Турки, сопровождаемые Сиднеемъ Смитомъ, на 150 транспортахъ, пристали къ полуострову, простирающемуся отъ Абукира до Александріи, овладѣли редутомъ и селеніемъ Абукирскимъ, и окопались рвами и валами. Ихъ было до 18,000, при сильной артиллеріи, подъ начальствомъ Мустафы-паши. Англійскіе артиллеристы находились при вой-

скѣ. Мармонтъ, коммендантъ Александріи, допустившій оплошностію своею высадку и потерю редута, ободрилъ еще болѣе Турковъ тѣмъ, что двинулся противъ нихъ, но не смѣлъ сразиться и отступилъ. Наполеонъ успѣлъ извлечь выгоду изъ самыхъ ошибокъ. Не дожидаясь прихода другихъ своихъ войскъ, и имѣя до 6000, съ Мюратомъ, Ланномъ и Бономъ, онъ рѣшился смѣло аттаковать Турковъ, обезпеченныхъ новыми укрѣпленіями, построенными впереди редута и селенія Абукира. Аттака Мюрата и ударъ пѣхоты заставили Турковъ бѣжать. Тѣмъ упорнѣе завязалась битва въ редутѣ. Янычары дрались кинжалами и отбили нападавшихъ. Французы отступили. Турки бросились на поле сраженія, рѣзать уши и головы непріятелей. Тогда усиленный ударъ смялъ толпы ихъ, и битва смѣнилась побоищемъ. Болѣе 12,000 Турковъ погибло въ морѣ, куда сбросили ихъ Французы; болѣе 3000 пало въ битвѣ; остальные сдались. Мюратъ самъ сражался съ Мустафою-пашею, и своими руками захватилъ его въ плѣнъ. Представленный Наполеону, Мустафа былъ гордъ и угрюмъ. «Я засвидѣтельствую передъ Султаномъ о твоей храбрости,» сказалъ ему Наполеонъ. «Султанъ знаетъ безъ тебя, что я не трусъ,» отвѣчалъ Мустафа. Сидней Смитъ велѣлъ поздравить Наполеона съ побѣдою, когда предложено ему было размѣнять плѣнныхъ. «Général!» воскликнулъ Клеберъ, обнимая Наполеона, «vous êtes grand comme le monde (генералъ! ты великъ, какъ міръ)!

Сидней Смитъ, ненавидя Наполеона, восхищался умомъ и дѣлами его, и въ знакъ уваженія, послалъ къ нему вина и фруктовъ. Посланный на Англійскій флотъ для переговоровъ о плѣнникахъ, спрашивалъ у Сиднея Смита о дѣлахъ въ Европѣ, говоря, что уже около года они не имѣютъ никакихъ извѣстій. Вмѣсто отвѣта, Смитъ вручилъ ему кипу Итальянскихъ газетъ. Жадно схватилъ ее Наполеонъ, не спалъ всю ночь послѣ битвы, и къ утру рѣшеніе его было опредѣлено: *онъ оставлялъ Египетъ.* Огромныя событія, вовсе ему неизвѣстныя, узналъ Наполеонъ. Безразсудство правителей Франціи, умъ Питта, отсутствіе Наполеона, и измѣненія Европейской политики довели къ такимъ дѣламъ, коихъ прежде невозможно было предвидѣть. Война страшно кипѣла въ Европѣ. Франція была на краю гибели, и — Наполеонъ ничего не зналъ!

Мы говорили, что въ то время, когда дипломатика путала узлы свои на Раштадтскомъ конгрессѣ, дерзость Франціи снова возстановляла противъ нея союзъ государей Европы, не видѣвшихъ предѣла разрушительному наводненію силъ республики и мнѣній революціонныхъ. Директорія не хотѣла остановиться въ своихъ безразсудныхъ распоряженіяхъ, и ознаменовывала притомъ всѣ дѣла свои, не только смѣлою политикою, которую можно еще было простить — постыдное своекорыстіе увлекало правителей Франціи въ нелѣпыя противорѣчія дѣлъ и словъ. Такъ, продолжая революцію въ Нидерландахъ, послѣ переворо-

та Января 22-го, Директорія неожиданно отмѣнила свое рѣшеніе, когда генералъ Дендельсъ пріѣхалъ въ Парижъ, и деньгами купилъ ея согласіе возстановить прежнюю, областную Нидерландскую конституцію. Какъ прежде демагогамъ, такъ теперь Дендельсу помогли штыками разогнать народныя собранія, подтверждая общее мнѣніе о непрочности всѣхъ революціонныхъ постановленій, и о томъ, что насиліе было единственнымъ средствомъ всѣхъ дѣлъ, и своекорыстіе правителей Франціи, а не благо народовъ, ихъ цѣлью. Несчастная мысль составить изъ Швейцаріи единую и нераздѣлимую республику, вопреки желаніямъ жителей, была источникомъ неистощимыхъ бѣдствій. Горы и долины Швейцарскія являли позорища битвъ и междоусобій, и за каждымъ слѣдовало кровавое возмездіе Французовъ той партіи, которая не покупала золотомъ дружбы Директоріи. Договоромъ съ Франціею Гельветическая республика уступила наконецъ Франціи всѣ заграбленныя деньги и артиллерію, обязываясь выставлять участокъ вспомогательныхъ войскъ. Но и послѣ того Французскія войска остались въ Швейцаріи, а Леманская республика, Женева и Мюльгаузенъ были присоединены къ Франціи. За тѣмъ слѣдовали грабежи и хищенія въ Италіи. И въ то же время совершилось нападеніе Наполеона на Египетъ и занятіе имъ Мальты.

Какъ будто нарочно допуская Францію дать наиболѣе поводовъ къ разрыву мира, Австрія уклонялась отъ окончанія переговоровъ, но не изъявляла от-

крытой непріязни, хотя приготовленіе войскъ и новые союзы Императора показывали близость войны. Мы говорили о новомъ дѣятельномъ противникѣ Франціи, императорѣ Павлѣ. Совершенно измѣнивши прежнюю политику Екатерины, медленную, нерѣшительную, ограниченную только дипломатическими протестами и угрозами, императоръ Павелъ, принявъ званіе гросмейстера Мальтійскихъ рыцарей, поднесенное ему депутатами ордена, послѣ завоеванія Мальты Французами, и отреченія Гомпеша, заключая союзъ съ Турціею, отправляя свой флотъ въ Архипелагъ, предложилъ Австріи, Пруссіи и Неаполю, угрожаемому нападеніемъ Французовъ, союзъ и помощь, съ тѣмъ, что война должна продолжиться, доколѣ Бурбонамъ не возвратятъ трона, не введутъ Францію въ прежніе предѣлы ея, и не возстановятъ порядка дѣлъ въ Европѣ. Англія дѣлалась послѣ сего естественнымъ союзникомъ Россіи. Слѣдствіемъ, кромѣ трактата Россіи съ Турціею, были трактаты Россіи и Англіи съ Неаполитанскимъ Королемъ, Россіи съ Португаліею и Англіею, договоръ Россіи о пособіи войсками Неаполю и Австріи, другой объ освобожденіи Италіи, Швейцаріи, Голландіи, и объявленіе непріязни Даніи и Испаніи, какъ союзницамъ Французской республики. Людовику XVIII-му, жившему въ Митавѣ, повелѣно отдавать всѣ надлежащія королю почести. Съ соизволенія императора Павла, въ Іюнѣ 1799 г., совершено было въ Митавѣ бракосочетаніе дочери Людовика XVI-го съ сыномъ графа д'Артуа,

Герцогомъ Ангулемскимъ. Множество Французовъ поступило въ Русскую службу. Корпусъ эмигрантовъ, подъ начальствомъ Принца Конде, былъ призванъ изъ Германіи въ Россію, преобразованъ на счетъ Русскаго правительства, и присоединился къ Русскому корпусу, вступившему въ Австрію, когда Ушаковъ началъ завоеванія въ Адріатическомъ морѣ. Русскія войска, соединенно съ Неаполитанскими, должны были идти на Римъ, а другой корпусъ Русскій, съ Англичанами, сдѣлать высадку въ Голландію.

Чтожь дѣлали правители Франціи, видя столь страшное сближеніе грозы? Какъ въ 1793 году, они сами горделиво вызывали на бой Европу, требовали отчета въ поступкахъ Императора Австрійскаго, объявляли, что вступленіе Рускихъ въ Германію примутъ за объявленіе войны, мечтали о высадкѣ въ Ирландію, и забывая объ участи Египетской экспедиціи, сдвигали войска на Рейнъ. Вся, столь грозно возвѣщаемая высадка въ Англію ограничилась посылкою 1500 войска въ Ирландію, гдѣ, отданные на жертву непріятелю, они сдались Англичанамъ послѣ храброй защиты, а Ирландія предана была мщенію Англичанъ, и проклинала вѣроломную свою союзницу. Только одно совершено было успѣшно — удержаніе неутралитета Пруссіи, и здѣсь честь принадлежала Сіейсу, посланному въ Берлинъ. Въ тайныхъ переговорахъ онъ обѣщалъ немедленный переворотъ во Франціи, и предлагалъ Французскій престолъ Прус-

скому принцу. Посылать Талейрана въ Царьградъ даже и не подумали.

Новая война уже начиналась на материкѣ Европы. Надѣясь на подкрѣпленіе Австріи, ободренный присутствіемъ Нельсона и присылкою изъ Вѣны генерала Макка, считавшагося великимъ стратегикомъ, Неаполь первый двинулъ войска, занялъ Римъ и объявилъ Римскую республику уничтоженною. Директорія велѣла Шампіонету немедленно идти въ Неаполь. Отвага Шампіонета и неспособность Макка скоро рѣшили дѣло. Торжественно вступивши въ Римъ въ Ноябрѣ 1798 г., въ Декабрѣ Король Неаполитанскій бѣжалъ въ Сицилію, и въ Январѣ 1799 г. Шампіонетъ занялъ Неаполь, объявилъ званіе короля уничтоженнымъ, и Неаполь образовалъ новую, союзную съ Франціею, *Партенопейскую республику*.

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, былъ предлогъ, ибо Неаполь самъ началъ войну, но гораздо безразсуднѣе и наглѣе поступила Франція съ Піемонтомъ. Подъ предлогомъ несогласій съ Генуею, Французы заняли Туринъ, и въ Декабрѣ принудили Сардинскаго Короля подписать уступку Франціи всѣхъ земель на Итальянскомъ материкѣ, оставляя себѣ во владѣніе только островъ Сардинію. Піемонтъ объявленъ Французскою областью. Французы заняли Тоскану, и увлекли дряхлаго Папу во Францію.

И между тѣмъ, правительство поступавшее столь смѣло, было терзаемо внутренними смятеніями, удаляло отъ себя приверженцовъ, усиливало ненависть

противниковъ, не только позволяло, даже поощряло грабежи и притѣсненія повсюду, гдѣ провозглашало республику, свободу и равенство, дѣлилось добычею съ хищниками, видѣло явное неповиновеніе своихъ генераловъ, не смѣло наказывать ихъ, навлекало общее презрѣніе, и дѣлалось предметомъ насмѣшки. Шампіонетъ прогналъ изъ Неаполя коммиссаровъ республики. Брюнъ выгналъ чиновниковъ, присланныхъ къ нему изъ Милана. Оба генерала были за то смѣнены, но оскорбляясь своевольною смѣною товарищей, Жубертъ и Бернадоттъ отказались отъ службы. Часъ расплаты за всѣ безразсудства, за весь позоръ Франціи, наставалъ. Европа бралась за оружіе. Пока Турція устремляла усилія противъ Египта, Англичане и Рускіе готовились на высадки въ Неаполь и Голландію, а два корпуса Русскіе спѣшили въ Италію и Швейцарію, когда на Рейнъ сдвигались двѣ арміи Австрійцовъ, кромѣ третьей, которой назначали соединиться съ Рускими на Адижѣ. На Рейнѣ принималъ начальство эрцъ-герцогъ Карлъ. Въ Италію призванъ былъ волею двухъ Императоровъ престарѣлый фельдмаршалъ Русскій Суворовъ. Франція должна была охранять берега свои, содержать армію въ Неаполѣ и Римѣ, защищать Нидерланды, Рейнъ, Швейцарію, Италію. Ни денегъ, ни войска недоставало. Не знали кому поручить начальство, и принуждены были мириться съ оскорбленными генералами, поручая Брюну защиту Голландіи, Бернадотту армію нижне-Рейнскую, Журдану верхне-Рейнскую,

Массенѣ Гельветическую, Шереру и Моро Итальянскую, Макдональду Неаполитанскую, и Шампіонету резервную на югѣ Франціи. При начавшихся громахъ оружія разрушился Раштадтскій конгрессъ, окровавленный вѣроломнымъ убійствомъ Французскихъ пословъ, и въ одно время услышали въ Парижѣ о пораженіи Французскихъ войскъ на Рейнѣ и на Адижѣ.

Но битвы при Веронѣ и Маньяно, гдѣ Край разбилъ Шерера, и при Штоккахѣ, гдѣ эрцъ-герцогъ Карлъ поразилъ Журдана, были только началомъ бѣдствій. Не смотря на частные успѣхи Массены въ Швейцаріи, Суворовъ пошелъ громоносным побѣдителемъ по тѣмъ полямъ, гдѣ за три года прежде побѣда вѣнчала труды и подвиги Наполеона. Въ безпорядкѣ отступилъ за Адду Моро, принявшій начальство вмѣсто Шерера, отдалъ побѣдителю Миланъ и Туринъ, и былъ стѣсненъ въ Апеннинскихъ горахъ. Такихъ бѣдствій не могли вознаградить слабые успѣхи Массены въ Швейцаріи. Велѣно спѣшить изъ Неаполя Макдональду. Ожидали побѣдъ, обрадовались, когда Макдональдъ, почти безъ боя, занялъ Тоскану, но Суворовъ встрѣтилъ его на берегахъ Требіи, и пока Моро старался соединиться съ Макдональдомъ, въ трехъ-дневномъ бою было разбито Французское войско. Бѣдные остатки его укрылись въ Апеннинахъ, гдѣ Жубертъ смѣнилъ Моро. Осмѣлившись выступить противъ Русскаго вождя, новый главнокомандующій палъ въ кровопролитной битвѣ близъ Нови,

доказывая своею гибелью, что храбрые товарищи Наполеона не могли замѣнить его.

Слѣдствія побѣдъ Суворова были безмѣрны. Ими были уничтожены всѣ созданныя Франціею Итальянскія республики. Герцогъ Тосканскій и Король Неаполитанскій возвратились въ свои столицы. Въ Римѣ возстановлено Папское правленіе. Суворовъ звалъ Сардинскаго Короля въ Туринъ. Всюду возставалъ народъ, уничтожая знаки Французскаго владычества. Мантуя и Анкона были покорены. Шампіонетъ, замѣнившій Жуберта, съ остатками войскъ едва держался у Генуи и на Ривіерѣ ди-Попенте. Суворовъ готовился вступить во Францію и идти прямо къ Парижу. Ушаковъ отнялъ Іоническіе острова; Нельсонъ осадилъ Мальту и занялъ Минорку; Корсаковъ вступилъ въ Цюрихъ, и половина Швейцаріи находилась во власти союзниковъ. Граница Рейнская была открыта. Въ Голландіи ждали Англичанъ и Русскихъ, и новыя силы кромѣ того готовились въ Россіи и Австріи. Неутралитетъ Пруссіи начиналъ колебаться. Германскіе властители приступали къ союзу.

Франція видѣла вновь наступленіе тяжкихъ временъ 1793 года. Уже оживали возмутители Вандеи, и волновались южныя области. Противники правительства открыли народные клубы, и ропотъ народа соединялся съ ихъ укоряющимъ голосомъ. Обвиненія падали на правительство и уничтожали его. Тщетно думали дополнить войска новымъ закономъ конскрипціи, по коему каждый 20-ти лѣтній посту-

палъ въ военную службу — не было денегъ, не было оружія. Директорія хотѣла защитить себя выборомъ Сіейса, на мѣсто Ревбеля, затворила клубы, возобновила законъ о заложникахъ, но она забыла, что царство Ужаса прошло безвозвратно. Мѣры ея назвали тиранствомъ. Сіейсъ, Талейранъ (смѣненный съ его министерства), Бернадоттъ (возведенный въ званіе военнаго министра, и вскорѣ смѣненный), Журданъ, лишенный начальства, и поступившій въ Пяти-сотный Совѣтъ, гдѣ членомъ былъ Іосифъ Бонапарте, и предсѣдателемъ Луціанъ Бонапарте, составили сильную оппозицію, и принудили просить объ увольненіи директоровъ Ларевейльера и Мерлена. На мѣста ихъ избрали Рожера Дюко, стараго Жирондиста, Мулена, плохаго генерала, и Гойе, бездарнаго адвоката. Они сдѣлались безсильнымъ орудіемъ интригъ Сіейса. Политическій мечтатель, давно готовившій новую конституцію, Сіейсъ не скрывалъ необходимости полнаго переворота въ правленіи Франціи; сообщники его соглашались съ нимъ. Но кто могъ совершить сей переворотъ, при упадкѣ Франціи, волненіи народа, раздорѣ партій, когда враги со всѣхъ сторонъ угрожали республикѣ, и всѣ прежнія побѣды были погублены? «Господа!» говорилъ Сіейсъ, «намъ надобны не *слова:* надобны *голова* и *мечъ!*» Понимали, что «голову» находилъ онъ на своихъ плечахъ, увѣренный въ своей государственной мудрости; но чей «мечъ» долженъ былъ охранить его премудрую голову?

И взоры всѣхъ обращались къ отдаленнымъ бе-

регамъ Нила, гдѣ баснословными подвигами славилъ себя бывшій покоритель Италіи. Голоса всѣхъ произносили имя одного — имя *Бонапарте*. «Гдѣ Бонапарте?» говорили люди всѣхъ партій. Одни пересказывали преувеличенныя извѣстія объ его побѣдахъ, объ его походахъ въ Индію, Эѳіопію, Царьградъ. Другіе представляли его жертвою низкой интриги, корыстной зависти правительства и товарищей, кричали о тридцати пяти тысячахъ отборнаго войска, съ лучшими генералами, заброшеннаго въ пески Египта, когда Франціи грозила гибель.....

Таковы были событія, которыя узналъ, и такова была сущность, которую проникъ въ нихъ орлиный взоръ Наполеона, въ рѣшительную ночь послѣ Абукирской битвы, гдѣ отмщенъ былъ непріятелю позоръ Французскаго флота.

«Я предчувствовалъ, что они погубятъ Францію!» восклицалъ Наполеонъ, прерывая чтеніе, и мрачно ходя въ своей палаткѣ. Уже не одно желаніе славы и почестей, но сознаніе, что его вызываетъ судьба на великое дѣло спасенія Франціи, влекло его въ Европу. Безграничная будущность разстилалась передъ нимъ, какъ то море, на берегу коего стоялъ онъ, простирая жадные взоры въ Европу. Рѣшено; онъ поспѣшитъ туда, въ Европу, въ Парижъ, въ битвы. Онъ не имѣлъ позволенія правителей возвратиться, но кто осмѣлится потребовать у него отчета, если онъ тамъ явится? Если онъ погибнетъ — для чего отчетъ? Чего еще онъ могъ ожидать въ Египи-

тѣ? Нѣсколькихъ побѣдъ и вѣрной погибели, смерти въ безплодной битвѣ, или приказа воротиться во Францію, подписаннаго тѣмъ властителемъ, котораго возведетъ на престолъ Французскій мечь непріятеля? Горестное чувство стѣсняло душу Наполеона при мысли, что онъ предастъ безвѣстному жребію нѣсколько тысячь ратныхъ товарищей своихъ, увлеченныхъ его именемъ изъ отчизны, съ такою безотчетною довѣренностью, что они даже не спрашивали, куда велъ онъ ихъ. Но самое спасеніе ихъ не зависѣло ли отъ возвращенія Наполеона въ Европу? Они — и Франція, Египетъ — и Европа: оставалось ли сомнѣніе?

Скрывая тайну свою, Наполеонъ ничего не сказалъ объ извѣстіяхъ изъ Европы, спокойно возвратился въ Каиръ, провелъ нѣсколько дней въ распоряженіяхъ, и снова отправился въ Александрію, когда узналъ, что Сидней Смитъ, съ остатками Турецкаго войска и флотомъ, удалился. Ланнъ, Мюратъ, Андреосси, Бертье сопровождали его, и при немъ были Монжъ, Бертолле и Денонъ. Мену и Клеберу также велѣно слѣдовать въ Александрію. На другой день по прибытіи, не дожидаясь Клебера, Наполеонъ выѣхалъ изъ Александріи, и остановился на берегу небольшой бухты, гдѣ уже были готовы двѣ шлюпки. Вдали виднѣлись на рейдѣ два фрегата и два небольшія судна. Наполеонъ обратился къ своимъ товарищамъ, и какъ изумленъ былъ Мену приказомъ Наполеона, по случаю отъѣзда главнокомандующаго,

принять, вмѣстѣ съ Клеберомъ, начальство надъ Египетскою арміею. Ланнъ, Мюратъ, Андреосси, Бертье, Мармонтъ и Бессіеръ получили повелѣніе слѣдовать за Наполеономъ во Францію. Такое же приказаніе объявлено Монжу, Бертолле и Денону. «Генералъ! вы ѣдете во Францію?» воскликнулъ Мену. «Да, я ѣду во Францію,» отвѣчалъ Наполеонъ, и никто не смѣлъ возражать, даже сказать одно слово. Шлюпки поплыли къ кораблямъ, ожидавшимъ ихъ: то были фрегаты *Мюиронъ* и *Карреръ*, и двѣ шебеки, *Возмездіе* и *Счастіе*, за нѣсколько дней тайно приготовленные къ отплытію контръ-адмираломъ Гантомомъ. Вскорѣ удалились суда отъ береговъ, сопровождаемые печальными взорами тѣхъ, кто оставался на враждебныхъ берегахъ Египта. Утлой ладьѣ ввѣрялъ свою участь новый Цезарь, готовый воскликнуть робѣющему кормщику: «Чего страшиться? Ты везешь Цезаря!» — «Это было одно изъ «тѣхъ безразсудствъ, коими геній искушаетъ судьбу, «и послѣ коихъ пріобрѣтаетъ онъ ту безграничную «къ самому себѣ довѣренность, которая ведетъ къ «величію и паденію.»

Здѣсь кончился Египетскій походъ Наполеона, начатой съ такими обширными надеждами, и разрушенный безразсудствомъ правителей Франціи, новымъ союзомъ Европейскихъ государей, гибелью Французскаго флота при Абукирѣ, неудачею Наполеона подъ Акрою, подвигами Суворова, Нельсона и Сиднея Смита. Ознаменованный блестящими собы-

шивать упреки Нѣмецкихъ духовныхъ: это ему наскучило наконецъ, и онъ въ другой разъ выѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ снова Псковичами. Избавившись отъ Владиміра, Нѣмцы захотѣли избавиться и отъ другаго Русскаго Князя, остававшагося въ Ливоніи, хотя въ качествѣ подручника епископскаго—Князя Всеволода Герсикскаго. Кокенгаузенскіе (Кукейноскіе) рыцари начали обвинять его въ томъ, что онъ не является къ епископу, своему отцу и господину, держитъ совѣтъ съ Литвою, подаетъ ей помощь во всякое время. Нѣсколько разъ требовали они его къ отвѣту, Всеволодъ не являлся; тогда рыцари, по согласію съ епископомъ, подступили нечаянно къ городу, взяли его хитростію, ограбили жителей и ушли назадъ; это было въ 1214 году; въ слѣдующемъ 1215 Нѣмцы опять собрали войско и въ другой разъ овладѣли Герсикомъ, въ другой разъ опустошили его; но Всеволодъ уже успѣлъ послать къ Литовцамъ за помощію; тѣ явились, принудили Нѣмцевъ оставить городъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Такъ разсказываетъ древнѣйшій лѣтописецъ Ливонскій[440]; но въ позднѣйшихъ хроникахъ читаемъ иное, а именно, что Князь Всеволодъ былъ убитъ во время втораго нападенія Нѣмцевъ на его городъ, и послѣдній окончательно разрушенъ; о Литовской помощи не говорится ни слова[441], тогда какъ въ древнѣйшей лѣтописи подъ 1225 годомъ упоминается опять о Герсикскомъ Князѣ Всеволодѣ, который пріѣзжалъ въ Ригу видѣться съ Папскимъ легатомъ[442]. Какъ бы то нибыло, вѣрно одно, что Герсикъ раньше или позднѣе подпалъ власти Нѣмцевъ. Между тѣмъ Владиміру Псковскому удалось отомстить за свои обиды: въ 1217 году онъ отправился съ Новгородцами и Псковичами къ постоянной цѣли Русскихъ походовъ - къ Оденпе, и сталъ подъ городомъ. Чудь, по обычаю, начала слать съ поклономъ, но на этотъ разъ обманывала, потому что послала звать Нѣмцевъ на помощь; Новгородцы собрали вѣче поодаль отъ стану, и начали толковать съ Псковичами о предложеніяхъ Чуди, ночные сторожа сошли съ своихъ мѣстъ, а дневные еще не пришли къ нимъ на смѣну, какъ вдругъ нечаянно явились Нѣмцы и ворвались въ покинутыя палатки; Новгородцы побѣжали съ вѣча въ станъ, схватили оружіе и выбили Нѣмцевъ, которые побѣжали

Слухъ объ Англійской эскадрѣ, крейсирующей передъ Тулономъ, заставилъ Наполеона направлять плаваніе отъ Корсики правѣе, и уже вдали видны были берега Франціи, когда въ море забѣлѣлись паруса Англійскихъ кораблей. Гантомъ хотѣлъ воротиться въ Корсику. Наполеонъ велѣлъ править прямо къ берегу, и Октября 9-го, 1799 года, утромъ, близъ небольшаго залива Сенъ-Рифо, подлѣ Фрежюса, послѣ сорока-дневнаго плаванія, бросилъ якорь корабль, на которомъ былъ *человѣкъ судебъ*. Путешествіе его между Англійскими флотами на Средиземномъ морѣ казалось столь чудеснымъ, что многіе думали, будто Англичане тайно согласились пропустить Наполеона во Францію.

Здѣсь, даже и непріязненный историкъ Наполеона восклицаетъ въ удивленіи: «Онъ отправился съ сильнымъ флотомъ и побѣдоносною арміею, думая предписать законы древнему міру. Слѣдствія далеко не оправдали его намѣреній: армія осталась въ чужой землѣ, когда столь потребна была помощь ея отечеству; флотъ былъ уничтоженъ; главнокомандующій возвращался украдкою — почти одинъ. И между тѣмъ онъ былъ человѣкъ, избранный Провидѣніемъ произвесть перевороты и измѣненія, изумительныя, болѣе всѣхъ тѣхъ, которыя когда либо усиліями великихъ завоевателей были производимы на лицѣ земли.»

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.